

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,

можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ВВЕДЕНИЕ

Столица Франции богата памятниками.

Своим языком говорят они с поколениями, сменяющимися друг друга. У некоторых из них — это язык милитаризма, грубой военной силы, стремящейся увековечить своё господство, подчинить себе народы, увлечь их ложной славой завоевательных войн. Приземистая громада Триумфальной арки не только по своим тяжёлым архитектурным формам, но и по всему своему замыслу копирует арку императора Тита в Риме. Создатели этого памятника стремились прославить в помещённых здесь изображениях захватнические войны империи Наполеона I, пытавшегося подобно императорам древнего Рима покорить всю Европу, весь мир. Такова и увенчанная статуей Наполеона Вандомская колонна.

Но народы Европы, хранящие в своей памяти кровавую летопись наполеоновских войн, видят в ней историю деспотического гнёта, нёсшего им смерть, разрушения и потерю национальной независимости. Народы не с теми, кто хотел в бронзе и мраморе увековечить это зло.

Они — с борцами Парижской Коммуны 1871 г., руководители которой постановили разрушить Вандомскую колонну как «символ грубой силы и ложной славы», как прославление милитаризма и отрицание международного права. Коммунары повергли наземь изображение Бона-

парта и заявили, что этот день прославится в истории, так как он «знаменует наш разрыв с милитаризмом, этим кровавым отрицанием всяких прав человека».

Рабочее правительство в 1871 г. провозгласило, что памятники, которые воздвигнет Коммуна, будут прославлять не подобных деспотов и разбойников, а «запечатлеют в памяти потомства... славные завоевания в области науки, труда или в достижении свободы».

Чуждая духу буржуазного шовинизма Коммуна, заявляя, что её знамя — это знамя всемирной республики, демонстративно переименовала Вандомскую площадь в Международную.

Однако в Париже нет памятников ни вождям народных революционных масс XVIII в., ни бойцам июньского восстания 1848 г.

Но есть в Париже памятник, одно воспоминание о котором заставляет горячо биться сердца миллионов рабочих, трудящихся всего мира. Это — знаменитая стена Коммунаров на кладбище Пер-Лашез, где происходили расстрелы в последние дни кровавой майской недели 1871 г.

Каждый год в день 25 мая стекаются к этой стене колонны рабочих, и алые цветы, словно кровь коммунаров, зовут в бой за национальную свободу, за жизненные права трудящихся, против наследников Тьера, предающих свою страну.

Миллионы трудящихся хотят больше, лучше знать своих героев. Вот почему так почётен и важен труд учёного, писателя, художника, задавшегося высокой целью удовлетворить этот интерес, рисуя черты героических образов коммунаров, вечно живых в памяти и сердце народов.

Именно эта задача и ставится в книге А. Лурье «Портреты деятелей Парижской Коммуны», второе издание которой ныне предлагается вниманию наших читателей. Автор значительно расширил свою работу, дополнив её очерками о Л. Франкеле, О. Серраёе, Г. Флурансе, Р. Ринго, В. Врублевском и о выдающихся русских женщинах — участницах Коммуны — Елизавете Дмитриевой (Томановской) и А. Корвин-Круковской (Жаклар).

Книга портретов политических деятелей — трудный жанр исторической литературы.

Трудности во многом возрастают при создании портретов выдающихся политических и военных деятелей Парижской Коммуны — этого первого опыта пролетарской революции. Одна из трудностей определяется неоднородным социальным составом Коммуны, наличием в Коммуне наряду с руководителями французских рабочих также и многочисленных представителей различных групп, принадлежавших к мелкобуржуазным слоям общества, весьма значительным во Франции того времени.

Сложность характеристики представителей рабочего класса в Коммуне — Варлена, Франкеля и других заключается в том, что сам тип рабочего руководителя в конце 60-х годов ещё только вырабатывался, формировался, а их взгляды, сложившиеся преимущественно под влиянием идей Прудона, подвергались существенной перестройке в результате уроков жизни и неутомимой борьбы Маркса в Международном Товариществе Рабочих (I Интернационал) за идейную гегемонию марксизма в рабочем движении. В то же время (в прямой связи с этим) революционность мелкой буржуазии после революции 1848 г. линяла, выдыхалась; наиболее полно это проявилось именно в поведении «неоякобинцев» в Коммуне, представлявших в большинстве своём жалких, бессильных эпигонов своих великих предков 1793—1794 гг.

Раскрыть в биографиях процесс роста революционной энергии пролетариата, процесс становления его революционного мировоззрения и упадка революционности мелкобуржуазной демократии — такова, следовательно, основная тема очерков о деятелях Коммуны.

Ряд особых трудностей возникает при этом в связи с неполнотой, ограниченностью источников, освещающих идейную борьбу в Коммуне, деятельность её важнейших органов (например, Комиссии труда и обмена), жизнь секций Интернационала, различных рабочих обществ и политических клубов в дни Коммуны.

Необходимо учитывать и то, что работа А. Лурье является первым в литературе (при этом не только в марксистской) опытом создания в рамках одной книги цикла портретов наиболее выдающихся деятелей Коммуны. Представляется вполне оправданным включение в созданный автором цикл портретов именно данных деятелей Коммуны и место, отведённое каждому из них.

Некоторые очерки, например, те, которые посвящены Франкелю и Серрайе, восполняют существенный пробел в нашей литературе о Коммуне, так как до сих пор сведения о них были чрезвычайно скудны.

Очерки, посвящённые Варлену, Франкелю, характеризуют деятельность наиболее выдающихся представителей социалистического «меньшинства» в Коммуне, роль в нём руководителей парижской организации Интернационала. Портреты Риго и Ферре дают возможность читателю составить себе более ясное представление о бланкистах — руководящей части «большинства» в Коммуне. Очерк, посвящённый Делеклюзу, является колоритным, точно и выразительно выписанным портретом лучшего из представителей мелкобуржуазных «неоякобинцев» — другой части этого «большинства». Очерки, посвящённые выдающимся сынам польского народа — Домбровскому и Врублевскому, — раскрывают столь существенную сторону революции 18 марта, как её интернациональный характер. Этой же цели служат и очерки о венгерском рабочем Франкеле, о русских женщинах Елизавете Дмитриевой и А. Корвин-Круковской. Впрочем, значение портрета Е. Дмитриевой определяется ещё и тем, что в её деятельности раскрывается связь Генерального совета Интернационала и его вождя Маркса с Коммуной.

Для нас дорого включение в книгу портретов русских женщин — участниц Коммуны. Они напоминают о том, что прогрессивная, революционная Россия приняла близко к сердцу героическую борьбу коммунаров и на деле доказала это.

Задача настоящего введения состоит в том, чтобы напомнить читателю о причинах самой революции 18 марта и её движущих силах, охарактеризовать состояние поднявшихся на борьбу классов и социальных групп, показав их объективное положение в тогдашнем французском обществе, уровень их политического развития, особенности их организации и идеологии. Совершенно естественно, что всё это должно быть сделано в первую очередь в отношении характеристики рабочего класса, сыгравшего главную, решающую роль в революции 18 марта и в создании Коммуны.

К 1871 г. рабочий класс Франции обладал уже значительными революционными и патриотическими тради-

циями. Ещё на начальной стадии своего формирования, в виде «предпролетариата», этой наиболее обездоленной, угнетённой и потому наиболее активной части плебейских масс Парижа, Лиона и других больших городов Франции, он сыграл в союзе с демократическим крестьянством важную роль в качестве одной из главных движущих сил французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

Однако последствия буржуазной революции конца XVIII в. жестоко разочаровали рабочий класс. После контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 г.) он был лишён всех политических прав и оказался в тисках ничем не ограниченной капиталистической эксплуатации.

Вторично рабочий класс Франции поднялся на революцию в 1830 г. Но и на этот раз его обманула буржуазия. Июльская буржуазная монархия (1830—1848) означала установление власти богатейших банкиров, железнодорожных магнатов, верхушки промышленной буржуазии и сохранение эксплуатации и бесправия рабочих масс. В ходе восстаний лионских ткачей 1831 и 1834 гг. французские рабочие впервые начинают борьбу с самой буржуазией. Наиболее значительным результатом этих восстаний было начало формирования классового самосознания пролетариата.

Правительство июльской монархии жестоко подавляло выступления рабочих и республикански настроенной демократической мелкой буржуазии.

В обстановке полного отсутствия легальных, т. е. законных, прав и возможностей для своей организации, искавшая выхода ненависти к социальному гнёту и политическому бесправию наиболее активная часть рабочих увлекается на порочный путь узкого заговора. Возникают одно за другим тайные республиканские общества, деятельность которых связана с именем О. Бланки.

В связи с преобладанием во Франции тех лет мелких и мельчайших предприятий, ремесленных мастерских особенно широкое распространение получают теории мелкобуржуазного социализма Луи Блана и Прудона. Луи Блан выдвинул идею новой, справедливой «организации труда» при помощи создания «производительных ассоциаций» (рабочих товариществ), кредитуемых государством.

Луи Блан пропагандировал не революционный, а реформистский путь достижения этой цели. «Луибланов-

щина» состояла в проповеди примирения рабочих и буржуазии, которая будто бы сама присоединится к ним и поддержит их начинания¹.

В феврале 1848 г. рабочие, свергнув июльскую буржуазную монархию, выдвинули свои революционные требования: «право на труд», «организация труда через ассоциацию», несовместимые с существованием капиталистического общества.

Соглашательская тактика Луи Блана была разоблачена в ходе жестокой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Спровоцированный ею в июне 1848 г. парижский пролетариат с оружием в руках выступил против буржуазной «республики капитала и привилегий», за «социальную республику», в которой была бы уничтожена эксплуатация человека человеком и осуществлена организация труда через ассоциацию производителей — коллективных собственников средств производства. То было первое покушение пролетариата на сам буржуазный порядок, первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией².

Опыт, традиции, лозунги этой войны несомненно сыграли значительную роль в гражданской войне 1871 г., в истории революции 18 марта и Парижской Коммуны. Больше того, мы вправе видеть известную преемственную связь между этими двумя выступлениями парижского пролетариата.

Тяжкое поражение, понесённое в июне 1848 г., надолго ослабило рабочий класс. В то же время крупная буржуазия, устрешённая этим покушением на основы буржуазного строя, становится контрреволюционной. Сложилась благоприятные условия для захвата власти принцем Луи Бонапартом. Избранный 10 декабря 1848 г. голосами многомиллионных масс консервативного крестьянства в президенты республики Луи Наполеон произвёл 2 декабря 1851 г. государственный переворот, передавший фактически в его руки всю полноту власти. Через год он был провозглашён императором. Сохранение выборных представительных учреждений (Законодательный корпус, депутаты которого избирались всеобщим голосованием, и сенат,

члены которого назначались императором) лишь маскировало существование авторитарного режима, т. е. личной власти императора, опиравшегося на армию, полицию, оторванный от народа чиновничий аппарат, на поддержку католической церкви. Таким образом, фактически политических прав оказались лишёнными не только рабочий класс, но даже крупная буржуазия. Последняя мирилась с этим положением до тех пор, пока бонапартистский режим обеспечивал ей свободу обогащения внутри страны, не допускал возрождения рабочего движения, осуществлял её внешнеполитические цели. Режим Второй империи поддерживался при помощи специфических средств и методов, присущих бонапартизму. Во внутренней политике Наполеона III раскрывается основной исторический признак бонапартизма — лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравнивающими друг друга¹. «Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»². Однако это отсутствие «сплошной опоры», эта необходимость лавировать, заигрывать и подкупать обнаружились не сразу.

В первые годы Второй империи Франция переживала небывалый экономический подъём. В стране завершался промышленный переворот. Он нёс огромные бедствия рабочему классу, всем трудящимся массам, мелкой буржуазии. Капиталистическая индустриализация в противоположность индустриализации социалистической враждебна интересам народа. Применение машин при капитализме ведёт к увеличению интенсивности эксплуатации. Оно даёт возможность широкого вовлечения в производство женского и детского труда, оплачиваемого значительно ниже труда рабочих-мужчин.

Именно таковы и были тяжёлые последствия промышленного переворота для французского пролетариата.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 15, 17—18; т. 25, стр. 75—76.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 283.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 200.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 245.

Французская крупная буржуазия была сначала в восторге. Она уже была уверена, что с рабочим движением, с социализмом покончено, что июньские дни, эти дни её «великого страха» больше никогда не повторятся. Наполеон III стал кумиром всей европейской буржуазно-помещичьей реакции.

Однако этот подъём был кратковременным. В 1857 г. разразился предсказанный Марксом и Энгельсом очередной циклический кризис, который чрезвычайно сильно поразили экономику Франции. В связи с сокращением более чем в три раза железнодорожного строительства выплавка чугуна упала на 13%, добыча угля — на 6%. Экспорт шёлковых изделий сократился на 16,5%, цены на шёлковые ткани упали на 30—40%; в Лионе и его окрестностях от кризиса пострадало 170 тысяч рабочих.

Сказалось здесь и падение покупательной способности крестьянства вследствие ряда неурожайных лет, предшествовавших кризису, и резкого падения цен на сельскохозяйственные продукты в период кризиса (цена пшеницы в 1857—1858 гг. упала почти вдвое)¹.

Экономический кризис 1857 г., действие которого распространилось на все страны Европы и на США, имел огромные политические последствия. Он с особой силой вновь продемонстрировал огромные размеры бедствий, на которые развитие капитализма обрекает рабочий класс, и тем самым толкнул его к возобновлению освободительной борьбы, временно подавленной после поражения революции 1848 г.

Новому подъёму международного рабочего движения в конце 50-х — начале 60-х годов способствовало также оживление в это время национальных движений, направленных на воссоединение Италии, Германии, на освобождение польского народа от гнёта русского царизма. Необходимость определить свою позицию в борьбе за разрешение этих проблем, общенациональных по масштабам и буржуазных по своему классовому содержанию, вызвала рост политического сознания рабочего класса, усиление его международных связей.

На гребне этой могучей, высоко поднявшейся волны рабочего и демократического движения начала 60-х годов и

возникло в 1864 г. Международное Товарищество Рабочих — I Интернационал. Душой его, автором «Учредительного манифеста» и устава, многочисленных важнейших резолюций, заявлений и манифестов, неутомимым руководителем Генерального совета Интернационала был Карл Маркс. «Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах»¹, — писал В. И. Ленин.

Этот подъём рабочего и демократического движения охватил и Францию. Бонапартистский режим в своей борьбе против пролетариата пытался сначала применить методы заигрывания, частичных уступок, оставляя методы насилия в резерве. Агенты правительства стремились при помощи устной и печатной пропаганды убедить рабочих отказаться от стачечной борьбы и от требования отмены запрещения союзов.

Однако всё было тщетно. На дополнительных выборах 1864 г. группа парижских рабочих выставила своего собственного кандидата. Опубликованное ею в печати заявление (получившее по числу лиц, подписавших его, название «Манифест 60») свидетельствовало об осознании своего особого положения и особых классовых интересов теми, кто «не имеет другой собственности, кроме своих рук», и подчиняется требованиям капитала. Стремясь предотвратить дальнейший рост активности рабочих и удержать их в рамках чисто экономических форм борьбы, правительство Наполеона III в мае 1864 г. провело через Законодательный корпус отмену статей уголовного кодекса, запрещавших любую стачку и образование союзов. Однако практически разрешены были лишь общества взаимопомощи. Рабочие всячески обходили рогатки, поставленные правительством, и фактически превратили постепенно эти общества в зачатки своих профессиональных союзов (так называемые «общества сопротивления»).

¹ См. Л. Мендельсон, Экономические кризисы и циклы XIX века, Госполитиздат, 1949, стр. 354.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 33.

. В начале 1865 г. в Париже начала складываться организация Интернационала. Во главе её стали Толен, Фрибур и некоторые другие рабочие, составившие корреспондентское бюро для связи с Генеральным советом.

Однако организация росла медленно и не только потому, что отсутствовали материальные средства или легальные условия деятельности. Главным препятствием являлась живучесть влияния на французских рабочих прудонизма, одной из форм мелкобуржуазного социализма. Именно это влияние мешало даже тем из них, кто вступал в секции Интернационала, правильно понять и усвоить революционные принципы и тактику, которые лежали в основе деятельности Международного Товарищества Рабочих.

Чтобы глубоко и всесторонне представить себе причины широкого распространения влияния прудонистских идей во Франции 60-х годов XIX в. (а без этого невозможно понять и характер борьбы идейных течений в Коммуне), необходимо уяснить роль этих идей как объективного отражения и выражения социально-экономического положения широчайших, многомиллионных масс производителей материальных благ, находившихся в годы Второй империи под гнётом крупной буржуазии, учесть наличие огромных масс городской мелкой буржуазии.

Как было отмечено выше, ряд таких причин, как существование огромной массы малоземельного крестьянства, тенденция французского капитализма развиваться всё больше и больше в виде банковского, ссудного капитала, привёл к тому, что, несмотря на значительные результаты промышленного переворота в годы Второй империи, Франция по темпам и объёму развития крупных фабрично-заводских предприятий, равно как и по развитию тяжёлой промышленности, значительно отставала от других стран. Общая сумма промышленного производства увеличилась почти в 3 раза; добыча каменного угля выросла с 4,9 до 13,4 млн. тонн, число рабочих, занятых в коях, — с 33 000 до 85 000, производство железа и стали выросло в 3 раза, число паровых двигателей — с 7800 до 33 000. И всё же стоимость всей продукции рудной, каменноугольной и металлообрабатывающей промышленности составляла только 565 млн. франков, в то время как стоимость производимой одежды и предметов моды достигала в конце 60-х годов 1,5 миллиарда франков. Преобладание средних

и мелких предприятий влекло за собой сравнительно слабую концентрацию рабочего класса. Особенно ярко выражены были все эти моменты в Париже. Здесь в 1866 г. из 442 тысяч рабочих лишь 50 тысяч были заняты в крупных производствах.

Следовательно, сам парижский пролетариат был по преимуществу ремесленным. Вспомним, что наиболее активный и популярный руководитель парижских рабочих — Варлен, переплётчик по профессии, выполнял заказы своих богатых клиентов у себя на дому, владея необходимыми инструментами и не утратив ещё самостоятельной связи с заказчиками.

Значительное преобладание в Париже, да и в целом во всей стране, производства предметов потребления составляло, следовательно, характерную черту промышленного развития Франции тех лет, резко отличавшую её от «промышленной мастерской мира» — Англии. Поэтому-то во Франции, наряду со сформировавшимися уже сравнительно крупными отрядами фабрично-заводского, индустриального пролетариата (шахтёры, рабочие металлургических и металлообрабатывающих предприятий и т. д.), существовала ещё значительно превосходившая их по своей численности масса ремесленного пролетариата и владельцев мелких ремесленных мастерских (число последних, как видно из приведённых выше данных, измерялось, например в Париже, многими десятками тысяч). Такого рода ремесленники были (наряду с мелкими лавочниками) главной составной частью городской мелкой буржуазии, положение которой в годы Второй империи было крайне противоречивым.

Ещё шире была представлена мелкобуржуазная стихия в тогдашней французской деревне. Трудясь, не разгибая спины, на своём участке, политом потом многих поколений, французский крестьянин всё больше и больше запутывался в сетях ростовщической кабалы, ипотечной задолженности. В деревне нарастал широкий протест против экономического гнёта крупного денежного капитала. Но крестьянство Франции ещё в первой половине XIX в., в частности в период революции 1848 г., показало себя как консервативное. Неустанный труженик крестьянин выступает как мелкий собственник, главная, всепоглощающая страсть которого, с такой силой изображённая мастерами французской реалистической литературы, состояла в

стремлении сохранить свою мелкую частную собственность. Следовательно, протест этого крестьянина (мы сейчас не говорим о сельскохозяйственном пролетариате), как и мелкой городской буржуазии, был направлен не против капиталистического строя (вне условий которого они не мыслили своего существования), а против его проявлений в виде дороговизны кредита, против эксплуатации со стороны крупного денежного капитала. Эти черты социального характера французского крестьянства обусловили и особенности его политической позиции в годы Второй империи. Будучи резервом буржуазии в революции 1848 г., массы консервативного французского крестьянства своими голосами привели Луи Бонапарта 10 декабря 1848 г. на пост президента республики, дали ему тем самым возможность подготовить и провести государственный переворот 2 декабря 1851 г.

Прошло несколько лет, и крестьянство разочаровалось в результатах политики Второй империи (прежде всего экономической). Но крестьянство было подавлено силой государственной машины империи, отдано ею под духовную, идеологическую «опеку» реакционного католического духовенства, этих «жандармов в рясе», лишено какого бы то ни было просветительного влияния (не говоря уже о политическом руководстве!) со стороны рабочего класса, далёкого от понимания значения его связей с крестьянством (что и сказалось роковым образом на судьбе Коммуны). У большинства французского крестьянства протест против политического гнёта Второй империи выражался не в революционных выступлениях против бонапартистской диктатуры, а в усилении недоверия ко всякому государству.

Широкое распространение и стойкость влияния идей прудонизма во французском рабочем движении объясняется прежде всего тем, что в них с наибольшей отчётливостью и полнотой были выражены наиболее существенные стороны социальных требований столь многочисленных во Франции масс ремесленников и мелких крестьян.

Работы Прудона были своего рода энциклопедией мелкобуржуазного мировоззрения, столь же внутренне противоречивой, как показал Маркс, как противоречиво было социальное бытие этих классов.

Самоучка-наборщик, сам «дошедший» до многих уже ранее известных истин, 23-летний Прудон в своей книге

с характерным названием «Что такое собственность?», выступил, по словам Маркса, с уничтожающей критикой, пронизанной чувством возмущения мерзостью существующего буржуазного общества.

Определяя прудонизм как идеологию буржуазную, Маркс и Энгельс вскрыли её особенности, являющиеся отражением социальной позиции и специфических интересов определённой части буржуазии — наиболее многочисленных в тогдашней Франции мелких собственников, мелкой буржуазии города и деревни.

Ещё в 1846 г. Маркс писал, что Прудон «с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии»¹. Именно эта типичная для мелкого буржуа противоречивость его положения между крупной буржуазией и рабочими, трудящимися массами и определила всё содержание прудонизма и обусловила возможность широкого и длительного влияния этой буржуазной в сущности своей системы идей на тогдашних ремесленников и на ремесленный пролетариат.

Буржуазная сущность этой системы видна из того, что целью Прудона, главной идеей его «социализма» было «не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство, а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, «конституировать» её, сделать её всеобщей, абсолютной, «справедливой», лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений»².

Борьба за осуществление этих недостижимых целей велась Прудонем во имя сохранения и упрочения экономической самостоятельности мелкого производителя-ремесленника, владеющего средствами производства, и крестьянина, собственника парцеллы — небольшого участка земли. Выражая их несбыточную мечту об освобождении от разорения, от эксплуатации при сохранении капитализма, Прудон боролся за то, чтобы сделать частную собственность всеобщей в виде мелкой собственности.

В 1846 г. он ещё считал, что эта его цель совпадает с представлениями о «строге общности» так называемых «германских социалистов» — коммунистов, последователей Маркса и Энгельса.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 10.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 17.

Но когда рабочий класс в июне 1848 г. выступил с оружием в руках против «республики капитала и привилегий» с требованием насильственного осуществления «организации труда через ассоциацию», то есть с требованием передачи средств производства в руки рабочих товариществ, Прудон решительно выступил против этих требований, как ведущих к коммунизму.

Во время революции 1848 г. Прудон предложил проект организации «Народного банка», направленный на уничтожение «власти золота». Исходя из так называемого «закона взаимности», он надеялся через этот банк осуществить «двустороннее кредитование» членов общества частью продуктов своего труда. Для этой цели в банк должны войти «100 тыс. фабрикантов, мануфактуристов, шахтовладельцев, торговцев, предпринимателей в области транспорта, сельского хозяйства и т. д.». Итогом деятельности банка должно было явиться «преобразование собственности и уничтожение государства». Здесь мы видим уже проявление анархизма Прудона — отрицания им государства как такового. В учреждении этого банка Прудон видел завершение революции.

Таковы социальные корни прудонизма и основные положения его мнимо революционной, а в сущности консервативнейшей системы взглядов, осуждавшей политическую борьбу, образование рабочих союзов и стачечное движение.

В дальнейшем развитие взглядов Прудона во всех направлениях идёт явно вправо, что и сказалось на характере всей его системы, в том виде, в котором она сложилась в 50-х и 60-х годах.

В чём же конкретные причины её влияния на французских рабочих на протяжении ряда десятилетий и в чём причины отхода от неё передовой части пролетариата?

Французские рабочие в эти годы находились под влиянием поражения революции 1848 г., они были скованы бонапартистской диктатурой, разочарованы в результатах трёх буржуазных революций.

Вначале их борьба имела экономический характер ввиду отсутствия организованности, упадка политической активности, разочарования в бланкистской тактике политической борьбы.

Процесс роста рабочего движения во Франции и борьба Маркса и Энгельса против влияния прудонизма в конце 60-х годов показаны в книге А. Лурье в очерке, посвящённом Э. Варлену, выросшему в это время в признанного, популярного в массах руководителя движения. Знакомясь с приведённым здесь фактическим материалом, читатель согласится с выводом автора о том, что Варлен «был не теоретиком, а практиком, врождённым организатором...». А. Лурье справедливо сосредоточил своё внимание на показе того, как под влиянием уроков жизни, усиления экономической борьбы рабочего класса (рост стачечного движения, образование профессиональных союзов) и под влиянием энергичной борьбы против прудонизма Маркса и его последователей в Интернационале Варлен, принимавший участие в его конгрессах, отходит от «ортодоксальных» позиций прудонизма и становится виднейшим представителем так называемого левого прудонизма, или «коллективизма». Особенно отчётливо проявилось это в его роли на Базельском конгрессе, где он голосовал не только за право общества упразднить частную собственность на землю, но и высказался за превращение её в общественную собственность. Так совершился разрыв Варлена и других «коллективистов» с доктриной Прудона по решающему вопросу — о собственности.

Вопреки резко отрицательному отношению Прудона и правых прудонистов (Толен, Фрибур) к политическому, революционному действию, Варлен приходит к выводу о том, что без революционного свержения реакционного режима Второй империи рабочий класс не сможет приступить к социальным реформам.

Однако к пролетарскому коммунизму, научному социализму Варлен и «коллективисты» приблизились только в своём отказе признать вечное существование частной собственности на землю и в своём признании необходимости революционного характера перехода к новому обществу. Все они — во главе с Варленом — отрицали необходимость создания взамен разрушаемого государства нового, пролетарского государства — и в этом они оставались прудонистами.

У Варлена ещё не выработалось материалистическое понимание сущности классов и классовой борьбы, роли государства в классовом антагонистическом обществе и

в борьбе за уничтожение эксплуататорских классов. В речи на втором процессе Парижского бюро секций Интернационала весной 1868 г. Варлен, обращаясь к буржуазии, говорил, что с её стороны было бы умно приветствовать «разумные начинания» рабочих и не мешать их справедливому делу, так как, «когда класс потерял своё моральное превосходство, благодаря которому он пришёл к власти, он должен посторониться и сойти со сцены», «раствориться в молодом классе». Как видим, это наивное, идеалистическое воззрение в корне отличается от развитого уже в те годы Марксом и Энгельсом учения о классовой борьбе, о том, что в капиталистическом обществе «антагонизм между пролетариатом и буржуазией останется борьбой класса против класса, борьбой, которая, будучи доведена до высшей степени своего напряжения, представляет собой полную революцию»¹.

Признавая необходимость политической революции, Варлен и другие левые прудонисты не понимали значения для рабочего класса иметь свою самостоятельную политическую партию, которая руководилась бы научной теорией. Они не понимали, что целью деятельности Маркса и Энгельса в Интернационале была именно борьба за создание таких партий. Варлен и его товарищи продолжали смотреть на Интернационал, как на организацию, стоящую вне политики, и сохранили эту ошибочную точку зрения до самой революции 18 марта, а, судя по их поведению, в значительной степени и во время самой революции.

Варлен и не мог уяснить значения рабочей партии, ибо он был далёк от понимания роли научной теории для рабочего движения. «Роль людей умственного труда не в совершенствовании теории. Они должны только следовать за движением, понимать его, изучать... усиливать естественный порыв масс».

Непонимание законов классовой борьбы и роли в ней пролетарской партии вело Варлена к переоценке роли профессиональных союзов. С его точки зрения эти союзы должны были после политической революции опрокинуть старый экономический строй и на следующий день после этого превратиться в ассоциации производителей, кооперативные и кредитные организации и т. д., которые возьмут в свои руки производство и обмен. В будущем «коллекти-

вистском» строе организатором производства и распределения продуктов явится не государство, а профессиональные союзы; рабочие будут иметь полную свободу распоряжаться собой, владеть своими орудиями труда при том условии, что они будут предоставлять по себестоимости для обмена продукты своего труда, чтобы осуществилась взаимность услуг между рабочими различных профессий. Таким образом, весной 1870 г. Варлен примкнул фактически к противникам «государственников» — марксистов в Интернационале и поддерживал в этом вопросе анархистов-бакунистов.

Подготовку рабочих к революции Варлен, следуя своим ошибочным взглядам, видел не в превращении организации Интернационала в вождя масс, в партию, а в развитии деятельности рабочих профессиональных обществ, в преодолении ещё сохранившегося там «духа индивидуализма».

Углубление кризиса Второй империи, провал так называемых «либеральных реформ», политики заигрывания с рабочим классом заставляют правительство Наполеона III затеять 22 мая 1870 г. третий процесс парижских секций Интернационала по ложному обвинению их в участии в подготовке покушения на императора; 5 июля 38 деятелям I Интернационала был вынесен обвинительный приговор.

Это ещё более накалило политическую обстановку в стране.

Наполеон III искал выход из острого внутреннего политического кризиса, усугублённого неудачами его внешней политики, в победоносной войне против Пруссии и поддался на провокацию, организованную Бисмарком, сознательно готовившим эту войну в расчёте на превосходство прусско-германской военной машины над разложившимся военно-административным аппаратом Второй империи.

19 июля 1870 г. правительство Наполеона III объявило Пруссии войну.

В выпущенном Генеральным советом Интернационала 23 июля 1870 г. воззвании Маркс с удовлетворением отмечал, что, в то время как правящие классы Франции и Германии бросились в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылали друг другу вести

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, изд. 2, стр. 184.

мира и дружбы. Маркс имел в виду обращение секций Интернационала в Париже «К рабочим всех наций» и воззвания секций других городов, в которых они энергично протестовали против войны, как несправедливой, чисто династической со стороны Франции. Голос французских рабочих нашёл отклик в Германии. Об этом говорила резолюция многочисленного собрания в Брауншвейге, собрания уполномоченных 50 тысяч саксонских рабочих, ответное обращение Берлинской секции Интернационала.

Война нанесла тяжёлый удар организации Интернационала во Франции и, в частности, в Париже (на это и рассчитывал Наполеон III, не предвидевший, однако, конечных последствий своей авантюры). Многие члены секций были призваны в армию и покинули Париж. Другие остались без работы, не могли платить членских взносов, вследствие чего и без того более чем скромная материальная база организации оскудела окончательно. Но наиболее опасным было то, что некоторая часть рабочих и их руководителей была заражена шовинистическими настроениями.

Объективное содержание войны коренным образом изменилось после того, как гнилость монархического режима, бездарность и измена наполеоновских генералов привели к катастрофе под Седаном. Здесь 2 сентября 1870 г. была окружена почти 100-тысячная французская армия, высшие командиры которой во главе с Наполеоном III дошли до позорную капитуляцию.

К этому времени уже настолько явственно обнаружилось полная дискредитация и морально-политическая изоляция правящей клики, против неё сложился настолько широкий общенациональный фронт, что падение монархии 4 сентября 1870 г. под нажимом пролетарских масс Парижа произошло чрезвычайно легко и быстро. Режим Второй империи, приведший Францию к сильнейшему национальному унижению, не имел уже сил для сопротивления. Широта национального фронта говорила о существенном различии причин ненависти к нему со стороны враждебных империи классов. Крестьянство было разочаровано пагубными для него последствиями внутренней, в частности экономической, политики империи, оно страдало от падавших на него тягот, вызванных постоянными войнами

и колониальными авантюрами. Жертвы, принесённые им в войне с Пруссией, оказались бесплодными, Франция угрожало нашествие злобного и жестокого врага. Рабочий класс ненавидел империю за то, что она, отдав его во власть растущей капиталистической эксплуатации, лишила политических прав, а затем, убедившись в провале попыток «зубатовских» приёмов обмана, перешла к преследованиям рабочих организаций, секций Интернационала, ненавидел как причину национального унижения страны. Мелкая буржуазия — за то, что при империи она разорялась экономически и была бесправна политически. Совершенно иными были причины отхода от империи крупной буржуазии. Она готова была терпеть своё фактическое политическое бесправие до тех пор, пока Вторая империя выполняла свою задачу: подавляла рабочее движение внутри страны и успешно боролась за внешние политические захватнические интересы крупнейших банкиров, баронов угля и стали, за их гегемонию в Европе. Но когда империя доказала свою неспособность успешно решать эти задачи и в то же время не желала допустить буржуазию к участию во власти, — больше того, когда Вторая империя «привела» прусско-германские войска в страну и это угрожало подчинить французскую буржуазию экономической и политической гегемонии Германии, — она прокляла империю и бросилась спасать своё классовое господство под флагом республики.

А так как рабочие свой протест не только против монархического режима, но и против социального гнёта выражали в требовании республики, так как они были не подготовлены к созданию своего правительства, не имели своей партии, так как широкий национальный фронт, создавшийся против империи, выдвинул на первый план требование организации национальной обороны, то «либеральные пройдохи» с большой лёгкостью в день революции 4 сентября захватили власть в Париже. Так возникло правительство Национальной обороны, ставшее на деле правительством национальной измены.

Вот почему Маркс писал во втором воззвании Генерального совета о войне, от 9 сентября 1870 г., что эта республика не испровергла трон, а только заняла оставленное им пустое место, что она была провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны,

и что новое правительство унаследовало от империи её страх перед рабочим классом¹.

После падения империи правящие классы Пруссии, этого «знаменосца завоевания и контрреволюции», продолжали войну во имя отторжения от Франции двух её провинций — Эльзаса и Лотарингии и её ограбления при помощи огромной контрибуции. Таким образом, война становилась теперь несправедливой, захватнической со стороны Пруссии и справедливой, национально-освободительной со стороны Франции. Это понимал народ Франции. Поэтому огромный патриотический подъём сразу охватил многомиллионные массы крестьянства, вставшего на путь народной партизанской войны, рабочий класс и мелкую буржуазию, вступивших в батальоны Национальной гвардии. Между тем война велась под руководством изменнического правительства Национальной обороны, быстро доказавшего готовность крупной буржуазии предавать интересы нации во имя сохранения своего классового господства. Крупная буржуазия стала окончательно реакционной и не могла быть вождём нации в справедливой войне против германских оккупантов. Во втором воззвании Генерального совета Маркс предупреждал французских рабочих, что общенациональная задача могла быть решена только в итоге успешной борьбы за социальное освобождение пролетариата. Судьба республики (её независимость, целостность) зависела от силы и организованности рабочего класса. Рабочие должны исполнить свой гражданский долг, не ослабляя при этом своей классовой позиции, а, напротив — напрягая все силы для её максимального укрепления, ибо им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Прошлым в данном случае было именно слияние пролетариата со всей массой нации, признание идейного и политического руководства за буржуазией, как это было в период буржуазной революции 1789—1794 гг., когда рабочий класс вместе с крестьянством под руководством буржуазии поднялся на революционную войну против контрреволюционной коалиции феодальных монархов, сколоченной правящими классами Англии. По-

ступить так теперь, писал Маркс, — это значило бы позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г.¹

Строить же будущее — это значило, выполняя свой патриотический долг, сражаясь с оружием в руках против внешнего врага, врага всей нации, в то же время идеологически, политически и организационно отделять себя, более того — противопоставлять себя «собственной» буржуазии, использовать завоёванные буржуазно-демократические свободы, «чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса»². Это значило в первую очередь восстановить, укрепить расшатанную войной организацию Интернационала во Франции и бороться за превращение её в политического вождя масс, в рабочую партию. Именно это дало бы рабочим Франции новые огромные силы для борьбы за возрождение Франции и за общее дело рабочих всех стран — освобождение пролетариата.

Но этот мудрый совет Маркса, эта по сути дела партийная директива Генерального совета не была выполнена вследствие идейной незрелости тогдашнего рабочего класса Франции и его авангарда — членов секций Интернационала и их руководителей из-за преобладания влияния прудонистских и бланкистских представлений о путях борьбы рабочих, о её тактике. В большей или меньшей степени почти все они дали увлечь себя именно этими традициями прошлого. Разительнее всего это видно из деятельности Бланки, начавшего 7 сентября 1870 г. издавать газету «La Patrie en danger» («Отечество в опасности»); газета, использованная одной из парижских секций Интернационала, получила не менее выразительное название «La Lutte à outrance» («Борьба до последней крайности»).

В источниках (весьма скудных и отрывочных) по истории секций Интернационала в Париже в конце 1870 г. нет ни малейших следов обсуждения и изучения второго воззвания Генерального совета Интернационала. Направленный сюда в начале сентября 1870 г. член Генерального совета О. Серрайе, о деятельности которого говорится в посвящённом ему очерке, в своих письмах Марксу подтвердил все его предположения о возможных опасностях, грозивших французским рабочим от их собственной оши-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 455—456.

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 456.

² Там же.

бочной позиции и от преждевременного восстания перед лицом приближавшейся германской армии. Серрайе сообщал, что самые лучшие из французов (то есть, очевидно, рабочие) «живут воспоминаниями 1792 года»¹, что в Париже назревает новое июньское восстание².

Сохраняя в себе «отрыжку прудонизма», Варлен, выступавший перед войной с заявлениями о необходимости политической революции, направленной против Второй империи, теперь, когда она произошла, был неподготовлен к тому, чтобы вести организационную подготовку дальнейшей политической борьбы рабочих — уже за их собственные классовые цели. Насколько мы можем судить по дошедшим до нас данным, основное внимание Варлена в это время было поглощено борьбой за ослабление экономических бедствий, наступивших вскоре после того, как прусские войска предприняли 19 сентября осаду Парижа. На собраниях секций (происходивших, судя по сообщению Серрайе, крайне нерегулярно), в рабочих столовых, как рассказывает один из очевидцев — русский народник П. Л. Лавров, «на первом месте стояли вопросы войны» и «сопротивления до последних сил» в противовес позиции буржуазии, готовой к примирению.

От парижских секций Интернационала и их Федерального совета Марксу и Энгельсу нельзя было ожидать проявления инициативы того преждевременного выступления рабочих, пагубных последствий которого они так опасались ввиду отсутствия у них своей организации³.

По возвращении в Лондон Серрайе на заседании Генерального совета сообщил, что секции I Интернационала и Федеральный совет находятся в состоянии полного упадка: товарищество было разрушено. Все его попытки передать широкой гласности перевод второго воззвания Генерального совета по поводу войны оказались в общем безуспешными. Газеты мелкобуржуазных демократов отказались его печатать, считая его «слишком пруссофильским» (!), отказалась это сделать и газета «неоякобинца» Делеклюза, характеристика деятельности которого даётся

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 401.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 73.

³ Энгельс писал Марксу 12 сентября 1870 г., что в случае подобного выступления французские рабочие будут разгромлены без всякой пользы для дела, более того, отброшены на двадцать лет назад. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 399).

в этой книге; перевод воззвания удалось опубликовать (да и то без оценки реакционной сущности правительства 4 сентября) в одной из монархических (орлеанистских) газет, которую рабочие Парижа, конечно, не читали; руководители Федерального совета, в том числе и Варлен, не осознавшие сами всего значения этого документа, не помогли массам хотя бы узнать его содержание. В то же время буржуазная пропаганда изощрялась в клеветнических нападках на Интернационал, изображая его как «германофильскую» организацию.

Никоим образом не мог взять на себя инициативу восстания и оформившийся к 11 сентября Центральный комитет 20 округов, так как эта новая организация, созданная массами, ставила перед собой крайне важные, но ограниченные потребностями момента задачи (ликвидация старой полиции, обеспечение демократических прав населения Парижа, улучшение материального положения масс и усиление мер обороны; выставленное ею требование выборов в Коммуну (по 10 делегатов от округа) имело в виду всего лишь создание нового парижского самоуправления, а не установление новой, революционной власти).

Кто же был способен увлечь тогда массы на этот шаг, который Маркс считал в то время «отчаянным безумием»? 6 сентября 1870 г. в письме к Энгельсу Маркс выражал опасение, как бы эту инициативу не взяла на себя от имени Интернационала находившаяся в Лондоне так называемая «французская секция» во главе с Ф. Пиа. Но эта ничтожная группка не была связана с французскими рабочими ничем, кроме своего названия¹, и потому, естественно, её выступление не могло привести в движение массы. Не могли этого сделать и остальные мелкобуржуазные демократы-«неоякобинцы», сравнительно долго занимавшие позицию безоговорочной поддержки буржуазного правительства и игравшие главную роль в пропаганде «традиций 1792 года».

Инициатива выступления могла исходить от бланкистов. Огюст Бланки (1805—1881) — выдающийся организатор и руководитель тайных республиканских обществ 30-х годов XIX в. — воплотил в себе с поразительной чёткостью черты идеологии и тактики революционного направ-

¹ Причём даже и на него она не имела никаких прав, так как была ещё в 1868 г. исключена из Интернационала.

ления во французском рабочем движении первой половины XIX в. Бланкизм подчинил своему влиянию умы многих представителей последующих поколений французского революционного движения, вплоть до участников революции 18 марта 1871 г.

Бланки и его последователи, воспитанные в школе заговорщичества, спаянные строгой дисциплиной, полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но и удержать её в своих руках посредством самых энергичных и решительных мер до тех пор, пока не удастся вовлечь народ в революцию¹.

Узкозаговорщические черты бланкистской тактики 30-х годов были обусловлены непониманием природы пролетариата как самостоятельного класса, его исторической миссии, расплывчатостью представлений о социальных целях революции, недооценкой роли теории для революционного движения, идеалистическим пониманием сущности исторического процесса. В связи с этим бланкизм не мог прийти к выводу о необходимости создания пролетарской партии, диктатуры революционного класса — пролетариата и выработал своё ошибочное представление о революционной диктатуре как о сосредоточении всей полноты власти в руках небольшой группы революционеров.

Между тем уже опыт революции 1848 г. дал огромный материал для дальнейшей разработки марксистского учения о пролетарской революции, для выработки отношения к вооружённому восстанию как к искусству.

Бланки — по существу политический революционер, писал Энгельс; социалист он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определённых практических предложений социального переустройства. В своей политической деятельности Бланки был по преимуществу «человеком дела»².

Относительно положительным в идеях и деятельности Бланки было то, что он, отражая в своих взглядах разочарование в мирной тактике, выдвинул задачу политической, революционной борьбы, утверждая, что «социализм невозможен без политической революции». Но глубоко оши-

бочное понимание путей подготовки и проведения этой революции, отрыв от масс приводили всякий раз выступления бланкистов к поражению.

Характерные черты бланкизма сказались в их выступлениях осенью 1870 г. и в январе 1871 г. и наложили свой отпечаток на всю линию их поведения в дни революции 18 марта.

Большую часть последователей Бланки, членов его тайной организации в Париже, в 60-х годах составляло демократическое студенчество — мелкобуржуазная интеллигенция. В книге даётся характеристика наиболее видных их представителей — прокурора Коммуны Рауля Риго и Теофиля Ферре.

Шла за бланкистами и некоторая небольшая часть рабочих, но это были лишь исключения.

Именно отсюда, от немногочисленной группы бланкистов, не связанной с массами, и шла опасность преждевременного выступления за осуществление уже назревшего лозунга создания Коммуны.

После революции 4 сентября Бланки, совершенно не понимавший расстановки классовых сил, не нашёл для своей газеты «более подходящего названия, как буржуазный вопль: *«Отечество в опасности!»*»¹. Так же назван был и бланкистский клуб. Открывавшая первый номер газеты декларация за подписью Бланки, Эда, Тридона и других провозглашала: «Перед лицом врага — никаких партий, никаких оттенков мнений... в интересах общего спасения всякая оппозиция, всякие возражения должны исчезнуть». Авторы декларации предлагали буржуазному правительству «самую энергичную, полную и безоговорочную поддержку». Но, постепенно под давлением широких масс убеждаясь в предательской политике этого правительства, Бланки и его единомышленники выступают с всё более острой критикой правительства и уже к концу сентября приходят к выводу о том, что оно думает только о мире, «но не почётном, а о том, который оно готово купить любой ценой».

А так как бланкисты были далеки от понимания того, что любой, самый тяжкий мир был менее страшен, чем кровавое подавление германской армией преждевременного, неподготовленного, или, точнее говоря, подготовлен-

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 442.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 225.

ного, но «по-бланкистски» организованного, массового выступления парижских рабочих, то они, не задумываясь о последствиях, пытались увлечь уже в начале октября рабочих Парижа на борьбу против правительства. Они поддерживали лозунг создания Коммуны, как подлинного, а не мнимого руководителя национальной обороны. 5 октября бланкист Г. Флуранс, в будущем один из активных борцов и одна из первых жертв Коммуны, ведёт до 10 тысяч национальных гвардейцев пяти рабочих батальонов Бельвиля на демонстрацию к ратуше и предъявляет именно такого рода «оборонческие» требования правительству, конечно, без всякого успеха. Таков же был результат и более мощной демонстрации, проведённой 8 октября ЦК 20 округов.

Как же относились члены и руководители секций Интернационала и его Федерального совета к назревавшей борьбе за Коммуну? Тщетно один из них доказывал на заседании в доме на площади Кордери¹, что «только Интернационал и федерация рабочих обществ смогут осуществить социальную революцию, сигнал для которой даст Коммуна, ожидаемая со дня на день». В противоположность этому мнению большинство членов Совета утверждало, что «эти организации не должны вмешиваться в революционные события, достаточно ещё не определившиеся, что они должны заниматься только экономическими, социальными реформами и... тщательно уклоняться от всякого вмешательства в чисто политическую борьбу»². Это может делать каждый член этих организаций в индивидуальном порядке. Серрайе в своём докладе Генеральному совету сообщал, что члены Интернационала (даже якобы «все», что очень маловероятно) приняли участие в демонстрации 8 октября, но только «как частные лица, а не как представители Товарищества; никаких согласованных действий не было, и они ничего не сделали»³.

Такова же была позиция членов и руководителей секций Интернационала по отношению к событиям 31 ок-

тября, стихийно вылившимся в попытку свержения буржуазного временного правительства.

Инициативу взяли на себя ЦК 20 округов и бланкисты. Но последние не выработали никакого плана действий, не провели никакой серьёзной подготовки масс, продолжая узко понимать задачу выступления как меры, направленной исключительно на укрепление обороны страны, и не связывая это с классовыми, социальными требованиями рабочих масс. Именно поэтому выступление рабочих батальонов Национальной гвардии началось как демонстрация под лозунгами «Долой перемирие! Общий набор! Оружия! Война до конца!», и только стихийно, по мере того как проявлялся перевес сил народа над бессильным правительством, эта демонстрация переросла в восстание.

Однако восстание потерпело поражение. Произошло это потому, что бланкисты не понимали, что, завоевав в ходе восстания первый успех, надо идти от успеха к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью¹. Движение 31 октября не удалось и потому, что, как подчёркивал Маркс, Бланки и Флуранс, вместо того чтобы добиться полного разгрома старого правительства, поверили его руководителям, давшим честное слово отказаться от власти, «спасли жизнь этих людей, жаждавших убить своих спасителей». Это непростительное великодушие по отношению к вероломному врагу явилось впоследствии одной из серьёзнейших ошибок Коммуны и одной из причин её поражения.

Ответственность за неудачу движения 31 октября несут, следовательно, воздержавшиеся от организованного участия в нём руководители секций Интернационала и рабочих обществ, а также бланкистские лидеры. Как видим, первые несли на себе груз своих прудонистских заблуждений (воздержание от политики), вторые — фетишизировали само революционное «действие» как таковое, взятое вне связи с социальными требованиями масс, не подготовленное путём разъяснительной и организационной работы среди них, не обеспеченное продуманным и предварительно разработанным планом восстания последовательно наступательного характера. Именно эти характерные черты идеологии и тактики прудонистов (в том числе левых, во главе с Варленом) и бланкистов объясняют очень

¹ Тут находился и Федеральный совет и ЦК 20 округов.

² G. Lefrançais, *Études sur le mouvement communaliste à Paris* en 1871, Neuch. 1872, p. 100.

³ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны. Документы и материалы», Госполитиздат, 1941, стр. 5.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 4.

многое в их поведении в дни Коммуны и помогают понять роль рабочих масс, революционный инстинкт которых прорывался вопреки ошибочным взглядам, владевшим умами их руководителей.

Растущие материальные тяготы осады, преследования руководителей движения 31 октября, ухудшение военного положения страны и столицы (в конце декабря начался обстрел Парижа из тяжёлых орудий) приводят к новой активизации масс. С конца ноября 1870 г. в связи с этим заметно известное оживление и в деятельности секций Интернационала. 26 ноября они (совместно с рабочими обществами) опубликовали большое воззвание. Это — не программа революционной борьбы, а подробный перечень требований, предъявляемых правительству (уже не раз их отвергавшему) во имя продолжения войны «до последней крайности» и защиты республики. Наиболее важной частью этого воззвания является содержащееся в нём обращение к труженикам городов и деревень с призывом создать «республику рабочих и крестьян». «Напрасно будут сеять семена вражды между нами, мы заявляем, что отныне наши интересы тождественны... Мы требуем, наконец, землю — крестьянам, которые её обрабатывают, шахты — шахтёрам, которые в них работают, мастерские — рабочим, которые их создают»¹. Это первая по времени попытка обращения к крестьянам. Мы увидим, что и коммунары не смогли внести ничего более конкретного в свои отношения с крестьянством, чем этот общий лозунг «земля крестьянам». Среди подписавших обращение руководителей секций Интернационала был Франкель.

Более ясную и активную позицию занимает в это время ЦК 20 округов, обратившийся 5 января 1871 г. к населению Парижа со знаменитой «Красной афишей». Это был подлинный обвинительный приговор буржуазному временному правительству, провозглашавший: «Политика, стратегия, администрация 4 сентября — это продолжение империи — осуждены. Место народу! Место Коммуне!»². Однако слабой стороной позиции авторов воззвания была их наивная попытка объяснить членам правительства, что

их долг, если у них ещё сохранился некоторый патриотизм, уйти в отставку, передав власть Коммуне. Деятельность самой Коммуны они сразу ограничивали чисто военными задачами, что вело к поверхностному отождествлению рабочих, готовых подняться на социальную, пролетарскую революцию, с «великим народом 1789 г., разрушающим бастилии и свергающим троны». Из наиболее известных членов Интернационала (главным образом прудонистов) воззвание подписали Беле, Малон, Тейс, Лафарг, Пенди, из бланкистов — Тридон, Ферре, Вайян.

22 января 1871 г. руководители комитетов бдительности и клубов увлекли несколько рабочих батальонов Национальной гвардии на новое выступление против правительства. В нём принял участие ряд бланкистов и несколько членов Интернационала. Попытка эта была подготовлена ещё хуже, чем выступление 31 октября; заранее осведомлённое о ней правительство встретило восставших огнём.

Перед лицом растущего революционного протеста буржуазное правительство поспешило подписать мирный договор с Германской империей, приняв грабительские условия (отторжение Эльзаса и Лотарингии и уплата контрибуции в 5 миллиардов франков). Германской армии были немедленно переданы почти все форты (наружные укрепления, около 2000 пушек, около 200 тысяч ружей, большое количество боеприпасов и т. д. Словом, были выданы все средства сопротивления, принадлежавшие государству, многие полки регулярной армии распущены. Но отобрать у народа Парижа — пролетарских и мелкобуржуазных масс, образовавших свыше 250 батальонов Национальной гвардии, его ружья и пушки, приобретённые трудовым населением по подписке в дни осады, правительство не решилось.

Чем и как жили в эти месяцы перед революцией секции Интернационала? Источники наших сведений по этому вопросу крайне неполны. Из выступления О. Серрайе на заседании Генерального совета 28 февраля 1871 г. становится ясным, что в ноябре им была предпринята попытка заставить секции «взяться за настоящую работу» и с этой целью избрать новый Совет, освободившись от правых прудонистов, так как Толен, Шален, Тейс, Комбо и другие служили лишь препятствием для дела. По его словам, 11 секций (из 30—40) отозвались на его призыв и основали в противовес остальным новый Совет, который

¹ П. М. Керженцев, Парижская Коммуна 1871 г., М. 1940, стр. 145.

² «Хрестоматия по новой истории», ч. II, 1870—1918, под редакцией А. И. Молока и В. А. Орлова, М. 1953, стр. 22; С. Айнберг-Загряжкова, «Красная афиша», «Вопросы истории» № 4, 1950 г., стр. 88—91.

«должен был созывать собрания и быть готовым... ко всяким могущим произойти событиям», то есть преодолеть «отвращение» к политике, которое было характерно не только для правых прудонистов, но и для левых прудонистов — «коллективистов» во главе с Варленом. Эта тенденция к «политизации» встретила сильное сопротивление («...меня обозвали глупцом»). «Неделю спустя,— говорил Серрайе,— мы (то есть он и те, кто стал на его сторону) составили воззвание, направленное против другого, ранее опубликованного»¹. Очевидно, это и есть то воззвание от 26 ноября 1870 г., в котором содержалось обращение к крестьянам и выдвигался лозунг «республика рабочих и крестьян». Появление этих новых моментов следует приписать именно влиянию Серрайе, который и в дни Коммуны пытался привлечь её внимание к мероприятиям в пользу деревни². О том, что имеется в виду именно воззвание от 26 ноября, говорит и состав подписавших его деятелей Интернационала, среди них не встречается имён правых прудонистов (Комбо, Мюра, Шалена), зато тут есть подписи Малона и Франкеля, на поддержку которых опирался, несомненно, Серрайе.

Под давлением Бисмарка 8 февраля 1870 г. начались выборы в Национальное собрание, которое должно было утвердить условия мира. Серрайе и его сторонники решили выставить список «революционно-социалистических» кандидатур — 13 от секций Интернационала, федеральной камеры рабочих обществ и ЦК 20 округов, остальные от мелкобуржуазных «революционеров-республиканцев 1848 г.». В программе, сопровождавшей список, говорилось о том, чтобы рабочие были среди тех, кто стоит у власти. «Вот избирательный лист кандидатов, представленных партией обездоленных во имя нового мира... Франция реорганизуется заново; рабочие имеют право отыскать и занять своё место в создающемся порядке. Кандидатуры социалистов-революционеров значат: разрыв со всеми, осмеливающимися посягнуть на республику, кто бы они ни были; признание необходимости политического выступления рабочих; падение правительственной олигархии и промышленного феодализма»³.

Однако большинство членов парижских секций Интернационала заявило, что не желает быть вместе с Бланки в одном списке кандидатур в Собрание, но согласилось участвовать в общих списках с мелкобуржуазными республиканцами, что и было им сделано (от рабочих сюда были внесены имена Малона, Пенди, Варлена и Толена)¹. Серрайе и группа его сторонников отказались поддерживать этот совместный список и выступали на выборах со своей программой.

В середине февраля старый и новый Совет объединились, причём Серрайе поставил условие, чтобы сначала были проведены перевыборы старого Совета, так как он был уверен, что правые прудонисты больше не будут туда избраны. К сожалению, сведения о жизни парижских секций Интернационала накануне и в дни революции 18 марта очень неполны и в сущности ограничиваются данными, содержащимися в весьма кратких протоколах заседаний Федерального совета за период с 5 января по 29 марта 1871 г.², в нескольких отрывках из протоколов отдельных секций и некоторых других документах, в очень важной резолюции секций от 20 мая и в небольших газетах двух секций. Ценнейшим источником по истории секций этого периода являются протоколы Генерального совета, показывающие то огромное внимание, с которым относились Маркс и Энгельс к вопросам организации французских рабочих, а также письма представителей Совета — О. Серрайе, Э. Дюпона и Е. Дмитриевой из Парижа³.

Начиная с января месяца парижская организация I Интернационала занималась восстановлением, дальнейшим укреплением и расширением прерванных войной связей, восстановлением разрушенной материальной базы, основанием новых секций и т. д. В поисках путей для разрешения этой основной задачи наметились две линии.

¹ См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 6.

² После поражения Коммуны часть этих протоколов была опубликована Комиссией Национального собрания в издании «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», Paris 1872, p. 523—533; см. также их отдельное издание «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris pendant la siège et la Commune», Paris 1872. Частичный перевод этих документов см. А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах (Хрестоматия), Л.—М. 1925, стр. 13—22, 301—310.

³ См. «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 1—69, 173—180 и след.

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 5.

² См. там же, стр. 174.

³ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, СПб, стр. 57.

Франкель (роль которого в это время неуклонно возросла), как человек, действительно во многом стоявший гораздо ближе к марксизму, чем левые прудонисты — «коллективисты», справедливо видел путь к укреплению материальной мощи Интернационала в такой его «мужественной», дисциплинированной, полной энергии, нестигаемой организации, сила которой определялась бы сознательностью её членов, глубоким пониманием ими своих конечных классовых целей («в борьбе за социальную республику»), верностью их своему интернациональному долгу («постоянной преданностью интернациональной идее»).

Только при этих условиях, утверждал он, «мы будем готовы и сильны в тот день, когда придётся действовать...». Иначе говоря, Франкель боролся за разрешение именно той задачи, которую Генеральный совет Интернационала и его вождь Маркс выдвинули в качестве первоочередной и главной перед французскими рабочими: всемерно использовать так называемые республиканские свободы для укрепления организации своего класса и завоевания самостоятельной позиции рабочего класса в основных внутренних и внешнеполитических вопросах. Вот почему Франкель считал столь печальным, что большинство членов секций не поняло, что заставило Серрайе и его внести в список кандидатов-социалистов вместо Луи Блана (за которого, кстати сказать, с увлечением проголосовала парижская буржуазия!) и Виктора Гюго «неизвестные имена», то есть имена рабочих. Вот почему Франкель твердил, что «необходимо безотлагательно заняться научными и организационными вопросами».

Франкель справедливо видел лучшее оружие в борьбе за решение всех этих задач, за превращение ослабевших, малочисленных, плохо связанных друг с другом секций, заражённых влиянием прудонизма, в немедленном создании своего печатного органа, политической газеты рабочего класса. При этом он исходил из того, что «печать — это самое мощное орудие пропаганды».

Однако эта единственно правильная в принципиальном и тактическом отношениях установка, вытекавшая из марксистского понимания сущности и задач рабочей партии, не нашла поддержки со стороны Варлена. Тем более не разделяли этих взглядов правые прудонисты.

Несомненной заслугой Франкеля и Серрайе являлось стремление укрепить связь парижских секций с Генераль-

ным советом, который внимательно следил за положением дел во Франции и оказывал возможную помощь Коммуне.

Пребывание Серрайе в Париже и его деятельность, направленная на выполнение указаний Генерального совета, принесли свои плоды. С середины февраля работа секций несколько оживилась.

После отъезда Серрайе в Лондон линию Генсовета продолжал проводить Франкель. Франкель не только не игнорировал экономических вопросов, напротив, он пытался привлечь внимание секций и рабочих обществ к таким наиболее насущным из них, как проблема квартирной платы и массовой безработицы. В этом его горячо поддерживал Варлен.

Всё чаще на заседаниях Федерального совета обсуждались политические вопросы.

В конце февраля сформировался будущий орган народной власти — ЦК Национальной гвардии. 1 марта вопрос об участии в нём обсуждался Федеральным советом Интернационала.

Активным сторонником участия был Варлен. Именно по его предложению Федеральный совет 1 марта 1871 г. выделил для связи с ЦК комиссию из четырёх человек. Варлен говорил: «Если мы останемся одни перед лицом такой силы, наше влияние исчезнет, если мы будем вместе с этим комитетом, мы сделаем большой шаг в сторону социального будущего», но предлагал идти туда, чтобы подчинить себе «дух», направление этой организации, в качестве национальных гвардейцев, а не в качестве членов Интернационала. Именно такого рода ошибочный наказ и был дан выделенной комиссии, лишивший её обязанностей и прав представителя организации, которая должна была, таким образом, как выразился один из членов Совета, оставаться «скрытой».

Предательская капитуляция Парижа, разоружение регулярной армии приближали час открытого столкновения сохранившей свои ружья и пушки Национальной гвардии столицы, в большинстве своём состоявшей из рабочих, с реакционной, изменнической буржуазией, так как вооружённый Париж «являлся единственным серьёзным препятствием на пути контрреволюционного заговора»¹.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 467.

Принятые реакционным Национальным собранием и созданным им правительством во главе с Тьером, этим злейшим врагом рабочего класса, законы и постановления носили явно провокационный характер. Отмена отсрочки платежей за кредит и фактическая отмена жалования национальным служащим тяжело ударили по рабочим, а отмена отсрочки платежей по векселям — по многочисленной мелкой буржуазии, что в значительной мере определило её совместное выступление с рабочими. Опубликование заочно вынесенного смертного приговора Бланки и Флурансу (по делу о выступлениях 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г.), закрытие 6 революционно-демократических газет, назначение главнокомандующим Национальной гвардией отъявленного реакционера и иезуита Орелье-Паладина, перенесение места заседаний Национального собрания в Версаль — всё это раскрывало политические цели готовившегося контрреволюционного заговора.

Чувствуя, что этот заговор направлен именно против него, рабочий Париж в эти дни жил особенно напряжённой политической жизнью. Но бурное дыхание этой жизни мало ощущалось в действиях Федерального совета секций Интернационала. Конечно, начатая реорганизация работы секций приносила свои плоды: многолюдней становятся собрания, растёт число секций. Но, во-первых, вопросы реорганизации (например, обсуждение нового устава) в эти бурные дни поглощали чересчур много внимания, а во-вторых, здесь всё ещё оставались сильны аполитичные настроения.

Между тем рабочие видели в Интернационале центр своей организации. 8 марта один из членов Совета передал сообщение секции Терн о том, что, возможно, «завтра жителям Монмартра предъявят требование отдать пушки»¹.

Именно на эти стоявшие на возвышенностях Монмартра пушки Национальной гвардии, на это страшное для контрреволюционного вооружения парижского пролетариата и предпринятый провокационной целью версальское правительство набег в ночь на 18 марта. «Рабочие ответили провозглашением Коммуны и гражданской войной»².

Победа революции 18 марта, передавшая власть в Париже в руки народа, в руки вооружённого рабочего

класса, означала осуществление его долгих, самых заветных чаяний, надежд и стремлений. Победа эта была достигнута в итоге многолетней борьбы рабочего класса, ценой огромных жертв. Наконец-то рабочие Парижа завоевали республику, не только демократическую, но и социальную, ту, за которую сражались и умирали июньские повстанцы 1848 г.

Это была первая революция, открывшая широчайший простор для проявления инициативы, творчества народных, пролетарских масс. Больше того, сами «практические обстоятельства», как подчёркивает Энгельс, властно требовали проявления этой инициативы, этого творчества. И массы оказались на высоте положения. Уже 12 апреля 1871 г. Маркс в письме к члену Интернационала Л. Кугельману восхищался прежде всего именно гибкостью, «этой исторической инициативой», умением по-новому, по-революционному выходить из труднейших «практических обстоятельств».

Революция, совершённая парижским пролетариатом 18 марта 1871 г., впервые предоставила возможность практической проверки правильности представлений о путях освобождения рабочего класса от политического и экономического угнетения, выраженных в теориях, доктринах, идейных направлениях, боровшихся в международном рабочем движении. Предстояла суровая проверка в огне классовой борьбы, с одной стороны, тех теорий и направлений, которые были унаследованы от прошлого, но, видоизменяясь, приспособляясь к новым условиям, сохраняли своё влияние, — прудонизма и бланкизма. С другой стороны, на опыте этой революции предстояла проверка правильности учения научного социализма, правильности марксистской теории пролетарской революции, идеи диктатуры пролетариата, проверка правильности выводов, сделанных Марксом на основании опыта революции 1848 г. во Франции, — о необходимости слома в ходе революции старой государственной машины, о необходимости союза рабочего класса с крестьянством. Опыт этой революции должен был дать ответ на вопрос, без разрешения которого не могла быть завершена разработка марксистской теории пролетарской революции, — чем заменить старую государственную машину.

В цитированном выше письме от 12 апреля Маркс приглашал Кугельмана взглянуть в последние

¹ «Enquête paritaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 529.
² В. И. Ленин, т. 13, стр. 438.

книги «18 брюмера Луи Бонапарта», в которой было предсказано, что следующей попыткой французской революции будет не передача из одних рук в другие старой бюрократически-военной машины, а с л о м её, ибо именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте. «Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей».

Вот почему Маркс, увидев именно в этом величие и всемирное историческое значение Коммуны, считал, что в любом случае она является «славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания».

Что же происходило в эти дни в секциях Интернационала? Члены секций — рабочие вместе с тысячами своих товарищей отразили наступление реакции и привели к победе народную революцию. Особенно активной была роль Варлена. Но большая часть членов Федерального совета, заражённая прудонистскими настроениями, не выступила в роли организаторов масс, плелась в хвосте событий.

23 марта на расширенном заседании Федерального совета обсуждался вопрос о предстоящих выборах в Коммуну. Франкель предложил обратиться к членам Интернационала и рабочих обществ с призывом голосовать за Коммуну, то есть принять самое активное участие в выборах. Позиция Франкеля нашла поддержку со стороны ряда ораторов. Некоторые из них говорили, что Интернационал должен сейчас действовать боевым образом. Одни из них заявляли, что долг членов Интернационала — всемерно поддержать республику, если она станет социальной, другие, как Обри, руководитель секций Руана, прямо утверждали, что происшедшая революция — социальная, призывали установить теснейшую связь с ЦК Национальной гвардии, требовали от депутатов будущей Коммуны соблюдения так называемого «императивного мандата», то есть обязательного выполнения ими требований избирателей, а в противном случае — выхода в отставку. Таким образом, некоторые из этих выступлений предвосхищали особенности положения будущих депутатов Коммуны, коренным образом отличающиеся от положения депутатов в буржуазных парламентах. В то же время прозвучали и голоса тех, кто был против того, что рабочие общества со всей силой «бросают в движение».

В результате прений создаётся комиссия по составлению манифеста в составе Франкеля и двух правых прудонистов — Тейса и Деме.

Содержание этого документа насквозь прудонистское, и ответственность за это несёт, несомненно, Франкель. Он не только не выступил с какими-либо возражениями, а сам внёс предложение распространять этот документ в виде афиш. Главные из содержавшихся здесь ошибочных положений заключались в осуждении гражданской, социальной войны, то есть классовой борьбы, в утверждениях о том, что в скором времени воцарится «братское согласие» как доказательство мудрости народа Парижа. Совершённая народом революция рассматривалась как чисто «коммунальная», то есть ограниченная в политическом отношении рамками борьбы за вольности города Парижа. Авторы манифеста призывали народ голосовать за Коммуну, так как она «прекратит антагонизм классов и обеспечит социальное равенство», утверждая при этом, что автономия каждой коммуны лишает требования трудящихся всякого «насильственного характера»¹.

В отличие от бланкистов, руководители секций Интернационала сразу же поняли особое значение социального вопроса в революции. Предстояло определить в принципе пути его разрешения. И вот здесь-то особенно и сказались «прудонистская отрыжка»: даже те из них, кто до этого боролся за «политизацию» Интернационала, высказались за сугубо мирную тактику. Один из самых главных вопросов — это вопрос о социальном строе, — говорил Бертен на заседании Совета 29 марта и делал отсюда следующий вывод: «Наша революция совершилась. Отложим же в сторону ружьё и возьмёмся опять за рабочие инструменты». Его поддержал другой член, Гаме, утверждавший, что «гвардию легко восстановить, труд гораздо труднее; при первом же звуке барабана мы опять возьмём в руки наши ружья». Эти глубоко ошибочные взгляды всецело разделял Франкель. «Я поддерживаю эту идею, — заявил он. — Мы хотим утвердить право рабочих, а это право может быть основано только на моральной силе или на убеждении; предоставим деспотам заставлять

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 303—305.

уважать право, которое они понимают по-своему, при помощи митральез». Одинокó прозвучал голос Гулле, считавшего, что «не мешает быть настороже».

Из всего сказанного явствует, что значение секций Интернационала в революции 18 марта определяется не ролью их как организационного центра борьбы рабочего класса, ибо эта их роль, хотя и возросла заметно с января 1871 г., оставалась в общем крайне незначительной. Нет, когда Маркс дал высокоположительную оценку этой роли, он имел в виду, очевидно, нечто иное. А именно: роль сотен рядовых рабочих — членов Интернационала в революционном творчестве масс, в которое именно они внесли более определённое сознание социального характера, социальных целей революции. Руководимые своим революционным инстинктом, действуя под давлением практических обстоятельств, эти рабочие — члены Интернационала шли по тому пути классовой борьбы, гражданской войны, слома старой государственной машины и замены её новым, пролетарским государством, по пути экспроприации экспроприаторов, который определялся закономерностями развития пролетарской революции, диктатуры пролетариата. Действуя так, рабочие — члены Интернационала, как и тысячи их братьев по классу, шли по пути, теоретически предсказанному Марксом и находившемуся в прямом противоречии с положениями наиболее влиятельной тогда среди них доктрины мелкобуржуазного социалиста-анархиста Прудона, и заставляли поступать так и своих руководителей-прудонистов. Вот почему революция 18 марта развивалась не по пути «братского согласия», прекращения социальной, гражданской войны, не по пути того «прекращения антагонизма классов», о котором говорили в своём предвыборном манифесте прудонисты — руководители секций Интернационала и рабочих обществ, а по тому пути, который был научно обоснован в «Манифесте Коммунистической партии», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Капитале», в «Учредительном манифесте» и ряде других документов I Интернационала. Чтобы составить более отчётливое представление о том, как именно это произошло, напомним о составе Коммуны. После ухода 21 буржуазного представителя в Коммуне оставалось 85 депутатов. Из них до 30 человек были рабочими, остальные — представители мелкобуржуазной интеллигенции (журналисты, писатели, врачи, художники, педагоги) и

мелкой буржуазии¹. Почти третья часть членов Коммуны принадлежала к Интернационалу², из них две трети были рабочие. Идейные течения, партии, представленные в Коммуне, воплощали в себе основные направления в тогдашнем французском рабочем движении. Наличие ряда внешних точек соприкосновения в вопросах организации и тактики между бланкистами (23 человека, не считая «примыкавших» к ним) и многочисленными представителями мелкобуржуазных демократов (12—14 «неоякобинцев» и «примыкавших» к ним) привело к образованию из этих двух групп «большинства» в Коммуне, в то время как прудонисты и «примыкавшие» к ним составили её «меньшинство». Формально это разделение произошло на заседании 1 мая 1871 г. при обсуждении вопроса о создании наделённого широчайшими полномочиями органа в виде Комитета общественного спасения, но в действительности такого рода размежевание происходит уже в самом начале существования Коммуны.

Бланкисты были представлены в Коммуне главным образом теми выходцами из среды мелкобуржуазной интеллигенции, роли которых в борьбе против буржуазных «верхов» Бланки всегда придавал особенно большое значение.

Это были Теофиль Ферре, Рауль Ригó, Гюстав Флуранс, чьи живые черты, очень во многом типичные для всей группы, явственно выступают в их портретах.

Значительно меньше среди бланкистов — членов Коммуны и среди её депутатов, примыкавших к «большинству», было рабочих. Это литейщик Дюваль, член Парижского бюро секций Интернационала, генерал Коммуны, расстрелянный версальцами 4 апреля, Жерем и некоторые другие из примыкавших к «большинству» членов Интернационала. Как правило, рабочие — члены Интернационала входили в состав прудонистского «меньшинства».

Бланкисты (имеются в виду именно их представители из кругов интеллигенции) были тогда, по словам Энгельса, в основной своей массе, как и раньше, социали-

¹ Список членов Коммуны с краткими данными о каждом из них см. А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 574—581; также П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 243—249.

² По данным, сообщаемым А. И. Молоком, — 22 человека, по подсчётам П. М. Керженцева — до 30 человек.

стами лишь по революционному инстинкту. Своей теории у них не было, с учением марксизма они знакомы не были, так как в то время учение это распространялось через Интернационал. Поскольку же французские члены Интернационала находились под влиянием прудонизма с его резко отрицательным отношением к политической борьбе и к государству, то бланкисты, стоявшие на противоположных позициях, относились к членам парижских секций враждебно и потому никакому влиянию с их стороны не подвергались.

Этот социализм по чувству и революционному инстинкту объективно представлял собой своеобразную форму протеста демократической интеллигенции против гнёта крупного капитала, против антидемократического бонапартистского режима Второй империи, страстными противниками которой она являлась, и вёл к её сближению, как это показано в книге, с той частью рабочих, которых отталкивал аполитизм прудонистов, разочаровывало решительное нежелание «впутывать Интернационал в политику», проявлявшееся даже левыми прудонистами — «коллективистами» во главе с Варленом уже после падения Второй империи.

Далёкие от понимания социальной сущности и социальных задач происшедшей революции, лишённые какой бы то ни было системы теоретических взглядов, бланкисты фактически отказались от участия в социальных мероприятиях Коммуны и всю присущую им активность направили на разрешение политических и военных вопросов. Таким образом, бланкисты, представлявшие интересы рабочих в «большинстве», несли в первую очередь ответственность и за достоинства и за промахи в политических и военных действиях Коммуны.

Весьма отрицательную роль в политической деятельности Коммуны сыграла многочисленная группа мелкобуржуазных демократов — «неоякобинцев».

«Неоякобинцы» представляли собой группу мелкобуржуазных политических деятелей, таких, как Делеклюз, Пиа, Гамбон, Груссе, Мелье, Паризель, Мио и другие, приобретших известность главным образом ещё во время революции 1848 г. Это были старые враги Второй империи, вернувшиеся в ряде случаев на родину лишь после её падения. Их борьба с режимом Второй империи не выходила за рамки требований буржуазно-демократиче-

ских свобод. Но так как в достижении этих свобод были тогда кровно заинтересованы не только мелкобуржуазные массы, но и рабочий класс, для которого это было условием его дальнейшей борьбы и организации в годы кризиса Второй империи, то популярность «людей 1848 года» сильно возросла. После революции 4 сентября они выступали, подобно Бланки, с лозунгом «Отечество в опасности», но затем, убедившись в измене правительства Национальной обороны, перешли к острой критике его и поддерживали лозунг создания Коммуны как органа самоуправления и защиты отечества.

Если вспомнить об аполитичности парижских секций Интернационала, о том, что в движениях 8 и 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г. вместе с рабочими массами участвовали не прудонисты, а бланкисты и «неоякобинцы», имена которых и вносились всегда в списки новых правительств, то понятно, что на выборах в Коммуну за них голосовали не только мелкие буржуа, столь многочисленные в Париже, но и рабочие. «Имена эти являлись всегда главарями во всякой борьбе, во всякой оппозиции, за ними признавали известную опытность в общественной жизни...»¹, — пишет член Коммуны Арну. Окружённые ореолом жертв бонапартистского гнёта, красноречивые ораторы, неутомимые журналисты, издатели демократических газет, защитники обвиняемых на политических процессах, озарённые отблеском революционных и патриотических традиций прошлого, — такими видели их массы на выборах в Коммуну.

Между тем рабочие массы не успели выработать своего собственного, классового отношения к этим традициям прошлого, традициям 1792—1793 гг., и понять, что их дело — не повторять прошлое, а строить будущее, укреплять организацию своего класса, избирать своих рабочих депутатов в Коммуну. Таким образом, избрание «неоякобинцев» в Коммуну и являлось своеобразной данью этому прошлому, объясняющейся недостаточным политическим развитием масс. Вспомним, что ведь и руководители парижских секций Интернационала, отказавшиеся быть в одном списке с Бланки, пошли на составление единого списка кандидатур с «людьми 1848 года» на выборах

¹ Артур Арну, Народная история Парижской Коммуны, М. 1918, стр. 119.

в Национальное собрание, а своим чисто прудонистским манифестом на выборах в Коммуну ничем не помогли рабочим массам в разъяснении сущности «людей 1848 года». Наоборот, проповедуя мирное преодоление «классовых антагонизмов», они сеяли вредные иллюзии в массах.

«Неоякобинцев» сближало с бланкистами то, что и те и другие были сторонниками решительных действий, не отдавая себе отчёта в их реальном социальном содержании и результатах. Но «неоякобинцы» не были однородны. Делеклюз был представителем именно той лучшей части их, которая сознательно шла на сближение с рабочими массами и была вместе с ними в дни революции 18 марта, хотя, подобно Делеклюзу, так и не смогла понять её пролетарский характер. Но была и другая часть, наиболее типичным представителем которой явился Феликс Пиа, ведший борьбу с Генеральным советом и с К. Марксом, пытавшийся неоднократно дискредитировать и оклеветать I Интернационал.

Таким образом, отношение новых якобинцев, этой группы мелкобуржуазных деятелей, к рабочему классу и Интернационалу было неодинаково. Но даже лучшие из них, подобно Делеклюзу, требовали в это время, как и в 1848—1849 гг., демократически-республиканских учреждений «не для того, чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм»¹. Образцом, примером борьбы за эти демократически-республиканские свободы оставался для них высший этап буржуазно-демократической революции — период якобинской диктатуры 1793—1794 гг. Они не понимали, что на арену выступила новая, неизмеримо более высокая форма демократии — пролетарская, дающая не формальное, а действительное социальное равенство.

Чтобы оценить искренность и чистоту побуждений таких людей, как Делеклюз, необходимо помнить указание Маркса о том, что мелкая буржуазия видит в выдвигаемых ею требованиях не свои эгоистические классовые интересы. «Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба»².

Вот почему, какие бы меры ни предлагались идеологами мелкой буржуазии, как бы более или менее революционно ни окрашивалась сама цель («неоякобинство»), — суть оставалась та же: перестройка общества демократическим путём, но перестройка, остающаяся в рамках мелкобуржуазности¹.

Отсюда лишь внешнее сходство требований, лозунгов мелкобуржуазных демократов с объективным содержанием лозунгов пролетариата, например требования «социальной республики».

С особой силой раскрылись все эти черты классовой ограниченности мелкобуржуазных «неоякобинцев» в их деятельности в Коммуне, когда обнаружилась неспособность даже лучших из них понять пролетарский характер революции 18 марта и враждебные пролетариату устремления таких людей, как Пиа, Везинье.

Как видно из ряда действий Делеклюза (например, из составленного им проекта программы Коммуны), даже для него «якобинство» оказалось в сущности лишь формой, лишённой главного содержания — духа непримиримой классовой борьбы.

Выдвинув перед рабочим классом Франции задачу определить в 1870—1871 гг. своё классовое отношение к национальной традиции 1792 г., история потребовала от рабочих сделать это также и в отношении революционных традиций 1793—1794 гг. Строго говоря, впервые именно в Коммуне, став у власти, рабочие должны были высоко поднять эти традиции, действуя столь же смело, бесстрашно, наступательно, ведя за собой народные массы и в первую очередь крестьянство, как это делали якобинцы 1793 г. в своей борьбе против феодально-монархической контрреволюции. Делеклюз, увидев на ряде примеров бессилие, вырождение мелкобуржуазного «неоякобинства», не смог стать пролетарским революционером. Не видя выхода из этого положения, не желая уклоняться от участи борцов революции, он пошёл навстречу смерти, доказав также и этим, что его поведение определялось примером якобинцев, то есть тенью героического прошлого буржуазии, а не идеями и моралью восходящего класса — пролетариата.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 238.

² Там же.

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 238.

Таков облик «большинства» Коммуны. «Меньшинство» Коммуны состояло из 22 человек, в том числе из 16 членов Интернационала, в большинстве своём рабочих, а по взглядам — прудонистов.

Однако среди них следует различать правых прудонистов, оставшихся верными буржуазной сущности учения Прудона и отстаивавших неприкосновенность частной собственности, и левых прудонистов — «коллективистов». Типичным представителем первых являлся Беле, в прошлом владелец фабрики паровых машин, отстаивавший идею примирения труда с капиталом. Назначенный представителем («делегатом») Коммуны при Французском банке, Беле упорно защищал хранившиеся там огромные ценности (более чем на 3 млрд. франков). Коммуне (да и то после сильного нажима с её стороны) было выдано из банка около 16 млн. франков, в то время как версальское правительство получило оттуда на финансирование борьбы с Коммуной 257 млн. франков. То, что Коммуна «почтительно остановилась перед дверьми Французского банка», было одной из её серьёзнейших ошибок не только в экономическом, но и в политическом отношении. По мнению Энгельса, захват банка заставил бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство, чтобы заключить мир с Коммуной¹. Причины этой ошибки в сохранившемся влиянии идёй Прудона, считавшего, что не производство, а обмен играет особенно важную роль в жизни общества. Вот почему члены Коммуны убедили угрозы Беле, что захват банка «нанесёт страшный удар стране», приведёт к дезорганизации её экономической жизни. Вот почему вместо конфискации Французского банка некоторые газеты пропагандировали чисто прудонистскую идею об организации Коммуной своего «социального» банка. Характерным для правопрудонистских воззрений является заявление таких членов Коммуны, как Журд, о том, что «нельзя применять метод экспроприации в пользу государства»². Представители этой группы тормозили проведение в жизнь ряда социальных мероприятий Коммуны, боясь ущемить интересы хозяев предприятий.

Однако давление и инициатива рабочих масс преодолели это сопротивление. Представителями народных масс, выражавшими их социальные требования, являлись ближе всего стоявшие в этих вопросах к марксизму, находившиеся в непосредственном идейном общении с Марксом такие деятели Интернационала, как Франкель, возглавивший Комиссию труда и обмена, и входивший в её состав Серрайе. Именно они наиболее отчётливо представляли себе социальный характер революции 18 марта. Франкель защищал немедленное проведение в жизнь декрета об отмене ночного труда в булочных именно потому, что считал его единственно социалистическим из всех принятых Коммуной¹, а так как, по его словам, он, принимая мандат, не имел другой цели, «кроме защиты пролетариата», то он всецело поддержал эту меру, принятую по требованию самих рабочих.

Сознавая, что они находятся в Коммуне для проведения «социальных реформ», Франкель и Серрайе, хотя и не имели отчётливого представления о сущности диктатуры пролетариата, настаивали на более тщательной предварительной подготовке соответствующих декретов через Комиссию труда и обмена, в которой участвовали рабочие, на разъяснении населению как принципиальных мотивов, из которых исходит Коммуна, то есть политической направленности декрета, так и выгоды для масс данного мероприятия.

Не следует преувеличивать роли Комиссии труда и обмена, например, в издании декрета 16 апреля о конфискации брошенных мастерских. Первый шаг в сторону его осуществления был сделан ею лишь девять дней спустя после его издания, причём сама Комиссия по обследованию этих предприятий была создана по инициативе рабочих-механиков. Но всё же роль этой Комиссии, установление её руководителем Франкелем связи с Марксом, которого он просил высказать своё мнение о необходимых социальных преобразованиях, так как прежде всего «надо заложить фундамент социальной республики»², — весьма значительна. Комиссия была связана с рабочими через

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 441.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, М. 1933, стр. 295.

¹ См. «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 298. Само по себе это мнение ошибочно, так как такого рода определение должно быть отнесено прежде всего к декрету от 16 апреля о конфискации брошенных мастерских.

² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 175.

так называемую «инициативную комиссию», которая в свою очередь приняла меры к установлению связи с делегатами комитетов 20 округов, рабочих товариществ и федеральных палат.

Именно в Комиссии труда и обмена рабочие видели осуществление того самого «министерства труда», создания которого они тщетно добивались в 1848 г., получив вместо него так называемую Люксембургскую комиссию, в которой Луи Блан убеждал их «примириться» с буржуазией.

Рабочие правильно поняли, что социальные декреты Коммуны подрывают основы буржуазного общества и после совершённой ими революции приобретают социалистическую направленность.

Голос десятков тысяч рабочих Парижа слышался в наказе союза механиков и ассоциации металлистов, который они дали 23 апреля своим делегатам, направленным в эту Комиссию для участия в осуществлении декрета от 16 апреля. Рабочие требовали «положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства; организовать труд путём ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом»¹. Такая организация в последнем счёте должна была вести к коммунизму, то есть к прямой противоположности учению Прудона. Здесь, как и в создании нового типа государства, «революционный инстинкт рабочего класса прорывается вопреки ошибочным теориям»², в наиболее полном виде раскрывается решающая роль рабочих масс в революции 18 марта, в создании первого опыта диктатуры пролетариата.

В Комиссии труда и обмена Франкель и Серрайе опирались на большинство, но большинство это было прудонистским. «Все только и говорят о проекте народного банка, об обмене и т. д. Одним словом, каждый день из сочинений «великого учителя» извлекается новый проект»³, — писал Серрайе жене 15 апреля. Но если на следующий день член Комиссии Авриаль и несколько его коллег внесли на заседании Коммуны письменное предложение о расследовании вопроса о брошенных мастерских, то это значит, что Комиссия именно благодаря

¹ П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 327.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 181.

³ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 186.

Франкелю, Варлену и Серрайе шла в решающем и основном против «принципов» Прудона, шла благодаря давлению практических обстоятельств и принимала решения, подсказанные революционным инстинктом рабочего класса, «гениальным чутьём проснувшихся масс». Вот почему, хотя в Коммуне и было много прудонистов, ею не было сделано ни малейшей попытки решать социальные вопросы на основе проектов Прудона об «организации экономических сил». Опровергая измышления немецкого прудониста Мюльбергера о том, будто бы у французских, итальянских и испанских рабочих «принципы, формулированные Прудоном, почти повсюду образуют живую душу движения», Энгельс показал, что к величайшей чести Коммуны «живую душу» всех её экономических мероприятий составляли «не какие-либо принципы, а ...простая практическая потребность»¹. И именно потому эти мероприятия — отмена ночного труда булочников, запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация брошенных фабрик и мастерских и передача их рабочим ассоциациям — соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу научного социализма. Значение в Коммуне Франкеля, Серрайе и «коллективистов» во главе с Варленом как представителей Интернационала и заключалось в том, что они помогли рабочим оформить требования, продиктованные обстоятельствами и инстинктом масс, выдвигавшиеся благодаря их инициативе. Это проявилось, например, в том, что Франкель стремился теоретически обосновать соответствующие действия Коммуны и дать им практическое выражение в борьбе за создание «фундамента социальной республики», а не атомизированного анархистского прудоновского царства мельчайших единоличных производителей. Вот в каком смысле и говорил Энгельс о Коммуне, как о «духовном детище» Интернационала, того Интернационала, который уже в 1869 г. стал на открыто коммунистическую платформу.

Вот почему Коммуна явилась могилой прудонизма. Ведь единственное социальное мероприятие, проведённое правыми прудонистами действительно в чисто прудонистском духе, — от ка з от конфискации Французского банка — был одной из причин гибели Коммуны².

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 566.

² См. там же.

Великим учителем коммунаров, которые в своём творчестве новых форм жизни инстинктивно шли по путям, теоретически предсказанным учителем, чьими сознательными учениками (хотя ещё далеко не во всём главном) являлись Франкель и Серрайе, был Маркс. Именно благодаря Марксу, благодаря руководимому им Интернационалу рабочие Парижа приходили к более ясному пониманию того, что революция, которую они совершили, «есть прежде всего революция социальная», к выводу о том, что «рабство девятнадцатого века, капитализм, рушится»¹.

Всемирно-историческое значение Парижской Коммуны огромно. Будучи первым в истории правительством рабочего класса, она представляла собой созданное массами государство нового типа, открытую ими политическую государственную форму диктатуры пролетариата, в рамках которой должно было совершиться экономическое освобождение труда. Советская власть, республика Советов являются развитием этой формы.

Великий создатель партии большевиков и Советского государства В. И. Ленин разъяснял рабочим и крестьянам нашей Родины, что их революционное творчество есть «продолжение пути Парижской Коммуны»², так как бессмертное дело, за победу которого отважно боролись и бесстрашно умирали коммунары, было дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся.

85-летие Парижской Коммуны международный пролетариат, трудящиеся всех стран отметили в обстановке огромных, всемирно-исторических побед лагеря социализма, мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

Построено величественное здание социалистического общества в нашей стране. Огромных успехов достигли трудящиеся Народного Китая и европейских стран народ-

ной демократии, уверенно идущие по пути строительства основ социализма. Велики успехи мощного движения сторонников мира, направленного на предотвращение новой опустошительной войны, на запрещение ядерного оружия, на борьбу с гонкой вооружений, против милитаризма, отважным противником которого выступила Коммуна, высоко поднявшая знамя пролетарского интернационализма, знамя мира и дружбы между народами.

Героический рабочий класс Франции высоко держит знамя борьбы за национальные интересы своей родины, за демократические права, за жизненные социальные интересы трудящихся масс. Коммунистическая партия Франции, по словам Мориса Тореца, черпает уроки революционной энергии и смелости в самых чистых традициях французского народа и его рабочего движения; она считает себя наследницей санкюлотов 1793 г., лионских ткачей 1831 г., рабочих 1848 г., славных коммунаров 1871 г.¹

Трудящиеся всех стран, чувствуя, что в борьбе против социального, политического угнетения, в своём созидании новых форм общественной жизни они все «стоят на плечах Коммуны», чествуют в славный день 18 марта коммунаров, отдавших свои жизни за дело освобождения пролетариата от рабства.

Вот почему труженикам всего мира так дороги книги, воссоздающие образы деятелей Парижской Коммуны. В этом значение и книги А. Лурье, которая рисует портреты славных коммунаров 1871 г.

В. Алексеев-Попов.

¹ П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 263. Конечно, нельзя никоим образом преувеличивать зрелость взглядов даже этих передовых рабочих. И в их сознании ещё были сильны следы прудонистского влияния (например, они говорили о какой-то «трудовой буржуазии»), но главное, что их уже бесповоротно отделило от Прудона, — это именно сознание неизбежности крушения капитализма.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 110.

¹ См. Maurice Thorez, Le parti armé de la victoire, «Cahiers du bolchevisme», № 6, 1939, p. 767.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЛУИ ЭЖЕН ВАРЛЕН (1839—1871)

Одним из создателей парижских секций Интернационала, неутомимым пропагандистом решений его конгрессов, деятелем французского рабочего движения, боровшимся за организацию и сплочение пролетариата, активным участником Коммуны был Луи Эжен Варлен.

Эжен Варлен родился 5 октября 1839 г. в деревушке Вуазен (округ Клёз департамента Сены-и-Марны), в семье бедного крестьянина. Отец его, Эме Варлен, имел маленький домик и клочок земли, но у него не было лошади, чтобы обрабатывать эту землю. Эме большую часть времени батрачил, занимаясь работать к другим, зажиточным крестьянам: вскапывал землю, ухаживал за виноградниками, косил траву, стриг овец. Он был готов на любой тяжёлый труд, только бы прокормить семью.

Старший из его трёх сыновей, Эжен, учился в школе местечка Клёз и проявлял большие способности, но уже в тринадцать лет ему пришлось бросить школу: отец решил, что мальчику пора изучить какое-нибудь ремесло, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Он привёз Эжена в Париж, определил его в мастерскую одного переплётчика на улице Пон-де-Лодн и уехал.

Тяжело пришлось мальчику на первых порах: хозяин буквально морил голодом своих учеников и грубо с ними обращался. В Париже жил дядя Варлена, переплётчик Ипполит Дюрю. Он решил взять Эжена к себе. Но мальчику жилось у него несколько не лучше, чем у прежнего

хозяина. Дюрю подметил, что Эжен увлекается чтением и слишком часто заглядывает в книги, вместо того чтобы их переплетать. Заставая племянника за чтением, Дюрю всякий раз осыпал его бранью и упрёками. Кончилось тем, что он однажды выставил Эжена за дверь и навсегда с ним расстался. Это произошло 10 декабря 1854 г. После этого Эжен переменял ещё несколько хозяев. С течением времени он стал отличным переплётчиком и так хорошо себя зарекомендовал, что в дальнейшем получал работу в мастерской поставщика императорского двора.

Любознательный и способный юноша сильно страдал от того, что не получил даже самого элементарного образования. Он задался целью пополнить эти досадные пробелы и всё свободное от работы время посвящал чтению и занятиям. Он посещал музеи и библиотеки Парижа, много читал, писал, размышлял. Он усердно изучал историю, литературу, правовые науки и политическую экономию. Он горел неутолимимым желанием всё узнать, понять и усвоить: математику, механику, анатомию, физиологию... Усидчивые занятия стоили ему многих бессонных ночей.

Наконец, Варлен, когда ему исполнился двадцать один год, решил поступить в вечернюю школу «Филотехнического общества» (общества содействия народному образованию). Нисколько не смущаясь, Варлен сел на школьную скамью рядом с малыми ребятами. Во время учения он проявил огромное терпение, настойчивость и трудолюбие.

Так Варлен после тяжёлого рабочего дня в мастерской находил возможность учиться и дома и в школе. Кроме того, он брал уроки стенографии и пения. Он очень любил музыку и обладал недурным голосом.

В конце 1860/61 учебного года Варлен, будучи одним из первых учеников, получил несколько наград на торжественном акте в присутствии министра народного просвещения.

По окончании курсов Варлен задумал изучать латинский и греческий языки, чтобы иметь возможность читать в подлиннике великих писателей древности, и стал брать уроки у муниципального служащего Андрие (в будущем — члена Коммуны). Но Варлену так и не удалось довести до конца своё намерение, так как вскоре он стал

отдавать всё свободное время борьбе за права угнетённых рабочих, которая захватила его целиком. Это произошло в те годы, когда рабочий класс Франции, воспрянувший духом после июньского поражения 1848 г., вновь начал борьбу.

Основанием к этому послужил жестокий экономический кризис, охвативший в 1857 г. французскую промышленность. Истрадавшиеся рабочие переходят к энергичным действиям и, несмотря на суровые законы, делают попытки к объединению. Начинают возникать рабочие организации под «невинным» названием «кооперативных обществ взаимного кредита».

Варлен принял энергичное участие в создании такого рода кооперативного общества переплётчиков. Вскоре общество предъявило предпринимателям следующие требования: «Вместо 12-часового рабочего дня — 10-часовой; в случае болезни или безработицы — обязательное оказание материальной помощи рабочим».

Учитывая растущую активность рабочих, а также общий подъём демократического движения в Европе, Наполеон III был вынужден пойти на уступки и разрешить создание кооперативных обществ.

Однако, разрешая их создание, правительство Наполеона III следило внимательно за тем, чтобы они не занимались политикой. Во главе каждого такого кооперативного общества в качестве председателя должен был обязательно стоять человек, преданный правительству и неусыпно контролирующий деятельность рабочих. Был такой бонапартистский ставленник и агент, обладавший неограниченной властью, и в «Обществе переплётчиков», в которое входил Варлен. Варлен, избранный в Совет общества, при поддержке товарищей открыл энергичную кампанию против устава, предоставлявшего председателю-бонапартисту неограниченные права, и в конце концов добился изменения его.

В 1861 г. Варлен был выдвинут в комиссию по отбору делегатов на первую Всемирную выставку, которая должна была состояться в Лондоне в следующем году. Правительство Наполеона III вело тогда политику заигрывания с рабочими, притворно изображая себя «покровителем» и «защитником» их интересов; поэтому оно согласилось на отправку в Лондон рабочей делегации. В течение лета и начала осени 1862 г. несколько групп фран-

цузских делегатов одна за другой — всего двести человек — выехали в Лондон на выставку.

Поездка эта произвела на французских рабочих сильнейшее впечатление. Они убедились, что условия труда английских рабочих лучше, чем условия труда французского пролетариата, и что немало способствовала этому организованность рабочего класса, достигнутая благодаря наличию крепкой профессиональной организации (тред-юнионов).

Поездка на Лондонскую выставку явилась поводом для сближения между рабочими разных стран.

Во время этой первой товарищеской встречи зародилась и начала зреть великая идея Международного Товарищества Рабочих.

Летом 1862 г. Варлен решил, наконец, устроиться самостоятельно, чтобы иметь возможность брать заказы на дом и заниматься. За 90 франков он приобрёл кровать, комод, стол, тюфяк и поселился в мансарде на улице Дофин, № 33. Варлен вёл очень скромный образ жизни: целый день трудился без усталости, переплетая книги в бархат, телячью кожу или сафьян, а затем занимался.

«Он был высоким, слегка сутулым... Густые, отброшенные назад волосы открывали чудесный лоб. В чёрных живых глазах отражалась кротость, соединённая с энергией. Благодушный и скромный почти до робости, Варлен всегда внимательно выслушивал до конца своего собеседника и только тогда высказывал собственное мнение. Тот, кто видел его хотя бы один раз, уже никогда не мог его забыть!»¹

Серьёзный, вдумчивый и уравновешенный, полный сосредоточенной энергии, Варлен производил на всех, с кем ему приходилось встречаться, неотразимое впечатление. Ключере (будущий деятель Коммуны), познакомившийся с ним в тюрьме, писал:

«Варлен побеждал людей своими глазами. Во всю свою жизнь мне никогда не случалось видеть подобных глаз! Они были не очень велики, но в них горел такой огонь, что к ним тотчас приковывалось ваше внимание, и вы вскоре начинали чувствовать к нему уважение и привязанность. Эти небольшие чёрные, полные жизни

глаза светились добротой, честностью и умом, взор их пропикал в вас насквозь...»¹.

По вечерам в комнате Варлена нередко собирались товарищи, горячо споря или мирно обсуждая всевозможные экономические и политические вопросы.

Одним из вопросов, волновавших тогда французское общество, были выборы 1864 г. в Законодательный корпус. Варлен и его друзья горячо высказывались за то, что рабочие должны иметь там своих представителей, которые могли бы защищать в парламенте интересы своего класса. Опубликованный в газетах знаменитый «Манифест 60» (подписанный 60 рабочими), требовавший избрания рабочих в качестве депутатов, произвёл сильнейшее впечатление и вызвал ярость буржуазной прессы и депутатов. Хотя первая рабочая кандидатура, выдвинутая на выборах, провалилась, но республиканская оппозиция смогла победить только при поддержке рабочих голосов. Это было ощутительным ударом, нанесённым сообществом бонапартистской реакции!

В мае 1864 г. правительство Наполеона III, желая привлечь на свою сторону рабочих и использовать их поддержку в борьбе с крепнувшим республиканским движением, провело закон, разрешавший устройство стачек и организацию рабочих союзов.

Спустя несколько месяцев, в августе 1864 г., началась стачка переплётчиков. Варлен принимал живое участие в работах комитета, руководившего этим выступлением. Рабочие требовали уменьшения рабочего дня с 12 до 10 часов, подённой платы за 10 часов работы, как за 11 часов, 25 % надбавки за сверхурочные часы. Стаечный комитет указывал в своём заявлении, что существующий размер рабочего дня делает жизнь для рабочих, имеющих семьи, невыносимой; особенно тяжелы и непродуктивны ночные часы работы, вредные для здоровья; указывал, что от безработицы страдает множество рабочих и что в конце концов сами хозяева должны быть заинтересованы наравне с рабочими в облегчении условий жизни и труда последних. В конце августа большинство хозяев пошло на уступки. Первая забастовка была выиграна! В сентябре 1865 г. началась новая забастовка переплётчиков, которой руководил тот же комитет. Варлену было пору-

¹ E. Faillet, Biographie de Varlin, Paris 1885, p. 15.

¹ Cluseret, Mémoires, v. III, Paris 1888, p. 232.

чено заботиться о голодающих семьях безработных. Он прилагал огромные усилия, чтобы как-нибудь облегчить страдания семей забастовщиков. День и ночь бегал он с подписным листом по Парижу, собирая для них деньги, был неутомим и изобретателен в изыскании средств.

Когда забастовка окончилась, участники её оказались в критическом положении, так как сильно задолжали. Надо было раздобыть 4 тысячи франков — колоссальную сумму по тому времени! «Варлен никогда в жизни не видел таких денег. Этот бедняк, не имевший никогда самого необходимого, позволявший себе тратить на завтрак не больше 11 су и большей частью не обедавший, стиравший сам своё бельё и ходивший в обтрёпанной одежде, совершил чудо: собрал полностью все 4 тысячи франков и аккуратно, копейка в копейку, оплатил все долги своих товарищей!»¹.

В результате стачки переплётчикам удалось добиться уменьшения рабочего дня с 12 до 11 часов и повышения почасовой оплаты. Они были очень довольны своей победой над предпринимателями и преподнесли Варлену серебряные часы с выгравированной надписью:

«Варлену — в знак признательности от рабочих-переплётчиков. Сентябрь 1864 г.».

Рассказывали, что этот подарок был деликатной попыткой некоторых товарищей как-нибудь облегчить сильную нужду Варлена, который и слушать не хотел ни о какой денежной помощи. Надеялись, что в критическую минуту Варлен заложит или продаст эти часы, но он и не подумал этого сделать и до самой смерти бережно хранил дар товарищей.

Предприниматели жестоко отомстили Варлену: перед ним закрылись двери всех мастерских. Пришлось затратить много энергии в поисках работы на дом...

Стачную борьбу вели не только парижские переплётчики: на борьбу с капиталистами, с правительством Наполеона III поднимался весь французский пролетариат. Стачки происходили повсюду — в Лионе, Крезе, Руане...

В начале 1865 г. в Париже возникла первая секция Интернационала. По рекомендации своего друга, пере-

плётчика А. Клеманса, Варлен был принят в секцию в числе первых двухсот членов. Парижское бюро Интернационала, возникшее в начале 1865 г., помещалось в центре города, на улице Гравилье, № 44, в скромном помещении с убогой обстановкой. Варлен вошёл в комиссию, избранную в помощь Бюро.

«...В маленькой комнате Бюро... собиралась группа рабочих, членов Интернационала (красильщик Малон, механик Мюра, бронзовщик Камелина, резчик Ландрен и другие); они слушали лекции... архитектора Шемале и Пьера Дени. Дени был ярким поклонником Прудона. В результате этих бесед Варлен и его друзья стали прудонистами... Однако Варлен по своей натуре был человеком действия. В нём слишком сильно было развито чувство реальности, чтобы его могли долго занимать теоретические дискуссии»¹.

В годы Второй империи прудонизм широко проник в среду французского пролетариата, внушая ему идею о необходимости примирения с существующей действительностью и глуша всякую мысль о самостоятельном политическом выступлении. Прудонисты убеждали рабочих, что не их дело вмешиваться в политику, так как им следует всю энергию сосредоточить на защите своих экономических интересов, что единственно реальным средством для улучшения их жизни является система взаимопомощи, то есть создание «обменных банков», обществ взаимного кредита, потребительских и производственных кооперативов, которые якобы дадут возможность рабочим постепенно приобрести орудия производства в полное владение «мирным путём», без революции. Так прудонисты стремились подменить подлинно революционную борьбу рабочего класса реформаторством.

Варлен полагал, что при первых шагах рабочего движения полезно решительно всё, что способно содействовать объединению рабочих. «Тяжёлые усилия в лучшем случае приведут к паллиативу, а в конечном итоге к отрицательному результату, — говорил Варлен, — и тогда они (рабочие. — А. Л.) захотят радикальных реформ, которые одни только могут принести им свободу»².

¹ I. Gaumont, De l'Internationale à la Commune: Eugène Varlin, «La revue socialiste, syndicaliste et coopérative», 15 juin 1913, p. 516—517.

² E. Faillat, Biographie de Varlin, p. 19.

¹ M. Foulon, Eugène Varlin, Clermont-Ferrand 1934, p. 34.

Вместе с тем Варлен был убеждён в необходимости революционного свержения буржуазного правительства без чего, по его мнению, рабочий класс не может прийти к своему освобождению.

Но как подготовить эту революцию? «Путём объединения, организации пролетариев в синдикаты, кооперативы, политические общества», — отвечал Варлен. «В этих организациях рабочие научатся обсуждать и вести свои дела, отстаивать свои интересы, приобретут навыки в управлении и администрации, — и, когда наступит революция, сумеют взять в свои руки фабрики и заводы»¹.

В течение некоторого времени Варлен продолжал оставаться прудонистом, повторяя затверженные идеи.

«Потребительские общества, Общества взаимного кредита и другие практически являются, — говорил он, — почти единственным средством освобождения пролетариата»². Варлен немало потрудился в этом направлении. В декабре 1867 г. при активном участии Варлена на средства рабочих было создано кооперативное общество столовых — «Marmite» («Котёл»), где рабочие могли получить по себестоимости сытный обед (по желанию — в столовой или на дом). Рабочая столовая имела большой успех. Варлена немедленно избрали председателем этого общества. В этих столовых рабочие собирались, происходил живой обмен мнений, там же скрытно велась и политическая работа.

Но этого было мало: рабочим нужна была своя, рабочая газета, которая бы освещала их жизнь, защищала их интересы. Варлен давно уже отстаивал эту мысль и, наконец, осуществил её. 4 июня 1865 г. дружными усилиями Варлена и некоторых других активных членов Интернационала (Лимузена, Фрибура, Бурдона, Толена, Мюра) удалось выпустить первый номер «воскресной литературной и научной газеты» «La Tribune ouvrière» («Рабочая трибуна»). Уже в первом номере редакция заявила, что в газете все вопросы будут освещаться с чисто рабочей точки зрения. «Надо показать всем этим образованным господам, слишком быстро возомнившим себя божками, что рабочие могут создать в своей собствен-

ной среде неплохих писателей, способных защищать идеи прогресса и освобождения».

Но уже после четвёртого номера (25 июня) «La Tribune ouvrière» была запрещена за резкую статью Лимузена о чрезмерной дороговизне платы за квартиру. Издание газеты под другими названиями продолжалось четыре месяца, то есть до тех пор, пока не иссякли собранные денежные средства.

С огромным воодушевлением работал Варлен в Бюро Интернационала. Он проявил блестящие организаторские способности. По утверждению Мориса Домманже, в этот период Варлен «один привлёк к парижской секции Интернационала три четверти её членов»¹. (В конце 1865 г. в организации было уже 500 членов.)

С большим нетерпением Варлен ожидал созыва Первого конгресса Интернационала, но в 1865 г. удалось созвать только конференцию в Лондоне. В конце сентября 1865 г. Варлен, избранный делегатом на конференцию, поехал в Лондон. Тут он познакомился с Марксом. Основным вопросом, обсуждавшимся на конференции, была повестка дня будущего конгресса. Так как состав присутствовавших делегатов был очень пёстрым, то обсуждение повестки дня носило чрезвычайно бурный характер.

Парижским прудонистам в результате противодействия Маркса и его сторонников не удалось провести на конференции своего предложения о том, чтобы в Интернационал принимались только люди физического труда, и о том, чтобы признать политические вопросы чуждыми целям Интернационала.

Прудонисты протестовали против внесения в повестку дня будущего конгресса обсуждения польского вопроса и не захотели поддержать резолюцию о восстановлении независимой Польши на демократических основах, принятую большинством конференции. Конференция открыто показала, что отказ прудонистов от политической деятельности ведёт к игнорированию национально-освободительной борьбы польского народа. Не захотели прудонисты выступить и с осуждением политики царского самодержавия, душившего революционное движение в Польше. Маркс и Энгельс осудили эту вредную для революционного рабочего движения позицию.

¹ Морис Домманже, Коммунар Варлен (1839—1871), Л. 1927, стр. 38—39.

² Adolphe Clémence, Eugène Varlin, «La revue socialiste», № 5, 1885, p. 416.

Кратковременное пребывание в Лондоне не дало Варлену возможности по-настоящему сблизиться с Марксом. Варлен оставался прудонистом. Несмотря на свой боевой темперамент и искреннюю преданность рабочему делу, он продолжал относиться к революционной программе научного коммунизма с известным предубеждением: «прудонистская отрывка» слишком прочно засела во всех «гравильерах» — французских членах Интернационала, и не так-то легко было от неё освободиться даже Варлену.

Варлен искал свой, «особенный» путь. Он был не теоретиком, а практиком, прирождённым организатором. Следуя пролетарскому, революционному инстинкту, он уходил всё дальше и дальше, «левее» от остальных прудонистов.

По приезде из Лондона Варлен выступил (29 июля 1865 г.) на большом банкете в садах Элизэ-Менильмонтан перед семьями слушателей с яркой речью, которая произвела сильное впечатление на присутствовавших. Он с жаром призывал «бороться изо всех сил с невежеством, рутиной и предрассудками — величайшими препятствиями на пути к прогрессу», указывал на необходимость воспитания и образования народных масс. Речь свою Варлен закончил следующими словами: «Материальное освобождение трудящихся невозможно без их морального и умственного освобождения! Вот почему я предлагаю следующий тост: «За умственное освобождение рабочих!»»¹.

В 1866 г. в Женеве состоялся Первый конгресс Интернационала. Французская делегация была весьма многочисленна. В большинстве своём она состояла из прудонистов. В числе делегатов конгресса находился и Варлен, посланный парижскими рабочими. На этом конгрессе сразу же выявилось расхождение между сторонниками линии Генерального совета (английские, американские и германские делегаты) и французской прудонистской делегацией (поддержанной швейцарцами). Основными вопросами, по которым разгорелась борьба, были вопросы о роли рабочей кооперации, о профсоюзах, об организации рабочего дня, о женском и детском труде и польский вопрос. Прудонисты, как и следовало ожидать, пытались провести свои излюбленные принципы (невмешательство рабочих в политику; кооперация — универсальное средство

мирного разрешения всех противоречий между трудом и капиталом и т. д.). Но боевая, революционная, пролетарская точка зрения восторжествовала. После горячей дискуссии конгресс принял предложенные К. Марксом резолюции, имевшие большое политическое значение. Особое значение имела резолюция о профессиональных союзах, направленная не только против прудонистов (отрицавших любую организацию рабочего класса) и лассальянцев (пренебрегавших его профессиональной организацией), но и против ограниченного тред-юнионизма англичан, сводившего всю деятельность рабочих организаций к борьбе за мелкие реформы в рамках капиталистического общества. Эта резолюция, пояснял В. И. Ленин, «точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев)»¹.

Французские прудонисты пытались прибегнуть к неблагоприятному способу борьбы, снова предложив не принимать в члены Интернационала «работников умственного труда». (Это предложение было в первую голову направлено против Маркса и Энгельса.) Но они встретили горячий отпор со стороны английских и немецких делегатов и потерпели в этом вопросе поражение. Своё впечатление от конгресса Маркс так формулирует в письме к Л. Кугельману:

«...Я очень опасался за первый конгресс в Женеве, но вопреки моему ожиданию он прошел в целом хорошо. Влияние его во Франции, Англии и Америке превзошло все ожидания... У господ парижан головы набиты пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают. Они презрительно относятся ко всякому *революционному*, т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, действию... Прудон принес громадный вред. Сначала его мнимая критика и его мнимая противоположность утопистам... захватила и подкупила «блестящую молодежь», студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготятся, сами того не сознавая, к старому

¹ М. Foulon, Eugène Varlin, p. 52.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 158.

хламу. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, надутые ложным пафосом, они чуть было все не испортили...»¹. Именно поэтому Маркс не мог не оценить положительную роль «меньшинства» французской делегации (Варлен, Бурдон), которое трезво и разумно восстало против некоторых неправильных положений прудонистского «большинства». Так, например, по вопросу об обучении детей Варлен выступил против проекта французской делегации, требовавшего, чтобы дети воспитывались и обучались под контролем отца, а не общества.

Это требование прудонистов вытекало из их отрицательного отношения к деспотическому государственному режиму империи Наполеона III. Анархистски отрицая необходимость существования государства, они возражали против права государства на воспитание детей. Варлен выступил на конгрессе с критикой этого положения и противопоставил ей свою точку зрения. «Конечно,— возражал Варлен,— и мы хотим, чтобы отец контролировал воспитание своих детей. Но если даже изнурительная работа на производстве и даст ему кое-какую возможность урвать время для одного ребёнка,— где же он возьмёт время для других детей?.. А что же делать тем детям, родители которых вовсе не интересуются их участью? Нет, здесь должно вмешаться только общество!»²

Опасение того, что личность может быть подавлена государством, исчезнет, если государство не будет уже деспотическим, абсолютистским и если воспитание будет подчинено всенародной воле в истинно демократическом обществе. «В сущности, свобода преподавания... заставит педагогов быть на высоте современных научных знаний. Это несколько не устранил руководящей роли родителей, причём все дети будут иметь возможность учиться»³.

По вопросу о женском труде Варлен также выступил на конгрессе с особой точкой зрения: признавая всю вредность и аморальность условий труда женщин в современных фабричных условиях, он утверждал, что нельзя лишать трудящуюся женщину права зарабатывать себе на жизнь честным путём; что надо не устранять женщин с

производства, а улучшить общие условия труда. Однако конгресс всё-таки постановил осудить женский труд и принял по этому вопросу резолюцию прудонистского большинства, в которой, между прочим, указывалось: «Место женщины — в семье; её задача — воспитывать ребёнка»¹.

По важнейшим вопросам конгрессом были приняты следующие решения:

1. Международное Товарищество Рабочих должно объединить усилия пролетариев всего мира в борьбе труда с капиталом.

2. Ограничение рабочего дня 8 часами является обязательным условием, без которого всякие попытки улучшения жизни рабочих и их освобождения окажутся бесплодными. (Этот пункт вызвал сильнейшую дискуссию, причём французы-прудонисты утверждали, что законодательство не должно вмешиваться в этот вопрос, что в каждой стране производственные условия различны, и заявили, что они против какой бы то ни было регламентации; встретив энергичный отпор, они были вынуждены уступить и поддержать требование 8-часового рабочего дня.)² Принят был особый пункт об ограничении труда детей и подростков в сочетании с обязательным всеобщим и профессиональным обучением, а также предложение об охране труда женщин.

3. По вопросу о кооперации конгресс утвердил антипрудонистскую резолюцию, в которой, признавая кооперацию «одной из преобразующих сил современного общества, основанного на классовом антагонизме», указывал, что она не в состоянии никогда преобразовать капиталистическое общество. Для этого «необходимы социальные изменения общего характера, изменения общих социальных условий, что возможно лишь в том случае, если государственная власть перейдёт из рук капиталистов и помещиков в руки трудящихся, производителей»³. В противоположность прудонистам конгресс признал необходимым создать массовые боевые организации пролетариата — профессиональные союзы.

Конгресс утвердил устав Международного Товарищества Рабочих.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 440—441.

² E. Faillat, Biographie de Varlin, p. 28.

³ I.-L. Puech, Le Proudhonisme dans l'Association internationale des travailleurs, Paris 1907, p. 128—129.

¹ «I-er Congrès ouvrier», Genève 1866, p. 20.

² Ibid., p. 18, 19.

³ «The International Working Men's Association Resolutions of the Congress of Geneva 1866», London 1866, p. 7.

Решения Женевского конгресса были первой победой программных и организационных принципов марксизма в I Интернационале и укрепили позицию Маркса и его сторонников.

В своих корреспонденциях в газету «Mutualité» (орган труда и кооперации) Варлен с увлечением описывал воодушевление, царившее на Женевском конгрессе — этой первой осязательной и наглядной демонстрации международной солидарности. «В первый раз,— писал он,— рабочие разных стран имели возможность встретиться, чтобы совместно изучить способы улучшения своей участи! Естественно, что в порядок дня были поставлены всевозможные социальные вопросы. ...Обширность программы не позволила посвятить должное время каждой проблеме. Если к этому добавить, что дебаты на трёх языках были затруднительны, а перевод отнимал немало времени, то следует посчитать за счастье, что за несколько дней удалось принять столько серьёзных решений... В общем... все делегаты явились с твёрдым намерением что-либо осуществить и не теряли времени на длинные дискуссии и на изложение более или менее остроумных теорий, а стремились к практической цели. Слишком уже долгое время водили за нос рабочих громкими словами и напыщенными фразами. Сейчас они хотят [не слов, а] действий!»¹ Это настроение разделяли все делегаты — французы, швейцарцы, англичане, немцы. Все радовались, поздравляли друг друга. Впечатление от конгресса было незабываемым: идея Интернационала торжествовала! Варлен, вернувшись с конгресса, стал энергично выступать в защиту решений, принятых в Женеве.

Варлен толкал Парижское бюро Интернационала на путь активной борьбы, и, несмотря на отрицательное отношение прудонистов к стачечному движению, нередко им не оставалось ничего иного, как следовать за ним. Так было, например, в марте 1867 г., во время стихийного выступления рабочих фабрики в городе Рубэ, вызванного введением новых машин. По настоянию Варлена Бюро решило помочь им и опубликовало в печати призывы о помощи рабочим в Рубэ. В апреле в связи с начавшейся стачкой

горнорабочих предприятий в Фюво появился пламенный призыв за подписью Варлена и двух других членов Интернационала — Толена и Фрибура.

Популярность Парижского бюро Интернационала в массах непрерывно возрастала. Особенно сильно содействовала этому решительная позиция Бюро во время стачки бронзовщиков. Рабочие-бронзовщики основали общество взаимного кредита. Но фабриканты, заподозрив, что общество основано с целью борьбы с ними, потребовали, чтобы рабочие немедленно вышли из состава этого общества, пригрозив в противном случае рассчитать их. В ответ на это бронзовщики объявили стачку. Варлен, Толен и Фрибур опубликовали воззвание, в котором заявляли: «В данном случае дело идёт уже не о заработной плате. Требуя от рабочих, чтобы они покинули общество, основанное ими для защиты своих прав, хозяева подняли этим принципиальный вопрос, ибо подобное требование является покушением на свободу труда и на личное достоинство рабочих». Толен и Фрибур поехали с делегатами от бронзовщиков в Лондон и получили у Генерального совета Интернационала помощь бастующим в размере нескольких тысяч франков. Фабриканты были ошеломлены. Твёрдо уверенные, что «таинственный» Интернационал располагает колоссальными средствами, они пошли на попятную. Эффект этой победы был громадный.

В 1867 г. Варлен был избран делегатом от переплётчиков на Всемирную парижскую выставку 1867 г. На общем собрании общества взаимного кредита переплётчиков Варлен высказался за участие в выставке, но категорически протестовал против того, чтобы рабочие пользовались денежным пособием правительства.

«Если мы хотим сохранить независимость,— воскликнул он,— и иметь возможность свободно выражать свои убеждения и впечатления, мы должны отвергнуть всякое «покровительство» властей и организовать посылку делегатов на свой счёт!»¹ Тут же, по его предложению, была открыта подписка на сумму, необходимую для расходов по посылке делегации.

В течение 1866—1867 гг. Франция переживала тяжёлый торгово-промышленный кризис, который поразил все

¹ «Révue du Travail et des Sociétés coopératives», «La Mutualité», 15 octobre 1866.

¹ М. Foulon, Eugène Varlin, p. 72.

основные отрасли французской промышленности; больше всего от кризиса пострадала лёгкая промышленность. В годы кризиса резко ухудшилось положение рабочих, особенно парижского пролетариата, занятого работой в наиболее пострадавших от кризиса отраслях промышленности. Резко упала заработная плата, увеличилась безработица, сильно возросло стачечное движение.

Под влиянием растущего рабочего движения, а также под влиянием принципиальной революционной борьбы Маркса и его сторонников в I Интернационале с непролетарскими течениями среди прудонистского лагеря наметилось расхождение: образовалось левое крыло, к которому принадлежал Варлен и ряд других деятелей, занимавшее по ряду вопросов рабочего движения (таких, как признание необходимости политической борьбы, участие в стачках и др.) правильную позицию. В то время как правые прудонисты во главе с Толеном всё более удалялись от участия в революционном движении, левое крыло прудонистов было тесно связано с рабочим классом Франции. Масса рабочих начала понимать, что осуществление её классовых интересов связано с борьбой против существующего политического строя.

Под влиянием растущей активности народных масс парижские члены Интернационала решили отныне принимать участие в антиправительственных кампаниях буржуазных республиканцев. Одним из первых политических выступлений французских пролетариев был открытый протест против предпринятой правительством Наполеона III военной экспедиции в Италию. Целью этой экспедиции была поддержка светской власти папы Пия IX в его борьбе против национально-освободительного движения под руководством Гарибальди.

2 ноября 1867 г. парижские члены I Интернационала приняли участие в манифестации парижских республиканцев на могиле известного деятеля итальянского национально-освободительного движения — Манина, умершего в изгнании в Париже.

Видя безуспешность своей политики заигрывания с французскими рабочими, правительство Наполеона III изменило тактику и перешло к репрессиям. Оно решило покончить с Интернационалом. В 1868 г. всё Парижское бюро Интернационала было арестовано и предано суду по обвинению в принадлежности к не дозволенной законом

ассоциации, числом более 20 человек. Правительство возмущало, что оно одним ударом отрубило головы «революционной гидре». Но парижская организация Интернационала ответила на это выборами новой комиссии. Были избраны Варлен (переплётчик), Бурдон (гравёр), Бенуа Малон (красильщик) и другие. В большинстве своём комиссия состояла теперь из левых прудонистов, более революционных, чем их предшественники, из сторонников активной политической борьбы рабочих за свои права. Таков был результат, которого правительство достигло своими действиями. Решением суда общество (Интернационал) было объявлено распущенным, а обвиняемые подвергнуты 100-франковому штрафу и месячному тюремному заключению.

В том же месяце — в марте 1868 г. в Женеве вспыхнула грандиозная стачка рабочих-строителей, требовавших повышения заработной платы и получивших отказ. Большинство рабочих было членами Интернационала. Это обстоятельство вызывало ещё большее озлобление хозяев. Бастующие оказались в отчаянном положении и стали вызывать о помощи к организациям Интернационала в Лондоне, Париже, Брюсселе и т. д.

5 апреля Варлен от имени Парижского бюро Интернационала поместил в газете «Opinion nationale» («Общественное мнение») сообщение, что у него на квартире открыта подписка в пользу бастующих женевских строителей. Он организовал выпуск воззвания к рабочим всех профессий. По всему Парижу из рук в руки передавались подписные листы. Рабочие — строители, литографы, печатники, жестянщики и т. д. — представители всех профессий с жаром откликнулись на призыв. Варлен проявил необычайную инициативу и энергию. В течение нескольких дней была собрана значительная сумма (10 тысяч франков), которую Варлен торжественно вручил представителям женевских стачечников. Стачка была выиграна! Это было новым блестящим проявлением международной солидарности пролетариев всего мира.

Весной 1868 г. правительство возбудило новое преследование секций I Интернационала. 22 мая 1868 г. вторая комиссия Парижского бюро Интернационала в составе Варлена, Малона, Бурдона, Комбо, Эмбера, Моллена, Гранжона, Шарбонно и Ландрена предстала перед трибуналом.

Варлен произнёс от имени всех обвиняемых защитительную речь, которая прозвучала обвинительным приговором буржуазному обществу.

«...Мы с вами представляем две борющиеся партии,— сказал он, обращаясь к судьям,— вы стремитесь во что бы то ни стало сохранить существующий порядок, а мы, социалисты, хотим этот порядок изменить».

Речь Варлена заканчивалась следующим предостережением: «...Земля уходит из-под ног богачей, берегитесь!

Класс, который до сих пор появлялся на арене истории лишь во время восстаний для того, чтобы уничтожить какую-нибудь великую несправедливость,— класс, который угнетали всегда,— рабочий класс узнал наконец, что именно нужно сделать, чтобы уничтожить всё зло и все страдания. С вашей стороны было бы очень благоразумно не мешать его справедливому делу... Буржуазия не может ничего противопоставить рабочим, кроме насилий и жестокостей, но насилия только ускорят взрыв. Если бы буржуазия не хотела быть бесполезно-жестокой, ей следовало бы уступить место людям, верящим в лучшее будущее и трудящимся над подготовкой справедливого общественного порядка...»¹.

Своим наивным предложением буржуазии «сойти со сцены» и «уступить место молодому классу» Варлен отдал дань прудонизму.

6 июля, согласно приговору суда, Варлен был посажен в тюрьму Сент-Пелажи, где просидел три месяца (до 6 октября).

Между тем в сентябре 1868 г. в Брюсселе собрался очередной конгресс Интернационала. Присутствовало 96 делегатов, из них 18 французов (в том числе Толен, Мюра, Пенди, Обри и Лонге). Работа конгресса была тщательно подготовлена К. Марксом, который сам написал годовой отчёт Генсовета и составил проекты важнейших резолюций.

На Брюссельском конгрессе I Интернационала обсуждались вопросы о стачках и о профессиональных союзах рабочих; успех рабочего движения во всех странах заставил прудонистов признать необходимость стачечной борьбы и организации профсоюзов для борьбы за освобождение рабочего класса. На конгрессе был поднят воп-

рос о влиянии машин на положение рабочих, об организации системы «дарового кредита» (рекомендованной в сочинении Прудона) и о создании «менового банка». Брюссельский конгресс выдвинул требование обобществления машин, рудников, средств сообщения и вообще всех средств производства.

Особое значение имела резолюция о коллективной собственности на землю, составленная сторонником Маркса, левым прудонистом Цезарем де Пал. Прудонисты выступали решительными защитниками сохранения частной собственности на землю и боролись против резолюции, предложенной Марксом и его сторонниками. Однако в лагере прудонистов не было единства. Группа левых прудонистов, выделившаяся ещё до конгресса, высказалась в пользу коллективной собственности на землю. Конгресс принял решение о передаче земли, её недр и железных дорог в общественное пользование. Прудонисты потерпели поражение. Брюссельский конгресс нанёс прудонизму удар, после которого он уже не мог оправиться.

Решения Брюссельского конгресса оказали большое влияние на Варлена и способствовали его дальнейшему отходу от прудонизма. 4 сентября Варлен со своими товарищами по заключению послал из тюрьмы горячее приветствие Брюссельскому конгрессу, которое было оглашено на одном из его заседаний.

К моменту выхода Варлена из тюрьмы Париж и вся Франция были охвачены сильнейшим революционным подъёмом.

Неустойчивое внутреннее и внешнее положение Второй империи, усилившаяся оппозиция правительству со стороны республиканской буржуазии вынудили Наполеона III к либеральным уступкам. Летом 1868 г. был издан закон о печати и разрешены публичные собрания. Собрания происходили повсеместно. Повсюду произносились горячие речи. В выступлениях ораторов и в печати открыто обсуждалась не только перспектива близкого крушения империи, но даже возможность «социальной революции».

Варлен с головой окунулся в кипучую политическую жизнь.

После Брюссельского конгресса во Франции, так же как и в других странах, развернулась борьба за создание самостоятельных классовых организаций пролетариата.

¹ Морис Домманже, Коммунар Варлен, стр. 56—58.

Варлен выступил горячим сторонником стачечной борьбы и создания профессиональных союзов. Он понимал, что только этим путём социалисты могут объединить и революционизировать рабочую массу. Вместе с другими членами Бюро он организует поддержку стачки луарских рудокопов, начавших борьбу за повышение заработной платы и за введение восьмичасового рабочего дня, стачки сучильщиц шёлка в Лионе, которая вызвала широкое движение солидарности среди руанских и марсельских рабочих. Он организует поддержку стачек в разных городах Франции, рассылает всюду письма и инструкции. «Мы находимся в состоянии открытой войны»¹, — писал он в Руан своему другу литографу Обри.

К этому времени Варлен (1869 г.) фактически становится руководителем всего французского рабочего движения. Он поддерживает регулярную переписку с руководителями секций Интернационала Лиона, Крезе, Руана и других крупных промышленных городов Франции, даёт им советы, организует помощь в стачечной борьбе. Весной 1870 г. он присутствует на многолюдном собрании членов I Интернационала в Лионе, посвящённом созданию федерации секций, посещает заводы Шнейдера в Крезе, где происходила стачка рабочих. Он принимает живейшее участие в политической жизни страны, активно участвует в избирательной кампании 1869 г. по выборам в Законодательный корпус. «Несмотря на бойкотистское настроение заядлых прудонистов, — писал он, — мы начнём на избирательной арене борьбу с буржуазными республиканцами всяких оттенков, для того чтобы наглядно подчеркнуть разрыв между народом и буржуазией»².

Пропаганда решений конгрессов I Интернационала, широко развёрнутая Варленом и его товарищами, дала скоро свои результаты.

«Восемь месяцев дискуссий на народных собраниях вскрыли тот поразительный факт, что большинство рабочих, активно стремившихся к общественному преобразованию, разделяют коммунистические взгляды. Слово «коммунизм» вызывает такую же ярость в лагере всевозможных консерваторов, как некогда, накануне июньских дней... Чем с большим упорством революционные рабочие

Парижа объявляют себя коммунистами, тем яростнее обрушиваются на них консерваторы всех мастей и оттенков»¹.

Такова была обстановка во Франции, когда в сентябре 1869 г. собрался очередной конгресс I Интернационала в Базеле. Французская делегация прибыла на конгресс в количестве 26 человек. Состав делегации оставался прудонистским.

Одним из важнейших вопросов, вновь поставленных на обсуждение на Базельском конгрессе, был вопрос о собственности на землю. Резолюция по земельному вопросу признала, что «общество имеет право упразднить частную собственность на землю и превратить её в общественную собственность»². Большинство конгресса, так же как и большинство французской делегации, высказалось за резолюцию. Прудонисты ещё раз потерпели поражение.

Начиная с Базельского конгресса, на смену разгромленному окончательно прудонизму выступило другое враждебное марксизму мелкобуржуазное течение, искусно прикрывавшееся «революционной», «социалистической» фразеологией, — *бакунизм*. Бакунин хотел захватить руководство Интернационалом и навязать ему свою анархистскую программу «социальной ликвидации», то есть уничтожения одним разрушительным ударом и капитализма и вообще государства (никакой положительной программы Бакунин не мог, да и не умел предложить пролетариату в его борьбе с буржуазией). Для этого он создал тайную организацию — Альянс социалистической демократии.

На Базельском конгрессе 1869 г. Бакунин выступил с предложением об отмене права наследования, рассматривая её как меру постепенного перехода земли от частных владельцев к обществу. В противоположность этому К. Маркс в специальном докладе конгрессу доказал, что этот реформистский и утопический план в условиях буржуазного общества неосуществим. Подобное мероприятие, по мнению Маркса, было бы «ошибочно теоретически и реакционно на практике». Конгресс не вынес по этому

¹ J. Guillaume, L'Internationale. Documents et souvenirs (1864—1878), v. I, Paris 1905, p. 142—143.

² «Базельский Конгресс Первого Интернационала 6—11 сентября 1869 г.», М. 1934, стр. 85.

¹ «La vie ouvrière», 5 mai 1913.

² Ibidem.

вопросу никакого решения, но снова одобрил вопреки стараниям бакунистов деятельность Генсовета и переизбрал его в прежнем составе. Анархисты вынуждены были констатировать свою неудачу.

В то время Варлен ещё не знал о двурушничестве Бакунина и его сторонников (Гильома и др.); Варлен не знал, что они, выдавая себя за «сверхреволюционеров», в действительности являлись врагами рабочего класса и, стремясь предательски проникнуть в Интернационал, хотели взорвать его изнутри. Дезориентированный Бакуниным Варлен на Базельском конгрессе поддался его влиянию и в вопросе об отмене права наследования поддержал бакунистов против сторонников Генерального совета. Впрочем, хотя Варлен и голосовал за резолюцию Бакунина, он совершенно не разделял всех его анархических убеждений. Об этом свидетельствует его дальнейшая практическая революционная деятельность.

После возвращения из Базеля Варлен с головой ушёл в практическую работу, целиком посвятив себя организационной деятельности, то есть как раз тому, что было чуждо анархистам-бакунистам, врагам и дезорганизаторам рабочего движения.

Ещё в мае 1869 г. при горячем участии Варлена был принят проект объединения всех рабочих обществ в так называемую Федеральную палату. В начале декабря парижская Федеральная палата уже существовала.

Так терпеливо, день за днём, шаг за шагом, Варлен создавал единение всех сил парижского пролетариата, укреплял его сплочённость.

«До сих пор нас третировали, бесцеремонно эксплуатировали, потому что мы были разьединены и бессильны,— писал Варлен в статье «Стачка и сопротивление» (ноябрь 1869 г.).— Теперь с нами начинают уже считаться... Это эпоха сопротивления! Скоро, когда мы все будем объединены...мы сможем потребовать, фактически и юридически, права пользования всей совокупностью нашего труда — и это будет справедливо. Тогда паразитам придётся исчезнуть с лица земли: если они захотят жить, им придётся стать производителями, полезными людьми. Но что важнее всего, это — чтобы рабочие были организованы»¹.

Тем временем стачки следовали за стачками. Варлен отдавал все силы организации помощи бастующим. Не прошло и месяца с момента возвращения Варлена с Базельского конгресса, как произошли кровавые события в Обэне, а затем в Рикамари: войска стреляли в бастующих рабочих. 8 октября 1869 г. в Обэне было убито и ранено свыше 60 человек. Эти бесчеловечные расстрелы вызвали по всей Франции волнения и протесты. Варлен организовал сбор денег для семей пострадавших в Обэне. Совместно с Тейсом, Малоном, Авриалем и другими деятелями рабочего движения он опубликовал следующий протест:

«Подобные покушения на жизнь и права народа вынуждают нас заявить, что немыслимо жить при таком социальном строе, когда на шумные, но вполне обоснованные манифестации капитал отвечает ружейными выстрелами!...»¹

Большое внимание Варлен уделил стачке парижских сыромятников. Начавшаяся в июле 1869 г., она продолжалась в течение 6 месяцев. Число стачечников достигло 800 человек. Сыромятники решили организовать работу собственными средствами. Бастовавшим сыромятникам помогали все пролетарии Парижа, все рабочие союзы. Восхищаясь этим проявлением пролетарской солидарности, Варлен говорил: «Нет, это уже не одни сыромятники борются со своими хозяевами — это все рабочие союзы Парижа!»

В обстановке растущих политических и экономических выступлений рабочего класса Франции члены I Интернационала с особой остротой чувствовали необходимость создания своей рабочей газеты. Однако денежных средств не доставало. Тогда Варлен вместе с группой членов I Интернационала решил вступить в соглашение с кем-либо из левых республиканцев и создать газету, в которой должны были отражаться также интересы французского пролетариата.

Такой газетой стала «Marseillaise» («Марсельеза»), во главе которой стоял левобуржуазный республиканец Анри Рошфор, активно боровшийся с режимом Наполеона III. Газета была основана 19 декабря 1869 г. В ней участвовал ряд виднейших социалистов и левых республи-

¹ «Egalité», Genève, 20 novembre 1869.

¹ Adolphe Clémence, Eugène Varlin, «La revue socialiste», № 5, 1885, p. 420.

канцев — Валлес, Женни Маркс, Арну, Флуранс, Р. Риго, Мильер, Вермерш и другие. «Основатели газеты,— писал 25 декабря 1869 г. Варлен,— имеют в виду не только ведение пропаганды, но ещё соединение всей европейской социалистической партии, путь газеты, постоянные сношения между всеми группами, одним словом — подготовка социальной революции в Европе».

В январе 1870 г., в обстановке нарастающего революционного подъёма, в Париже произошло событие, ещё более накалившее политическую атмосферу: двоюродный брат Наполеона III совершил убийство журналиста В. Нуара. На похоронах собралась огромная толпа, по преимуществу рабочие. Однако открытое революционное выступление было преждевременным, и члены I Интернационала употребили всё своё влияние, чтобы его предотвратить.

Трезво оценивая соотношение сил, Варлен писал Обри (29 декабря 1869 г.): «...На наших собраниях мы почти единодушно признали, что мы *ещё* не готовы для революции, что нам нужен ещё год или, может быть, два для пропаганды путём газеты, публичных или частных собраний и организации рабочих обществ, чтобы достигнуть господства над положением и быть уверенными, что революция не ускользнёт из наших рук в пользу республиканцев-несоциалистов»¹.

Несколько позже, в письме к Обри от 19 января 1870 г., Варлен, возвращаясь к тому же вопросу, заявлял: «Без сомнения, вспышка и последующее за этим подавление восстания вполне удовлетворили бы буржуазные партии, так как были бы для них поводом к объявлению нас вне закона; но мы должны быть тем более осторожны, что чувствуем своё одиночество. Нам следует одним ударом отрубить все головы гидре и не промахнуться — вот почему мы колеблемся»².

Газета «Marseillaise» выступила с резким протестом против произвола в стране. Правительство Наполеона III ответило на это арестом А. Рошфора.

Возмущённый арестом Рошфора, Варлен вместе с другими членами Парижского бюро Интернационала подписал заявление, опубликованное в «Réveil» («Пробужде-

ние») 11 февраля 1870 г., клеймившее действия правительства.

Через два дня после появления в печати заявления с протестом против ареста А. Рошфора Варлен был арестован и посажен в одиночную камеру парижской тюрьмы, носившей, как бы в насмешку, название «Santé» («Здоровье»). На квартире у Варлена был сделан обыск, во время которого забрали много писем, газет и записную книжку с адресами. Через две недели его выпустили. Произвол бонапартистских властей вызвал справедливое возмущение Варлена. «И вы хотите,— писал он Обри 8 марта 1870 г.,— чтобы я был менее революционен при подобном положении вещей, которое ухудшается с каждым днём? Когда совершенно исчезнут с лица земли произвол и несправедливость, когда на земле будут царствовать свобода и справедливость, только тогда я не буду революционером; но до той поры знайте, что чем больше будут на меня обрушиваться удары деспотизма, тем больше я буду озлоблен против него и тем больше буду для него опасен. Напрасно вы думаете, хотя бы одно мгновение, что я пренебрегаю социальным движением ради политического! О, нет! Я делаю революционное дело исключительно с социалистической, истинно социалистической точки зрения... Но вы должны основательно понять, что никаких социальных реформ мы не сможем осуществить, пока не уничтожен старый политический строй!»¹

В мае 1870 г. Наполеон III объявил о своём решении провести плебисцит. Народу предлагалось выразить своё отношение к либеральным реформам правительства и к нововведениям, внесённым им в конституцию. По существу плебисцит должен был явиться средством укрепления императорского престижа внутри страны. Члены Интернационала повели энергичную борьбу против плебисцита и рекомендовали при голосовании подавать пустые бюллетени. Манифест против плебисцита, составленный членами Интернационала, широко обсуждался на рабочих собраниях и был опубликован в «Marseillaise». В манифесте говорилось о новом типе республики, где рабочие будут играть ведущую роль, об уничтожении постоянной армии и т. д.

¹ «La vie ouvrière», 5 mai 1913.

² Ibidem.

¹ «La vie ouvrière», 5 mai 1913.

Выступая 19 апреля 1870 г. на собрании парижских членов I Интернационала, Варлен заявил: «Мы требуем абсолютного суверенитета народа, прямого народовластия. Мы утверждаем принцип Всемирной Социальной Республики и протестуем против плебисцита»¹.

Практическая деятельность по укреплению секций I Интернационала и организации рабочего класса всё более отдаляла Варлена от бакунистов. Ещё в феврале этого года Бакунин, пытавшийся привлечь Варлена в число своих сторонников, с досадой писал анархисту А. Ришару в Лион: «Г-жа D. T. (Варлен.— А. Л.) — превосходная и полезная особа, но она далеко еще не целиком наша»². Ему пришлось в этом довольно скоро убедиться. Швейцарские газеты «Egalité» («Равенство») и «Progrès» («Прогресс»), инспирированные бакунистами, после Базельского конгресса повели ожесточённую кампанию против Генерального совета. Генеральный совет ответил на это письмом от 1 января 1870 г., обращённым ко всем организациям МТР, в котором дал решительный отпор этим интригам³. Варлен присоединился к линии Генерального совета. «Несмотря на то, что Бакунин сильно интриговал в Лионе и Марселе,— писал Маркс,— ...французские комитеты.... заявили, что они *вполне солидарны* с этим письмом Генерального совета»⁴. В феврале 1870 г. «Варлен решительно воспротивился посылке Генеральному совету коллективного адреса, составленного в Женеве, так как этот адрес, заключавший в себе упрёки и угрозы, вызвал бы в Генеральном совете справедливое возмущение»⁵.

¹ «Troisième Procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris», Paris 1870, p. 63. Под сильным давлением со стороны правительственного аппарата за новую конституцию (т. е. за империю) голосовало 7 358 786 человек, 1 571 939 высказалось против и 1 894 681 воздержалось. Маркс указывал в первом воззвании Генсовета I Интернационала о франко-прусской войне, что голосовать за плебисцит значило «голосовать за внутренний деспотизм и за внешнюю войну... Во всех больших городах, во всех промышленных центрах Франции рабочий класс, как один человек, восстал против плебисцита. К несчастью, голоса рабочих были подавлены ввиду глубокого невежества сельских округов».

² «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. 3, М.—Л. 1927, стр. 361.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 364.

⁴ Там же, стр. 365.

⁵ Amédée Dunois, Une belle figure prolétarienne, «Humanité», 6 juin 1913, p. 6.

После ещё нескольких неудачных попыток атаковать Генеральный совет Бакунин убедился, что ему не поднять секции Интернационала на открытый мятеж против Генсовета ввиду огромного авторитета последнего. Игра бакунистов была проиграна. Раскольническая деятельность бакунистов подверглась обсуждению на Лондонской конференции (в сентябре 1871 г.). В 1872 г. Гаагский конгресс Интернационала исключил Бакунина и ближайшего его единомышленника и помощника Гильома из Интернационала.

В этот период Варлен неоднократно выступает в печати со статьями, в которых касается различных вопросов рабочего движения. В статье «Стачка и сопротивление» Варлен пытался наметить пути социального переустройства общества, найти форму, в какой должно будет произойти «коренное», революционное изменение условий труда после совершения социальной революции. Варлен решительно заявлял, что «народ жаждет более справедливого распределения общественной продукции, он хочет участвовать в тех выгодах, которые наука предоставила в распоряжение промышленности, но которые присвоило себе меньшинство населения, сохраняющее их только для себя»¹.

Он утверждал, что после успешной политической революции должен быть поставлен вопрос о социальной революции, и требовал полного освобождения народа, которое «не ограничилось бы только сменой этикетки». В своей статье «Рабочие общества» Варлен писал, что «капиталист, промышленник и коммерсант больше не вправе по своему произволу распоряжаться общественными богатствами», что «рабочие сами должны получить в полное своё распоряжение орудия труда». Однако на вопрос, как надо будет организовать производство и распределение продуктов будущего общества, он не мог ответить. Здесь он беспомощно сбивался на прудонистские рецепты «справедливого взаимного обмена по себестоимости», на прудонистско-синдикалистские теории о «первенствующей роли в этом распределении рабочих обществ (синдикатов, обществ сопротивления и т. д.)»².

¹ «Egalité», 20 novembre 1869.

² «Marseillaise», 11 mars 1870.

Если в области теории Варлен был очень слаб, не знал учения Маркса и Энгельса (научного коммунизма) и рассуждения его были сбивчивы и незрелы, то как организатор рабочего движения Варлен был несравненно сильнее. Благодаря его деятельности весной 1870 г. секции Интернационала очень сильно возросли численно.

По сообщению Варлена, в марте 1870 г. в Париже существовало 13 секций Интернационала, в апреле — 25. С каждым днём количество секций продолжало расти.

19 апреля 1870 г. под руководством Варлена была создана Федерация парижских секций Интернационала. Она была основана на объединённом заседании всех членов I Интернационала в большом зале редакции «Marseillaise». К этому времени число лиц, примкнувших к Интернационалу, доходило во Франции до 245 тысяч¹. На заседании Варлен произнёс горячую речь перед 1200 присутствовавшими в зале членами секций Интернационала.

«Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих! Поэтому не будем больше доверяться тем людям, которые до сегодняшнего дня убаюкивали нас пустыми обещаниями, надеясь получить наши голоса, а придя к власти, покинули нас и нам изменили!.. Теперь всё должно измениться. Интернационал уже преодолел предрассудок национальной розни. Мы теперь знаем, как смотреть на «провидение», которое всегда склонялось на сторону миллионеров. «Добрый боже» отжил своё время. С нас довольно!.. Мы взываем ко всем тем, кто страдает и борется. Мы — сила и право... Мы должны направить наши усилия против [старого] «*порядка*» юридического, экономического, политического и религиозного»².

Варлен был единогласно избран председателем Федерации. Вновь возникшая Федерация совместно с Федеральной палатой рабочих союзов обратилась к пролетариату Франции с манифестом.

В манифесте выдвигался ряд требований: радикальное изменение налоговой системы, отмена конскрипции (военной мобилизации. — А. Л.), безусловная суверенность народа и всемирная социальная республика.

Местом заседаний Федерации секций было избрано большое помещение на площади Кордери.

¹ См. П. Л. Лавров, Парижская Коммуна 18-го марта 1871 года, Л. 1925, стр. 27.

² «Marseillaise», 20 avril 1870, p. 2.

На создание Федерации правительство ответило целым рядом репрессий — обысками и арестами ряда видных деятелей Интернационала. 21 апреля некий Буассэ, адвокат, знакомый Варлена, сообщил ему по секрету, что отдан приказ об его аресте, и советовал немедленно бежать.

На другой день Варлен уже был в безопасности, в Брюсселе.

Здесь Варлен из опасения ареста изменил своё имя на Анри Барфельд. Поиски работы оказались безуспешными, и он вынужден был переехать в Антверпен. В это время в Париже происходил третий судебный процесс Интернационала. Было привлечено 38 человек, из которых семеро (в том числе и Варлен) были осуждены заочно. Они были приговорены к году тюрьмы и 100 франкам штрафа.

Находясь в эмиграции, Варлен внимательно следил за политическими событиями во Франции. С волнением узнал он о вспыхнувшей франко-прусской войне, о поражениях на фронте, о шовинистических настроениях, раздуваемых в народе правительством Наполеона III. Его беспокоила судьба товарищей. 19 августа он написал из Антверпена письмо члену парижской секции Интернационала — переплётчице (бывшей учительнице) Марии Яцкевич:

«Вы не представляете себе, как я томлюсь и скучаю в изгнании. Меня беспокоит всё, что происходит сейчас в Париже, хотя парижане проявили себя недостойными моего уважения во время последних событий, связанных с войной, — я бы хотел быть в Париже, чтобы лично видеть народные манифестации и действовать сообразно необходимости... Что же случилось с Интернационалом среди этой двойной волны шовинизма, влекущей две великие нации, на которые мы так рассчитывали, к ужасному взаимоистреблению?»¹.

Варлен недоумевал, почему «республиканская социалистическая партия» не протестует против губительной политики Второй империи. «Почему парижский народ при первых же неудачах не сверг Империю и не поставил революционную Францию лицом к лицу с прусским королём? По крайней мере в случае продолжения войны было бы за что драться, тогда как теперь тысячи людей проливают кровь за Наполеона III и Вильгельма I. Печально!» В этом

¹ «La vie ouvrière», 5 mai 1914.

же письме Варлен очень сурово отзывается о неудавшейся попытке кучки заговорщиков-бланкистов (14 августа 1870 г.) захватить казарму пожарных в Ла Виллет: «Я хотел бы видеть, как Империя и всё, что с нею связано, будут сброшены революционным движением. Но, право, инициаторы этого нападения — безумцы: они не догадываются, что раньше, чем обратиться к народу с призывом к восстанию, надо пощупать у него пульс, чтобы узнать — есть ли у него жар...». Варлен заканчивает письмо горячей и настоятельной просьбой сообщить ему всё, что касается работы Интернационала и его членов.

Вскоре последовала Седанская катастрофа. За ней «бескровная» революция 4 сентября.

4 сентября Варлен вернулся в Париж. Картина, которую застал в Париже Варлен, была безотрадной.

Тотчас по своём приезде в Париж Варлен вступил в 193-й батальон Национальной гвардии, который избрал его своим командиром.

Война с Пруссией и поддерживаемый республиканским правительством Национальной обороны шовинистический угар пагубно отразились на парижских секциях Интернационала. Почти все газеты отказались печатать второе воззвание Генсовета о франко-прусской войне от 9 сентября. Шовинизм и ненависть к пруссакам достигли таких размеров, что на одном публичном собрании член Бюро Интернационала Комбо заявил Серрайе: «Если Вы поставите немцев на одну доску с нами, я застрелю Вас: о немцах мы можем говорить только как о врагах, находящихся на нашей земле»¹.

Обеспокоенный этими настроениями, Генеральный совет Интернационала, обычно поддерживавший связь с Францией через Дюпона, Варлена и др., направил в Париж Огюста Серрайе для непосредственной связи и руководства парижским Федеральным советом Интернационала.

Однако постепенно в Париже начало нарастать возмущение явно капитулянтским поведением правительства Трошю, которое открыто называли «правительством национальной измены».

Три недели спустя парижане узнали о позорной капитуляции маршала Базена в Меце, о поражении при Бурже

(близ Парижа) и о переговорах правительства о перемирии, которые расценивались народом как величайшая измена родине. Охваченные негодованием, ЦК 20 округов и бланкисты совершили 31 октября отчаянную попытку провозгласить Коммуну и при поддержке рабочих батальонов одержали было победу. Правительство в Ратуше было арестовано. Народ заполнил залы Ратуши. Был составлен список нового правительства (Бланки, Луи-Блан, Делеклюз, Ледрю-Роллен, Пиа и др.). Флуранс со своим отрядом провозгласил создание Комитета общественного спасения. Но притаившаяся реакция тотчас успела принять меры и в ту же ночь вернула себе власть. «Движение 31 октября не закончилось учреждением Коммуны только потому, — писал Маркс, — что Бланки, Флуранс и другие тогдашние лидеры движения поверили *людям слова*, давшим *честное слово* отказаться от власти и уступить место Коммуне, свободно выбранной всеми округами Парижа»¹.

Выступление 31 октября потерпело поражение потому, что у его руководителей не было ни единой программы, ни ясного сознания своих целей. Между тем успех этого движения мог бы, по мнению Маркса, иметь огромное значение. «Победоносное учреждение Коммуны в Париже в начале ноября 1870 г. ...не только вырвало бы дело обороны из рук изменников и наложило бы на нее печать энтузиазма... но и совершенно изменило бы весь характер войны. Она превратилась бы в войну республиканской Франции, поднимающей знамя социальной революции XIX века, против Пруссии, этого знаменосца завоевания и контрреволюции. ...Коммуна наэлектризовала бы трудящиеся массы Старого и Нового света»².

За немногими исключениями члены Интернационала, полные ещё прудонистских предрассудков, предпочли воздержаться от участия в движении 31 октября, заявив, что они не могут вмешиваться в политическую борьбу. Даже Варлен скептически отнёсся к решению Центрального комитета 20 округов свергнуть правительство. Он говорил, что «Интернационал не может вести политическую борьбу такими способами» и что «при всякой новой попытке

¹ Первый набросок «Гражданской войны во Франции», «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), М. 1934, стр. 313.

² Там же, стр. 315.

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 5.

подобного рода мы только потеряем время». Хотя Варлен и был в день 31 октября на Грэвской площади со своим батальоном, но в Ратуше, где происходили все события дня, он не был.

После 31 октября реакция временно восторжествовала. Варлену пришлось покинуть свой батальон. Его друг и товарищ по Интернационалу Б. Малон, избранный помощником мэра XVIII округа, устроил Варлена к себе секретарём. Но Варлен недолго оставался в мэрии: вскоре он перешёл в продовольственную комиссию и открыл рабочую столовую «Marmite» на улице Берцелиус. В эти осенние и зимние месяцы он часто выступал в Кордери на народных собраниях и в клубах, разоблачая предательское поведение правительства и требуя, чтобы вооружённые рабочие взяли в свои руки руководство обороной.

И в эти месяцы среди части парижских членов Интернационала продолжали сохраняться соглашательские настроения и оборонческие иллюзии: они считали возможным в тот период соглашение с буржуазией «для совместной борьбы с внешним врагом». Эти настроения и иллюзии, несомненно, ослабляли позиции I Интернационала во Франции.

Развал парижской организации Интернационала усугублялся тем, что многие её члены находились в войсках. Варлен указывал на заседании Парижского бюро от 12 января: «Бронзовщики рассеялись по армейским ротам и не в состоянии платить взносов. Да и нельзя этого требовать от них в такой серьёзный момент!»¹.

На заседаниях Бюро Варлен всё настойчивее повторял, что «единственный способ снова стать сильным, это — реорганизовать Бюро Интернационала». Большую роль в организации сил членов I Интернационала в Париже сыграл Серрайе.

Между тем положение осаждённого Парижа всё ухудшалось. Начался голод... Правительство Национальной обороны замышляло измену. Позорная капитуляция была в сущности явной провокацией, подготовлявшейся правительством. Парижский народ ответил на действия правительства демонстрацией протеста. Варлен принял в ней активное участие; 22 января он и Малон повели к Ратуше

300 рабочих, членов Интернационала, на развевавшемся знамени которых был начертан лозунг: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав».

Кровавая расправа республиканских властей с безоружной толпой на площади Ратуши была жестоким уроком для тех, кто ещё верил в возможность примирения с правительством. С этого момента Варлен стал энергично требовать ещё большего вооружения рабочих, национальных гвардейцев и объединения республиканских батальонов Национальной гвардии. Эти предложения были встречены парижскими рабочими с большим энтузиазмом.

Положение в стране было критическим. Надо было думать о ближайших, неотложных мерах спасения республики, о создании крепкой организации пролетариата и, что особенно важно, о сохранении в его руках оружия. Заключив перемирие, торжествующая реакция переходила в решительное наступление. Одна за другой в Париж из Бордо, где собралось Национальное собрание, летели удручающие новости: около двух третей депутатов Национального собрания были монархистами, среди них два принца Орлеанской фамилии; Тьер — убийца и палач, наиболее полное воплощение коварства и жестокости правящих классов — был назначен главою исполнительной власти. Ворота Парижа были открыты неприятелю.

Возникшая в конце февраля 1871 г. Федерация парижских батальонов Национальной гвардии в первые же дни продемонстрировала свои республиканские настроения, свою готовность дать отпор попыткам монархической реставрации и объявила, что ни под каким видом не позволит себя разоружить. В сущности это был вооружённый народ Парижа.

Как же реагировала на всё это парижская организация Интернационала? Далеко не все в ней поняли смысл происходивших событий. Среди членов секций Интернационала существовало укоренившееся предубеждение против Федерации батальонов: указывали, что инициатива её создания исходила из реакционной среды, опасались, что в составе Центрального комитета Национальной гвардии находятся «неизвестные люди», возможно, чуждые народному делу. Однако Варлен твёрдо и уверенно вёл товарищей «навстречу социальному будущему» (как он выражался) и совершенно правильно требовал, чтобы члены

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», р. 20.

I Интернационала поддержали федерацию Национальной гвардии.

1 марта, в день вступления пруссаков в Париж, Варлен выступил на заседании Бюро Интернационала со следующим предложением:

«Необходимо срочно, чтобы члены Интернационала сделали всё возможное, чтобы их избрали в ротах делегатами и, таким образом, чтобы они вошли в состав Центрального комитета. Я предлагаю избрать комиссию из 4 членов, которая бы вошла в этот Комитет». Варлен полагал, что члены I Интернационала должны войти в ЦК Национальной гвардии как простые национальные гвардейцы и взять руководство ЦК в свои руки.

Отвечая на возражения товарищей, считавших, что ЦК Национальной гвардии находится в руках буржуазных республиканцев и что сотрудничество с ними недопустимо для членов I Интернационала, Варлен заявил: «Те члены Центрального комитета, которые нам казались подозрительными, устранены и заменены социалистами. Эти последние хотят иметь в своей среде четырёх делегатов, которые бы служили связью между ними и Интернационалом. Если мы останемся в стороне от такой силы, наше влияние исчезнет, а если мы соединимся с этим Комитетом — мы сделаем большой шаг к социальному будущему!»

Предложение Варлена было принято большинством голосов¹.

В Центральный комитет были делегированы четыре члена Бюро Интернационала, в том числе Варлен. Спустя два дня (3 марта) по предложению Варлена громадное собрание представителей двухсот батальонов приняло весьма серьёзное решение — провести новые выборы офицеров Национальной гвардии. На этом собрании было выдвинуто предложение, «чтобы вся Национальная гвардия подчинялась приказаниям Центрального комитета... Если военное начальство даст приказание в противоположном смысле, надо арестовать главный штаб. Постоянные армии должны быть отменены и заменены вооружением нации».

Положение в Париже было чрезвычайно напряжённым. Национальная гвардия (состоявшая в большинстве своём

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 84.

из рабочих, вооружённая пушками, грозно глядящими с высоты холмов рабочих предместий на аристократические кварталы Парижа) была бельмом на глазу у Тьера и реакционного Национального собрания — «деревенщины». Тьер решил разоружить Национальную гвардию, спеша осуществить свой план ещё до 20 марта (ближайшего заседания версальского Национального собрания). С момента приезда Тьера (15 марта) в Париж спешно стягивались войска, количество которых к 18 марта удвоилось. Накануне 18 марта совет министров под председательством Тьера решил захватить пушки, оружие, имевшееся в батальонах, верных Центральному комитету, распустить Комитет и арестовать его членов.

Центральный комитет не предвидел нападения; плана действий в момент стихийного восстания масс у Комитета не существовало.

В эти решающие дни, в минуту грозной опасности со стороны реакции и озлобленной буржуазии, Варлен хорошо понимал, что вооружённые рабочие массы Национальной гвардии являются единственной реальной силой. Он знал, что это была могучая сила, способная дать отпор всем пронкам контрреволюции. Он видел, что Центральный комитет был первой и настоящей народной властью, опиравшейся на вооружённый народ. Все вымыслы и бредни анархистов — прудонистов и бакунистов насчёт «вреда и ненужности власти», насчёт «отмены государства» отлетели от Варлена прочь, как ненужная шелуха. Для него теперь, более чем когда-либо, стало ясным, что только вооружённой силой пролетариат может добыть себе свободу. В эти решающие дни Варлен как-то весь преобразился.

«Я живо помню,— рассказывает русский либеральный публицист Евг. Утин, очевидец событий 18 марта,— как... появился манифест за подписью вновь создавшегося Центрального комитета Национальной гвардии, как в этот день Варлен, который был одним из подписавшихся на манифесте, с резкостью говорил:

— Будь, что будет, а обезоружить без боя мы себя не позволим!»¹

Однако и для Варлена события 18 марта были неожиданными.

Находившийся в это утро в Батиньоле (XII округ Парижа) Варлен, как только узнал о происшедших событиях, немедленно стал во главе 155 и 222-го батальонов Батиньоля. После того как забили тревогу, к ним примкнули гвардейцы шести других батальонов. Все они были в боевой готовности. Варлен решил действовать, не теряя ни минуты.

Два часа спустя Варлен связался с батальонами XVIII округа (Монмартра), во главе которых стоял Бержере, и совместно с ними захватил без особых затруднений Вандомскую площадь (где находился штаб Национальной гвардии).

В тот же день, в 11 часов вечера, Варлен написал следующее письмо члену Центрального комитета Арнольду: «Я прибыл в Центральный комитет. Общее движение продолжается в нашу пользу, но мы ещё не всюду добились успеха. Фальто с гвардейцами 1-го батальона занимает Люксембург. Говорят, но я в этом ещё не уверен, что Дворец юстиции в наших руках. Ратуша и казарма Наполеона ещё не заняты — их охраняют жандармы и полицейские... У нас уже убито несколько человек, ...в тот момент, когда я пишу, мне сообщают, что Ратуша уже занята и что жандармы бегут из Лувра! Вместе с тем сообщают о больших передвижениях войск на Марсовом поле и у Дома инвалидов. Будьте бдительны! Бодрствуйте! Всё идёт хорошо, но надо опасаться возобновления вражеского наступления. Э. Варлен»¹.

Вскоре после этого батальоны Национальной гвардии заняли Ратушу. Хозяевами Парижа отныне стали рабочие и их временный орган власти — Центральный комитет Национальной гвардии, одним из членов которого был Варлен.

Утром 19 марта население Парижа заполнило озарённые ярким солнцем улицы. У всех было радостное настроение. Тысячи людей с волнением читали афиши, подписанные Центральным комитетом. В одной из этих афиш сообщалось, что Комитет взял власть в свои руки для защиты республики, что он немедленно назначает выборы в Коммуну, которой передаст всю власть. Прежнее прави-

¹ *Евг. Утин, Франция и французы после войны, «Вестник Европы», декабрь 1871 г., стр. 581 — 582.*

¹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 477.

тельство в панике бежало. Телеграф, префектура, здания министерств — всё перешло в руки Национальной гвардии.

Члены парижских секций I Интернационала принимали активное участие в революции 18 марта. 23 марта 1871 г. член Федерального совета Франкель настаивал на выпуске манифеста с призывом к рабочим голосовать за Коммуну: «Выпустив манифест, мы укрепим Центральный комитет всей нашей моральной силой!» — заявлял он. Другой член I Интернационала — Эвэтт говорил, что «необходимо, чтобы Интернационал выступил сегодня как боевая сила». Обри, делегат Руана, утверждал: «...революция 18 марта носит всецело социальный характер... Я предлагаю координировать движение, пригласив Центральный комитет примкнуть к Интернационалу»¹. Несколько позже отдельные секции Парижа приветствовали Парижскую Коммуну, констатируя, что она «открыто вступила на путь политических и социальных реформ» (секция Каррьер); что это «прежде всего *социальная революция*» (обращение объединённой секции железнодорожников станций Иври и Берси)² и т. д.

Утром 19 марта Варлен и Журд во главе трёх десятков федератов заняли министерство финансов. Лейтенант, командовавший охраной министерства, сдал его без всякого сопротивления. Варлен и Журд прошли в покинутый кабинет министра и потребовали у чиновников точного отчёта о наличии денег в сундуках. Им было сообщено, что наличие достигает 4 миллионов 731 тысячи франков, но что ключи от сейфов находятся в Версале.

В вопросе о деньгах делегаты Центрального комитета (а позднее делегаты Коммуны) уже с самого начала проявили непростительную «деликатность» и уступчивость, которые впоследствии стали одной из причин гибели Коммуны. «Труднее всего, конечно, — писал Энгельс, — понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство, чтобы заключить мир с Коммуной»³.

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 301—302.

² См. там же, стр. 307.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. т. I, стр. 441.

В первые дни после революции Варлен был ещё полон иллюзий насчёт возможности примирения с Версалем и просил только денег на самые неотложные нужды — на уплату жалованья Национальной гвардии. В 6 часов вечера 19 марта Варлен и Журд явились к управляющему банком Рулану и после длительных переговоров с ним и вмешательства Центрального комитета получили у него под расписку один миллион банковыми билетами для уплаты жалованья гвардейцам. Как выяснилось впоследствии, в банке тогда хранилось 77 миллионов звонкой монетой, 7 миллионов драгоценностями, 11 миллионов золотыми и серебряными слитками и 166 миллионов банковыми билетами, в «портфеле» — 899 миллионов и т. д. — в общем почти два с половиной миллиарда франков, к которым следовало прибавить 800 миллионов невыпущенных банковых билетов, на которых не хватало только подписи¹.

В 10 часов вечера Варлен и Журд доложили Центральному комитету, что жалованье раздаётся во всех округах.

Вечером 19 марта группа мэров после своего совещания в мэрии III округа явилась в Ратушу, и мэр Клемансо задал Варлену вопрос: «Что же вы, собственно, хотите? Готовы ли вы удовлетвориться согласием на выборы муниципалитета?». Варлен ответил: «Да, мы хотим избрания Коммуны, как муниципального Совета. Но этим ещё не ограничиваются наши требования — и все вы это прекрасно знаете! Мы хотим коммунальных свобод для Парижа, уничтожения префектуры полиции, права для Национальной гвардии самой выбирать всех своих офицеров, в том числе и главнокомандующего, полного прощения неоплаченных квартирных долгов на сумму меньше 500 франков и пропорционального снижения прочих долгов за квартиру, справедливого закона об уплате по векселям, наконец, мы требуем, чтобы версальские войска отошли на 20 миль от Парижа»².

Несколько позже, около полуночи того же дня, Варлен и другие представители Центрального комитета (Журд, Моро, Арну) сделали последнюю попытку примирения с парижскими депутатами и мэрами, считавшими себя един-

¹ См. «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 391.

² E. Leppelletier, Histoire de la Commune, v. II, Paris 1912, p. 83.

ственными представителями законной власти. Они явились в мэрию II округа на совещание мэров и парижских депутатов и повторили свои довольно умеренные требования.

Но муниципальные власти не желали слышать даже и о таких уступках!

Все усилия делегатов Центрального комитета были тщетны. «Радикалы» и «либералы» с пеной у рта кричали, перебивая друг друга, что не признают Центрального комитета, что согласно решению правительства единственной законной властью в Париже сейчас является только данное собрание мэров и депутатов.

Спор длился до глубокой ночи. Один за другим, потеряв терпение, ушли Журд, Моро, Арну. Остался один Варлен, который всё ещё пытался добиться соглашения. «Измученный, истомлённый,— борьба продолжалась пять часов,— он, наконец, уступил со всеми оговорками. Но когда он вышел на воздух, к нему вернулось его спокойствие, разумное суждение, и он, возвратясь, сказал товарищам, что ясно видит теперь ловушку. Он предложил им ответить на притязания мэров и депутатов отказом»¹.

Чем же, однако, была вызвана такая позиция Варлена? Она, надо полагать, была отражением оборонческих иллюзий парижского пролетариата. Варлен опасался вызвать гражданскую войну в то время, как враг находился на подступах к Парижу. Он не понимал, что Тьеру и французской буржуазии прусская военщина была ближе и дороже, чем пролетарии Монмартра и Бельвиля, её классовые враги. Но ему пришлось в этом довольно скоро убедиться...

В течение 22 и 23 марта Варлен ждал, что банк выполнит требование его и Журда — выдаст им второй миллион для уплаты жалованья национальным гвардейцам, однако ожидания его были напрасны. Укрывшись за спиной отряда линейных солдат, охранявших банк, реакционная администрация выжидала и насторожённо прислушивалась к происходящим событиям, вела переговоры с адмиралом Сессэ, организовывавшим контрреволюционные силы, и всё ещё надеялась, что сторонники Версаля одержат победу. Варлен и Журд, находившиеся днём 23 марта в министерстве финансов, с волнением выслушивали упрёки и жалобы национальных гвардейцев. Характерно

¹ *Lissagaray, Histoire de la Commune de 1871, Paris 1929, p. 117.*

письмо, которое они послали маркизу де Плеку, заместителю управляющего банком: «Итак — заставлять парижан голодать — вот каким оружием пользуется партия, называющая себя «честной». Голодные люди не бросают оружия, напротив, голод толкает массы к убийствам... Мы хотели избежать всего этого, и Банк мог помочь нам, но он предпочёл стать на сторону тех, кто любой ценой намерен свергнуть Республику. Мы поднимаем брошенную нам перчатку!.. Мы выполнили свой долг. И если наша примирительная позиция была вами принята за трусость, то мы докажем, что вы ошиблись. Если Банк намерен выдать нам требуемый миллион (мы получили 300 000 франков), то он должен прислать их в министерство финансов до 12 часов дня. С этого момента, если деньги не будут присланы, мы примем самые энергичные меры! Да здравствует Республика! Журд, Варлен»¹.

Угроза подействовала: администрация банка поспешила выдать требуемые деньги. Но полученная сумма была очень незначительна по сравнению с огромной потребностью в деньгах. Пагубная тактика в отношении банка, переговоры с мэрами и депутатами — всё это были крупнейшие ошибки Центрального комитета Национальной гвардии и Варлена в том числе. Но наряду с этими ошибками следует отметить, что Варлен был одним из немногих членов Коммуны, которые стояли за решительные действия против Версаля. Маркс писал: «Центральный комитет... поспешил принять посредничество мэров и депутатов Парижа... Бесчисленные ошибки революционеров... [Они] позволили реакции организовать в самом центре Парижа; оставили в покое Версаль. Тридон, Жаклар, Варлен, Вайан считали нужным немедленно выбить роялистов...»².

Варлен был чрезвычайно популярен в народных массах. На выборах в Коммуну он был избран одновременно в трёх местах: VI округе (3600 голосов), XII (9843 голоса) и XVII округе (9356 голосов).

В Коммуне Варлен встретил многих своих знакомых, товарищей, друзей. Там оказались Клеманс, Малон, Журд, механик Асси, которого Варлен знал по Крезе (центру металлургической промышленности, где Асси в марте —

апреле 1870 г. руководил стачкой), резчик Тейс, который вместе с ним посещал вечерние курсы общества содействия народному образованию, и много других лиц, известных Варлену. На дополнительных выборах 16 апреля в Коммуну прошёл Жюль Андрие, у которого Варлен брал в 1864 г. уроки латинского языка. Теперь все эти скромные люди возглавляли центральные учреждения: Тейс стал во главе почты, Андрие — ведомства общественных служб, Клеманс был членом комиссии юстиции. Во главе Национальной типографии, печатавшей «*Journal officiel*» («Официальную газету»), стоял Луи Дебок, один из сотрудников «*La Tribune ouvrière*»; во главе Монетного двора, чеканившего деньги Коммуны и печатавшего марки, стоял Камелина, член одной из парижских секций Интернационала. Все эти министры и управляющие центральными ведомствами получали от Коммуны оклад, не превышавший заработную плату рабочего!

В Коммуне Варлен продолжал ту же деятельность, которую он начал тотчас после революции: 30 марта он вошёл в состав Комиссии финансов (вместе с Журдом, Виктором Клеманом, Беле и Режером). На нём, как на члене этой комиссии, лежали огромные обязанности: комиссии предстояло заняться городским бюджетом, вопросами квартирной платы, векселями, реализацией займа и т. д. Перед Варленом и его товарищами вставали большие, часто непреодолимые препятствия. Достаточно сказать, что каждый день надо было обеспечить питанием около 350 тысяч человек! «По части финансов Коммуна в отчаянном положении. Варлен сказал ей об этом уже в первом заседании»¹. Через руки Варлена проходили колоссальные суммы. В то же время Варлен, этот безукоризненно честный человек, продолжал вести свой обычный скромный образ жизни. Он жил почти впроголодь, носил старую, потёртую одежду. Варлен попрежнему обедал в кабачке, а когда было время — в «*Marmite*».

Чрезвычайно аккуратный и добросовестный Варлен неустанно следил за расходом государственных денег и, не считаясь ни с чьим недовольством, боролся с растратами и злоупотреблениями. Он упразднил должности казначеев и их помощников, выплачивающих гвардейцам

¹ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 391.

² «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 369.

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 141. (Корреспонденция из Парижа.)

жалование, организовав выплату без этих ненужных посредников. Тщательно следя за работой многочисленных инспекторов и контролёров, Варлен обратил внимание на ряд злоупотреблений квитанционными книжками и совместно с Журдом опубликовал приказ сдавать корешки этих книжек кассирам. Всем неподчинившимся приказ грозил увольнением; в нём, кроме того, имелось дополнение: «Каждый, кто утаит таким способом хоть часть денежных средств Коммуны, будет преследоваться за взяточничество». Аналогичный приказ был отдан в отношении сборщиков пошлин, не внёсших полностью собранные ими деньги.

Функции Варлена как члена Комиссии финансов были чрезвычайно разнообразны. Они ещё больше усложнились с 21 апреля, когда он вошёл в состав Продовольственной комиссии Коммуны. Здесь весьма пригодился его опыт организатора рабочих потребительских обществ и столовых. Никто из членов Коммуны не справился бы лучше его с этим трудным делом.

Но вот настал памятный день 1 мая, когда Коммуна разделилась на два лагеря в связи с голосованием по важному принципиальному вопросу: о создании Комитета общественного спасения. Этот вопрос возник в связи с тем, что войска Коммуны терпели поражения, ослабла дисциплина среди национальных гвардейцев, активизировалась деятельность версальских агентов внутри города и т. д. В Коммуне был поднят вопрос о необходимости усиления революционной власти, сосредоточения её в руках нескольких человек, которым будут даны диктаторские полномочия. Варлен присоединился к «меньшинству» (по преимуществу состоявшему из его товарищей-прудонистов, членов Интернационала) и голосовал против Комитета общественного спасения.

Несомненно, создание крепкого органа власти, осуществляющего революционную диктатуру пролетариата в условиях ожесточённой вооружённой борьбы с врагом, было необходимо, и в этом отношении позиция «меньшинства» была ошибочной.

В начале мая Варлен в связи с отстранением от работы и преданием суду интендантов братьев Мэй, обвинённых в казнокрадстве и взяточничестве, по приказу Комитета общественного спасения был назначен главным директором провиантской части и военного снабжения. Но тут Варлену пришлось вскоре столкнуться с Центральным

комитетом Национальной гвардии, оторвавшимся от народных масс после выборов Коммуны и стремившимся сосредоточить в своих руках всю полноту военной власти и руководство военными действиями. Некоторые его члены требовали установления контроля над Коммуной. Временами по отдельным вопросам возникали конфликты, как, например, на заседании Коммуны 8 мая 1871 г., когда Журд с негодованием огласил письмо Комиссии ассигновок и финансов Центрального комитета, в котором комиссия заявляла, что отныне только она будет подписывать всякие ассигновки. «К сожалению, в этом деле форменный хаос! — воскликнул Журд. — Вместо Варлена, Авриала, Тридона и других лиц будут подписывать ассигновки совершенно неизвестные мне лица! Военному делегату (Росселю. — А. Л.) остаётся только право руководства военными операциями... При таких условиях, я спрашиваю, кто же у нас является правительством — Центральный комитет или Коммуна?.. Я согласен получать приказы от Комитета общественного спасения, но не от людей, власть которых я не намерен признавать!»¹

Во время горячих прений выступил Варлен, также протестовавший против вмешательства Центрального комитета в его работу в интендантстве. «Я с немалым удивлением, — сказал Варлен, — прочёл в субботу утром (6 мая) в «Journal officiel» постановление Комитета общественного спасения о том, что Центральному комитету поручается всё руководство военным делом. Несколько часов спустя (в тот же день, 6 мая. — А. Л.) в интендантство явились четыре делегата Центрального комитета и заявили мне, что они пришли разделить между собой мои функции и что мне остаётся лишь уступить им место и удалиться. Я дал им понять, что мои полномочия более действительны, чем их полномочия... Они удалились, обещав доложить Центральному комитету... но сегодня (8 мая) снова явились. Я заявил, что останусь на своём посту. Но сейчас, услышав сообщение гражданина Журда, я уже не могу оставаться. С этого момента я покидаю свой пост и ставлю в известность поставщиков, с которыми заключил сделки, чтобы они отныне обращались в Комитет общественного спасения»².

¹ «Journal officiel de la République française», 10 mai 1871.

² Ibidem.

Однако Варлен интендантства не покинул и продолжал в качестве члена Военной комиссии Коммуны (куда был незадолго до этого кооптирован) вести энергичную борьбу с Центральным комитетом. В тот же день (8 мая) он подписал вместе с другими членами Военной комиссии — Арнольдом, Авриалем, Делеклюзом, Тридоном — следующее постановление:

«Военная комиссия, основываясь на том, что в декрете, вручающем Центральному комитету военное руководство, есть оговорка — «...но только под прямым контролем Военной комиссии», — постановляет: Центральный комитет не имеет права назначать ни на один пост; он лишь предлагает кандидатов Военной комиссии, которая выносит решение!»¹.

Между тем положение на фронте всё ухудшалось. Пал-форт Исси. По вине членов Комитета общественного спасения (Ф. Пиа, Арно и Мелье) редут Мулен-Сакэ оказался в ночь на 4 мая незащищённым и был захвачен версальцами, а оставшиеся там люди перерезаны. В связи с этим по инициативе Варлена 9 мая на заседании Коммуны был поднят вопрос о роспуске Комитета общественного спасения. Члены Коммуны в своих выступлениях указывали, что Комитет общественного спасения тормозил ход военных действий и не справился со своими обязанностями.

Когда присутствовавшие высказали своё мнение и единогласно осудили деятельность Комитета, Варлен молча набросал на листке бумаги несколько слов:

«9 мая 1871.

Комитет общественного спасения скомпрометировал общественное спасение вместо того, чтобы его обеспечить. Мы требуем уничтожения Комитета общественного спасения». Он передал эту записку соседям. Жоаннар, Тридон и Тейс присоединили свои подписи².

Был создан новый Комитет общественного спасения в составе Ранвье, А. Арно, Гамбона, Эда и Делеклюза.

В качестве члена Военной комиссии Варлен продолжал неутомимо и ревностно заботиться о сбережении государственных средств. 7 мая он поместил в «*Journal officiel*» строжайший приказ, имевший целью положить конец произвольным реквизициям. Варлен возмущался излишними

тратами и расходами. Однажды генерал Эд заказал себе у бывшего императорского портного костюм из дорогого сукна и послал счёт в интендантство с просьбой его оплатить. Варлен вернул счёт с пометкой: «У Коммуны нет денег для дорогих нарядов»¹.

Тем временем антагонизм «большинства» и «меньшинства» Коммуны усиливался. «Меньшинство» демонстративно объявило о своём уходе из Коммуны. «Коммуна, — писали они, — отказалась от своей власти в пользу диктатуры, названной ею Комитетом общественного спасения... Меньшинство... считает, что Коммуна обязана в отношении революционного движения, политического и социального, принять на себя всю ответственность и не имеет права ни от какой ответственности уклоняться, в какие бы достойные руки она ни пожелала её вручить»². Варлен подписался под заявлением «меньшинства».

Этот шаг в такую тревожную минуту, перед лицом стольких опасностей, был несомненно ошибочным. По настоянию Федерального совета Интернационала (заседавшего 17 и 20 мая) все пятнадцать членов «меньшинства» вновь заняли свои места в Коммуне. Они не желали, чтобы их обвинили в дезертирстве. Маркс, который внимательно следил за событиями в Париже, писал в это время Франкелю и Варлену (13 мая 1871 г.):

«Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счёты. Повидимому, наряду с влиянием рабочих, есть и другие влияния. Однако, это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время».

В том же письме Маркс обращает их внимание на грозящую Коммуне опасность со стороны Тьера, заключившего тайную сделку с Бисмарком за огромную взятку. «Так как предварительным условием осуществления их договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до занятия Парижа; Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа. Поэтому будьте настороже!»³

¹ M. Foulon, Eugène Varlin, p. 221—222; E. Faillot, Biographie de Varlin, p. 57.

² Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871, Paris 1879, p. 462.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 119.

¹ «*Journal officiel*», 9 mai 1871.

² См. M. Foulon, Eugène Varlin, p. 227.

Не прошло и пяти дней с момента возвращения «меньшинства» в Коммуну, как многотысячная версальская армия вторглась в пределы Парижа. Это произошло 21 мая.

С этого момента в течение всей «кровавой недели» Варлен неотлучно находится на передовых позициях; став во главе 6-го легиона Национальной гвардии, он храбро и стойко сражался и организовывал оборону своего (VI) округа. Варлен «был одним из самых твёрдых», — писал впоследствии Э. Вайян. На следующий день после вторжения версальцев Варлен отдаёт приказ организовать постройку ряда баррикад на улицах Ренн и Вожирар и обеспечить за ними перекрёсток.

С наступлением ночи версальцы армии генерала Сисэ наткнулись на оборонительные сооружения, сделанные согласно этому приказу, и были вынуждены отложить штурм района.

Жители западных кварталов Парижа, бомбардируемых или захваченных версальцами, бегут в VI округ (Люксембург). Варлен вместе с членами Коммуны Курбе и Беле приказал предоставить в их распоряжение все свободные помещения, покинутые их прежними обитателями.

Почти весь день 23 мая Варлен отстаивал баррикаду на перекрёстке Круа-Руж и покинул её только тогда, когда весь квартал был почти полностью уничтожен врагом. Затем вместе с Лисбонном и кучкой федератов Варлен упорно дрался на улице Вавен, отстоявая баррикаду, на которую наступали солдаты дивизии генерала Брюа.

24-го Варлен и Лисбонн с федератами перешли на баррикады Пантеона. Увидев, однако, что всякое сопротивление беспечно, Варлен покинул это место и перешёл на другой берег Сены, чтобы защищать XI округ. Там, в мэрии округа, на бульваре Вольтера, собрались остатки доблестных защитников Коммуны. Варлен был в их рядах. В большом зале мэрии заседали около двадцати членов Коммуны, обдумывавших последние мероприятия. Было решено спешно соорудить баррикады на перекрёстке бульваров Вольтера и Ришар-Ленуар, в Шато д'О, внизу улиц Ангулем и Оберкампф. Однако вечером они были вынуждены покинуть площадь Вольтера. Вечером 25 мая после гибели Делеклюза Варлен принял порученный ему пост военного делегата.

Сохранилась следующая запись за его подписью, свидетельствующая о напряжённости и трагичности переживаемого момента:

«Гражданин Ферре.

Я не могу сейчас прислать вам подкреплений, но держитесь во что бы то ни стало. Полковник и штаб 11-го легиона возвращаются в свой округ.

3 ч. 25-го. Э. Варлен. Гражданский делегат по военным делам»¹.

27-го на рассвете Варлен занял помещение на улице Аксо, № 81. Бледный, с впавшими глазами, с дрожащими губами, стоял он там рядом с Валлесом. «Да,— сказал Варлен, как бы предчувствуя недалёкое будущее,— да... нас заживо изрубят в куски. Наши трупы будут волочить в грязи. Тех из нас, кто сражался, убили; пленников убили, раненых прикончат. А если кто-нибудь и уцелеет и его пощадят, то отправят гнить на каторгу. Да — но история в конце концов увидит всё в более ясном свете и скажет, что мы спасли Республику!..»² — закончил Варлен, и его спокойное мужество и врождённое благородство подействовали, как всегда, утешающим образом.

Выйдя оттуда, Варлен присоединился к защитникам баррикады на углу улиц Сен-Мор и Фонтэн-о-Руа. Они дрались целые сутки. Улица Фонтэн-о-Руа! В нескольких шагах отсюда находился дом, где когда-то жил пятнадцатилетний Варлен.

После того как защищать баррикаду на улице Сен-Мор стало невозможно, Варлен перешёл на другую баррикаду — на улицу Рампонно. Защищая её, он дрался, пока у него не истощился весь запас патронов. Тогда он вместе с Гамбоном, сражавшимся с ним бок о бок, оставил баррикады.

28 мая в три часа дня он свалился, измученный голодом и усталостью, на скамью около сквера на улице Лафайет. К сожалению, внешность его слишком бросалась в глаза: густая с проседью шевелюра, откинута назад; длинная, характерная борода — всё это сразу выдавало его. Его опознал священник, одетый в штатское. Через несколько мгновений Варлен уже шагал со связанными за спиной руками, охраняемый военным патрулем 67-го линейного полка, среди ревушей и беснующейся толпы озверевших буржуа, осыпавших его угрозами и проклятиями.

¹ Морис Домманже, Коммунар Варлен, стр. 49.

² Gaston Gille, Jules Vallès 1832—1885. Ses révoltes, sa maîtrise, son prestige, Paris 1941, p. 271.

Наконец, Варлена привели на вершину Монмартра, на улицу Розье, где находился военно-полевой суд. Генерал Лавокупэ приказал: «Отведите его туда, вон за эту стену, и расстреляйте». Когда толпа вместе с арестованным и сопровождавшим его конвоем приблизилась к указанному месту, какой-то буржуа из толпы крикнул: «Слишком рано убивать, пусть его ещё поведут!». Варлена потащили дальше, чтобы продлить его страдания. По требованию одного офицера Варлена решили расстрелять не на улице Розье, а в другом месте.

Даже монархическая газета «Le Tricolore» («Трёхцветное знамя») вынуждена была признать беспримерное мужество и стойкость героя: «Варлен шагал с такой твёрдостью, несмотря на то, что знал о предстоящей ему участи; жутко было даже подумать о столь долгих и томительных его страданиях!».

Наконец, пришли. Это было метрах в пятидесяти от дома № 6 улицы Розье (на перекрёстке улиц Лабонн и Розье). Варлена прислонили к стене и расстреляли.

В течение многих лет тысячи французских пролетариев из года в год чествуют память героя Коммуны Варлена. 8 июня 1913 г. к дому, где родился Варлен (в Клэ-Суйи, департамента Сены-и-Марны), направилась многочисленная манифестация для прикрепления мемориальной доски. В маленькую, тихую деревушку с пением «Интернационала», с красными знамёнами пришли многочисленные колонны рабочих — из Парижа, из Онэ-су-Буа, Шам-сюр-Шари, из Ланьи, из Мо.

При возгласах «Да здравствует Коммуна!» была открыта мемориальная доска с надписью:

«ЭЖЕН ВАРЛЕН

1839—1871

В знак уважения от рабочего класса

11 мая 1913 г.»¹

Таков образ рабочего — члена Интернационала Варлена. Путь, пройденный им, — это путь всего французского пролетариата, руководителем и организатором которого он был. Вместе со всей рабочей массой он «творил свою историю». Творил её «головой и сердцем» (Ленин).

¹ «Humanité», 9 juin 1913.

Отказавшись постепенно от лозунгов прудонистских и бакунистских теорий, он встал на путь классовой борьбы.

Деятельность Варлена и некоторых его единомышленников в Коммуне (а также в последние годы Второй империи) является наилучшей иллюстрацией того, что главные партии Коммуны, в частности прудонисты, «словно по иронии истории», делали в Коммуне диаметрально противоположное тому, чему учил их учитель и идеолог; прудонизм учил рабочих избегать политической борьбы, а рабочие Парижа самым активным образом включились в политику. Прудонизм отрицал государство, а они создали своё рабочее государство. Прудонизм не признавал никаких законодательных мер для улучшения экономического положения рабочих, а рабочие Коммуны провели ряд именно таких мероприятий.

«Мы останемся верными и преданными Интернационалу»¹, — заявлял Варлен.

Эту клятву он выполнил с честью.

«Генеральный совет гордится выдающейся ролью, — писал спустя некоторое время К. Маркс, — которую парижские секции *Интернационала* сыграли в славной парижской революции. Дело не в том, как воображают глупцы, будто Париж или какая-либо другая секция Интернационала получали *приказы* из центра. Но так как цвет рабочего класса во всех цивилизованных странах принадлежит к *Интернационалу* и проникнут его идеями, то он во всех движениях рабочего класса несомненно должен играть руководящую роль»².

Своей кипучей деятельностью Варлен помог парижским секциям сыграть выдающуюся роль в славной парижской революции 1871 г. и сам пал жертвой палачей-версальцев, пал за Коммуну. Образ его всегда останется одним из самых светлых, самых трогательных, самых благородных.

¹ «Humanité», 8 juin 1913.

² К. Маркс, Второй набросок «Гражданской войны во Франции».

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ОГЮСТ СЕРРАЙЕ

(1840—1873 (?))

Огюст Серрайе родился в 1840 г. во Франции, в Драньенне, главном городе департамента Вар. Отец его, политический эмигрант, увёз Огюста в детстве в Лондон, где он и получил начальное образование. Когда Огюст подрос, он стал рабочим по выработке обувных колодок. Знакомство и близость с Карлом Марксом сыграли большую роль в жизни Серрайе. Его взгляды складывались под большим влиянием Маркса.

Огюст Серрайе принадлежал к числу немногих французских рабочих, усвоивших научный социализм. Маркс высоко его ценил и называл человеком «весьма высоких умственных способностей»¹. Вступив одним из первых, 24 лет от роду, в Международное Товарищество Рабочих, Серрайе сразу же принял активное участие в его деятельности. В начале 1870 г. он был назначен секретарём Генсовета для Бельгии, а в начале сентября избран членом Генерального совета I Интернационала. Серрайе отличался энергией, настойчивостью и красноречием — качествами, очень ценными для деятеля рабочего движения.

После революции 4 сентября и падения империи Серрайе был направлен Генсоветом в Париж для того, чтобы оказывать помощь парижскому Федеральному совету и осуществлять связь с I Интернационалом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 73.

В Париже Серрайе застал нерадостную картину: секции МТР фактически не существовали, Федеральный совет не работал, члены Интернационала были разбросаны по разным полкам регулярной армии и Национальной гвардии. Французские рабочие, в том числе и члены Интернационала, были захвачены волной шовинизма. В первом же своём письме Серрайе писал Марксу, что «человек, который осмеливается говорить правду в Париже, может быть почти растерзан» и что «лучшие и наилучшие из французов живут воспоминаниями 1792 года»¹.

Маркс был серьёзно озабочен шовинистическими настроениями, охватившими парижских рабочих. Чрезвычайно взволновало его также сообщение Серрайе о том, что в Париже назревает пролетарская революция с целью свержения буржуазной республики 4 сентября.

Во втором воззвании Генерального совета о франко-прусской войне Маркс объяснял французским рабочим, что «всякая попытка ниспровергнуть новое (республиканское.— А. Л.) правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием»². Маркс предупреждал против механического перенесения лозунга «Отечество в опасности» в обстановку франко-прусской войны, ибо «сражаться против пруссаков ради буржуазии было бы бессмысленно». «Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но они не должны позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г. ...Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса»³.

Задача заключалась в том, чтобы объяснить французским, и в первую очередь парижским, рабочим сложность обстановки, необходимость собрать и организовать силы рабочего класса. В этом отношении чрезвычайно важно было опубликовать второе воззвание Генсовета, читать его рабочим, использовать его в борьбе с шовинистическими настроениями. Однако все попытки Серрайе опубликовать перевод второго воззвания Генсовета в парижской прессе остались безуспешными: это воззвание в парижских редакциях признавали «слишком пруссофильским»!

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 401.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 456.

³ Там же.

В Париже Серрайе сразу обратил на себя внимание общественности своими речами в клубах (особенно в так называемом «Дворе чудес»¹), смелыми выступлениями, критиковавшими правительство Национальной обороны.

Положение Интернационала в Париже осложнялось ещё и тем, что туда отправилась «французская секция»². Маркс очень опасался, что, прикрываясь именем Интернационала, «секция» станет вредить делу рабочего класса. Серрайе предстояло вести с ней борьбу от имени Генсовета. Все усилия Серрайе были направлены к тому, чтобы оживить деятельность секций, Федерального совета, заставить членов I Интернационала принять активное участие в политической жизни, разоблачать правительство Национальной обороны и одновременно организовывать силы рабочего класса.

Серрайе пытался добиться избрания нового Федерального совета; частично ему это удалось, и некоторое время существовало одновременно два Совета: старый Совет продолжал ещё существовать и вести борьбу против Серрайе и нового Федерального совета. Только в феврале произошло объединение обоих Советов. Однако настоячивые требования Серрайе об участии секций в политической жизни наталкивались на упорное сопротивление даже таких деятелей, как Варлен.

Секции Интернационала отказались поддержать бланкистскую демонстрацию 8 октября против правительства Национальной обороны; не нашло поддержки в членах Интернационала и выступление 31 октября: Федеральный совет заявил Серрайе, что они «не могут впутывать Интернационал в политику», а Варлен заявил, что «Интернационал как общество не может выступать политически»³.

То же самое повторилось и 22 января: «В январе была возможность,— писал Серрайе,— свергнуть правительство, и все руководящие деятели были готовы принять участие

¹ Место, где в средние века собирались воры и нищие (оно описано в книге В. Гюго «Собор Парижской богородицы»).

² Лондонская, так называемая «французская секция» была создана буржуазными республиканцами-эмигрантами с целью скомпрометировать Международное Товарищество Рабочих и сорвать его деятельность. Руководители секции (Везинье, Ле Любе, Ф. Пиа и др.) были разоблачены, а сама секция была исключена из Интернационала в 1868 г. Однако и после своего исключения «французская секция» продолжала борьбу с Генсоветом, с К. Марксом.

³ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 5.

в этом деле, но не захотели повести секции в организованное наступление; только один Малон выступил с двумя своими секциями»¹. Так же отрицательно относились почти все руководители парижских секций к участию в Центральном комитете Национальной гвардии.

Во время выборов в Национальное собрание, которое должно было утвердить условия заключённого с Пруссией мира, среди социалистически настроенных рабочих Парижа возникли серьёзные разногласия. Серрайе добивался того, чтобы была выработана единая программа действий и выставлен единый список кандидатов в Собрание от имени всех членов I Интернационала. Однако достичь этого Серрайе не удалось. Большинство членов Интернационала, состоявшее из правых прудонистов, заявило, что не желает голосовать за список, в который включён Бланки; по мнению же Серрайе, Бланки всё-таки был единственным человеком, «который до конца остался на своём посту»².

Меньшинство членов I Интернационала выставило свой список и выработало свои требования: образование республики, участие в широкой политической борьбе и другие. Отсутствие единства действий и единой программы сказалось на результатах выборов. Две трети Национального собрания состояло из реакционеров и монархистов. Голоса революционных рабочих потонули в этой массе.

Во второй половине февраля, после капитуляции Парижа Серрайе вернулся в Лондон. Здесь на заседании Генсовета он сделал обстоятельный доклад о положении во Франции.

После революции 18 марта Генсовет снова направил Серрайе в Париж. 29 марта Серрайе вернулся туда. Он сразу же узнал, что при выборах в Коммуну он был выдвинут кандидатом от II округа, но провален реакционным большинством.

Его первое письмо из революционного Парижа дышит большой уверенностью и оптимизмом. Серрайе заверял жену, что нашёл для неё работу («здесь всё спокойно») и что «весь Париж во всех отношениях в наших руках (то есть в руках революционных пролетариев.— А. Л.) или скоро будет в наших руках, как, например, почтовое

ведомство»¹, что «единственное дело, которое не движается,— это открытие мастерских»², не работающих вследствие саботажа парижских предпринимателей, бежавших в Версаль и поручивших своим агентам дезорганизацию производства.

В этом же письме Серрайе упоминает об одном из главнейших для Коммуны мероприятий, которое он надеялся провести вскоре по приезде в Париж,— о «мероприятиях в пользу деревни» (то есть о необходимых мерах привлечения крестьянства на сторону Коммуны). Через жену Серрайе просил Маркса помочь ему в их разработке.

На следующий же день (30 марта) Серрайе, полный энтузиазма, пишет жене: «Какая разница между тем Парижем, который я вижу, и тем, который нам описывали! Всё спокойно, Коммуна признана всеми как совершившийся факт. Более того — ей служат с известным усердием. Если бы не Версаль, то всё было бы хорошо. Из 92 избрано уже 60 наших»³.

Хотя Серрайе был избран в Коммуну только при дополнительных выборах 16 апреля (он получил теперь 3141 голос), он ещё с начала апреля был введён в её Комиссию труда и обмена (избран он был в эту Комиссию только 21 апреля). Роль Серрайе и Франкеля в Комиссии труда и обмена Коммуны как неутомимых проводников социалистических идей I Интернационала была весьма значительной. Члены «меньшинства» — 22 человека, среди которых 16 были прудонистами и членами Интернационала, а Серрайе и Франкель были близкими к Марксу людьми,— сумели с успехом провести ряд важных социальных-экономических мероприятий.

Так, уже 16 апреля прудонист Авриаль, член Комиссии труда и обмена, внёс проект о брошенных хозяевами мастерских, который был принят Коммуной. По проекту Следственная комиссия, назначенная синдикальными палатами, должна была составить статистику покинутых мастерских и их инвентаря. Вслед за этим предполагалась передача их рабочим кооперативным ассоциациям. Сами участники

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 174.

² Там же, стр. 173.

³ Там же, стр. 176. Парижская федерация Интернационала выдвинула своих кандидатов в общем списке с Центральным комитетом 20 округов, представлявшем революционные организации Парижа. Было избрано 28 членов Интернационала.

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 6.

² Там же, стр. 5.

Коммуны высоко оценивали этот декрет. «...Если бы в активе революции 18-го марта, — писал Лиссагарэ, — не было бы ничего, кроме создания Комиссии труда и обмена, то и тогда она сделала бы для рабочего больше, чем все буржуазные собрания Франции, начиная с 5-го мая 1789 года»¹.

Другим декретом, встретившим горячее одобрение в рабочих массах, было воспрещение ночной работы в булочных (20 апреля).

Не менее важным для парижских рабочих был декрет 27 апреля о запрещении штрафов и произвольных вычетов из заработной платы.

Живо интересовавший население вопрос о судьбе пустующих квартир бежавшей буржуазии был также разрешён в социалистическом духе — специальным декретом были реквизированы пустующие квартиры и предоставлены жителям обстреливаемых районов. Большим облегчением для парижской бедноты были два декрета: один — об отсрочке платежей по всем долговым обязательствам на три года и другой — о бесплатном возвращении из ломбарда вещей стоимостью до 20 франков.

В мае Коммуна провела несколько новых важных мероприятий определённо социалистического характера. Особенное значение имеет устав луврских оружейных мастерских, введший выборность и ответственность всех руководящих работников. Рабочие самым широким образом вовлекались в руководство мастерскими, все выполненные ими работы ставились под контроль самих же рабочих. Были снижены высокие оклады начальства и повышена заработная плата низкооплачиваемых категорий.

Коммуна постановила давать военные заказы на пошивку обмундирования не паразитам-подрядчикам, наживавшимся на рабочих, а в первую очередь рабочим корпорациям. Оба последних декрета, а также закон о брошенных мастерских были проведены вопреки теории Прудона, сторонника мелких самостоятельных хозяйств. Новая организация, черты которой достаточно чётко определялись декретами Коммуны, «...должна была вести к коммунизму, то есть к прямой противоположности учению Прудона»², — говорил К. Маркс.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 200.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, стр. 441.

Все эти подлинно социалистические мероприятия, принятые прудонистами и бланкистами Коммуны вопреки их ложным теориям, были осуществлены Коммуной под прямым давлением массовых рабочих организаций.

Большую роль в проведении этих мероприятий сыграли выступления рабочих в клубах, их многочисленные письма в Коммуну, публиковавшиеся в газете «Père Duchêne» («Отец Дюшен»), близкой к бланкистским кругам. Вот, например, письмо некоего Ромэна, возмущавшегося: «Почему, чтобы приостановить большое кровопролитие, не пошлют заявить версальцам, что если палата не распустит себя в течение 24 часов, то к вечеру будет расстреляна первая половина заложников, а в последующие 24 часа — другая половина?».

Почему Коммуна так неэнергична?»¹.

В другом письме в Коммуну гражданка Роз-Пренс, муж которой томился в плену в Пруссии, а сама она голодала, умоляет дать ей работу, разрешить выдачу из ломбарда заложенных ею вещей, приостановить выселение из квартиры². Пешар требовал репрессий против паразитирующего духовенства и монахинь. Рабочий Альбран призывал парижан к оружию, чтобы спасти Республику³; другой рабочий требовал террора против контрреволюционеров и конфискации имущества прежних чиновников; третий — обращал внимание Коммуны на разврат и насилие, царившие в монастырях и сиротских домах; четвёртый — советовал использовать для нужд обороны золотые вещи в дворцах и на куполах церквей; некий Дотье жаловался на хищность домовладельцев — «этих торгашей кровлей», священников, торгующих своими обрядами, возбуждающих крестьян против Коммуны.

Маркс преклонялся перед революционной инициативой масс и «выше всего ставил то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно творит мировую историю».

Серраье предложил членам Комиссии труда и обмена Коммуны выдвинуть проект об ипотечках⁴ и просил Маркса помочь ему при его составлении. Серраье был убеждён,

¹ «Письма рабочих Парижской Коммуны», М. 1937, стр. 33. Палата — Национальное собрание.

² См. там же, стр. 34—38.

³ См. там же, стр. 39—45.

⁴ Ипотека — ссуда под залог недвижимости, главным образом земли.

что ему удастся провести его, ибо члены Интернационала обладали в Комиссии труда и обмена большинством. Правда, констатировал Серрайе, большинство это было «мютюалистским», то есть прудонистским («все,— писал он,— только и говорят о проекте народного банка, об обмене и т. д.»). Уже одно это, замечал Серрайе, могло дать представление о том, «как эти люди понимают социализм».

Серрайе придавал большое значение укреплению международных связей парижского пролетариата. После своего избрания Серрайе на заседании Коммуны от 21 апреля вместе с Малоном, Лефрансэ, Авриалем и Ланжевроном провёл предложение — поблагодарить английских республиканцев за сердечное приветствие Коммуне Парижа.

Единогласно было принято следующее предложение:

«Парижская Коммуна с признательностью приняла адрес английских республиканцев и посылает им из Парижа, борющегося за коммунальные свободы и за освобождение пролетариата, свою искреннюю благодарность»¹.

26 апреля Серрайе вместе с Алликсом и Арнольдом внесли на заседании Коммуны предложение — в ответ на расстрел версальцами четырёх федератов Коммуны разрушить или продать в пользу семейств погибших дом Тьера².

Однако некоторые члены Коммуны отнеслись скептически к этому предложению, считая его скороспелым и непродуманным, а самый факт расстрела — требующим ещё тщательной проверки. Коммуна согласилась с этим.

В течение всего апреля и мая Серрайе поддерживал связь с Генсоветом, с Марксом, регулярно сообщая о том, что происходит в Париже. Когда началась кровопролитная война с версальцами, Серрайе заверял, что дела идут хорошо и что Париж не хочет больше слышать ни о реставрации, ни о компромиссах. Он нисколько не унывал, повторяя, что никогда Париж не был ещё так спокоен и единодушен в борьбе за свои права. Серрайе с удовольствием отмечал чрезвычайно знаменательный факт — что мелкая буржуазия была в то время наряду с пролетариатом прочной опорой Коммуны, что буржуазные батальоны с 1 апреля не переставали сражаться совместно с пролетариями

Бельвилля. Серрайе верил в конечную победу коммунаров, приводя в качестве подтверждения тот факт, что почти ни один из батальонов, находящихся на передовых позициях, не требовал себе смены. Серрайе восхищался стойкостью и энергией революционного народа. Он был убеждён, что скоро против версальцев выступит «армия, более чем в 400 тысяч человек, хорошо вооружённая и на всё готовая». Несмотря на вероятность иностранной интервенции и на продовольственные затруднения (хорошо знакомые Парижу по недавней осаде), Париж храбро сражался и ни за что не намерен был сдаться — сообщал Серрайе.

«Как жаль, что весь мир не может посмотреть сейчас на Париж! — восклицал Серрайе. — Это было бы окончательным приговором для всех полицейских систем!»

В течение всего этого времени Серрайе пришлось вести ожесточённую борьбу с Ф. Пиа и другими членами «французской секции», задавшимися целью скомпрометировать в глазах парижан представителя Генсовета и друга К. Маркса. Пиа распространял про Серрайе настолько нелепые и гнусные сплетни, что Маркс по поручению Генсовета счёл своим долгом выступить в защиту репутации Серрайе. В письме к Лео Франкелю от 26 апреля 1871 г. Маркс заявил для всеобщего сведения, что «политическая жизнь Серрайе не представляет никаких поводов для клеветы» и что, «если бы частная жизнь Пиа была бы так же чиста, как жизнь Серрайе, ему не пришлось бы подвергаться некоторым тяжким оскорблениям здесь, в Лондоне»¹.

На заседании 28 апреля Серрайе выступил с энергичным протестом по поводу клеветнических измышлений Пиа по его адресу². Однако и после этого Пиа продолжал выступать против Серрайе.

В начале мая в Коммуне начались серьёзные разногласия между «большинством» и «меньшинством». Серрайе присоединился к «меньшинству» Коммуны, решившему не посещать её заседаний. Федеральный совет парижских секций Интернационала созвал по этому поводу специальное заседание, пригласив на него Франкеля, Серрайе и делегатов секций. Федеральный совет признал принципиально

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. I, p. 344.

² Ibid., p. 508—509.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 112—113.

² См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 545.

правильными мотивы выступления «меньшинства», но убедительно призывал их во имя спасения дела трудящихся приложить все усилия к сохранению единства Коммуны, столь необходимого для победы над версальским правительством¹. 17 мая члены «меньшинства» явились (за небольшим исключением) на заседание Коммуны. Серрайе выступил со следующим заявлением: «Единственное, в чём можно нас упрекнуть, это преждевременное разглашение всего этого дела... В воскресенье и понедельник мы явились сюда, но заседание не состоялось. Тогда мы составили наш манифест... Но я не согласен с заявлением Груссе, обвиняющего нас в заговоре. Он не имел права говорить это... Наоборот, мы хотим, чтобы наши действия контролировались. Да! Подписывая манифест, мы стремились к тому, чтобы не срывать работ Комитета общественного спасения; но мы не можем присоединяться к решению, где-то заранее подготовленному. Принятая нами мера была осуществлена в общих интересах... Повторяю: я подписал манифест и ни за что не сниму своей подписи»².

Своё присоединение к «меньшинству», отвергавшему революционный террор и меры насильственного подавления буржуазии и резко осуждавшему образование Комитета общественного спасения, Серрайе мотивировал следующим образом: он «против всякого создания Коммуной диктаторской власти, являющейся подлинной узурпацией суверенитета народа, причём это никоим образом не усиливает власти Коммуны». Создание органа диктатуры является, по мнению Серрайе, нарушением тех целей, которые преследовала революция 18 марта. «Это — будет либо опасный, либо бесполезный, либо невероятно жестокий, либо совершенно безвредный возврат к прошлому, который может оказаться для нас уроком, но подражания не заслуживает. Я воздерживаюсь и протестую»³. Позиция «меньшинства», поддержанная Серрайе, была глубоко ошибочной; она ослабляла Коммуну и ускорила её гибель в тот момент, когда дни Коммуны были и без того сочтены.

После падения Коммуны Серрайе удалось благополучно пробраться через прусские аванпосты и вернуться в Лондон.

¹ См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 376.

² Ibid., p. 400.

³ Ibid., p. 26, 34.

В Лондоне он продолжал активно участвовать в работах Интернационала и входил в состав Генсовета Интернационала; в сентябре 1871 г. Серрайе был по настоянию Маркса избран секретарём-корреспондентом для Франции.

После гибели Парижской Коммуны Генсовет I Интернационала в течение некоторого времени продолжал вести борьбу с членами «французской секции». В этой борьбе Серрайе, как секретарь-корреспондент для Франции, принимал деятельное участие.

9 апреля 1872 г. Серрайе выступил в бельгийской газете «La Liberté» с разоблачением провокационного требования Везинье, члена «французской секции», — аннулировать полномочия Генсовета, которые якобы истекли ещё в сентябре 1870 г. Серрайе разъяснил, что ввиду политических событий 1870—1871 гг. созыв конгресса (а стало быть, и переизбрание Генсовета) был неосуществим. Что касается самого Везинье, лживо называвшего себя «членом Интернационала», то, как известно, он ещё до Коммуны по категорическому настоянию Варлена был исключён из Интернационала, как злостный клеветник и автор клеветнических статей в «Echo» и «Cigale». Выступил Серрайе также и против попытки Везинье взять под свою защиту Оджера, одного из оппортунистических руководителей британских тред-юнионов. Везинье объяснял уход Оджера из I Интернационала тем, что он-де «не желал прикрывать своим именем узурпацию власти и тайные манёвры Генсовета». Серрайе указывал в статье по этому поводу, что Оджер в последнее время потерял всякое доверие рабочих обществ и стал во время франко-прусской войны агентом Жюля Фавра, изобличённого в «Гражданской войне во Франции»¹.

Подпись Серрайе значится под декларацией Генсовета Интернационала от 20 мая 1872 г.², содержавшей энергичный протест всех членов Генсовета против памфлета исключённых из МТР в 1868 г. Везинье, Ландека и др., а также организаций, не имевших никакого отношения к Интернационалу (Всеобщей республиканской лиги, Лиги труда и земли и т. д.).

Целью, которую ставили перед собой авторы памфлета, было произвести переворот в Интернационале и захватить

¹ См. «La Liberté», 14 avril 1872.

² См. «Le Mirabeau», Verviers, 9 juin 1872.

его в свои руки. Декларация Генсовета решительно разоблачала этот новоявленный «Всеобщий совет Интернационала».

После Гаагского конгресса, в котором Серрайн принимал активное участие, он поддерживал тесную связь с уцелевшими от преследований реакцией секциями Интернационала во Франции, в частности на юге страны.

Через Э. Ларрока, рекомендованного ему Лафаргом, Серрайн договаривался о проведении съезда членов южных секций для обсуждения решений Гаагского конгресса и организации сил сторонников Маркса в борьбе с бакунистами. «По-моему, это необходимо,— писал Серрайн,— если мы не хотим потерять результат годового труда. Чтобы парализовать действие этих педантов, мы договорились созвать областной съезд в Тулузе. Я очень рассчитываю на этот съезд, цель которого — признать резолюции Гаагского конгресса... может быть, я увлекаюсь, но мне кажется, что это будет блестящим ударом». Посредством этого съезда Серрайн рассчитывал в дальнейшем объединить социалистов всего юга Франции.

Последние упоминания о Серраине в документах и печати относятся к 1873 г., после чего имя его нигде не встречается. Повидимому, он тогда же незаметно и скромно сошел с политической арены, сыграв важную и яркую роль в истории Парижской Коммуны 1871 г.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ВАЛЕРИЙ ВРУБЛЕВСКИЙ

Генерал Парижской Коммуны

(1836—1908)

Другим выдающимся генералом Парижской Коммуны 1871 г., горячо преданным делу народной свободы, был Валерий Врублевский — в прошлом также видный деятель демократического крыла польского национально-освободительного движения, а после падения Коммуны представитель польского пролетариата в I Интернационале.

Валерий Врублевский родился 5 декабря 1836 г. в местечке Жолудек, Лидского уезда, Виленской губернии. Родители его были мелкими шляхтичами, собственниками имения Явор, Слонимского уезда. Образование Валерий Врублевский получил в Виленском шляхетском институте. Это было сословное учреждение, предназначенное только для шляхтичей. После разгрома польского ноябрьского восстания 1831 г. царские власти стремились руссифицировать польскую молодёжь. Поляков преследовали за чтение польских книг, за польскую речь. В институте, в котором учился Врублевский, также старались вытравить национальный дух, однако Врублевский сформировался патриотом, горячо преданным своему народу и его культуре.

Никакие ухищрения царского самодержавия не могли помешать росту революционных настроений польской молодёжи и её протесту против руссификаторской политики царизма. К числу жертв реакционной шовинистической политики царизма принадлежал дядя Валерия—Евстахий

Врублевский, студент Киевского университета, единственный в то время высшего учебного заведения России, которое было ещё доступно для польской молодёжи. Это было в то время, когда в Киеве возникла тайная революционно-демократическая организация, так называемое «братство Кирилла и Мефодия», к которому принадлежало много поляков, в том числе Евстахий Врублевский. Организация была раскрыта царскими властями, участники понесли суровое наказание. Евстахий Врублевский был сослан в Сибирь на восемь лет. В виленском доме Евстахия (где он поселился по возвращении из ссылки) молодой племянник его Валерий сблизился с выдающимися представителями передовых слоёв виленского общества, в том числе с Людвигом Сырокомлей-Кондратовичем и с Зигмундом Сераковским.

Высшее образование Валерий Врублевский получил в петербургском Лесном институте. Революционный протест против самодержавия, против реакции охватил не только польскую, но и русскую молодёжь, учившуюся в военных академиях, Университете, Лесном, Технологическом институтах и других учебных заведениях Петербурга. Возникли связи с Лондоном, где Александр Герцен издавал «Колокол» и «Полярную звезду». Студенты с увлечением читали «Современник» Чернышевского. В Петербурге Юзефат Огрызко начал издавать польскую газету «Слово». Зигмунд Сераковский, в прошлом — капитан Генерального штаба, ещё недавно бывший политическим ссыльным, создал в среде польской молодёжи кружок самообразования, вскоре превратившийся в тайный революционный кружок. Ещё более способствовали подъёму революционных настроений среди польской молодёжи события в Европе — национально-освободительное движение в Италии.

В 1861 г. по окончании Лесного института Врублевский был назначен инспектором лесной школы в Соколках (на полпути из Белостока в Гродно). Для польских революционеров, готовившихся к восстанию против царизма (к их числу в эти годы уже принадлежал В. Врублевский), крайне важно было иметь своих людей на железнодорожном направлении, которое вело из Варшавы в Петербург, так как именно здесь можно было в случае восстания помешать царским властям двинуть войска на усмирение поляков. Важной и нелёгкой задачей для польских револю-

ционеров, действовавших в этих местах, было связаться с массой белорусского населения и увлечь его своей антиправительственной пропагандой. Эта попытка сближения поляков с белорусами осуществлялась издавна. Поляки в Гродно, Вильно, Минске, Витебске усердно изучали белорусский язык и писали на нём революционные произведения, посвящённые жизни простого народа. Артемий Вериге перевёл на белорусский язык «Пана Тадеуша» Мицкевича. На белорусском языке писали стихи поэты Марцинкевич и Л. Сырокомля-Кондратович. Среди таких народных поэтов, одевавшихся по-крестьянски и «шедших в народ», в Белоруссии играл большую роль Константин (Кастусь) Калиновский — юрист, закончивший Петербургский университет, сделавшийся сельским учителем и издававший на белорусском языке «Мужицкую правду». Бронислав Шварце издал «Гутарки (беседы) двух соседей» (или «Гутарки старого деда»).

Антиправительственная пропаганда встречала сочувственный отклик в Гродненской губернии, особенно в Соколках, где находился Валерий Врублевский. Врублевский энергично взялся за пропагандистскую работу, финансировал «Гутарки», сам их возил и распространял. Впоследствии выяснилось, насколько значительна была роль таких людей, как Врублевский: они сумели заблаговременно завербовать сообщников из среды местных крестьян, которые помогали повстанцам в боях, снабжали их провизией, были проводниками в лесах.

Во время восстания 1863 г. Врублевский проявил себя как опытный руководитель в борьбе с царизмом, как демократ, преданный народному делу.

Восстание в Гродненской губернии и в Литве возникло на три месяца позже, чем в Польше, где борьба во всех воеводствах началась уже с января.

Большинство повстанцев состояло из местной шляхты; много было среди них и крестьян. Однако повстанческие дружины были малочисленны, плохо вооружены и действовали разрозненно.

Ленин придавал большое значение революционной деятельности польской шляхты, сыгравшей большую роль во время восстания 1863 г. «Пока народные массы России и большинства славянских стран,— писал Ленин,— спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических

движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской»¹.

Первый бой повстанцев с правительственными войсками произошёл под Валилой в лесной глуши. Бой длился час, но ввиду превосходящих сил противника отряд повстанцев вынужден был отступить с большими потерями. В руки неприятеля попали телеги с провизией и деньгами. Скоро отряд, однако, пополнился новыми добровольцами. 8 июня снова произошёл бой. Командовал отрядом Врублевский. Две роты он расположил на густо поросшем зелёною берегу, а на другом поставил роту «косиньеров» (вооружённых косами). Огонь правительственных войск был так силен, что повстанцам пришлось отойти. Тогда Врублевский двинул в атаку «косиньеров». Три раза царские войска захватывали позиции повстанцев, но всякий раз вынуждены были оставлять их и укрываться в лесу. Несколько дней спустя произошло новое столкновение недалеко от Серадовой, под Бирками. Правительственные войска на этот раз были сильнее, и Врублевскому пришлось уйти в лес. Тогда он создал несколько маленьких групп, человек по 30—40, и разместил их по уездам, предложив им пополнять свой состав добровольцами, собирать запасы провизии и производить разведку...

В августе положение повстанцев ухудшилось. Виленским губернатором стал пресловутый «Муравьёв-вешатель», неумолимый враг повстанцев. Многие вожди восстания (Зигмунд Сераковский, Топор-Зверздовский) были арестованы и казнены.

Отряд Врублевского испытывал большую нужду в оружии и боеприпасах. В сентябре Врублевский под вымышленным именем добрался до Варшавы. Здесь в расчёте на помощь французов было принято решение держаться до весны.

Врублевский считал своим долгом не покидать вверенного ему поста. Он вернулся к своему отряду. Однако теперь оставаться в Гродненской губернии было невозможно, и поздней осенью 1863 г. Врублевский перешёл со своим отрядом Буг. Местное население помогало ему,

снабжало провизией. Крестьяне из Полесья, из которых власти сформировали стражу, обязанную доносить о повстанцах, вместо этого предупреждали их о приближении царских войск.

Так прошли ноябрь и декабрь 1863 г. В январе начались морозы. Повстанцы были изнурены до крайности. 19 января 1864 г. Врублевский перешёл Тьеменицу и под Ушимовым наткнулся на царские войска. Во время стычки Врублевский был дважды ранен: в голову и в плечо. Отряд его распался. Жители одного села спасли Врублевского, спрятав его в овине. Позже удалось перенести раненого в усадьбу арендатора Ксаверия Склодовского. Когда раны слегка затянулись, племянница арендатора Склодовская (сестра Владислава Склодовского и тётка впоследствии знаменитой учёной Марии Кюри-Склодовской) сама вывезла Врублевского в Галицию. Чтобы скрыть Врублевского, она одела его в женское платье и, выдавая за «экономку», везла в своей карете через всю Люблинскую губернию до австрийской границы. При этом не обошлось без разных приключений, но всё окончилось благополучно. Так, при предъявлении пропуска на границе одного уезда один из русских офицеров заинтересовался молодой и красивой «экономкой» и подъехал верхом на коне к карете. Но другому его товарищу эта «женщина» показалась подозрительной, и он стал задавать вопросы. К счастью, в этот момент подъехал старший офицер и сурово прикрикнул на него; затем, нагнувшись к Врублевскому, шепнул ему, чтобы он незаметно вытер струйку крови, показавшуюся из раны... Так и не узнав потом Врублевский, кому он обязан был тогда своим спасением.

В Галиции Врублевский некоторое время пролежал в повстанческом госпитале в имении графов Тарловских. Оттуда, окончательно залечив свои раны, он уехал в Париж.

В Париже он принял участие в деятельности левого, демократического крыла польских эмигрантов. С большими трудностями он добывал средства к жизни. Долго искал он работы, наконец, нужда заставила его сделаться фонарщиком. По вечерам он зажигал газовые фонари на парижских улицах, по утрам гасил их. Днём чистил фонари. В свободное время он ухитрялся изучать военное дело и посещал Школу генерального штаба.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 403.

С течением времени он изучил типографское дело. Врублевский стал работать на предприятиях Ружа, издававших также польские книги. Он зарабатывал попрежнему мало, плохо питался, жил в дешёвом номере второразрядной гостиницы. В Париже он стал жертвой эпидемии оспы, распространившейся по всей Европе, и остался жив только благодаря своему самообладанию и силе воли. Он отказался лечь в переполненные госпитали, где люди гибли в большом количестве, и стойко перенёс болезнь у себя в постели, питаясь только тёплым чаем.

Все эти годы Врублевский активно занимался общественной и политической деятельностью. В 1866 г. эмигранты создали «Демократическое объединение польской эмиграции». Стимулом к созданию объединения явилось начало австро-прусской (1866 г.) войны, зародившее в поляках надежду на то, что эти события могут благоприятно отразиться на положении Польши. В. Врублевский был избран в первый представительный Комитет «Демократического объединения».

В своих воззваниях 1868 и 1870 гг. Комитет заявлял, что его целью является восстановление единой, свободной и независимой Польши; но одними убеждениями ничего не сделаешь. Независимости Польши можно добиться «собственными силами, если черпать эти силы по принципу предоставления народу действительной свободы»¹. В воззваниях подчёркивалась необходимость общности интересов со славянскими народами, стонавшими под австрийским игом, и с Румынией, находившейся тогда на пути к освобождению; отмечалась особая важность сотрудничества с русским революционным освободительным движением.

Врублевский очень быстро завоевал симпатии товарищей по эмиграции своими демократическими убеждениями и благородным, великодушным характером. «Я — демократ по убеждению, по духу и по крови, по своему прошлому, по своей деятельности накануне восстания, — заявлял Врублевский. — Я не могу ни жить, ни умирать за иную Польшу, чем та... где господство человека над человеком уступит место торжеству свободы, разума и права, где невежество исчезнет перед яркими лучами всеобщего просвещения, а нужда — вследствие добросо-

вестного распределения общественных доходов. «Всё для народа и через народ». В этом лозунге заключён не только политический идеал нашей родины, но и средство для его осуществления. «Всё для народа» — это значит: свобода личности и коллектива, возникающая из права и возможностей развития всех своих способностей в области интеллектуальной и политической»¹. «Всё через народ» — означало, с точки зрения Врублевского, необходимость восстания народных масс против всякого насилия и рабства.

Основной целью политической деятельности революционера являлась, по словам Врублевского, революция масс, которая должна была, несмотря на всякого рода препятствия, стоявшие на пути её развития, привести к моральному и материальному благополучию народа. Искренний демократ, Врублевский не понимал классовой борьбы, составлявшей содержание современного ему буржуазного общества. Он не видел тех сил, на которые должны были опереться польские революционеры в своей борьбе за свободу и независимость Польши. В этом сказалась его ограниченность как буржуазного демократа.

Когда началась франко-прусская война и пала Вторая империя, «Демократическое объединение» обратилось к правительству Национальной обороны с предложением использовать его для защиты Парижа. Врублевский был одним из активнейших членов «Временной комиссии», которая от имени эмигрантов вела переговоры по этому вопросу с французским правительством. Но переговоры оказались безрезультатными, так как новое республиканское правительство Франции рассчитывало на поддержку царского правительства и ни в какой мере не желало поднимать польского вопроса. Генерал Трошю согласился только на участие польских эмигрантов в Национальной гвардии, не разрешая им создавать самостоятельных боевых единиц; им позволялось служить в отдельных батальонах и ротах и носить при этом только французскую форму.

Врублевский вступил в Национальную гвардию в числе первых. Как и большинство поляков, Врублевский мужественно и дисциплинированно выполнял свои

¹ М. Złotorzycka, Walery Wróblewski, Warszawa 1948, str. 20.

¹ М. Złotorzycka, Walery Wróblewski, str. 19.

обязанности национального гвардейца во время четырёх месяцев осады Парижа.

Только после революции 18 марта, сделавшись командиром войск Коммуны, он впервые обнаружил своё военное дарование.

28 апреля 1871 г. Ключере в приказе военного министерства следующим образом распределил военные силы Коммуны и их командование: командование I армии, расположившейся между Сент-Уэном и Пуэн-дю-Журом, было поручено Ярославу Домбровскому; II армией коммунаров, занимавшей линию фронта от Пуэн-дю-Жура до Берси, командовал Валерий Врублевский. 1-й корпус II армии охватывал форты Исси и Ванв. 2-й корпус охватывал форты Монруж и Бисетр. 3-й корпус занимал форт Иври и участок фронта, заключённый между Вильжюи-фом и Сеной. Штаб II армии (Врублевского) находился в Жантильи.

Высокую оценку деятельности Врублевского даёт историк Коммуны Луи Дюбрейль, писавший: «...Врублевский получил командование южными фортами... Врублевский, принадлежавший к той же национальности, как и (братья.— А. Л.) Домбровские, так же как и они, принимал участие в польском восстании и был знающим и храбрым офицером... Под начальством Врублевского находились Брюнель и Лисбонн, которых в иные часы заменяли Ла Сесилиа, Ветцель и даже Эд.

С этими новыми офицерами Национальная гвардия не подвергалась, по крайней мере, различным неожиданностям и авантюрам... Эти начальники умели предвидеть опасности, комбинировать силы, маневрировать»¹.

Начальник штаба Коммуны Россель отзывался о Врублевском, как о «старательном и дисциплинированном офицере». В тех случаях, когда Врублевский не мог устранить опасности, он самообладанием и твёрдостью духа прекрасно влиял на настроение солдат. В апреле Врублевского назначили генералом и начальником кавалерии на левом берегу Сены, а несколько позже — начальником южного участка на левом берегу, охраняемого фортами Исси, Ванв, Иври, Монруж. С небольшими силами, находившимися в его распоряжении, Врублевский совершал чудеса храбрости. Особенно отличились под его командо-

ванием упомянутые выше 187-й и 105-й батальоны, которые прославились своей отвагой и до последней минуты (25 мая) оставались на своих позициях в Бютт-о-Кейль!

В начале мая по приказу Феликса Пиа, члена Комитета общественного спасения, узнавшего о тяжёлом положении форта Исси и неудачно вмешавшегося в функции командования, Врублевский и Домбровский были направлены в Исси. Воспользовавшись отсутствием Врублевского, версальцы в ночь на 4 мая при содействии изменника Галльена (командира 55-го батальона, выдавшего версальцам пароль) неожиданно напали на не подготовленный к атаке редут Мулен-Сакэ и зверски истребили спавших там федератов.

Вызванный в Коммуну для объяснений Россель зачитал вслух рапорт Врублевского, подтверждавший этот факт: «Редут Мулен-Сакэ был сегодня ночью взят версальцами... У нас есть доказательства предательства командира 55-го батальона... Всё это произошло, когда я был в форте Исси по приказу Комитета общественного спасения.

Врублевский, 4 мая.

Феликс Пиа пытался отрицать свою вину: «Ни Комитет общественного спасения, ни я сам не подписывали никакого приказа гражданину Врублевскому отправиться в форт Исси». Но на другой день Арну сумел опровергнуть заявление Пиа, огласив приказ, под которым стояли подписи Лео Мелье, А. Арну и Феликса Пиа. Пиа всё ещё пытался оправдаться, но тщетно. Видя общее возмущение, Пиа заявил, что подаёт в отставку.

Спустя несколько дней версальцы повели наступление на соседний с Исси форт Ванв. Форт был некоторое время в опасности и даже временно очищен коммунарами. Но в 4 часа утра 11 мая Врублевский стал во главе 187-го и 105-го батальонов. Штыковой атакой батальоны заняли форт Ванв и выгнали оттуда версальцев, которые уже считали себя его хозяевами.

К середине мая состояние обороны Парижа настолько ухудшилось, что 15-го по решению военного делегата Коммуны Делеклюза был экстренно созван военный совет, на котором присутствовали Домбровский, Врублевский, Ла Сесилиа и ряд других командующих.

Домбровский, такой же энтузиаст, как и прежде, говорил о возможности поставить под ружьё 100 тысяч чело-

¹ Луи Дюбрейль, Коммуна 1871 года, стр. 126.

век. Врублевский, более практичный, предложил сосредоточить на южных траншеях силу, которая бесполезно теперь растрачивается в Нейи¹. На том же военном совете Брюнель сообщил о непослушании и дезорганизации в рядах его гарнизона.

Комитет общественного спасения решил принять энергичные меры. Он пришёл к заключению, что для спасения революции необходимо присоединить к военному элементу элемент гражданский, ссылаясь на опыт старых революционеров первой революции 1793 г., которые «прекрасно понимали значение этой меры, как единственно способной предохранить страну от опасности военной диктатуры, которая рано или поздно непременно приводит к восстановлению монархии»². Было решено назначить гражданскими комиссарами к Домбровскому — Дерера, к Ла Сесилиа — Жоаннара, к Врублевскому — Лео Мелье³.

Новое распределение военных сил Коммуны было таково: Домбровский остался в Нейи, во главе военных действий на правом берегу Сены; но в центре вместо Эда командование было предоставлено Ла Сесилиа, левое крыло фронта продолжал возглавлять Врублевский, а две резервные бригады были поручены — одна Эду, другая Бержере⁴.

18 мая на юге Парижа войска Врублевского успешно продвинулись на самом крайнем фланге и подняли красный флаг в селении Шуази-ле-Руа (южнее форта Иври).

После вступления версальцев в Париж армия Врублевского продолжала стойко обороняться, отходя лишь в случае крайней необходимости. 23 мая, когда версальцы с раннего утра окружили Монпарнасское кладбище и, захватив укрепление XIV округа, достигли площади Сен-Пьер, Врублевский преградил им дорогу. У площади Анфер версальцы остановились перед новыми укреплениями, выстроенными Врублевским. Получив накануне приказ очистить форты, он ответил: «Это измена или недоразумение! Я не очищу их никогда».

Когда версальцы взяли Монмартр, Врублевский стал убеждать Делеклюза перенести борьбу на левый берег

Сены к Пантеону и фортам, а оттуда — в окрестности Парижа. Но гвардейцы упорно отказывались уйти из своих кварталов.

О силе воли, военном опыте и самообладании Врублевского в эти роковые минуты свидетельствует следующий рассказ Лиссагарэ: 23 мая (после падения Монмартра) Врублевский «возвратился на свою главную квартиру, собрал командиров фортов, сделал необходимые распоряжения для защиты и возвратился, чтоб принять на себя командование левым берегом, которое давали ему прежние декреты. Когда он послал приказание в Пантеон, ему ответили, что там командовал Лисбонн. Врублевский, несколько не обескураженный этим, начал укреплять район, который остался в его власти»¹. Он поставил на Бютт-о-Кейль — господствующей позиции между Пантеоном и фортами — батарею из 8 орудий и 2 батареи из 4 орудий, укрепил Итальянский бульвар, бульвары де Л'Опиталь и де ла Гар, расположил свой штаб в мэрии де Гобелен и свой резерв на Итальянской площади, площади Жанны д'Арк и в Берси.

К вечеру 24 мая оборона велась с успехом только на Бютт-о-Кейль. 50 пушек и митральез версальцев были всё время направлены на Бютт-о-Кейль. Федераты Врублевского упорно отстаивали эту позицию. Кроме 175-го и 176-го батальонов, под командой Врублевского здесь сражался легендарный 101-й батальон, который с 3 апреля ни разу не сменялся и не отдыхал. День и ночь не остывали его ружья; он то находился в траншеях, то в деревнях, то в открытом поле. Этот батальон десять раз обращал в бегство версальцев в Аньере и Нейи. Он захватил у них три пушки. Вот они, говорит Лиссагарэ, «дети XIII-го округа и квартала Муффетар, недисциплинированные, не поддающиеся дисциплине, дикие, суровые, с изорванными платьями и знамёнами...»². На Бютт-о-Кейль федераты Врублевского несколько раз переходили в наступление. В ночь на 24-е версальцы подошли вплотную к позициям коммунаров. С рассветом 24-го они бросились на приступ. Федераты, не дожидаясь нападения, сами выбежали им навстречу. Четыре атаки версальцев были отбиты; 4 раза версальцы вынуждены были отступать.

¹ См. Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 239.

² А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 445.

³ «Procès-verbaux de la Commune 1871», p. 412.

⁴ G. Laronze, Histoire de la Commune 1871, Paris 1928, p. 543.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 274.

² Там же, стр. 290.

В конце концов Бютт-о-Кейль, а также Ла Виллетт, две крайние позиции, пали под градом ядер. У коммунаров остались теперь только XI, XII, XIX и XX округа и часть III, V и XIII округов.

Дальнейшее наступление версальцев развёртывалось вдоль берега Сены. Чтобы обеспечить себе сообщение с Сеной, Врублевский расставил батареи на Аустерлицком мосту и площади Жанны д'Арк. Отсюда он обстреливал наступающих версальцев. Врублевский надеялся, что южные форты будут ещё прикрывать его левое крыло. Однако форт Монруж был накануне покинут гарнизоном. Член Коммуны Лео Мелье отправился в другой южный форт Парижа, Бисегр, пытаясь воодушевить его защитников,— но безуспешно. Гарнизон, заклепав свои пушки, ушёл в Париж. Версальцы заняли оба форта. Несмотря на полученный утром приказ — отступить в XI округ, Врублевский приказал лишь перенести центр сопротивления несколько назад, на площадь Жанны д'Арк.

Там, на площади Жанны д'Арк, весь день 25 мая несколько тысяч коммунаров под начальством Врублевского стойко и мужественно оказывали упорное сопротивление врагу, в течение 36 часов успешно отбивая атаки целого армейского корпуса и даже переходя в наступление!

И только тогда, когда версальцы проникли на бульвар Сен-Марсель, Врублевский, почти окружённый, вынужден был согласиться на отступление. 25 мая под защитой батареи моста Аустерлиц Врублевский с пушками и с тысячью человек в полном порядке перешёл Сену. Версальцы не осмелились напасть на отступающего Врублевского, хотя в их руках была часть бульвара Сен-Марсель, Орлеанский вокзал и канонерки на Сене. Теперь весь левый берег оказался во власти неприятеля!..

В тот же день, после несостоявшейся попытки переговоров с прусским командованием, Делеклюз предложил отступившему Врублевскому главное командование. «Есть ли у вас несколько тысяч решительных людей?», — спросил Врублевский. — «Самое большее у нас несколько сот», — ответил делегат. Врублевский не мог принять на себя ответственность при таких неравных условиях и продолжал борьбу как простой солдат.

В последнюю минуту Врублевский с несколькими товарищами по баррикаде проник в помещение одного

портье на окраине Парижа, близ Шато д'О, и, успев переодеться, спасся.

Рассказывают, что после взятия Парижа версальцами он хладнокровно посещал одно кафе, где встречался с поляками. Однажды его там нашёл Владислав Мицкевич¹ и, подойдя к нему, стал умолять его скорее уехать в Лондон. Но Врублевский на это заметил: «Кажется, там скверный климат. А здесь, в Париже, мне очень хорошо. Меня окружают честные рабочие, оберегают меня, приглашают на обеды, где так сердечно пьют за моё здоровье»².

Действительно, парижский народ любил и ценил Врублевского. Всем парижанам было известно, что при Коммуне он отказался от генеральского жалованья и взял только коня; что он не пожелал поселиться в предоставленном ему Елисейском дворце и ответил, что «место генерала — только среди солдат».

Наконец, после долгих уговоров Врублевский согласился уехать в Англию. Генерал Владислав Замойский, которому Врублевский при Коммуне спас жизнь, с трудом достал ему прусский паспорт. В Калэ полицейские комиссары долго сличали паспорта едущих в Лондон с многочисленными фотографиями коммунаров, но Врублевский остался неузнанным и благополучно уехал в Лондон. Реакционный суд Франции заочно приговорил Врублевского к смертной казни.

К этому времени в Лондоне собралось уже много коммунаров, бежавших из Парижа; в том числе было много поляков, главным образом офицеров польской Народной армии, например, генерал Розвадовский, полковник Теофиль Домбровский, брат Ярослава, и другие.

В Лондоне Врублевский сблизился с членами Генсовета I Интернационала и принимал активное участие в Лондонской конференции (1871 г.) в качестве секретаря-корреспондента для Польши.

В эти годы, проведённые в Лондоне, Врублевский часто бывал в семье К. Маркса, где к нему относились с большим уважением. Жена Маркса отзывалась о нём, как о «гениальной голове и честном человеке».

Врублевский принимал активное участие в работе Гаагского конгресса I Интернационала, состоявшегося

¹ Мицкевич, Владислав (1838—1926) — сын поэта Адама Мицкевича, публицист и историк.

² М. Złotorzycka, Walery Wróblewski, str. 31.

2—7 сентября 1872 г. Гаагским конгрессом завершилась борьба с бакунизмом в I Интернационале. Большинство конгресса решительно высказалось за исключение руководителей этого течения из Интернационала. Врублевский в числе прочих также голосовал за исключение Михаила Бакунина, как основателя анархистского Альянса, Гильома и Швицгелеля, как членов Альянса. Врублевский вместе с Марксом, Энгельсом, Дюпоном и другими требовали переизбрания Генерального совета и перевода его в Нью-Йорк «как в единственное, кроме Лондона, место, где были бы обеспечены два основных условия: уверенность в сохранности архивов и международный характер состава Совета»¹.

На том же конгрессе «Союз польского народа» (в лице своего представителя Врублевского) выразил протест против соглашательской политики австрийского министра по делам Галиции Флориана Земялковского и особенно против предстоявшего приезда Александра II в Лондон.

7 февраля 1876 г. на одном из собраний членов Интернационала в Лондоне Врублевский выступил с клятвенным заверением, что, покуда будут живы поляки, великое рабочее движение будет иметь в их лице защитников; словом и делом они докажут, что их место там, где идёт борьба за интересы пролетариата².

Энгельс перевёл речь Врублевского с французского на немецкий язык, а затем в своей речи горячо отозвался о нём, как о революционере и борце за Парижскую Коммуну³.

В 1877 г. Врублевский уехал из Лондона, где он жил в сильной нужде, в Женеву. Здесь он встретился с группой русских революционеров-народников, с некоторыми из них он сблизился, особенно с Петром Лавровым, редактором журнала «Вперёд», и с членами редакции «Набат» — народниками Каспаром Миханлом Турским и Петром Ткачёвым.

Врублевский принял участие в их конспиративной деятельности. В том же 1877 г. Врублевский, переодетый русским офицером, по заданию народнической организации уехал в Россию.

Вскоре он снова вернулся в Женеву.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 513.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 675.

³ См. там же.

После окончания русско-турецкой войны много польской молодёжи, преследуемой русской полицией, искало убежища в Женеве. Врублевский, старый революционер, сердечно принимал молодых товарищей, заботился о них, воодушевлял их. Его дом был их убежищем. Дела его временно поправились: мать прислала ему деньги, полученные от продажи её имения. Он щедро помогал молодым товарищам, не отказывая им ни в чём, «чтобы ничего не досталось буржуям»¹, — шутил он.

После 1878 г. Врублевский отходит от политической деятельности. В том же году его избирают членом Женевского народного института по секции моральных и политических наук. Врублевский был очень доволен этим избранием: «Это наилучшая для меня реабилитация, — писал он, — после всех инсинуаций, которыми пытались меня очернить польско-французские иезуиты»².

В 1885 г. в связи с амнистией участников Коммуны, объявленной правительством Третьей республики, Врублевский вернулся во Францию. Постоянное местожительство Врублевского было в Ницце, где в то время находилось много русских и польских эмигрантов; время от времени он посещал Париж. Там он жил у Виктора Гюго, которого хорошо знал со времён Коммуны.

Врублевский пользовался в Париже всеобщим уважением. Он участвовал в многочисленных комитетах и различных торжественных юбилеях. В частности, в 1890 г. он участвовал в комитете по перенесению праха Мицкевича в Краков. Однажды, будучи в Париже, Врублевский был приглашён мэром Парижа на торжественный банкет мэров Франции, устроенный во Дворце промышленности. Но Врублевский отказался принять приглашение. Его возмущало пресмыкательство парижского муниципалитета перед властями царской России.

Последние десятилетия своей жизни Врублевский испытывал большие материальные трудности. Уже в 1885 г. он остался в Ницце без гроша в кармане. «Никогда в жизни, — писал он другу, — я не оказывался в подобном положении. Если бы не благородное поведение Болеслава (Лимановского), то я бы, попросту говоря, издох от голоду. Не знаю, как выбраться из этого ада. Я ещё в постели и опять без гроша. Болезнь и доктор

¹ M. Złotorzycka, Walery Wróblewski, str. 44.

² Ibid, str. 45.

отняли у меня всё. В пятницу истекает ещё неделя пребывания в гостинице... Надо платить, надо платить или меня, больного, вышвырнут на улицу!.. Необходимо обязательно выехать отсюда, проехать через Париж... и вернуться к Вам, так как пора начать работу в нашей стране»¹.

Даже в самые тяжёлые моменты своей жизни Врублевский всегда думал о борьбе за освобождение Польши. В этой деятельности он черпал силы. Но пришла старость, зарабатывать на жизнь становилось всё труднее, средств к существованию уже совершенно не было. С негодованием писал Энгельс Эдуарду Вайяну в Париж (5 марта 1895 г.): «Люди с трудом поверят, что хотя бывшие участники и преемники Коммуны и представлены в палате 45 депутатами, столь сильная партия все же не достаточно сильна, чтобы избавить от самой крайней нищеты своего старого генерала... Я высчитал, что имеющиеся примерно 45 социалистических депутатов в совокупности получают от государства около 400 000 франков в год и что было бы, пожалуй, вполне возможно из этой суммы предоставить единственному оставшемуся в живых генералу Коммуны ежегодную ренту, скажем, в 1200 франков... в данном случае, мне кажется, дело идет о чести всей революционной Франции... И, право, я продолжаю надеяться, что способ дать ему возможность кое-как просуществовать, не прибегая к унижительной публичной подписке, все же найдется»².

Врублевскому удавалось получать кое-какую работу у Анри Рошфора, которому он в своё время помогал в изгнании. Вернувшись в Париж после побега из Новой Каледонии, Рошфор издавал сначала «La Lanterne», потом «L'Intransigeant» («Непримиримый»). Работал Врублевский в качестве контролёра розничной продажи газет, получая 5 франков в день. Как и прежде, он жил в самой убогой гостинице. Ему старались помочь члены Заграничного союза польских социалистов.

В 1900 г. Врублевский тяжело заболел. Доктор Генрих Гершинский, польский эмигрант 1863 г., предложил Врублевскому поселиться у него в доме — в Уарвилле (департамент Эры-и-Луары). Там Врублевский провёл восемь спокойных лет, продолжая живо интересоваться всеми событиями, касающимися Польши.

За это время многое в Польше изменилось. Начался

¹ М. Złotorycka, Walery Wróblewski, str. 46.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 390.

подъём рабочего движения. Возникли первые социалистические организации. В 1893 г. образовалась Польская социалистическая партия (ППС). Между буржуазно-националистическим течением ППС и интернационалистским, пролетарским течением завязалась ожесточённая борьба, в результате которой интернационалистские элементы выделились в самостоятельную партию, принявшую название «социал-демократия Королевства Польского» (СДКП). В дальнейшем интернационалистские элементы польской и литовской социал-демократии объединились в СДКПиЛ (Социал-демократию Королевства Польского и Литвы). В годы русско-японской войны эта партия выдвинула ленинские лозунги: «Долой войну! Долой самодержавие!». Происшедшие в ряде промышленных городов Польши в декабре 1904 г. вооружённые столкновения между польскими рабочими и царскими войсками явились первым откликом на забастовку бакинских пролетариев, послужившую сигналом к революционным выступлениям по всей России. Уже на следующий день после «Кровавого воскресенья» в Петербурге (9 января 1905 г.) СДКПиЛ призвала польский рабочий класс к всеобщей политической забастовке. Особенно острый характер приняла борьба лодзинских рабочих. Городские улицы были покрыты десятками баррикад; в течение трёх дней (22—24 июня 1905 г.) рабочие вели уличную борьбу с царскими войсками. Ленин называл лодзинские бои «первым вооружённым выступлением рабочих в России». Он восхищался подвигами «геройского пролетариата героической Польши...»¹. Особенным упорством и организованностью отмечалась забастовка в Домбровском бассейне, которой руководил Ф. Э. Дзержинский. События революции выявили перед широкими массами польских пролетариев общность их интересов с интересами русского революционного пролетариата.

Внимательно следил старый революционер Врублевский за развитием революционных событий 1905—1907 гг. в Польше. Когда в июле 1907 г. польский публицист Болеслав Лимановский навестил Врублевского и рассказал ему о революционном движении 1905—1907 гг., тот возмущился:

— Чёрт возьми! Если уже драться, так надо было устроить восстание, как следует!

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 506.

— Терпение, генерал! — ответил Лимановский: — Дойдёт и до этого! ¹

Но не дождался Врублевский желанного освобождения родной Польши. Он умер в Уарвилле 5 августа 1908 г.

Похороны Врублевского превратились в бурную манифестацию. 19 августа от Орлеанского дворца двинулась процессия. Тело везли через весь Париж, чтобы похоронить его на кладбище Пер-Лашез, где был погребён в 1871 г. Ярослав Домбровский. Из разных мест приехали ветераны польских восстаний, скитальцы, обитавшие в далёких странах, поседевшие товарищи, участники баррикадных боёв. На похороны собралось около 30 тысяч французских рабочих.

За гробом, покрытым красным знаменем, шла группа близких людей, за ними шествовали бывшие коммунары, двигались толпы рабочих. Шли французы, нёсшие плакат со словами «La parti sociale ouvrière» («Рабочая социальная партия»), шли русские революционеры с алым венком, представители польской революционной социал-демократии и многие другие.

Шествие миновало Аустерлицкую площадь, где в дни Коммуны особенно упорно сражался Врублевский. На площади Бастилии громко звучал «Интернационал». На кладбище Пер-Лашез была воздвигнута трибуна. От имени бывших коммунаров выступал с речью Мартлэ, от имени ветеранов 1863 г. доктор Гершинский; затем выступили итальянец Малетто от имени итальянских социалистов и Александрович от имени Польской социалистической партии, Лядов — от русских социал-демократов и ряд других.

Покрытый красным знаменем гроб был отнесён к исторической стене, у которой в 1871 г. версальские палачи расстреляли тысячи коммунаров ². Под этой стеной покоится прах Валерия Врублевского, верно и неизменно служившего идее социализма и международной солидарности.

¹ М. Złotorzycka, Walery Wróblewski, str. 47.

² Ibid., str. 48.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЕЛИЗАВЕТА ДМИТРИЕВА (КУШЕЛЕВА-ТОМАНОВСКАЯ)

(1851—1898)

Елизавета Лукинична, урождённая Кушелева, была дочерью отставного майора гусарского полка Луки Ивановича Кушелева, участника войн с Наполеоном I. Мать Елизаветы — К. Д. Троскевич, вторая жена Луки Ивановича, — была долгое время его прислугой и сестрой милосердия. По принятии православия она получила имя Натальи Егоровны.

С матерью Елизаветы отец долгое время обращался пренебрежительно и только тогда узаконил браком свои близкие с нею отношения, когда она спасла его жизнь во время покушения на него нескольких крепостных крестьян. Крестьяне очень любили Наталью Егоровну, мать Елизаветы Лукиничны, называли её своим «ангелом-хранителем». «Ради тебя мы его не убьём, — сказали они, опустив топоры, — но будь он проклят»¹. Такова была обстановка, в которой родилась Елизавета в мае 1851 г. в наследственном имении отца — селе Волоке, Холмского уезда. Восемь лет спустя отец её умер от апоплексического удара.

Жестокое обращение Кушелева с крестьянами, порка людей и издевательства над ними — всё это не могло не зародить в маленькой Елизавете глубокого сочувствия к

¹ *Ив. Книжник-Ветров*, Детство и юность Елизаветы Дмитриевны (К истории связей русских социалистов с Марксом), «Каторга и ссылка» № 11 (72), 1930 г., стр. 68.

угнетённым крепостным и первого протеста против крепостного быта.

Паталья Егоровна, мать её, жалела и лечила крестьян, которые к ней обращались, и часто сама навещала больных на дому. Это была женщина редкой доброты, готовая всем поделиться с нуждающимися. Вместе с нею ходила в крестьянские избы и дочь, знакомясь со страданиями крепостных и с их убогой жизнью.

Елизавета Лукинична и все её братья и сёстры получили в доме отца отличное образование и воспитание. К ним рано были приглашены хорошие учителя и гувернантки — англичанка, француженка и немка. Девочки настолько свободно владели иностранными языками, что в детстве Елизавета Лукинична, по её собственному признанию, даже думала по-французски, а не по-русски.

Среди друзей и знакомых, часто посещавших усадьбу, были люди, настроенные для того времени революционно и оказавшие влияние на молодую Елизавету Лукиничну. К ним следует отнести известного литературного критика, одного из идеологов народничества, Петра Никитича Ткачёва, с произведениями которого девушка знакомилась по передовым журналам 60-х годов («Русское слово» и «Женский вестник»), не менее известного теоретика народничества Петра Лавровича Лаврова и некоторых других. Начитанная и получившая хорошее образование, Елизавета Лукинична жадно глотала в журналах статьи любимцев прогрессивной России — Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Шелгунова. Особенно сильное влияние оказал на неё Н. Г. Чернышевский. Это влияние чувствовалось ещё много лет спустя, когда Елизавета Лукинична стала членом I Интернационала и была хорошо знакома с К. Марксом. Елизавета Лукинична горела желанием принять участие в революционной деятельности.

Чтобы стать независимой и, уехав за границу, сблизиться там с революционными кругами, Елизавета Лукинична поступила так, как делали тогда многие прогрессивные, жаждавшие знания и свободы русские девушки: она решила вступить в фиктивный брак, который, помимо желанной независимости, мог принести ей, как дочери состоятельного помещика, приданое, то есть материальную независимость. Обвенчалась она с отставным полковником М. Н. Томановским, который тогда уже был неизлечимо

болен чахоткой (от которой и умер несколько лет спустя), и вскоре, в 1868 г., выехала за границу.

Томановская поселилась в Женеве, центре русской революционной эмиграции, где сразу сблизилась с Н. И. Утиным. Николай Исаакович Утин был в ту пору ещё учеником и последователем Чернышевского, Добролюбова, Герцена. Приехав вместе с Герценом в Веве, они занялись транспортировкой в Россию изданий «Вольной русской типографии». Утин утверждал, что русская революционная эмиграция должна создать за границей центр для непосредственного руководства революционной борьбой в самой России, и убеждал Герцена сделать «Колокол» общеэмигрантским революционным органом. Но ему не удалось уговорить Герцена.

Между тем подъём общедемократического и рабочего движения во второй половине 60-х годов создал весьма благоприятные условия для широкого распространения идей I Интернационала. Во всех странах Европы, в том числе и в Швейцарии, в эти годы быстро росли секции I Интернационала. В 1868 г. Утин вступил в женевскую секцию Интернационала и вскоре сделался одним из близких и доверенных лиц Маркса.

Осенью 1867 г. в Швейцарию прибыл М. А. Бакунин, мечтавший ещё с начала 60-х годов об организации тайного международного общества для борьбы за идеи анархизма в международном рабочем движении. С этой целью им был создан «Альянс социалистической демократии».

Несколько позже Бакунин через членов группы революционных эмигрантов, связанных с Утиным, сумел проникнуть в центральную женевскую секцию Интернационала. Он хотел использовать популярную в широких кругах международного пролетариата организацию. Вместе со своим единомышленником Н. И. Жуковским Бакунин основал в 1868 г. журнал «Народное дело», в редакцию которого привлёк Утина с женой, Жуковского с женой и нескольких членов анархистского Альянса. Как показал уже первый номер «Народного дела», редакция ставила своей целью пропаганду идей анархизма о разрушении государства и т. д. Поскольку направление журнала явно противоречило основным принципам Интернационала, Утин выступил с решительным протестом и потребовал, чтобы русские революционеры добивались преобразования

государства в интересах рабочего класса (как этого требовала программа I Интернационала). Бакунин вместе с Жуковским немедленно вышли из состава редакции.

Утин, убеждённый сторонник Генерального совета и К. Маркса, использовал «Народное дело» для борьбы с Бакуниным. Вскоре группа Утина превратилась в организационное ядро русской секции I Интернационала. В 1869 г. Бакунин вступил в Интернационал, объявив Альянс «распущенным». Однако эта организация продолжала существовать тайно и вплоть до Гаагского конгресса вела в Интернационале подрывную работу. Пользуясь своей популярностью среди рабочих романского юга (особенно ремесленных и строительных рабочих Швейцарии, а также всевозможных авантюристических элементов и т. д.), Бакунин успешно вербовал своих сторонников в Италии, Испании, Франции, Швейцарии. В результате, когда в январе 1869 г. на Женевском съезде произошло слияние всех швейцарских секций, в образовавшейся Романской федерации бакунисты получили большинство.

Елизавета Лукинична Томановская появилась в Швейцарии в разгар ожесточённой борьбы Утина и его сторонников с Бакуниным. Вступив в члены I Интернационала, Томановская сыграла большую роль в русской секции.

Основной задачей русской секции Международного Товарищества Рабочих, окончательно оформившейся в начале 1870 г., была революционная борьба против русского царизма. Секция поддерживала связь с разными революционными и социалистическими организациями в России и подчёркивала общность интересов революционного движения России с западноевропейским, отвергая идею якобы «самобытного пути» развития России. Разоблачая на конкретных фактах из жизни русских крестьян реформу 1861 г., русская секция старалась популяризировать решения I Интернационала по земельному вопросу. Правда, некоторые члены секции, в том числе Е. Л. Томановская, не смогли до конца освободиться от народнических взглядов на крестьянство: они, так же как народники, защищали общину, артель и не видели прогрессивности развития капиталистического способа производства в деревне. В отличие от анархистов, отрицавших политическую борьбу рабочего класса, члены русской секции Интернационала не признавали разрыва политической

борьбы с экономической, так как существует только одна современная война, «а именно неимущего с имущим, а эта война должна быть ведена неутомимо на всех пунктах»¹. Русская секция придавала большое значение стачке рабочего класса, которая воспитывает людей.

В лице Томановской русская секция приобрела деятельного члена; она успешно разоблачала бакунистов, а позже активно и самоотверженно участвовала в борьбе Парижской Коммуны. Елизавета Лукинична Томановская уже в Женеве знала о Карле Марксе как руководителе I Интернационала и познакомилась с некоторыми его произведениями. Об этом свидетельствуют её письма той поры (например, письмо её к Марксу от 7 января 1871 г.). Елизавета Лукинична горячо отстаивала точку зрения Маркса, разоблачавшего мнимую революционность бакунизма и энергично боровшегося с анархистской деятельностью Бакунина и его сторонников.

После раскола в Женеве Романской федерации Интернационала, где обнаружилось явное засилье бакунистов, Романский федеральный комитет, официально утверждённый Генсоветом, поставил вопрос о невозможности пребывания в Интернационале бакунистского Романского федерального комитета (то есть фактически секции тайного Альянса). По требованию Утина для документальной проверки всех материалов о законности вхождения Альянса в Интернационал было решено послать в Лондон специального представителя — члена русской секции МТР Елизавету Лукиничну Томановскую.

В декабре 1870 г. Е. Л. Томановская явилась в Лондон к Марксу с рекомендательным письмом комитета русской секции I Интернационала, в котором Томановскую называли «лучшим другом, искренно и серьёзно преданым революционному делу в России».

Томановская должна была подробно информировать Маркса о положении в русской секции, а также передать Марксу циркуляры инициативной группы пропаганды, созданной в Женеве Беккером² и другими. Одновременно

¹ См. Р. Ш. Тагиров, Русская секция Международного Товарищества Рабочих и Россия, «Учёные записки Казанского государственного педагогического института», вып. VII, Казань 1949, стр. 114.

² Беккер, Иоганн Филипп (1809—1886)—немецкий коммунист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; организатор немецких секций I Интернационала в Швейцарии; друг Маркса и Энгельса.

Комитет секции поручил Томановской тщательно ознакомиться с организацией тред-юнионов и с общественной жизнью Англии.

В Лондоне Е. Л. Томановская после знакомства с К. Марксом стала близким другом его семьи.

В начале марта 1871 г. Елизавета Лукинична вернулась в Женеву. Выполняя поручение К. Маркса, она решительно выступила на общем собрании секций Интернационала Женевы во время обсуждения вопроса, был ли Альянс допущен Генеральным советом в Интернационал, как утверждали бакунисты. Она заявила, ссылаясь на слова Маркса и других членов Генсовета, что Альянс никогда не признавался секцией Интернационала. Утин и его друзья, сторонники Маркса, использовали её выступление для разоблачения бакунистов и их интриг.

Томановская оказала, по словам Маркса, большие услуги партии тем, что помогла марксистскому крылу Интернационала в борьбе против Бакунина и его сторонников¹.

Немедленно по исполнении поручения Маркса в Женеве Елизавета Лукинична поехала в Париж, где назревали революционные события. Она должна была систематически информировать Генсовет о делах Коммуны. Однако выполнить это задание она полностью не смогла, так как по почте писать было невозможно: связь была прервана и письма попадали в руки версальцев².

В Париже Елизавета Дмитриева (имя, которое приняла Томановская в Париже) встретила со своим другом Бенуа Маломом, левым прудонистом. Страстная преданность народному делу, а также глубокое идейное влияние великих революционных традиций Парижа побудили её к энергичной работе в пользу Коммуны.

В первую очередь Дмитриева занялась работой среди женщин.

Парижские женщины проявляли большую активность уже с первых дней Коммуны. Они устраивали манифестации, создавали санитарные отряды для работы на фронтах и в городе, организовывали питание на боевых позициях, посылали женщин на постройку и защиту баррикад,

направляли женщин на работу и т. д.¹ Активных участниц Коммуны, по данным версальских судов, было свыше тысячи, из них четверть была без профессии и 800 женщин принадлежало к рабочему классу, занимаясь главным образом ремеслом — портнихи, перчаточницы, корсетницы и т. п.² В клубах женщины проводили большую агитационную и пропагандистскую работу в пользу Коммуны. Так, одна женщина-оратор говорила в клубе в районе Пасси: «Коммуну мы теперь имеем и никогда от неё не откажемся. Женщина, до сих пор зарабатывавшая только полтора франка, впредь будет зарабатывать три. Наш враг буржуа будет уничтожен. Не будет больше ни попов, ни буржуа!..»³.

В парижских клубах женщины выступали по самым животрепещущим, волновавшим всех вопросам (об обороне, непримиримой борьбе с реакцией, подавлении буржуазии, дезертирстве и т. д.). Женщины-ораторы в клубах часто заявляли о своей полной поддержке декретов Коммуны или же, наоборот, резко критиковали их, высказывая свою точку зрения.

14 мая в приказе командира 12-го легиона было объявлено о создании в составе легиона первой роты «гражданок-волонтёрок». Им поручалось публично, перед фронтом своего батальона, стыдить и обезоруживать дезертиров, а затем лично отводить последних в тюрьму.

«...Первая экзекуция такого рода будет иметь место, — сообщалось в этом приказе, — на проспекте Доменция».

Кроме народных клубов общего типа, где женщины играли большую роль, были основаны специальные клубы женщин, имевшие успех в рабочей среде, например клуб женщин-патриоток.

Маркс на Лондонской конференции Интернационала напоминал: «Во время Парижской Коммуны... они [женщины] проявили больше пыла, нежели мужчины...»⁴. То же говорил один очевидец: «...Именно поддержка женщин сделала Париж мужественным и гордым»⁵.

¹ См. П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 421.

² См. там же, стр. 420.

³ Там же, стр. 428.

⁴ «Лондонская конференция I Интернационала», стр. 28.

⁵ П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 422.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 445.

² См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 49.

Довольно отчётливое представление о деятельности Елизаветы Дмитриевой можно составить по её немногим письмам, которым удалось благополучно проскользнуть из Парижа. Писались эти письма осторожно, из боязни, что они могут попасть в руки врагов. Об одном из них сообщал Марксу Г. Юнг 29 марта 1871 г., уведомляя, что в конце марта Томановская благополучно прибыла в Париж, но что пишет она очень мало; в том же письме она сообщает о Малоне, который *«избран в Коммуну, но принял... участие в ней»*, не разобравшись в обстановке и, несмотря на свою крайнюю честность,— в движении муниципалитетов против Центрального комитета»¹ (Национальной гвардии.— А. Л.).

Значительно обстоятельнее было одно из последующих писем Елизаветы Дмитриевой (посланное из Парижа 24 апреля 1871 г.), содержание которого Юнг сообщил Генеральному совету на заседании 2 мая 1871 г. Елизавета Лукинична с жаром упрекала Юнга в том, что он остаётся в Лондоне в бездействии, в то время как Париж находится на краю гибели. Она указывала, что хотя дела Коммуны и хороши, но вначале было совершено много ошибок: «...к крестьянам не обратились во-время с манифестом, ЦК не сразу сдал полномочия, были недоразумения, ослабившие партию». Жалуясь на изоляцию парижан, она требовала во что бы то ни стало агитировать в провинции за помощь им. Касаясь положения в Париже, Дмитриева сообщала, что за коммунарами сохраняются все позиции, что Париж революционно настроен, а в продовольствии недостатка нет.

В том же письме Е. Дмитриева рассказывала о своей общественной работе: «Я много работаю, мы поднимаем всех женщин Парижа... Приходится выступать каждый вечер, много писать...». Дмитриева ставила перед собой задачу объединить работниц Парижа в союз и оказать тем самым Коммуне действенную помощь. Вместе с Натали Лемель, Луизой Мишель и другими женщинами-активистками Томановская участвовала в создании женского объединения, оформившегося в середине апреля месяца. Томановская вошла в состав Центрального комитета Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым.

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 170.

Союз женщин сыграл в дни Коммуны огромную роль. Возглавив инициативу широких масс и создав новые формы медицинского обслуживания (группы сестёр милосердия, походные лазареты, строительство бараков для раненых и больных и т. д.), он спас жизнь тысячам бойцов-коммунаров. Оценивая значение деятельности Союза женщин с точки зрения развития рабочего движения, Тома-мановская писала: «Если Коммуна победит, то наша организация из политической превратится в социальную, и мы образуем секции Интернационала. Эта идея имеет большой успех. Вообще интернациональная пропаганда, которую я веду... очень хорошо воспринимается женщинами. Наши собрания посещает от трёх до четырёх тысяч женщин»¹.

ЦК Союза женщин не только проводил большую работу в помощь Коммуне, но и выступал как политическая организация. Так, 8 мая 1871 г. в «Journal Officiel» был опубликован манифест, протестовавший от имени Исполнительной комиссии Центрального комитета Союза женщин против анонимной прокламации группы реакционеров, утверждавшей, будто парижские женщины «взывают к великодушию Версаля и просят мира во что бы то ни стало». Манифест заявлял, что «женщины Парижа докажут Франции и всему миру, что они сумеют в минуту крайней опасности, — если версальцы ворвутся в Париж, — на баррикадах и укреплениях отдать, подобно своим братьям, свою кровь и жизнь за Коммуну и её торжество...»². Под этим манифестом среди многих подписей находится подпись Е. Дмитриевой.

В мае ЦК Союза женщин для защиты Парижа и помощи раненым выступил с призывом к созданию синдикальных и федеральных камер объединённых работниц. Было опубликовано несколько воззваний за подписью Исполнительной комиссии ЦК в составе Натали Лемель, Алины Жакье, Лелу, Бланш Лефевр, Коллен, Жарри, Елизаветы Дмитриевой. Вместо старого лозунга женских комитетов бдительности: «всемирная республика», в этих воззваниях под влиянием члена I Интернационала Елизаветы Дмитриевой и других теперь выдвигался новый

лозунг: «социальная революция». С середины апреля по 14 мая Союз женщин провёл 24 публичных собрания, на которых присутствовало очень много женщин.

В Союзе женщин принимали участие не только французские женщины, но много польских, русских и итальянских женщин-активисток.

Русская революционерка Елизавета Дмитриева, молодая, красивая, полная кипучей энергии, производила на всех особенно сильное впечатление. Обычно она была одета в чёрное мантио и носила под ним красный шарф, а на поясе — маленький револьвер. Она часто выступала на собраниях. Воодушевляясь во время речи, она раскрывала полы мантио, и всем видны были красный шарф и револьвер. Излюбленные темы её речей были о Тьере, гражданской войне и о Парижской Коммуне.

Очевидец Сюттер Ломан в своей «Истории национального гвардейца» (1881) описывает виденную им на улице Аббатства толпу женщин с ружьями на плече и с пороховницами по бокам, которые кричали: «Да здравствует Коммуна!» Этими женщинами, численностью до 20, командовала «очень красивая девушка, брюнетка, с вьющимися волосами. Она высока, стройна, хорошо сложена и носит бодро на кончике уха тирольскую фетровую шляпу, украшенную длинным петушиным пером и багровой кокардой»¹. Очевидно, речь шла о Дмитриевой. В таком виде описывают её и Лефрансэ, и Лиссагарэ, называвший молодую русскую «Теруань этой революции»².

О храбрости Дмитриевой говорит и историк Коммуны Луи Дюбрейль; он сообщает, что «на площади Бланш батальон женщин под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне (22 мая) сражавшийся в Батиньоле, обнаружил чудеса храбрости... батальон этот сражался до последнего дня»³.

Видимо, Елизавете Дмитриевой в начале майской кровавой недели удалось скрыться и спастись не только

¹ См. *Ив. Книжник-Ветров*, Героиня Парижской Коммуны Тома-мановская («Елизавета Дмитриева»), «Летописи марксизма», VII—VIII, 1928 г., стр. 73.

² *Теруань де Мерикур* (1762—1817) — деятельница французской буржуазной революции конца XVIII в., участница взятия Бастилии и похода парижских женщин в Версаль 5—6 октября 1789 г.; пользовалась популярностью у парижан.

³ *Луи Дюбрейль*, Коммуна 1871 года, стр. 179.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 50.

² *А. И. Молок*, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 424—425.

от мести версальцев, но и, возможно, от агентов русского реакционного правительства. Об этом свидетельствуют материалы Третьего отделения, где в донесении по поводу прокламации, в котором слова «Елизавета Дмитриева» подчеркнуты красным карандашом, секретарь русского посольства в Париже Обресков пояснял:

«Я знал, что эта опасная женщина, русская подданная, уже давно бросилась в социалистическое движение, что она интересовалась бесконечно больше действиями Коммуны, чем ранеными своего походного госпиталя... 23 мая, когда армия атаковала этот квартал, Елизавету Дмитриеву видели на баррикадах; она воодушевляла федератов к сопротивлению, раздавала им амуницию и сама стреляла, стоя во главе около пятидесяти мегер...»¹.

Действительно, многие рассказывали, что видели Елизавету Дмитриеву на баррикадах 23 мая. Когда был отдан приказ отойти к Монмартру, туда направили отряд, состоявший из 25 женщин, которым командовали Дмитриева и Луиза Мишель. «В этот день,— сообщает Лиссагарэ,— из района Бастилии привели раненых. В их числе была и госпожа Х², которая, сама раненная, поддерживала Франкеля, раненного на баррикаде Сент-Антуанского предместья. Врублевский пришёл из Бютт-о-Кейль. Высокая и статная... поразительно красивая, она, улыбаясь, поддерживала раненого, чья кровь стекала на её элегантное платье. Вот уже много дней, как она отдала всю свою энергию борьбе на баррикадах, ухаживая за ранеными, находя в своём великодушном сердце невероятные силы»³.

После подавления Коммуны Елизавета Дмитриева долго скрывалась. Только в начале июня стало известно о том, что Томановская спасена. Она покинула Париж, минуя всякого рода препятствия, под градом снарядов и пуль. «Это — чудо, что она спаслась,— писал 4 июня секретарь Романского федерального комитета А. Перре Г. Юнгу в Лондон,— она у нас в Женеве, и мы охраняем её с величайшей заботливостью. Ей удалось с несколькими друзьями и подругами ускользнуть от этой ужасной

бойни». В октябре Томановская уехала из Женевы и вернулась в Россию.

Однако в дальнейшем Томановская отходит от политической деятельности. Вернувшись в Россию, она полюбила недостойного человека, замешанного в постыдном уголовном деле,— некоего Ивана Михайловича Давыдовского, и вышла за него замуж, несмотря на все попытки её друга и товарища Утина отговорить её от связи с этим человеком. В конце 1876 г. Утин сообщил К. Марксу, что у Томановской двое детей, а муж её находится в тюрьме по обвинению в принадлежности к обществу мошенников, которые вымогали деньги обманными путями. Томановская обратилась к Утину с просьбой достать 3 тысячи рублей, чтобы уплатить адвокату, который пожелал бы защищать её мужа.

Маркс тепло откликнулся на эту просьбу. Он вскоре написал в Москву М. М. Ковалевскому: «Я узнал, что одна русская дама, оказавшая большие услуги партии, не может из-за недостатка в деньгах найти в Москве адвоката для своего мужа. Я ничего не знаю о ее муже и о том, виновен ли он или нет. Но так как процесс может кончиться ссылкой в Сибирь, и так как г-жа *** решила следовать за своим мужем, которого считает невиновным, то было бы чрезвычайно важно помочь найти ему хотя бы защитника»¹.

В заключение Маркс просил Ковалевского, чтобы он попросил адвоката Танеева², которого Маркс с давних пор уважал, как человека, преданного делу освобождения народа, выступить в пользу обвиняемого.

На суде (процесс «червонных валетов») Давыдовский был признан виновным в том, что, напоив некоего Еремеева, уговорил его подписать, а затем выманил у него безденежные вексельные бланки и вексель на 20 тысяч рублей. За это Давыдовский был лишён всех прав гражданства и сослан в Сибирь на поселение. Его жена, Елизавета Лукинична, твёрдо уверенная в его невиновности и в том, что он был безвинно впущен в это грязное дело, выступала на суде в его пользу, всячески стараясь подчеркнуть его положительные нравственные качества. Она

¹ См. *Ив. Книжник-Ветров*, Герония Парижской Коммуны Томановская («Елизавета Дмитриева»), «Летописи марксизма», VII—VIII, 1928 г., стр. 72—73.

² Елизавета Дмитриева.

³ *Lissagaray, Les huit journées de mai*, p. 115.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 445.

² Танеев, Владимир Иванович (1840—1921) — московский адвокат, в 70-х годах социалист-народник, в дальнейшем — либерал.

верила в него до конца своей жизни и последовала за ним в Сибирь на поселение.

Жила Елизавета Лукинична с мужем сначала в Енисейске, затем близ Красноярска, в селе Залесееве.

Они жили, по её словам, довольно уединённо, в маленьком двухэтажном домике у церкви. Давыдовская всю чёрную работу по дому выполняла сама, ухаживала за коровой и лошады. Много занималась она со своими двумя дочерьми. Муж её производил, по словам Шебалиной, отличное впечатление своей общительностью и преданностью общественным интересам. К сожалению, красноярская ссыльная колония относилась к Елизавете Лукиничне холодно, скептически и недоверчиво, так как не допускала мысли, чтобы друг Маркса и участница Парижской Коммуны вышла замуж за осуждённого по делу «червоных валетов».

В конце 90-х годов Давыдовский был амнистирован и со всей семьёй переехал в Москву, где Елизавета Лукинична вскоре умерла¹.

¹ *Ив. Книжник-Ветров*, Героиня Парижской Коммуны Елизавета Кушелева («Дмитрисева»), «Красная панорама» № 12, 1929 г., стр. 10; *Ив. Книжник-Ветров*, Героиня Парижской Коммуны Томановская («Елизавета Дмитриева»), «Летописи марксизма», VII—VIII, 1928 г., стр. 80.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение *В.С.Алексеева-Попова*

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ТЕОФИЛЬ ШАРЛЬ ФЕРРЕ

(1845—1871)

Во второй половине 60-х годов недовольство всех слоёв французского общества режимом Второй империи непрерывно возрастало.

Напуганное правительство решило пойти на уступки, надеясь успокоить этим общественное мнение. Весной 1868 г. был опубликован закон о печати, отменивший предварительную цензуру, и закон о собраниях, разрешавший их проведение при условии контроля полиции.

Но эти вынужденные меры только содействовали ещё большему росту популярности республиканских идей, особенно в среде учащейся молодёжи. Республиканская оппозиция широко использовала новые льготы для самых энергичных атак на бонапартовский режим. В столице и в провинции возник ряд газет и журналов, активно пропагандировавших свержение существующего режима. Публицисты-республиканцы стремились как можно ярче и убедительнее обрисовать все преступления бонапартизма, — вышли в свет сочинения Тено, полные огня, напоминавшие народу все подробности декабрьского переворота 1851 г.: «Париж в декабре 1851 г.» и «Провинция в декабре 1851 г.».

Тысячи людей — рабочих, интеллигентов, мелких буржуа, пылавших неугасимой жаждой знания и вдохновлённых ненавистью к империи, устремились на отныне разрешённые народные (публичные) собрания. На них толпились массами. Двадцать лет Париж не слышал живого

слова. Произносились горячие речи... Наибольший успех на долю ораторов выпадал в рабочих кварталах.

Среди популярных ораторов этих собраний обращал на себя внимание горячностью и убежденностью человек небольшого роста, с густой черной бородой и бакенбардами, чернота которых резко оттеняла мертвенную бледность его лица, с орлиным носом и в пенсне, скрывавшем черные, блестящие, сильно близорукие глаза. Пылкие речи этого оратора, характерная для него порывистая жестикуляция были хорошо знакомы аудитории клубов и общественных собраний: это был 22-летний Теофиль Ферре.

Люди, слышавшие его выступления, могли по достоинству оценить его ум, смелость, веру в революцию. Особенно большой успех имело его выступление у могилы Бодена¹. 2 ноября 1868 г. забытая могила Бодена была обнаружена на Монмартрском кладбище и тотчас же стала предметом паломничества и исключительного общественного внимания: чествование памяти этой жертвы бонапартизма было отличным предлогом для антиправительственных манифестаций. Во время одной из таких многочисленных манифестаций на могилу было возложено много венков, произносились горячие речи. Журналист из «Réveil» гневно клеймил империю, и толпа то и дело разражалась криками: «Да здравствует республика!» Другой оратор, выступая от имени народа и молодежи, заявил, что мщение неизбежно и ждать его уже недолго.

Вдруг на пьедестале одного памятника появилась знакомая толпе фигура Ферре, с густой растрепанной шевелюрой и бледным лицом, обросшим черными волосами. Подняв вверх сжатый кулак, Теофиль Ферре начал свою речь следующими зажигательными словами, сразу перенёсшими слушателей в атмосферу 1793 г.:

— Да здравствует республика!.. Конвент в Тюльери!.. Разум в Соборе богородицы (Notre Dame)².

И в дальнейшем (по словам обвинительного акта процесса членов Коммуны) «на политических собраниях Ферре выделялся своим неистовством и своими безрассуд-

ными речами, которые неизменно вызвали к памяти 1793 г.»

23 декабря 1868 г. Ферре произнёс пламенную речь, встреченную частыми и бурными аплодисментами. В ней он, между прочим, говорил:

«При Людовике XVI нищета дошла до крайней степени. Когда в присутствии одной негодницы говорили о жалобах народа и о недостатке хлеба, эта несчастная, которую по заслугам убрали эшафот, сказала: «Если у них нет хлеба, пусть они едят печенье». Это была Мария Антуанетта.

Революция 89-го года, к которой привели застой в промышленности и потребность в свободе, пыталась дать рабочим работу; им было поручено выравнивать Марсово поле... то самое Марсово поле, которое год спустя было залито кровью расстрелов в интересах буржуазии...

Революция 93-го года, которая была второй и настоящей революцией, дала рабочим работу. Она установила против спекулянтов жестокие наказания...»¹

Своим выступлением Ферре хотел подчеркнуть, что годом подлинно великой революции был именно 1793 г., когда была казнена королевская чета, учреждены Комитет общественного спасения и Революционный трибунал.

По своим политическим убеждениям Ферре принадлежал к числу активных бланкистов. Бланкисты, последователи учения коммуниста-утописта Огюста Бланки, вербовали своих сторонников в мелкобуржуазной среде революционно настроенной интеллигенции и студенчества Латинского квартала, но пытались также завоевать влияние среди рабочих. Революционной молодежи нравилась твердая решимость бланкистов возможно скорее поднять восстание, использовать первый представившийся случай для свержения империи. Бланки верил, что сплоченная и дисциплинированная кучка смелых заговорщиков может внезапно захватить власть и, действуя в интересах трудящихся масс, увлечь последних своим героическим примером. Бланки жестоко критиковал эксплуататорский буржуазный строй. Его идеалом было бесклассовое коммунистическое общество.

¹ Боден, Жан Батист (1801—1851) — депутат Законодательного собрания, был убит во время бонапартовского переворота 2 декабря 1851 г. на баррикаде улицы св. Маргариты, в предместье Сент-Антуан.

² В разгар буржуазной революции (10 ноября 1793 г.) в Соборе Парижской богородицы состоялся праздник Свободы и Разума.

Маркс и Энгельс высоко ценили Бланки, называя его ещё во время революции 1848 г. пролетарским революционером¹. В одном из своих писем Маркс называл Бланки «головой и сердцем пролетарской партии во Франции»², а его партию — партией революционного пролетариата. Энгельс считал Бланки единственным человеком, способным возглавить революционное движение во Франции³.

Ленин писал, что Бланки — «несомненный революционер и горячий сторонник социализма»⁴.

Однако, с большим сочувствием относясь к идеям I Интернационала (Бланки присутствовал на Брюссельском конгрессе 1868 г.), Бланки всё же был далёк от истинного понимания идеи пролетарской диктатуры и значения классовой борьбы. Он не был в состоянии подняться до научного материалистического и диалектического понимания общественных явлений. «Бланки,— говорил Энгельс,— по существу — политический революционер; социалист он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства»⁵.

Главное заблуждение Бланки и его учеников как революционеров заключалось в том, что они не могли преодолеть традиций тайных организаций и ошибочно полагали, что путём заговорщических методов можно «осуществить социальную революцию». Ленин впоследствии, жестоко критикуя их за это, писал: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, ...когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в рядах *слабых полоеинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*»⁶. Но бланкисты упорно оставались верными своим методам заговора, чем

и объяснялись частые провалы их попыток осуществить восстание масс. В середине 60-х годов бланкистская организация оформилась окончательно.

Маленькая «армия» заговорщиков была построена по принципу строгой конспирации и состояла из «десятков», каждый из которых не знал о деятельности другого десятка. Этой «армией» Бланки управлял, находясь в Брюсселе, через своих ближайших сотрудников — Тридона, Жаклара и Вильнева¹.

Бланкисты боролись за влияние в рабочей среде с другим социалистическим течением того периода — прудонистами, деятелями французских секций I Интернационала. Они осуждали принципиальное равнодушие прудонистов к политической борьбе и стремление их ограничиться защитой только экономических требований. Особую остроту эта борьба приняла в последние годы Второй империи.

Теофиль Шарль Ферре принадлежал к числу наиболее убеждённых и активных бланкистов. Родившись в 1845 г. (по некоторым данным — в 1846 г.) в бедной семье мелкого парижского служащего Лорана Ферре и Мари Ривьер, он рано стал зарабатывать себе на пропитание, служа счетоводом в конторе.

Революционная борьба захватила Теофиля целиком. Бросив контору, он посвятил себя революционной деятельности. Первое время Ферре не принадлежал к кругу «избранных», и Бланки не посвящал его ни в одно из своих крупных предприятий. В нём видели только хорошего оратора, который талантливо пропагандирует бланкистские идеи. Однако очень скоро Ферре завоевал доверие своих товарищей и выдвинулся в первые ряды.

В начале 1869 г. Теофиль Ферре был арестован за нарушение закона о собраниях и посажен на три месяца в тюрьму Сент-Пелажи. Здесь он сблизился с Раулем Риго, Тридоном, Дювалем, Фортеном и другими видными бланкистами. Сообща с Риго Ферре организовал в Сент-Пелажи стачку протеста политических заключённых. Как выяснилось на суде, во время этой стачки из всех окон тюрьмы раздавались крики «Да здравствует республика! Да здравствует гильотина!», пение «Марсельезы» и «Карманьолы».

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 152.

² Roger Garaudy, Les sources françaises du socialisme scientifique, Paris 1949, p. 218.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 384.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 437.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 225.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 4—5.

¹ См. Ch. Da Costa, Les blanquistes, Paris 1912, p. 17.

6 января 1871 г. делегация 20 округов Парижа (прудонисты, бланкисты, левые республиканцы) опубликовала так называемую «Красную афишу», в которой были выражены требования рабочего, республиканского Парижа, обеспокоенного пассивностью правительства в минуту столь грозной опасности. Афиша решительно осуждала правительство и военное руководство и требовала создания Коммуны, которая по-революционному провела бы все меры, нужные для борьбы с осаждавшим Париж неприятелем.

«Выполнило ли свою миссию правительство, которое обязалось 4 сентября организовать национальную оборону? Нет, не выполнило. В Париже 500 тысяч бойцов, а осаждающих пруссаков — 200 тысяч!.. Наши же правители, вместо того чтобы отлить пушки и изготовлять оружие, занимались только переговорами... Они оставили боунапартистов на занимаемых ими местах, а республиканцев сажали в тюрьмы... Своей медлительностью, нерешительностью и инертностью они привели нас к краю пропасти, они не умели ни управлять, ни сражаться, хотя в их распоряжении были все ресурсы, материалы и люди!.. Военное командование носит ещё более жалкий характер... Если в людях Ратуши сохранилась хоть капля патриотизма, их долг — удалиться, дать парижскому народу возможность самому позаботиться о своём освобождении».

«Красная афиша» заявляла, что отныне «муниципалитет, или Коммуна (каким бы именем её ни называли), является единственным спасением народа от гибели», что ещё не поздно принять решительные меры, чтобы избежать позорной капитуляции. Эти меры:

Всеобщая реквизиция! Бесплатные пайки! Массовая вылазка!

«Уступите место народу! Место Коммуне! — Делегаты двадцати округов Парижа» — так заканчивалась «Красная афиша»¹.

Среди 130 подписей значилась подпись Теофиля Ферре.

Теофиль Ферре служил в 152-м батальоне Национальной гвардии и входил в состав комитета бдительности XVIII округа (Монмартра). «Население Монмартра и Бельвиля, — писала коммунарка Луиза Мишель, — их мэ-

ри, наблюдательные комитеты и клубы были пугалом для «людей порядка»...

В наблюдательных комитетах собирались люди, безусловно преданные революции, которым не страшна была смерть. Там закалялось их мужество»¹.

Зорко следя за подозрительными махинациями мэров и некоторых депутатов Национального собрания, стремившихся разоружить парижских рабочих, Ферре успел разоблачить один из этих манёвров: монмартрский мэр Клемансо незадолго до 18 марта привёл на пост улицы Розье депутата Национального собрания Шельше и почти добился согласия часовых 61-го монмартрского батальона на добровольную передачу орудий Шельше (под тем предлогом, что тот якобы «бывший офицер Национальной гвардии») при условии, если последует на это распоряжение правительства. Обрадованный Клемансо весь вечер безуспешно разыскивал нужных ему членов правительства, чтобы с их помощью организовать получение орудий. Однако члены комитета бдительности XVIII округа во главе с Ферре (Ферре, Жаклар, Дерер, Ж.-Б. Клеман), узнав о ведущихся переговорах, явились на пост 61-го батальона и категорически запретили отдавать пушки².

В ночь с 17 на 18 марта, ещё до рассвета, 40 батальонов линейных солдат под командой генералов Винуа, Леконта, Патюреля, Фарона двинулись на холмы рабочих окраин Парижа (Монмартр, Бельвиль) и захватили пушки, принадлежавшие Национальной гвардии. Лишь только рассвело, поднялась тревога. Ферре вместе с членами комитета бдительности, сформировав колонну и вооружившись, немедленно выступили против солдат генерала Леконта. Как известно, солдаты отказались стрелять в народ и при восторженных криках толпы стали брататься с рабочими. То же произошло и в других местах; ошеломлённые неудачей генералы и часть солдат обратились в бегство. Победа рабочих была неожиданной и полной. Её возвестил громовой салют отбитых народом пушек.

Центральный комитет Национальной гвардии спешно назначил командиров легионов (Дюваля — в XIII и

¹ G. Bourgin, La Commune de Paris et comité central (1871), «Révue historique», Paris 1925, t. 150, p. 10—11.

¹ Луиза Мишель, Коммуна (Из воспоминаний), М.—Л. 1926, стр. 56.

² См. Frank Jellinek, The Paris Commune of 1871, London 1937, p. 101—102.

У округах, Анри — в XIV, Варлена — в XVII), одновременно батальонам XVII и XVIII округов был дан приказ овладеть Вандомской площадью.

В то время как Варлен (XVII округ) немедленно решил выполнить приказ, Бержере (XVIII округ) колебался это делать; потребовалось настойчивое вмешательство Ферре, бывшего тогда председателем Монмартрского комитета, чтобы монмартрские и батиньольские федераты соединились и спустились к улице Бланш, на шоссе д'Антэн. К девяти часам вечера они овладели Вандомской площадью и зданием Генерального штаба.

К полудню того же дня весь XI округ был целиком в руках восставших.

Тем временем генералы Леконт и Клеман Тома, которые были арестованы и заключены в Шато-Руж (на Монмартре), тщательно охранялись капитаном Национальной гвардии Симоном Майером. Мэр Клемансо, надеявшийся ещё спасти генералов, дал Майеру соответствующие инструкции об их охране. Неожиданно был получен приказ Центрального комитета о переводе обоих генералов на улицу Розье. (Очевидно, не доверяя мэру, Комитет решил отправить арестованных в более надёжное место, чтобы сохранить их в качестве заложников).

Согласно приказу Центрального комитета генерала Леконта и других арестованных офицеров повели в дом № 6 на улице Розье (где разместился 61-й батальон Национальной гвардии). В толпе, окружавшей конвой с арестованными, находилось много солдат, бывших подчинённых генерала Леконта. Появление его вызвало шумное выражение ненависти среди них.

Озлобление толпы достигло кульминационного пункта, когда в комнату дома № 6, где уже находился Леконт, был приведён генерал Клеман Тома. В прошлом организатор июньской бойни 1848 г., Клеман Тома, будучи главным командующим Национальной гвардии, в течение долгого времени преследовал рабочие батальоны. Незадолго до 18 марта он строил планы «покончить с цветом парижской сволочи»¹.

Клемана Тома задержали на площади Пигалль в ту минуту, когда он, переодетый, следил за восставшими. По-

явление Тома послужило толчком к взрыву стихийного народного гнева.

— Негодяй! — крикнул один рабочий. — Ты нас расстреливал, ты ссылал нас в июне 1848 г.! Ты называл нас трусами во время осады!

Смерть ему! Смерть! — раздались крики¹.

Его тут же вытащили из дома и расстреляли у стены. После этого наступила очередь Леконта, которому

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 470—471.

¹ См. Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871, p. 74—75.

солдаты бросили обвинение в жестоком обращении, в том, что он отдал утром приказ стрелять в народ. Несмотря на попытки некоторых защитить Леконта, он был также расстрелян.

Во время переговоров Центрального комитета с саботировавшими выборы в Коммуну мэрами и депутатами (между 18 и 26 марта) Ферре проявил огромную настойчивость и решительность. 20 марта по настоянию его и бланкиста Эда Комитет 20 округов принял решение о том, что Центральный комитет Национальной гвардии не имеет права слагать с себя военную власть и гражданские полномочия, как того требовали мэры и депутаты, заявившие, что единственными носителями власти являются они.

На следующий день Комитет 20 округов постановил оказать энергичное содействие Центральному комитету Национальной гвардии и как можно скорее приступить к выборам Коммуны. Для осуществления этого Комитет избрал 10 делегатов, в том числе Теофиля Ферре.

Избранный в Коммуну от XVIII округа большим количеством голосов (13 784 голосами), Ферре во время первых заседаний исполнял обязанности секретаря. 29 марта Ферре (вместе с Риго, Асси, Курне и тремя другими членами) был избран в состав Комиссии общей безопасности и с этого момента целиком посвятил себя осуществлению одной из важнейших функций пролетарской власти — функции подавления контрреволюции, беспощадного искоренения и разоблачения всех происков её агентов. Непреклонность и принципиальная твёрдость Теофиля Ферре в осуществлении этой задачи неоднократно вызывали ярость и осуждение не только сторонников Версаля, но и колеблющейся, мягкотелой среды мелкобуржуазных демократов.

Ферре с первых же дней после выборов отдался работе в Комиссии общей безопасности. В его распоряжении оказался богатейший материал, позволявший разоблачить тёмные махинации бонапартистских пособников, агентов и провокаторов. Это были знаменитые «Кабинетские архивы» префектуры полиции. В многочисленных (до 117 тысяч) папках этих архивов хранились «дела» и характеристики разных общественных деятелей, революционеров и ораторов народных собраний. Такие же архивы, касающиеся провинции, имелись в министерстве внутренних дел. Материалы представляли большой интерес для Комиссии.

Особенно ошеломило членов Комиссии необычайное открытие: некоторые члены их организации, пользовавшиеся общим доверием, оказались провокаторами, как, например, бланкист Жозеф Рюо, бывший каменотёс и угольщик, осуждённый при империи и считавшийся в кругу товарищей честным республиканцем. Такими же провокаторами оказались Грефф, член Коммуны Бланше (бывший капуцин и политический агент), Эмиль Клеман, Ларжильер (первые два и Рюо были в период Коммуны расстреляны, остальным удалось уцелеть, хотя они и были разоблачены). Однако в рядах Коммуны были люди, не умевшие понять и оценить всей важности революционных мер, предпринимавшихся Комиссией в целях борьбы с контрреволюцией. Враги Коммуны (а также члены «меньшинства» Коммуны) обвиняли Ферре в «излишней подозрительности», в чрезмерной жестокости, друзья — в чрезмерной близорукости и недостаточно умелой борьбе с контрреволюцией. Многие члены Коммуны, считавшие себя социалистами (например, Артур Арну), не в состоянии были понять значение и необходимость твёрдости и непреклонности в отношении врагов революции. Против правильной политики Ферре и Риго (впоследствии прокурора Коммуны) они выступали с сентиментальными доводами, но последние продолжали упорно отстаивать свою линию поведения.

Ещё на заседании Коммуны 8 апреля, споря с Риго и Ферре и защищая жизнь священников, которых Коммуна рассматривала как опасных политических преступников, Верморель утверждал: «Наша цель заключается не в том, чтобы проливать кровь версальцев и заложников, а в том, чтобы воспрепятствовать пролитию нашей крови». Ферре и другие члены Комитета энергично возражали против этого, указывая на то, что священники — опасные пропагандисты вражеского лагеря.

Характерное столкновение произошло на заседании Коммуны 24 апреля 1871 г. по вопросу, следует ли разрешить членам Коммуны свободное посещение политических заключённых. Ферре горячо возражал против этого; в случае принятия этого постановления Ферре решил подать в отставку.

«Социалист» Артур Арну требовал отмены одиночного заключения, как меры, противной революционному государству.

Несмотря на протесты, большинство приняло решение о праве членов Коммуны посещать заключённых. Тогда Ферре и Риге сложили свои полномочия членов Комиссии общей безопасности. Однако вскоре они были переизбраны и вынуждены были остаться¹.

Коммуна с первого до последнего дня была опутана такой сетью шпионажа, предательства, заговоров, что Ферре и Риге, несмотря на всю свою энергию, сумели раскрыть только немногие из них, например, «заговор трёхцветных повязок», заговор Камюса, Люлье и др.² Директор телеграфа Тревес передавал ложные телеграммы; шпионажем занимались штабные офицеры военного министерства, офицеры Национальной гвардии, подкупленные Версальем, и версальские агенты, сумевшие пробраться к высшим командным постам Национальной гвардии (Шарпантье, Домален, Лапорт, Барраль-де-Монто, Францини и др.), но вредительская их деятельность оставалась неизвестной Комиссии общей безопасности. Широко практикуя метод подкупа, агенты Тьера безнаказанно организовали ряд диверсионных актов (например, взрыв пороховой фабрики на улице Рапп, повлёкший множество жертв, и др.).

Многого сумела добиться Комиссия общей безопасности в деле организации порядка в Париже. «Коммуна как-то чудом преобразила Париж! — писал Маркс. — Рас-

Париж Второй империи бесследно исчез... С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского»³.

Ферре был душой Комиссии. «Он внушал уважение своей честностью и аккуратностью, — вспоминал ближайший его сотрудник по префектуре полиции П. Катлэн, начальник полиции безопасности, — и страх — своей страстной и ярой преданностью революции. Я никогда не видел,

чтобы он, как многие другие, опьянялся властью, пользуясь ею для угнетения слабых, зато он часто проявлял беспощадную суровость в отношении людей, злоупотреблявших своими полномочиями. Он способен был убить человека, но убить в том случае, если бы счёл это полезным для торжества своих идей».

Катлэн вспоминает один случай, когда в его кабинет ночью ворвалась в сильном возбуждении группа национальных гвардейцев, угрожая ему оружием. Благодаря самообладанию и при содействии нескольких агентов ему удалось их успокоить и обезоружить. После бессонной ночи Катлэн разыскал Ферре и, убеждённый, что эта попытка арестовать его была совершена по приказу Ферре, стал упрекать его. «Молча Ферре устремил на меня взор своих чёрных глаз и, когда я успокоился, просто сказал мне: «Гражданин, в этой истории я не замешан, и вы хорошо сделали, что защищались, так как я вас ни в чём не подозреваю. Если бы я намерен был вас наказать за измену, я бы никому этого не поручал и собственноручно убил бы вас». Признаюсь, — заканчивает рассказ Катлэн, — при этих словах я почувствовал страх перед этим человеком»¹. Тот же Катлэн свидетельствует, что при нём Ферре дважды отдавал приказ о расстреле. В обоих случаях речь шла об уголовных преступниках и бандитах, которые, проникнув в ряды Национальной гвардии, совершали убийства, грабежи и изнасилования.

«Расстреляйте этих мерзавцев, которые позорят Коммуну», — сказал мне Ферре². Катлэн, однако, не расстрелял их, а отправил на передовые позиции.

В вопросе о создании Комитета общественного спасения Ферре проявил принципиальную твёрдость. Как бланкист, он был сторонником революционной диктатуры, хотя и в узком, чисто бланкистском понимании. Поэтому он обычно голосовал вместе с якобинско-бланкистским «большинством». На голосовании 1 мая 1871 г. Ферре подал голос за создание Комитета общественного спасения и мотивировал это следующим образом:

«Я принял от своих избирателей императивный мандат; я полагаю, что в соответствии с моими выступлениями и

¹ См. «Постыжы Парижский Коммуны» — I, стр. 191, 193.

² Заговор трёхцветных повязок — заговор о аналогичные заговоры, организованные в Коммуны (и другими группами) имели целью организацию «Восстания в Версале» — вторжение версальских войск в Париж и кровавую расправу с коммунарами. С этой целью коммерсант Ланье (впоследствии арестованный по приказу Ферре) предпринял массовую фабричную опознавательных нашивок повязок. Заговор был раскрыт благодаря случайности: одна работница, шившая повязки, по наивности отправилась в Ратушу просить, чтобы ей заплатили за работу: она не подозревала истинного назначения повязок и полагала, что это — заказ Коммуны.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 487.

¹ P. Cattelain. Mémoires inédits du chef de la sûreté de la Commune. Paris 1871, p. 115—120.

² Ibid., p. 117, 120.

обязательствами будет логичным голосовать за Комитет общественного спасения»¹.

1 мая Ферре был назначен одним из заместителей прокурора Коммуны одновременно с Гастоном Да Коста, Мартенвилем и Гюгено, а две недели спустя — делегатом при бывшей префектуре полиции (с освобождением от должности заместителя прокурора). Эти назначения дали Ферре возможность более самостоятельно и интенсивно развернуть свою деятельность по борьбе с контрреволюцией.

В борьбе с многочисленными врагами революции, тайными и явными, Комиссия общей безопасности проявила недостаточную прозорливость и твёрдость, отражая чересчур великодушную и гуманную политику всей Коммуны в целом. Это чрезмерное великодушие пролетариата, который, вместо того чтобы «истреблять своих врагов... старался морально повлиять на них»², часто осуждал Ленин, указывая, что оно было одной из причин гибели Коммуны. Говоря о необходимости подавления сопротивления буржуазии в момент захвата власти рабочим классом, Ленин писал: «Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала»³.

Общая ошибочная линия Коммуны — неуместное великодушие, снисходительность и доверчивость, неоднократно проявлявшиеся ею по отношению к врагам, — несомненно отразилась и на действиях Ферре.

И именно за это следует упрекнуть Коммуну и её Комиссию общей безопасности. Декрет от 5 апреля об аресте заложников и казни их в ответ на зверства версальцев долгое время существовал только на бумаге. Через полтора месяца этот декрет был вновь подтверждён, но опять-таки не приведён в исполнение!

Между тем вначале твёрдая политика Коммуны произвела впечатление в Версале, и расстрел пленных временно прекратился. Но как только в Версале стало известно, что пощажены даже шпионы-жандармы, захваченные переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, снова начались массовые расстрелы пленных коммунаров. И только

¹ «Procès-verbaux de la Commune», v. II, p. 33.

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 438.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 391.

24 мая, когда бо́льшая часть Парижа была уже в руках вторгшихся версальцев, пачками расстреливавших тысячи невинных людей,— только тогда Ферре решился уступить требованиям возмущённых рабочих, доведённых до отчаяния бесчеловечностью версальцев! Только тогда он решился отдать приказ о расстреле заложников.

21 мая вечером версальцы ворвались в город и начали свою зверскую расправу... В тот же вечер в кабинете Ферре собрались работники прокуратуры Коммуны во главе с Риго. Наибольшую выдержку посреди всеобщего смятения, вызванного вестью о появлении версальцев в Париже, проявили Ферре и Риго. Риго, поддержанный Ферре, заявил, что было бы лучше всего запереться в Ситэ — старейшей части города, взорвать мосты и продолжать борьбу до конца. 22 мая утром состоялось последнее заседание Коммуны, на котором было принято постановление, что члены Коммуны должны направиться в свои округа, чтобы организовать защиту.

К числу лиц, которые не хотели сложить оружие и до последней минуты продолжали сражаться с врагом, принадлежал и Ферре. 24 мая, после того как погиб другой член Комиссии общей безопасности, прокурор Коммуны — Рауль Риго, Ферре остался одиноким «стражем революции». Ночь с 23 на 24 мая Ферре провёл с друзьями в помещении Комиссии общей безопасности. Утром 24-го пришлось спешно эвакуироваться из здания. Ферре направился в мэрию XI округа. Несколько позже делегаты, выделенные толпой, явились к Ферре с требованием привести в исполнение декрет 5 апреля. Ферре подписал приказ о казни шести заложников, не указав, однако, при этом их имён. Приказ, адресованный директору тюрьмы Ла-Рокетт Франсуа, вручается Фортэну (следователю прокуратуры), который вместе с делегатами возвращается на площадь.

Участник Коммуны Вильом описывает так этот момент: «Фортэн вскочил на скамейку:

— Кто пойдёт со мной? — кричит он. — Вот приказ расстрелять шесть заложников — в ответ на расстрел у Мадлен шести человек из 66-го батальона.

— Все! Все! — отвечает толпа.

Впереди всех пожарный в каске. Он будет стрелять первый...

— Я! Я! — кричит он. — Они убили моего брата.

В короткое время Фортэн окружён шестью десятками людей. Две трети из них принадлежат к 66-му батальону. Бегом устремляются они к тюрьме»¹.

Когда толпа узнала, что среди шести имён, выбранных Франсуа для расстрела, нет архиепископа, она хором потребовала: «Архиепископа! Подайте нам архиепископа!»

Относительно арестованного архиепископа Дарбуа с Версалем давно велись переговоры. Коммуна предлагала освободить архиепископа в обмен на Бланки, но Тьер умышленно затягивал переговоры и отмалчивался. Этот холодный и хитрый политик считал, что расстрел коммунарами архиепископа будет гораздо полезнее для дела «партии порядка» и успешной борьбы с Коммуной, чем освобождение Бланки. По мнению Тьера, освобождение Бланки было бы равносильно тому, чтобы послать Коммуне на помощь целый армейский корпус. Тьер намеренно пожертвовал архиепископом, чтобы иметь предлог для своей кровавой расправы с десятками тысяч парижских пролетариев. На просьбу Фортэна, обращённую к директору тюрьмы, вычеркнуть из списка одного и дать взамен архиепископа, последний ответил, что у него нет на это приказа. «Я не выдам его без особого распоряжения», — добавил он. Решено было вернуться в мэрию, с тем чтобы получить подпись Ферре. Когда ему сообщили требование людей, Ферре, не говоря ни слова, «...своим ровным почерком бывшего клерка прибавил внизу смертный приговор прелату: «И в том числе архиепископа»»².

Приговор был приведён в исполнение. Вернувшись в мэрию, Фортэн в присутствии П. Лиссагарэ и А. Эмбера³ рассказал о совершившемся Ферре. По просьбе последнего Фортэн торопливо набросал следующий протокол:

«Сегодня, 24 мая 1871 г., в 7 часов вечера, во исполнение декрета Парижской Коммуны от 5 апреля о заложниках, в тюрьме Ла-Рокетт расстреляны следующие лица:

Дарбуа, бывший парижский архиепископ;

Дегерри, бывший кюрэ церкви Мадлен;

Бонжан, бывший вице-президент Сената Империи;

Клерк, Аллар и Дюкудрэ, бывшие отцы-иезуиты.

Делегат Коммуны Эмиль Фортэн».

¹ Максим Вильом, В дни Коммуны (Записки), Л. 1925, стр. 52—53.

² Там же, стр. 56.

³ Эмбер — один из редакторов газеты «Père Duchêne» в 1871 г.

Утром того же дня Ферре, находясь в здании префектуры полиции, вокруг которого уже пылал пожар, и почти окружённый версальцами, отдал приказ: «Взять из депо арестованных, имена которых следуют, и расстрелять их». В числе четырёх, подлежащих расстрелу, был версальский агент Вейссе, который был подослан к генералу Коммуны Ярославу Домбровскому с целью подкупа. В отношении остальных заключённых Ферре распорядился освободить их, при условии если они будут драться с версальцами. Это были осуждённые за незначительные проступки (около 450 человек). Реакционно настроенная администрация тюрьмы, воспользовавшись распоряжением Ферре и общим смятением, выпустила всех их на свободу.

В субботу 27 мая было уже ясно, что всё потеряно. В руках коммунаров из всего огромного Парижа осталось только несколько улиц XI и XX округов. 200 коммунаров защищали кладбище Пер-Лашез и после разрушения снарядами главных ворот продолжали драться, укрывшись за могилами и памятниками. Шёл проливной дождь... Днём Ферре в последний раз посетил тюрьму Ла-Рокетт, где ещё сидели 315 заложников, и приказал их освободить.

В последнюю ночь «кровавой недели» (с 27 на 28 мая) мэрия XX округа являлась центром сопротивления героических коммунаров. Ла Виллет ярко пылает. Попрежнему идёт дождь. В мэрию XX округа стекаются отовсюду раненые коммунары, но там нет ни врачей, ни перевязочного материала, ни лекарств. Всюду хаос и смятение. Только 6 или 7 членов Коммуны находятся здесь, измученные и обессиленные: Ферре, Варлен, Ранвье, Журд и другие.

Утром 28-го версальцы продвигаются вперёд, чтобы покончить с последними защитниками Коммуны. «Небольшой отряд под предводительством Варлена, Ферре, Гамбона, с красными шарфами вокруг пояса и с шашпо на плечах, спускается по улице Де-Шам и выходит на бульвар XX округа. Огромного роста гарибальдиец несёт большое красное знамя. Они входят в XI округ. Варлен и товарищи его идут на защиту улицы Фобур-дю-Тампл и улицы Фонтен-о-Руа.

...В 11 часов у федералистов уже почти нет пушек, и две трети армии их окружают... Версальская артиллерия

бомбардирует их до тех пор, пока федералисты не растрасчивают всех своих снарядов. Послав последнюю пулю, они бросаются на штыки, которые их окружают со всех сторон...»¹

С беспримерным мужеством и самообладанием Ферре руководил до конца обороной последних позиций коммунаров и дрался, пока хватило патронов. Но вот последняя баррикада взята. Отчаянное, героическое сопротивление сломлено. Ферре удаётся скрыться, ускользнуть из рук версальцев.

«На коммунаров надо устроить охоту! Это бандиты, которые сами себя поставили вне законов гуманности!» — взывала газета «Le Bien Public» («Общественное благо»).

«Мы должны обложить, как диких зверей, тех, кто прятался, — беспощадно, но с твёрдостью!» («Figaro»).

Не будучи в состоянии поймать Ферре, версальские власти выместили всю свою злобу на его родных — родителей, сестре и братьях, которые скромно жили в маленькой квартирке парижского предместья Леваллуа-Перре.

Однажды утром дома оставались только мать Теофиля (отец ушёл на работу) и больная сестра его Мари, которую мучила жестокая лихорадка. Внезапно в дверь ворвалась целая орава полицейских агентов и шпииков.

«Сыщики набросились на старуху Ферре, — рассказывает Одисс Баро, — и засыпали её вопросами, требуя, чтобы она указала место, где скрывается её сын.

Она утверждает, что ничего не знает об этом, но что если бы и знала, нельзя требовать от матери, чтоб она выдала собственного сына.

Настояния версальцев удвоились, они поочерёдно подступали к ней то с лаской, то с угрозой.

— Арестуйте меня, если хотите, но не могу же я сказать то, чего не знаю! Не будете же вы так жестоки, чтобы отрывать меня от постели моей больной дочери...»

Один из агентов заявил:

«— Так как вы не желаете сказать нам, где ваш сын, мы уведём вместо него вашу дочь...»

Тщетны все её мольбы и слёзы. Больную заставляют подняться и одеться, несмотря на то, что это грозит её жизни.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 309.

— Мужайся, мама, — говорит Мари, — не беспокойся, у меня хватит сил, это ничего: меня должны будут отпустить»¹.

Старуха-мать не выдержала такого сурового испытания: она начала бредить, произносить несвязные фразы. Версальские агенты не отходили ни на минуту от обезумевшей женщины, прислушиваясь к каждому её слову. С её уст случайно среди обрывков слов сорвалось название улицы «Сен-Совер». Мать бессознательно выдала собственного сына!

«Увы! Этого достаточно, — заканчивает Баро свой грустный рассказ. — Двое агентов остаются караулить дом Ферре, а другие во всю прыть бегут заканчивать своё дело. Улицу Сен-Совер окружают, обыскивают каждый дом: Теофиль Ферре арестован...

Через неделю после страшной драмы... храброй девушке вернули свободу. Но ей не могли вернуть её матери, которая сошла с ума и вскоре умерла в больнице для умалишённых при приюте св. Анны»².

Вскоре был арестован отец Ферре. Он просидел в тюрьме вплоть до расстрела сына.

7 августа 1871 г. начался процесс членов Коммуны. Ферре и его семнадцать товарищей предстали перед 3-м Военным трибуналом, председателем которого был полковник версальской армии Мерлен, а обвинителем — батальонный командир Гаво, только что вышедший из психиатрической больницы.

Триста мест в зале суда было отведено для членов реакционного Национального собрания, 2 тысячи мест — для «избранной публики». Так как Ферре отказался от защитника, председатель назначил ему официального защитника — Маршана. В обвинительном акте перечислялись все «преступления» Ферре, который характеризовался как «пылкий, неутомимый революционер», имеющий «очень плохое политическое прошлое»³. Ферре знал, что «суд» над ним фактически сведётся к грубой фальсификации правосудия, к акту насилия, который приличия ради нужно будет только облечь в соответствующие формальные рамки, и заранее решил наотрез отказаться от вся-

¹ См. Луиза Мишель, Коммуна, стр. 174—175.

² См. там же.

³ «Le procès de la Commune. Comptes-rendus des débats du conseil de guerre. 3-me conseil de guerre à Versailles». Paris (1871), p. 4.

кого участия в прениях. Впрочем, в течение процесса у него иногда истощалось терпение, и тогда он гневно реагировал на какую-нибудь новую клеветническую выдумку. В самом начале он обратился к суду со следующим заявлением: ¹

«Господам членам 3-го Военного трибунала.

Принимая во внимание, что я имел честь быть избранным членом Парижской Коммуны тринадцатью тысячами семьями голосами XVIII округа; что я принял этот мандат, и моим долгом было честно его выполнять; что Коммуна пала, её члены убиты или арестованы, а характер их личностей, их действий, их учения и намерений сознательно извращён и истолкован самым лживым и гнусным образом; принимая во внимание, что главные вожди Парижской Коммуны, убитые, арестованные или вынужденные скрываться, были предметом самой недостойной клеветы и не имели возможности доказать истину и заклеить клеветников; принимая во внимание...»

Но тут представитель версальского правительства вышел из себя и резко перебил его:

— Немыслимо, чтобы Трибунал продолжал слушать подобное восхваление Коммуны обвиняемым. Этого ещё не доставало! Выступление Ферре было прервано.

Как и ожидал Ферре, суд и обвинитель вели себя нагло и крайне пристрастно, нисколько не считаясь с юридическими нормами.

Не следует забывать, что многое из того, что мы теперь знаем, не было тогда известно 3-му Военному трибуналу. Показания свидетелей на суде были явно неудовлетворительны, сбивчивы и путанны, несмотря на специальный их подбор (в качестве свидетелей были вызваны вопреки закону уголовные преступники, содержащиеся в тюрьме, и люди с весьма сомнительной репутацией). Одной из задач обвинения было доказать, что Ферре «лично присутствовал» 24 мая при казни архиепископа и прочих пяти заложников, чего в действительности не было. Но выступавшие перед судом свидетели отрицали это или ссылались на «слухи», на чужие слова; даже те, кто раньше давал такого рода показания, сейчас изменили их, некоторые не могли опознать Ферре на скамье подсудимых (например, тюремные надзиратели Кабо, Мюллер, арестант-вор Вальтье, указавший вместо Ферре на Люлье,

сидевшего на скамье подсудимых, и др.). Только арестант Коста (жулик, посаженный за подделку векселя) уверял и клялся, что Ферре «привёл в тюрьму карательный взвод».

Не будучи в состоянии доказать участие Ферре в казни 24 мая, обвинитель выдвинул новую версию — о том, что Ферре весь этот день провёл в мэрии XI округа (на площади Вольтера) и там на месте производил массовые расстрелы. Это лживое показание дал коммерсант-оружейник Ланье, который был арестован Коммуной по делу о «заговоре трёхцветных повязок», допрашивался Ферре и потому питал к нему лично сильнейшую ненависть. Несмотря на резкий протест возмущённого этой ложью Ферре, Ланье продолжал расписывать сочинённые им подробности расстрела. Но целый ряд свидетелей — служащих мэрии XI округа, работавших там с утра до вечера безвыходно, дали убедительные доказательства того, что рассказ о мнимых «массовых расстрелах» вымышлен с начала до конца (показания Майе, Кутана и Мартина). Обвинение и в этом пункте провалилось.

«Теперь для нас нет никаких сомнений,— пишет Гастон Да Коста в своей книге о Коммуне ¹,— что Ферре был главным действующим лицом в этой драме (то есть в казни заложников 24 мая.— А. Л.), но важно, с юридической точки зрения, что тогда, в августе 1871 г., 3-й Военный трибунал не имел, осуждая Ферре, никаких доказательств его виновности».

В своём стремлении обвинить во что бы то ни стало Ферре суд не погнушался даже явной фальшивкой: на суде была предъявлена записка, написанная якобы рукой Ферре, следующего содержания:

«Гражданин Люсэ. Немедленно прикажите сжечь министерство финансов и после этого присоединяйтесь к нам.

Т. Ферре.»

Подделка мнимой записки Ферре была настолько грубой и неуклюжей, что обвинение заранее поспешило предупредить: почерк записки не похож на почерк обвиняемого, так как «Ферре намеренно исказил свою обычную манеру писать». Это жульническое «передёргивание карт» заставило Ферре заговорить. Пытаясь сдержать свой гнев и выбирая осторожные выражения, он сказал: «Эксперт

¹ См. *Gaston Da Costa, La Commune vécue*, v. II, p. 55—56.

¹ *Gaston Da Costa, La Commune vécue*, v. II, p. 54.

уверяет, что эту записку писал я. Но даю вам слово, что она — поддельная! Это всё, что я намерен сказать. Допустим даже, что я написал такой приказ, — но в этом случае я бы постарался, чтобы слова мои не совсем были понятны, и написал бы его на бланке с официальным заголовком.

Эту записку я увидел напечатанной в «Liberté» и сразу же догадался, что полиция введена в заблуждение, кем — не знаю... думаю, что записку смастерили полицейские агенты, у которых есть на меня зуб. Почти все нынешние агенты — те же, что служили и при Империи. Можете сравнить её с другим моим письмом, имеющимся в деле: я никогда не пишу таким косым почерком»¹.

Защитник Ферре Маршан, назначенный судом, вёл себя корректно. Сам он не выступил, а добился для Ферре разрешения прочесть вслух своё «Заключение по делу». Это «Заключение» прозвучало обвинительным актом против империи и версальского правительства. В своей заключительной речи Ферре нарисовал яркую картину предательства правительства Национальной обороны, навязавшего населению Парижа гражданскую войну.

Героический коммунары предстал перед судом, полный гражданского мужества, и, принимая на себя всю ответственность за политическую деятельность Коммуны, фактически превращал суд над коммунарами в суд над Версалем и над победившей реакционной буржуазией. Вот эта замечательная сцена:

«Ферре (читает своё «Заключение»): «После заключения мирного договора, явившегося следствием позорной капитуляции Парижа, республика была в опасности. Несколько дней спустя... была избрана Коммуна. Долгом версальского правительства было — признать авторитет этого голосования, вступить в соглашение с Коммуной, чтобы восстановить мир и согласие. Но оно поступило как раз наоборот: словно война с иностранцами не причинила уже достаточно горя и разорения, правительство начало гражданскую войну, дыша мстостью и ненавистью к народу. Оно атаковало Париж и подвергло его новой осаде. Оно пользовалось всеми способами, чтобы победить; по всей Франции распространяло самую гнусную клевету

о действиях и о личности деятелей Коммуны; оно окружило себя злейшими врагами республиканской партии, а генералы версальской армии были личными друзьями Наполеона III. Два месяца Париж сопротивлялся; наконец, он был побеждён, и в течение 10 дней с разрешения правительства происходило массовое убийство граждан и расстрелы без суда.

Эти чёрные дни переносят нас в эпоху Варфоломеевской ночи. Виновники убийств сумели превзойти ужасы июньских (1848 г.) и декабрьских (1851 г.) дней! Доколе же народ будут расстреливать из митральез!»

Свою речь Ферре закончил следующими словами: «Член Парижской Коммуны, я нахожусь в руках моих победителей. Они хотят моей головы — пусть берут её. Никогда я не захочу спасти свою жизнь подлостью. Свободным я жил, свободным хочу умереть. Прибавлю только одно: судьба капризна. Я завещаю будущему заботу о моей памяти и о мести за меня».

— Память об убийце! — подал наглую реплику председатель суда Мерлен.

Обвинитель Гаво добавил:

— За такое заявление надо отправить на каторгу!»¹.

Аудитория, состоявшая из буржуа, чиновников, полицейских и кокоток, подняла ужасающий вой по адресу Ферре.

«Он [Ферре] спас честь Коммуны, но сам погиб»². — Так характеризовала Луиза Мишель последние выступления Ферре.

Действительно, в последние дни своей жизни он заботился лишь о том, чтобы весь мир узнал правду о Коммуне!

Ферре был приговорён к смертной казни...

Со дня на день ожидая смерти, он вёл себя спокойно и мужественно. Об этом свидетельствует его замечательная переписка с Луизой Мишель, сидевшей в то время в тюрьме³. «Думаю, Вас порадует это моё сообщение — много хороших и умных людей уже находятся в безопасности, — писал Ферре Луизе Мишель. — Вам, вероятно, хорошо знакома моя манера смотреть на вещи. Поэтому,

¹ «Le procès de la Commune. Comptes-rendus des débats du conseil de guerre. 3-me conseil de guerre à Versailles», p. 4.

¹ Gaston Da Costa, La Commune vécue, v. II, p. 59.

² Луиза Мишель, Коммуна, стр. 179.

³ См. ниже биографию Луизы Мишель, стр. 284—318 нашей книги.

без сомнения, Вас не удивит, если я скажу, что я всё больше и больше убеждаюсь в том, что наши идеи в конце концов победят. Мы сейчас были побеждены, ну что же! Если не мы, то наши братья возьмут реванш. Так какое же имеет значение, если я, например, в это время уже не буду жить? Я знаю храбрость и энергию моих товарищей по борьбе и уверен, что моя казнь только увеличит их рвение и сделает ещё более необходимым справедливое возмездие... Вместо того чтобы огорчаться нашими неудачами, проанализируйте лучше их последствия, и вместе со мной Вы убедитесь, что никогда социализм не был так необходим, как сегодня!».

Ферре не столько думал о своей близкой смерти, сколько спешил успокоить своего друга Луизу! Зная её характер, Ферре не без основания опасался, что она будет вести себя на суде настолько вызывающе, что это может кончиться смертным приговором для неё. Он уговаривал её в интересах дела смириться и быть сдержанной:

«Вы отлично понимаете,— писал Ферре Луизе,— что военные суды не особенно торопятся судить серьёзных женщин; однако, если Вас не освободят, в конце концов Вы когда-нибудь всё-таки предстанете перед судом... Постарайтесь быть достаточно спокойной, чтобы обмануть их ожидания; в особенности не злоупотребляйте своим великодушием — качеством, в значительной степени потерявшим своё значение в наше время.

Интересы нашего дела требуют свободы его защитников. Можно сохранять своё достоинство, не будучи, однако, наивной... Советую не забывать моих замечаний и постараться поскорее выбраться из этого осинового гнезда».

Сколько нужно было стоического самообладания, чтобы вести себя в такую минуту так, как это делал Ферре, видевший крушение самого дорогого для него — Коммуны, лишившийся любимой матери, которая умерла в сумасшедшем доме. Отец всё ещё сидел в тюрьме. Брата — участника Коммуны — недавно арестовали; он непрерывно с волнением добивался свидания с Теофилом. Горе сломило его, и он, так же как мать, потерял рассудок. «Внезапно,— рассказывает Гастон Да Коста, сидевший в том же версальском Дворце правосудия, где сидел Ферре в одиночной камере,— среди гробовой тишины тюрьмы прозвучали отчаянные, бессвязные вопли сумасшедшего человека. Это был брат Ферре... Вскоре он уже

не кричал, а рычал, выл, требуя... свидания с братом!.. Теофиль Ферре сидел внизу, на первом этаже, в одной из камер, предназначенных для смертников...

Затем мы (находившиеся на 3-м этаже) слышали быстрые шаги надзирателей, ругань... Затем скрип ключей и засова — угрозы арестованному... Очевидно, его зверски избивали... Это продолжалось целых полчаса, в то время как Теофиль находился внизу... Он слышит, он ждёт! Не вытерпев, я вскакиваю и бегу к окошку с громкими проклятиями. Появляется директор, предлагает мне замолчать. В то же время несчастного брата Ферре связывают и тащат в одно из подземелий тюрьмы... Это не было галлюцинацией. Все мои товарищи слышали эту сцену — Груссе, Эмбер, Рошфор»¹.

Когда полковник Гайяр, начальник военно-тюремного управления, узнал об этом эпизоде, ему пришла в голову жестокая «шутка». Он приказал «удовлетворить давнишнюю просьбу» умалишённого.

Больной был посажен вместе со своим братом-смертником Теофилом. Последнему приходилось терпеливо выносить эту пытку в течение последних дней, которые ему ещё осталось жить!..

Но Теофиль ни единым жестом не выдал своего волнения и горя. Этого сильного духом человека прекрасно характеризует последнее письмо — письмо его сестре Мари, которое было написано обычным чётким почерком за два часа до казни:

«Версальская одиночная тюрьма, камера № 6.

Вторник, 28 ноября 1871 г., 5½ часов утра.

Дорогая сестра.

Через несколько мгновений я буду мёртв. В последнюю минуту я буду вспоминать о тебе. Прошу тебя, потребуй, чтобы тебе выдали моё тело, и похорони его вместе с телом нашей несчастной матери.

Если можешь, напечатай в газетах о часе погребения, чтобы друзья могли проводить меня. Само собой разумеется, никакого церковного обряда: я умираю, как и жил, материалистом...

... Преодолей своё горе и будь на высоте положения, как ты мне не раз обещала. Что до меня, то я счастлив: приходит конец моим мучениям и потому жаловаться мне

¹ Gaston Da Costa, La Commune vécue, v. II, p. 138.

не на что. Все мои бумаги, платье и другие вещи должны быть выданы тебе, за исключением денег, которые я оставляю в конторе для менее несчастных заключённых.

Т. Ферре»¹.

После этого Ферре написал ещё одно краткое письмо, адресованное военному министру:

«Господин министр! Через несколько мгновений я буду мёртв, и тогда не будет никаких оснований держать в заточении моего отца, находящегося на понтоне (плувучей тюрьме.— А. Л.), и брата моего, который помещён, как умалишённый, в военный госпиталь. Надеюсь, что вы вернёте их обоим моей сестре, которая одна в состоянии дать им всё то внимание и заботы, в каких они нуждаются»².

В тот же день, 28 ноября 1871 г., Теофиля Ферре, Росселя и Буржуа³ отвезли на зловещее поле Сатори, где уже пролилось немало крови расстрелянных мучеников-коммунаров. Вот как один журналист описывает поведение Ферре с того мгновения, когда ему объявили, что он должен ехать на казнь:

«Ферре спокойно закурил сигару и начал так тщательно одеваться, что это заняло более получаса. Он беседовал с надзирателями, роздал им сигары, которые, по его словам, «ему уже некогда было курить». Его волнение сказывалось только в некотором конвульсивном подёргивании, как и в прерывистости речи... Наконец Ферре и его товарищей по несчастью вывели на улицу. Раздалась команда, и эскорт поскакал галопом, окружая три чёрных экипажа.

На поле Сатори ещё с 6 часов утра выстроились в виде каре войска под командой полковника Мерлена (того самого, который был председателем суда, приговорившего Ферре к казни).

В 7 часов забили барабаны: это на поле появилась процессия с осуждёнными. Процессия направляется к середине каре. Экипажи останавливаются. Ферре, Россель и Буржуа выходят и твёрдым шагом идут к роковым столбам под звук барабанной дроби. Водворяется гробо-

вая тишина, начинается чтение приговора. Ферре продолжает спокойно курить сигару... Выпрямившись Ферре опирается о столб и ждёт...».

«Действительно,— должна была отметить 28 ноября 1871 г. даже реакционная газета «Liberté»,— осуждённые держались весьма твёрдо. Ферре, прислонившись к столбу, бросает на землю свою шляпу. Подбегает сержант, чтобы завязать ему глаза, но Ферре берёт повязку и бросает её на шляпу. Трое осуждённых остаются одни у своих столбов, три карательных взвода, быстро приблизившись, дают залп».

Так погиб коммунар Теофиль Ферре, один из лучших и наиболее стойких революционеров Парижской Коммуны 1871 г.

Теофиль Ферре, подобно своему учителю Бланки, был «социалистом только по чувству» (Энгельс), он не был вооружён социалистической теорией, но твёрдо и пламенно верил в то, что социализм в конце концов восторжествует.

Спокойствие и выдержка, скрывавшие под своим покровом энергию, преданность делу революции и беззаветную веру в победу социализма, были характерными чертами Теофиля Ферре. Его цельный, честный, мужественный образ навсегда запечатлется в нашей памяти, как образ безупречного героя пролетарской революции 1871 г., высоко и твёрдо державшего её знамя до последней минуты своей жизни.

¹ См. Луиза Мишель, Коммуна, стр. 182.

² Jules Claretie, Histoire de la Révolution de 1870—1871, v. V, Paris 1876, p. 143.

³ Последние два были осуждены за добровольный переход из правительственной армии в армию Коммуны.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям, можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ШАРЛЬ ДЕЛЕКЛЮЗ

(1809—1871)

Строгая фигура стойкого революционера Шарля Делеклюза принадлежит к числу наиболее привлекательных образов мелкобуржуазных демократов, перешедших на сторону Коммуны.

Шарль Делеклюз родился 2 октября 1809 г. в Дрэ, маленьком французском городке, раскинувшемся в долине реки Блэз¹.

Сын инвалида — сержанта времён Первой империи, Шарль Делеклюз учился сперва в коллеже, потом на юридическом факультете. Закончить образование ему не удалось, так как он вынужден был из-за бедности родителей поступить на службу клерком к одному адвокату. Делеклюз в детстве не раз слышал от отца рассказы об его прошлом — и в мальчике тогда уже зародилось чувство преклонения перед людьми Конвента, особенно перед якобинцами, восторженным почитателем которых он остался до конца своей жизни.

В ноябре 1830 г., узнав о народных волнениях в Париже, 20-летний Шарль покинул родной город и направился в столицу.

Под давлением народных масс король Луи Филипп был вынужден отказаться от нескольких реакционных министров и даже предать их суду. Во время суда над

¹ *Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze. 1809—1871, Paris 1952, p. 9.*

министрами возбуждение в народе достигло высокой степени; революционеры требовали их казни. Процесс министров начался 15 декабря 1830 г., а 22 декабря пришлось поставить на ноги парижскую Национальную гвардию и весь парижский гарнизон, так как народ открыто выражал своё возмущение приговором, по которому министры осуждались на вечное тюремное заключение.

В волнениях принимал участие и молодой Делеклюз, который был при этом ранен камнем.

Приехав в Париж, Шарль Делеклюз вступил в тайное республиканское общество «Друзей народа». Боевое крещение Делеклюз получил на баррикадах у монастыря Сен-Мерри (5—6 июня 1832 г.). На этот раз выступление парижских рабочих было связано с похоронами генерала Ламарка¹. В апреле 1834 г. Делеклюз собрался защищать баррикады на улице Транснонен, но был арестован и некоторое время просидел в тюрьме. Очутившись на воле, Делеклюз был скоро вновь привлечён к суду по обвинению в том, что участвовал в покушении на жизнь короля Луи Филиппа. Преследуемый полицией, он вынужден был в 1836 г. эмигрировать в Бельгию и только шесть лет спустя смог вернуться на родину. По возвращении он становится во главе провинциальной (валансьенской) газеты «L'Impartial du Nord» («Беспартийная газета Севера»). На страницах этого республиканского буржуазно-демократического органа Делеклюз энергично атаковал правительство Луи Филиппа и в числе первых потребовал избирательной реформы.

В результате революции 1848 г. к власти в феврале пришли политические единомышленники и друзья Делеклюза (мелкобуржуазные республиканцы). Делеклюз был назначен генеральным комиссаром северных департаментов республики и поселился в Лилле. Его популярности повредил так называемый инцидент «Riscons-tout». После февральской революции бельгийские эмигранты-республиканцы, находившиеся в Париже, создали волонтёрский отряд с намерением проникнуть через французскую границу в Бельгию, поднять революционное движение и

свергнуть монархию. Они требовали, чтобы республиканское правительство Франции открыто поддержало их, но встретили отказ. Правительство (Ледрю-Роллэн и др.) заявило, что сочувствует им, но помощь оружием, продовольствием и т. д. может оказать только неофициально. Делеклюз, как комиссар северных департаментов республики, оказывал известную помощь бельгийским повстанцам.

Когда бельгийские волонтёры перешли границу близ деревушки под названием Рискон-ту («Riscons-tout», то есть «риснём всем»), то очутились среди бельгийских штыков. Бельгийское правительство самым безжалостным образом расправилось с кучкой отважных энтузиастов-республиканцев.

История с «Riscons-tout» взволновала общественное мнение и восстановила многих как против правительства (которое фактически предало своих единомышленников), так и против Делеклюза. На выборах в Учредительное собрание Делеклюз получил ничтожное количество голосов, вышел в отставку и вернулся к журналистской деятельности.

В первом номере основанной им в ноябре 1848 г. газеты «La Révolution démocratique et sociale» («Демократическая и социальная революция») Делеклюз писал: «Демократия—путь, который должен нас вести к социальным реформам. Будем же республиканцами и демократами, чтобы стать социалистами!». Однако социализм для Делеклюза был понятием неопределённым. «Социализм — не что иное, как республика в действии»¹, — писал он.

Газета Делеклюза постоянно выступала против правительства буржуазных республиканцев, пришедших к власти. Как поясняет Маркс, мелкая буржуазия после июньских дней 1848 г. почувствовала, что удар окрепшей реакции направляется и против неё, что экономическое положение её становится неустойчивым. Этим-то и следует объяснить внезапное полевение и сближение с рабочими мелкобуржуазных республиканцев².

За одну из ярких и обличающих правительство статей, опубликованных в марте 1849 г., Делеклюз был присуж-

¹ Ламарк, Максимилиан (1770—1832) — политический деятель, член оппозиции в палате депутатов. Его похороны послужили поводом к грандиозной народной манифестации, закончившейся сооружением баррикад и столкновением с войсками.

¹ См. П. Л. Лавров, Парижская Коммуна 18-го марта 1871 года, стр. 36.

² См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 237.

дён к году тюрьмы и тысяче франков штрафа. Несколько месяцев спустя последовал новый приговор — 3 года тюрьмы и 11 тысяч франков штрафа — за статью, восхвалявшую Нурри, убившего реакционного генерала Брэа во время июньских боёв 1848 г.

11 июня 1849 г., когда были получены известия о событиях в Риме¹, демократическая партия Горы сделала довольно робкую попытку сопротивления президенту Луи Наполеону.

Выступая 11 июня в Законодательном собрании и ссылаясь на V статью французской конституции («Французская республика уважает иностранные национальности... и никогда не употребит своих военных сил против свободы какого бы то ни было народа»), Ледрю-Роллэн от имени Горы требовал предания суду президента и его министров за нарушение конституции — за насилие над Римской республикой.

В связи с событиями в Риме Делеклюз писал 12 июня в своей газете:

«Жребий брошен! Весь Париж откликнется, как в июле и феврале, на призыв Ледрю-Роллэна от имени Горы и всей Франции! ...Пусть во всех концах Франции поднимутся все честные граждане!».

«Пусть Гора не теряет ни мгновения! Пусть она объявит Бонапарта и его министров вне закона!.. Пусть Республика возродится путём грандиозного усилия и одержит в Париже последнюю победу над деспотизмом!.. Пусть от края до края все добрые граждане Франции восстанут... Сигнал им будет дан завтра — манифестом Горы!».

13 июня газета Делеклюза опубликовала призыв

¹ В результате революции 1848 г. в Риме 8 февраля 1849 г. была провозглашена республика, объявившая светскую власть папы упрямлённой. В ответ на призывы папы Пия IX к европейским монархам о помощи Луи Наполеон решил уничтожить Римскую республику и восстановить власть папы. Воспользовавшись обещанием французского Учредительного собрания сформировать экспедиционный корпус в помощь пьемонтцам, против Австрии, Луи Наполеон послал этот корпус для разгрома Римской республики. 25 апреля 1849 г. французская армия в 8—10 тысяч человек под командой генерала Удино высадилась в Чивита-Веккии. Несмотря на героическую, продолжавшуюся два с половиной месяца оборону Рима под руководством Гарибальди, римское Учредительное собрание вынуждено было отказаться от дальнейшего сопротивления, и 2 июля Гарибальди с 4-тысячным отрядом покинул Рим.

к оружию, подписанный 148 депутатами. Правительство конфисковало все номера газеты.

Демократическая партия пыталась организовать в этот день демонстрацию протеста. Однако немногочисленная группа демонстрантов, шедшая под лозунгами «Да здравствует Италия! Да здравствует Конституция!», была быстро рассеяна войсками. Делеклюз, как и многие другие его единомышленники, вынужден был скрываться.

14 июня газета Делеклюза была закрыта. С помощью друзей он бежал сначала в Бельгию, затем в Лондон.

Ещё до своей эмиграции Делеклюз создал общество «Республиканская солидарность», которое должно было объединить всех демократов-республиканцев и создать партию демократической и социальной республики. «...После новой революции, — писал он в одном из писем, фигурировавших потом на процессе в Версале, — мы намерены опубликовать декларацию прав и Конституцию 1793 г. с лёгкими видоизменениями. Временно революционная диктатура будет осуществляться Комитетом общественного спасения, опирающимся на Совецательный комитет, составленный из делегатов от каждого департамента»¹.

В апреле 1850 г. начался процесс общества «Республиканская солидарность». Суд приговорил членов общества к разным срокам заключения, в том числе Делеклюза (заочно) — к году тюрьмы².

В начале августа 1853 г. Делеклюз вернулся в Париж и принял участие в деятельности тайных обществ, стремившихся восстановить республику путём переворота («Молодая Гора» и «Марианна»).

Выданный провокатором, Делеклюз был 15 октября 1853 г. арестован и посажен в Мазасскую тюрьму. На процессе (март 1854 г.) он отказался давать показания и защищаться и был приговорён к 4 годам тюрьмы за участие в тайном обществе.

С этого момента начинается для него ряд тяжёлых страданий и лишений, но он неизменно остаётся твёрдым и стойким в своих убеждениях. «Человек создан для действия, для борьбы! — писал Делеклюз в своей книге «Из

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, 1830—1848—1871, Paris 1898, p. 29.

² Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 144.

Парижа в Кайенну», изданной им в 1860 г.— Поражение во сто крат лучше, чем бездействие; даже страдание лучше пошлого благополучия, бесполезного существования»¹. Своё заточение Делеклюз провёл сперва в суровой бретонской крепости Белль-Иль, на берегу Атлантики. Затем его с группой товарищей перевели в корсиканскую тюрьму. Его мужественное поведение в тюрьмах и ссылке заслуженно вызывало всеобщее уважение и восхищение.

С большой радостью Делеклюз предвкушал своё скорое освобождение: срок его заключения истекал 8 марта 1858 г. Он начал сильно тосковать по своей семье — отцу, матери и сестре. С грустью восклицал он: «Почему всегда получается так, что это чувство (любви к близким.— А. Л.) ощущается во всей своей чистоте и силе только в период тяжёлых испытаний и страданий?»². Он с гордостью вспоминал о том, что эти любимые существа всегда поощряли его революционную деятельность и готовы были на любые лишения, только бы поддержать его мужество и решимость.

Когда Делеклюз узнал о распоряжении перевести его в марсельскую тюрьму, он решил, что час освобождения близок. Однако его удивило и возмутило, что в Марселе на него впервые надели кандалы. Но он решил молча стерпеть это. Недолго ему пришлось быть там: вскоре его отправили в тулонскую каторжную тюрьму.

Здесь Делеклюз узнал, что заключение его не приближается к концу, а лишь вновь начинается: по окончании четырёхлетнего срока заключения ему предстояла новая ссылка на 10 лет в Кайенну!

К Делеклюзу, как и к множеству других республиканцев, был применён новый закон об общественной безопасности, принятый Законодательным корпусом 1 февраля 1858 г. Закон предоставлял правительству право «высылать лиц, виновных в подстрекательстве к покушениям против правительства (даже если это подстрекательство не сопровождалось никакими последствиями), а также лиц, осуждённых за участие в незаконных собраниях, тайных обществах и т. д.»³. Поводом к возобновлению жестоких преследований против республиканцев послужило поку-

шение итальянского патриота Орсини на жизнь Наполеона III в 1858 г. Весною того же года было арестовано более 2 тысяч республиканцев и до 300 человек сослано без суда. Многие из них, как Делеклюз, не имели ни малейшего отношения к заговору и покушению Орсини!..

...Снова на корабле, снова бретонская тюрьма — Брест. 16 сентября 1858 г. Делеклюз на судне «Сена» отправился в Кайенну, на Чёртов остров — местопребывание политических ссыльных.

Условия ссылки были ужасны: ссыльному предоставлялась «свобода» скитаться по раскалённой тропическим солнцем скалистой, безжизненной почве Чёртова острова, лишённого всякой тени. Пища ссыльного была весьма скудной. Ссыльные должны были ежедневно под палящими лучами солнца выполнять ряд тяжёлых принудительных работ. К счастью, не прошло и месяца, как было получено распоряжение — перевести Делеклюза в город Кайенну, где условия ссылки были для него значительно более благоприятны. Этим он был обязан ходатайству одного местного коммерсанта, обладавшего большим влиянием и пригласившего его в качестве учителя к своим двум сыновьям. «Никогда я не забуду этого дня — 14 ноября 1858 г.! — с волнением писал Делеклюз.— Ещё вчера я был только номером, я был одет и питался, как каторжник, зависел от каприза пьяницы-надсмотрщика — и вот сейчас я в доме друзей, окружённый симпатичными лицами, убаюкиваемый музыкой вежливых речей, в комфортабельной, культурной обстановке!»¹

Здоровье Делеклюза, как и прочих европейцев-ссыльных, было настолько расшатано, что он серьёзно сомневался, удастся ли ему увидеть родину.

К этому времени революционная репутация Делеклюза достаточно упрочилась. Мало кто осмелился бы (даже в среде политических противников) усомниться в чистоте и безупречной честности этого человека. Личность Делеклюза производила на окружающих неотразимое, обязательное впечатление. «Хотя он быстро состарился (тюрьма, ссылка и каторга не проходят даром), но дух и энергия его оставались вечно юными,— рассказывает Лепеллетье.— Делеклюз был среднего роста, худ, держался прямо, несколько навытяжку. Лицо загорелое, обветренное от жаркого

¹ Delescluze, De Paris à Cayenne, Paris 1872, p. 6.

² Ibid., p. 83.

³ Э. Лависс и А. Рамбо, История XIX в., т. 5, М. 1938, стр. 157.

¹ Delescluze, De Paris à Cayenne, p. 296.

дыхания тропического ветра. Короткие седоватые усы, низко остриженные волосы, небольшие рыжеватые бакенбарды... Чёрный пиджак, высокая шляпа, в руке трость с набалдашником. По виду какой-нибудь буржуазный чиновник в отставке... Но его отличал необычайный огонь, светившийся в выразительных серых глазах. Слова Делеклюза были лишены пафоса; но всё, что он говорил, внушало уважение. Всегда простой, холодный, владеющий собой, он без труда влиял на своего собеседника глубокой убеждённостью и энергией своих речей. В нём не было ничего напоминающего профессиональных ораторов-фразёров. Он никогда не раздражался, терпеливо выслушивал возражения, не давая себя увлечь полемикой, и последнее слово всегда оставалось за ним. Даже похвалы Делеклюза были суровы и сдержанны. Друзья называли его за строгость характера и твёрдость убеждений «*Barre de fer*» («Железный брус»)»¹.

Идеалом Делеклюза с первых дней его вступления на революционный путь были суровые, непреклонные деятели Конвента 1792—1794 гг. Он всегда старался подражать им в стойкости и преданности республиканским, демократическим принципам и был глубоко убеждён, что «старый мир осуждён с той минуты, когда новый закон был провозглашён среди громов и молний»². Делеклюз утверждал, что «тот, кто не сдаётся, всегда является хозяином своей судьбы, что даже в самом отчаянном положении человека никогда нельзя считать полностью несчастным, если он может сделать ещё кое-что хорошее»³.

Категорически отказываясь просить помилования или смягчения своей участи, Делеклюз говорил, что «до 1848 г. слова «помилование» вообще не существовало в революционном словаре. Верный своим убеждениям, побеждённый революционер оставался непоколебимым перед лицом судей, в тюрьме, у подножья эшафота и даже на самом эшафоте; он страдал и умирал без бахвальства, но и не проявляя слабости»⁴.

В январе 1860 г. Делеклюз вернулся во Францию и на некоторое время отошёл от политической деятельности.

События 1868 г. — года бурной политической деятельности всех политических течений и групп — вернули Делеклюза к революционной борьбе. Он основал газету «*Réveil*» («Пробуждение»), первый номер которой вышел 2 июля 1868 г. Основным принципом его газеты было:

«Сегодня, как всегда, сегодня больше, чем когда-либо, политическая реформа — средство, а социальная реформа — цель»¹.

Несмотря на пережитые за двадцать лет тяжёлые страдания и разочарования, Делеклюз продолжал подобно своим единомышленникам — «новым якобинцам» жить иллюзиями буржуазной революции XVIII в.

Делеклюз и его сторонники пытались возродить и перенести в обстановку Франции второй половины XIX в. устарелые революционные понятия и традиции якобинцев 1793—1794 гг. Они не желали понять, что каждая эпоха требует новых форм борьбы, а не механического копирования старых. Они не умели сделать должный вывод из того факта, что на политической арене появился новый, подлинно и до конца революционный класс — пролетариат.

«Свобода, равенство, братство! — вот наша программа, — писал Делеклюз в первом номере «*Réveil*». — Если мы останемся ей верны, нам нечего завидовать научному багажу самых знаменитых «докторов политических наук» (?!); потому что в этих словах заключается абсолютная, вечная истина, и пока будут существовать человеческие общества, достойные этого имени, — у них другого идеала не будет!»².

После сурового приговора над некоторыми народными ораторами, проповедовавшими утопический коммунизм, Делеклюз писал в «*Réveil*» (30 января 1869 г.), обращаясь с упрёком к властям: «Знаете ли вы, что вы делаете, запрещая одновременно обсуждение и истинных и ложных учений! Вы придаёте таким путём наименее заслуживающим поддержки ересям то влияние, которого им не удалось бы сохранить даже в течение 24 часов, если бы была разрешена независимая критика!»³.

¹ Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 222.

² Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 37.

³ Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871, p. 383—384.

¹ E. Lepelletier, Histoire de la Commune, v. II, p. 426—427.

² Delescluze, De Paris à Cayenne, p. 17.

³ Ibid., p. 16—17.

⁴ Ibid., p. 24.

Как и 20 лет назад, Делеклюз в «Réveil» заявлял, «связан с существующими социалистическими школами идеями и надеждами»¹. И даже в последние годы Второй империи, когда влияние I Интернационала росло и ряды его членов во Франции множились, Делеклюз держался в стороне от революционного пролетарского движения. Организуя весной 1870 г. кампанию против правительства, он созвал широкое совещание в редакции «Réveil» с участием Ледрю-Роллена, Гамбетты, разных парижских и провинциальных журналистов, но отказался пригласить представителей Интернационала, боясь приписать своим действиям чересчур революционный характер.

Однако мужественная и стойкая борьба членов I Интернационала с империей Наполеона III вызывала горячую поддержку Делеклюза.

В июне 1868 г. Делеклюз приветствовал членов I Интернационала, представших перед императорским судом. «Никогда, — писал он, — столь благородные слова не звучали под сводами дворца официального правосудия. Слушайте: это не обыкновенные обвиняемые, бормочущие жалкие слова самооправдания, а граждане, которые без шума и бахвальства считают себя вправе требовать для своих братьев нетленное наследие Революции, требовать права развивать свои способности и объединёнными усилиями воли улучшать условия своей жизни, не покушаясь ни на чью свободу».

Своим непосредственным врагом республиканец Делеклюз считал империю и пользовался всеми случаями для нападок на бонапартистский режим. 5 ноября 1868 г. Делеклюз демонстративно открыл на страницах «Réveil» подписку на памятник депутату Бодену, павшему жертвой февральского переворота 1851 г. За этот поступок, а также за участие в манифестации на могиле Бодена Делеклюз был предан суду. На процессе, происходившем в ноябре 1868 г. при огромном стечении народа, в защиту Делеклюза выступил с блестящей речью буржуазный республиканец, ярый враг Второй империи Гамбетта. Делеклюз был приговорён к шести месяцам тюрьмы, но, как от-

крыто писали газеты, «истинным обвиняемым и приговорённым в этом процессе была Империя, которая была разоблачена и заклемена»¹. Своё тюремное заключение Делеклюз отбывал летом 1869 г. в тюрьме Сент-Пелажи. Отсюда он продолжал посылать в газеты свои статьи. Там он написал предисловие к своей книге «Из Парижа в Кайенну», которая вышла в свет в 1872 г.

Всё это время Делеклюз с большим вниманием и симпатией следил за усилиями рабочих масс улучшить свою жалкую участь (стачки в Обэне, в Рикамари и т. д.). Он приветствовал стачки и волнения среди рабочего класса, требовавшего права на жизнь, уважения к труду, свободы собраний и союзов. 1 августа он посвятил этому вопросу большую статью, возмущаясь правительствами, которые «никогда не интересуются судьбой рабочих и клеветают на журналистов и ораторов народных собраний, выступающих в пользу этих обездоленных, обвиняют их в проповеди гражданской войны и нередко посылают на скамью подсудимых». Однако, заявлял Делеклюз, «...так как страдания трудящихся всё возрастают, мы однажды с изумлением услышим, что здесь или там рабочим надоест страдать безнадежно, и они откажутся продолжать работу, которая не в состоянии их прокормить. И сразу же на них нападут пехотинцы, кавалеристы, жандармы и судьи. Разве не нужно любой ценой защищать святую собственность против покушений голодных бунтовщиков?»².

После жестокой расправы правительства с забастовщиками в Обэне и Рикамари Делеклюз открыл в «Réveil» подписку в пользу пострадавших рабочих и с негодованием писал: «Пусть правительство остерегается! Вопрос этот — жгучий. Не убийством людей в Обэне и Рикамари можно заставить трудящихся удовлетвориться своей участью, а полным и совершенным правосудием!»³. Наконец, по амнистии 15 августа 1869 г. Делеклюз был освобождён досрочно.

12 января 1870 г. на похоронах Виктора Нуара Делеклюз, Рошфор и некоторые другие ораторы, пользовавшиеся большим авторитетом, выступили с речами,

¹ См. П. П. Лавров, Парижская Коммуна 18-го марта 1871 года, стр. 36.

² Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 224.

¹ Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 230, 232, 233, 236.

² Ibid., p. 251.

³ Ibid., p. 252.

убеждая народ успокоиться и не подвергать себя опасности быть разгромленным силами реакции.

— Граждане,— говорил Делеклюз,— один из наших друзей был убит членом семьи Бонапартов. Мы должны отомстить. Мы отомстим! Но нас ждёт засада. Враг бодрствует. Не следует давать ему оснований для нападения... Подчинимся желанию семьи погибшего — пусть процессия идёт своей дорогой, в Нейи.

Уговоры Рошфора и Делеклюза повлияли. Удалось избежать бесцельного кровопролития.

Когда началась франко-прусская война, Делеклюз решительно выступил против всяких антивоенных демонстраций. В своих малоизвестных, но чрезвычайно интересных письмах, опубликованных в «*Egalité*»¹, Делеклюз объясняет, почему он не только не выступил против войны, но и вынужден был принять её:

«...Возникла война со всеми своими угрозами свободе, война, в которой мы вынуждены принять участие из боязни, что почва нашей родины будет осквернена [врагом]. Да, я глубоко удручён всем происходящим и тем, что ещё готовится... Видеть знамя Франции в руках Бонапарта и быть вынужденным следовать за ним, боясь почти столько же победы, сколько поражения,— это может потрясти даже самые крепкие сердца!.. Теперь в Европе, особенно во Франции, нет другой заботы, кроме войны. Свобода, прогресс — всё это забыто. Мы придавлены пневматической машиной, которая называется «военная диктатура». Воздух для дыхания будет отныне нам отмеряться капралами, мы ничего не будем знать; а в случае поражения национальное, революционное сопротивление станет для нас очень затруднительным». (Письмо это было написано в июле, то есть в начале войны.)

Маркс сурово осуждал такую позицию французских буржуазных республиканцев. Маркс обвинял Делеклюза в шовинизме, указывая, что в основе его оппозиции бонапартовскому правительству лежит вовсе не принципиальное, глубокое отвращение к военной политике врагов мира, руководимых только династическими интересами, а всего лишь личная антипатия к Наполеону и к наживающимся на войне биржевикам. Действительно, хотя Делеклюз и возмущался в начале войны воинственными призывами

некоторых газет, он решительно заявлял: «Если Франции придётся защищаться от атак Гогенцоллернов, демократия будет в первых рядах сражающихся... Колебаться нечего. Лучше временная отсрочка наших надежд, чем триумф прусского цезаризма»¹.

Приговорённый летом 1870 г. к 13 месяцам тюрьмы за защиту в печати механика Межи, убившего полицейского инспектора², Делеклюз был вынужден некоторое время скрываться за границей, в Бельгии, откуда продолжал клеймить бонапартистский режим. В своих статьях, посылаемых из-за границы в «*Réveil*», он писал (22 июля 1870 г.): «Вот увидите, что отложат созыв палат, чтобы деспотическое правительство смогло свободнее действовать... запретят опубликование всех новостей о военных действиях... будут сообщать о здоровье принцев, но о войне Франция ничего не узнает. Если будут успехи, угодные правительству, газеты раздуют их до нелепых размеров, а неудачи будут скрыты... и может случиться, что неспособность наших вождей армии (если только не предательство) будет причиной непредвиденной катастрофы. Париж узнает о нашем поражении только тогда, когда прусские разведчики будут у его ворот»³.

За подобное «разжигание ненависти и презрения к правительству» Делеклюз был 4 августа 1870 г. заочно приговорён ещё к 18 месяцам тюрьмы и 4 тысячам франков штрафа.

После поражения Мак-Магона при Рейсхофене Делеклюз тайно возвратился в Париж. 7 августа он поместил в «*Réveil*» обращение к народу, призывая всех граждан к оружию и к защите родины, требуя в первую голову реорганизации Национальной гвардии и вооружения всего населения. 10 августа «*Réveil*» был закрыт за следующий призыв: «Парижане! Враг во Франции. Настало время для чрезвычайных решений. Париж уже спас Францию в 1792 г., он же должен снова спасти её — и он спасёт её!

¹ *Marcel Dessal*, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 275, 276.

² Инспектор, ворвавшийся ночью в квартиру Межи с целью арестовать его, был им за проявленное насилие застрелен. Делеклюз в «*Réveil*» доказывал, что Межи невиновен, так как следует уважать и защищать неприкосновенность жилищ.

³ *Ch. Prolès*, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 53—54.

Что же для этого надо? Дантон сказал: «Смелость, смелость и ещё раз смелость!».

Наконец грянула Седанская катастрофа. Империя свергнута. Каково же теперь отношение Делеклюза к войне и к новому правительству? Вот что он пишет 6 сентября 1870 г. (то есть уже на третий день после провозглашения республики) своему приятелю: «...Итак, у нас республика, но какое ужасное положение! Можно было бы всё спасти, но для этого нужна энергия, нужно произвести революцию, а темперамент людей, находящихся у власти, не таков, чтобы можно было на это рассчитывать. Хуже всего то, что из боязни, что наступит хаос и парализуется оборона, приходится довольствоваться людьми, которые по своим убеждениям только либералы. Ничего серьёзного, ничего энергичного, ничего действительного!.. Зато Париж великолепен: всюду царят доверие и радость... Будь у нас 100 тысяч вольных стрелков, они бы дезорганизовали прусскую армию... Мне грустно, дорогой мой друг, очень грустно, потому что горизонт мрачен: реакция всё время торжествует,— и я трепещу, что начнутся под огнём неприятели страшные июньские дни».

Во имя ложной понимаемой идеи спасения и защиты отечества Делеклюз поддерживал правительство Национальной обороны, призывал парижан к борьбе с внешним врагом: «Наступило время гражданского мужества! Acta, non verba! [Дела, не слова!]... Все к укреплениям! Все с гордо поднятой головой встретим врага, стучащегося в наши ворота! Немцев не более 250—300 тысяч бойцов, утомлённых долгими переходами, обеспокоенных накапливавшимися в их тылу ненавистью и гневом... Если вы предадитесь трусости, парижане, вы будете посмешищем всего мира! Пруссакі вас заставят плясать, чтобы забавлять своих ребят... В сущности, что вы потеряете? Несколько капель крови, несколько пушек, несколько героев-солдат... Что всё это по сравнению с оставшимися у вас ресурсами?.. Чтобы победить, достаточно захотеть, и вы это захотите! Вы поставите ногу на горло врага, вы предадите его, изуродованного и обливающегося кровью, вилам и косам крестьян! Вперёд, дети Парижа, дети цивилизации и свободы! Если же какие-либо глупцы или трусы заговорят об амнистии или о сговоре с врагом,— предайте их, как изменников, военному суду!»¹.

¹ «Réveil», 13 septembre 1870.

Однако Делеклюз очень скоро убедился, что люди, которым 4 сентября была предоставлена государственная власть, начинают предавать интересы страны.

«Временами нам кажется,— пишет он, попрежнему верный якобинским традициям,— что наши правители не

имеют ни малейшего представления о том, что происходило во Фракции в 1792—1793 гг. Пусть они прочтут героические дискуссии в Конвенте, Коммуне и парижских секциях — и они увидят, как надо спасать отечество!»

В то время как последовательная революционная позиция пролетариата заключалась в том, чтобы, пользуясь всеми буржуазными свободами, приобретёнными в результате революции 4 сентября, укреплять свои ряды и строить мощную организацию, Делеклюз усыплял рабочий класс Парижа воспоминаниями о национальном единстве в период французской буржуазной революции и этим причинял вред рабочему движению. Однако под влиянием революционной инициативы народных масс позиция Делеклюза постепенно меняется, он всё больше прислушивается к запросам рабочего класса вплоть до его требования создания «революционной Коммуны».

«Довольно фраз! — писал Делеклюз. — Так как «люди 4 сентября» отказываются слушать голос разума и справедливости, то народ должен вспомнить о своей суверенности... взять всё в свои руки... и, не медля, приступить к выборам своих представителей!»¹

Всё громче и настойчивее Делеклюз выдвигает в своей газете лозунг немедленного избрания Коммуны.

30 октября 1870 г. известия о сдаче Меца и поражении при Ле-Бурже заставляют Делеклюза открыто выступить в печати против предательства министров и требовать «отставки Трошю и его генерального штаба, предания их военному суду; отставки так называемого правительства национальной обороны; организации революционной Коммуны..., обороны до конца и призыва ко всем народам».

«Да здравствует всемирная, демократическая и социальная республика!»², — восклицает Делеклюз в конце своей статьи.

Делеклюз принимал участие в восстании 31 октября. Днём он выступил в Ратуше с речью, заявив, что считает законными только правильные, а не случайные выборы в Коммуну и что поэтому он снимает свою кандидатуру, выдвинутую сейчас. Делеклюз был избран в члены Комитета общественного спасения. Вечером он явился в Ра-

тушу с Пиа и Ледрю-Роллэном¹. Однако движение к тому времени было предательски сорвано: в Ратушу ворвались верные правительству бретонские мобили² и разоружили национальных гвардейцев. Делеклюз вместе с другими членами Комитета общественного спасения оказался в числе арестованных... Затем начались переговоры с членами правительства Национальной обороны. Дориан, министр правительства Национальной обороны, дал Делеклюзу слово, что в результате восстания 31 октября не последуют никакие репрессии... Однако несколько дней спустя начались аресты.

В связи с этим Делеклюз возобновил в «Réveil» свои атаки на временное правительство. «Alea jacta est! [Жребий брошен!], — заявил он в передовой от 2 ноября. — Свершилось! Благодаря их неспособности или их предательству мы, наконец, вступаем в революционную фазу».

5 ноября его избрали мэром XIX округа Парижа. На совещании мэров 4 января он внёс при поддержке группы мэров следующие предложения:

Нужно немедленно и безоговорочно потребовать:

- 1) отставки генералов Трошю, Клемана Тома и Леффло;
- 2) обновления состава военных комитетов и генеральных штабов;
- 3) удаления из Военного совета всех генералов, какой бы пост они ни занимали, сеющих в армии панику и пессимизм;
- 4) постепенной мобилизации Национальной гвардии Парижа;

5) учреждения Верховного совета обороны;

6) принятия всех мер общественного спасения, которые смогли бы обеспечить снабжение парижан продовольствием или смягчить жестокие их страдания, являющиеся следствием осады и прискорбной бездеятельности властей.

¹ Ледрю-Роллэн, Александр Огюст (1807—1874) — адвокат и публицист, лидер мелкобуржуазных республиканцев-демократов во время революции 1848 г., министр внутренних дел Второй республики. Избранный 13 мая 1849 г. в Законодательное собрание, возглавлял партию левых республиканцев — так называемую «Гору». После неудачной попытки выступления в июне 1849 г. эмигрировал в Англию. В феврале 1871 г. избран членом Национального собрания. К Коммуне относился резко отрицательно.

² Мобили (от слова *mobile* — подвижный) — род «подвижных» войск во Франции, состоявших из люмпен-пролетариев и крестьян; служили верной опорой реакции в борьбе с революционными пролетариями столицы.

¹ «Réveil», 29 septembre 1870.

² См. Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 60.

Однако предложения Делеклюза встретили столь резкий отпор со стороны правительства (особенно Жюль Фавра, назвавшего его предложения «вероломными»), что Делеклюз был вынужден покинуть зал заседаний. На следующий день он вместе с некоторыми другими мэрами подал в отставку. В своём коллективном заявлении они писали, что не могут более «оставаться пассивными орудиями политики, которую давно считают пагубной для интересов Франции и республиканского строя».

Для всех было очевидно, что неизбежным результатом предательской политики правительства будет подписание капитуляции. Капитуляция являлась не чем иным, как заговором против республики. Буржуазия готовилась к расправе. Спасти положение могла только передача власти, а следовательно, и руководства военными действиями в руки народа.

Членами Республиканского союза¹ (к нему принадлежал и Делеклюз) была составлена прокламация, призывавшая к выборам коммунального собрания, которое должно заведовать управлением и защитой осаждённого Парижа. Члены союза предварительно связались с некоторыми представителями предместий, обещавшими поддержку своими батальонами.

22 января утром прокламация была расклеена.

Расстрел 22 января 1871 г. безоружной толпы на площади Ратуши произвёл на Делеклюза потрясающее впечатление. «Когда совершилось это преступление,— вспоминает Арну,—отчаянию Делеклюза не было пределов. Этот стойкий стальной человек, который никогда не покорялся и не отступал, в тот день бледный, дрожащий без сил и голоса закрывал лицо руками, чтобы не видеть ужасной действительности, похожей на кошмар. Двум друзьям пришлось увести его под руки. Тогда он сказал те слова, которые повторил впоследствии при Коммуне: «Если революция ещё раз будет разбита, я не переживу её!»»².

После событий 22 января «Réveil» был закрыт за подстрекательство к гражданской войне, а сам Делеклюз, не-

¹ Одно из политических обществ, образовавшихся в Париже после событий 4 сентября.

² Артур Арну, Народная история Парижской Коммуны, стр. 43.

смотря на свой преклонный возраст и болезненное состояние, был арестован. В суровую зимнюю пору его поместили в холодную камеру Венсеннской тюрьмы, где окна были без стёкол. На койки заключённых падал снег. В такой обстановке находился арестованный Делеклюз, мучимый лихорадкой и удушливым кашлем. Затем его и товарищей (Вермореля, Лефрансэ и др.) перевели в тюрьму «Сантэ», где условия были ещё хуже: с потолка и со стен стекло, всё было пропитано сыростью... Посещение тюремного врача заключённые встретили возгласами негодования. «Отчаянно кашляющий, он [Делеклюз] обзывает врача негодяем и гонит его из своей камеры. Этим точно дан сигнал. Из всех камер... выскакивают наши товарищи, и... главный врач департамента Сены вынужден спасаться бегством, провожаемый свистками и эпитетами, которые, полагаю, ещё долго будут раздаваться в его ушах»¹. Делеклюз хорошо понимал, что правительство, арестовав его, решило «уничтожить его холодом и голодом»², но ему это не удалось.

8 февраля произошли выборы в Национальное собрание, и Делеклюз, избранный 154 142 голосами депутатом от департамента Сены, был освобождён из тюрьмы.

В Бордо Делеклюз вместе с другими левыми депутатами заявил решительный протест против позорных условий мирного договора. Он выступил с предложением предать суду членов правительства так называемой национальной обороны по обвинению в государственной измене, а также всех других военных или гражданских чиновников, которые окажутся в результате следствия виновными в аналогичных преступлениях.

Делеклюз знал заранее, что его предложение будет отклонено. Для него был ясен контрреволюционный характер Национального собрания. И если он решил принять участие в его работе, то лишь с целью публично разоблачить и заклеймить гнусную политику «правительства национальной измены».

Делеклюз был убеждён в том, что правительство предало интересы Франции и республики, что оно никогда не собиралось всерьёз организовывать оборону Парижа. «Даю вам честное слово, что правительство 4 сентября

сознательно вас предало;... освобождение Парижа (от пруссаков.— А. Л.) означало укрепление республики и создание Соединённых штатов Европы. Иезуиты-министры предвидели опасность, угрожавшую семье, религии и собственности, и сообща решили, что лучше спасти общество, чем Францию»¹.

Потеряв всякую надежду на спасение республики, больной и морально подавленный, Делеклюз вернулся в Париж.

Когда свершилась революция 18 марта, Делеклюз сначала не принимал никакого участия в событиях. В течение пяти дней, во время которых происходили переговоры новой, революционной власти с мэрами города, он держался в стороне от происходившего, и только когда на страницах республиканской газеты «L'Avenir National» («Национальное будущее») было высказано недоумение по этому поводу, Делеклюз выступил с мотивированным объяснением. В своём письме в эту газету он говорил, что давно уже знаком с реакционным настроением мэров Парижа (так как ранее участвовал в совещаниях с ними) и потому считает, что всякие переговоры с мэрами о примирении и т. д. ни к чему путному привести не могут. Что же касается Центрального комитета, то он образовался помимо него, и, естественно, что он не принимает в нём участия.

В этом сдержанном письме Делеклюз выражал удовлетворение по поводу выборов в муниципальный совет Парижа (т. е. в Коммуну), из-за которых до сих пор велась такая ожесточённая борьба. «То же самое,— писал Делеклюз,— произойдёт постепенно и с другими требованиями Парижа, которые будут приняты, так как диктуются законом и справедливостью»².

Делеклюз был избран членом Коммуны от I округа (20 264 голоса) и XIX округа (5846 голосов). Патристические и республиканские убеждения заставили его принять этот мандат ради защиты родины и республики. Период колебаний и сомнений для Делеклюза кончился: он бесповоротно перешёл в лагерь борцов Коммуны.

На первом же заседании Коммуны, 28 марта вечером, после выступления Жюля Валлеса, указавшего на несов-

¹ Гюстава Лефрансэ, Воспоминания коммунара, Л. 1925, стр. 46.
² «Égalité», 16 juin 1878.

¹ «Égalité», 16 juin 1878.
² E. Lepelletier, Histoire de la Commune, т. II, p. 418.

местимость званий члена Коммуны и депутата Национального собрания, Делеклюз взял слово, чтобы объяснить, почему он до сих пор не подал заявления об отставке как члена Национального собрания в Версале. Заявив, что своим участием в Собрании он имел в виду освободить страну от «наглого соседства» (подразумевая прусское войско) и спасти Коммуну, он добавил: «Я готов подать в отставку и как депутат и как член Коммуны...»¹.

На следующий день, 29 марта, он прочёл вслух на заседании Коммуны своё заявление на имя председателя Версальского собрания о том, что отказывается от своих депутатских полномочий и предпочитает сохранить мандат Парижской Коммуны, полученный им от двух округов. Это заявление Делеклюза было принято с восторгом и покрыто аплодисментами. Во время всех последующих заседаний Коммуны Делеклюз поддерживал важнейшие мероприятия Коммуны. Он вошёл в состав Исполнительной комиссии и Комиссии внешних сношений (29 марта). На протяжении всего периода существования Коммуны Делеклюз был решительным и последовательным сторонником проведения политики революционного террора.

В беседе с Одебраном, редактором версальской газеты «Paris Journal» («Парижская газета»), выразившим возмущение по поводу расстрела 18 марта двух версальских генералов, Делеклюз сказал, внезапно вспыхивая и ударяя себя в грудь: «...Разве нас не убивали? Разве меня не мучили в Кайенне? Разве можно провести хоть какую-нибудь параллель между насильственными действиями народа и бесчисленными кровавыми оргиями, устраиваемыми принцами и аристократами? Нет! 18 марта приведёт Францию в движение; Франция взволнует всю Европу, Европа потрясёт мир — и мы будем свидетелями великих событий!»².

5 апреля именно он, Делеклюз, внёс известное предложение об аресте заложников в ответ на зверства версальцев и казни их: «Казнь каждого военнопленного или сторонника законного правительства Парижской Коммуны немедленно повлечёт за собой казнь тройного числа за-

ложников, задержанных на основании статьи четвёртой и намеченных путём жребия»¹.

15 апреля Делеклюз голосовал за принятие декрета о конфискации имущества членов Версальского собрания и других роялистов, а также всех лиц, покинувших Париж².

Приняв политику Коммуны, Делеклюз внушил к себе полное доверие и был избран в состав Комиссии, которой было поручено выработать политическую декларацию к французскому народу (программу Коммуны).

Вот что Валлес рассказывает об участии Делеклюза в составлении программы:

«Делеклюз пришёл к нам (редакторам программы — Тейсу и Валлесу.— А. Л.), разбитый болезнью, бледный, с дрожащими пальцами и печальным, серьёзным тоном сказал: «Старики должны уступить место молодым. ...Составляйте декларацию без меня. Я уверен, что вы вложите в неё всю свою убеждённость, всю свою душу. ... Но вот вам листок бумаги — это мой черновой набросок... постарайтесь, чтобы кое-что из него вошло в вашу программу. ...Может быть, вы и правы: я — представитель идей прошлого столетия. Но, верьте мне, не надо в такую минуту разбивать сердце родины — это равносильно тому, что вы бы резали моё сердце на части». На устах Делеклюза появилась болезненная улыбка. Глаза его погасли. Он пожал нам руки и, поклонившись, вышел».

20 апреля программа Коммуны была опубликована в «Journal officiel». Программа носила на себе следы сильного влияния прудонизма. В основу её была положена идея максимальной децентрализации страны и автономии коммун.

События заставили Делеклюза уступить в вопросе о свободной федерации коммун — уступка, которая казалась столь немыслимой для якобинца-централиста³, что один из членов Коммуны на заседании воскликнул:

— Это надгробное слово якобинству, произнесённое одним из его вождей!⁴.

Зато прудонистская газета «La Sociale» («Социальная революция») с восторгом твердила: «Ни господствовать,

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 56.

² См. там же, стр. 106.

³ В прошлом Делеклюз, будучи сторонником единой и нераздельной республики, был противником всякого федерализма.

⁴ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 126.

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 17.

² Marcel Déssal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 327; Audebrand, Histoire intime de la Révolution du 18 mars, Paris 1871, p. 189—190.

ни подчинять чужому господству — вот, в сущности, вся идея декларации. Долой столицы! Да здравствуют свободные города!». Единство республики должно было явиться результатом добровольного союза коммун. Центральная власть принадлежала делегатам, объединённым в федерацию коммун. Мероприятия Коммуны в области улучшения положения рабочего класса были сформулированы в программе недостаточно конкретно, и, что было особенно важно, программа совершенно умалчивала о крестьянстве.

Декларация крайне туманно провозглашала «конец старого правительственного и клерикального мира, конец милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий и привилегий, которым пролетариат обязан своим рабством, а родина — своими несчастьями и поражениями». Как указывал Эли Реклю в своих воспоминаниях, «программа была неясна, бесхребетна... Я не встречал никого, кто с энтузиазмом приветствовал бы этот манифест, но я видел многих разочарованных и некоторых раздражённых»¹.

В программе Коммуны не доставало самого главного, самого существенного — того, что ясно выражено было в заявлении Центрального комитета от 21 марта и в декларации 7 апреля. Не доставало принципиальной постановки вопроса о классовой борьбе пролетариата с буржуазией.

Это явилось результатом того, что в Коммуне были представлены партии, из которых ни одна не выражала последовательно революционных интересов пролетариата.

Однако, несмотря на все свои принципиальные недостатки, программа Коммуны имела огромное значение. Она утверждала новый тип государства, коренным образом отличавшийся от старой, буржуазной бюрократической машины. Выборные ответственные и контролируемые должностные лица сменили прежних чиновников. Национальная гвардия заменила постоянную армию. Государственная система управления стала демократической, народной.

Характерно, что в начавшей выходить 18 апреля газете «*Réveil du Peuple*» («Пробуждение народа») задачи Коммуны формулировались в такой же ограниченной форме,

как в Декларации 19 апреля. Делеклюз в передовой статье, уведомляя читателей, что не может лично участвовать в редактировании этой газеты, писал: «Революция 18 марта — несомненно величайший акт народной воли, который где-либо был осуществлён... Город с двухмиллионным населением не мог долее терпеть, чтобы его третировали представители центральной власти, предавшей Париж и Францию врагу. Париж хочет получить все свободы, которые вытекают из его полной суверенности в коммунальном отношении. ...Если народ победит... что его ждёт? Свобода повсюду — в Коммуне и в государстве, безопасность жилища, свободное развитие труда, освобождённого от всяких пут, торговля и промышленность возобновят свою активность... словом, союз сердец и волей. Свободный Париж в свободной Франции... станет сердцем и головой Франции и Европы, без претензий на господство»¹.

Это была республиканская программа, без малейшего намёка на создание пролетарского государства нового типа.

Вполне естественным является вопрос: не оказывал ли авторитет старого мелкобуржуазного революционера Делеклюза отрицательного влияния на социалистические мероприятия Коммуны? Однако самый тщательный анализ позиций Делеклюза при обсуждении важнейших декретов Коммуны и других её мероприятий заставляет нас отказаться от этого предположения.

Судя по имеющимся данным, старый якобинец глубоко верил в победу революции и всеми силами способствовал успеху Коммуны.

Немногие речи, произнесённые Делеклюзом в Коммуне, вызывали горячую симпатию у всех, слышавших его, своей страстной убеждёностью и суровой принципиальностью.

22 апреля он сказал: «Если мы и не дождёмся победы, мы не последние падём на укреплениях или ступенях Ратуши!»²

Слова эти были встречены бурными овациями. Делеклюза уважали и ценили за его чистоту и неподкупность, за славное революционное прошлое; самая внешность его производила глубокое впечатление:

¹ См. П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 348.

¹ «*Le Réveil du Peuple*», 18 avril 1871.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 190.

«Старик с белой головой, худой, с энергичными чертами лица и гордым взглядом, образец честности и бескорыстия, якобинец, точно вылитый по модели бронзовых фигур людей Конвента...»¹, — восторженно писал о нём Артур Арну.

Делеклюз стоял на точке зрения суровых мер пресечения нарушений дисциплины и контрреволюционных действий. «Если Военный суд когда-нибудь вынесет смертный приговор, — заявил он по поводу хищений старой администрации, — я первый скажу: расстрелять»². С возмущением разоблачал Делеклюз поведение таких людей, как полковник 11-го легиона Сильвестр, который четыре раза отказывался идти против версальцев.

Делеклюз несколько раз выступал в Коммуне с резкой и основательной критикой плохой военной организации, критиковал Ключере за его диктаторские замашки, за дезорганизацию, плохое снабжение и питание Национальной гвардии, за нежелание или неумение поддержать героически боровшегося Домбровского на позициях Нейи. Передавая на заседании 29 апреля слова Домбровского, не получившего подкреплений, Делеклюз в гневе восклицает: «Если это верно, то это акт измены!»³.

Но, взявшись за выяснение этого вопроса, он так и не в состоянии был довести его до конца и настоять на посылке Домбровскому нужного количества людей. Он слепо доверился словам какого-то полковника и сообщил 24 апреля Коммуне, что через несколько дней число маршевых батальонов достигнет 75—80, что даст возможность «послать этому несчастному Домбровскому достаточные силы»⁴.

Мы знаем, что Домбровский так и не добился подкреплений ни тогда, когда военным делегатом был Ключере, ни при Росселе, ни при Делеклюзе (когда последний стал военным делегатом Коммуны).

В последние дни апреля Делеклюз лишился голоса из-за острого ларингита и настолько серьёзно заболел, что в критический момент (когда в Коммуне страстно дебатировался вопрос о создании Комитета общественного спасения) вынужден был оставаться дома в постели.

9 мая, когда форт Исси был взят версальцами, Делеклюз выступил в Коммуне со следующей обличительной речью:

«Как? Вы здесь занимаетесь дискуссиями, когда только что Росселем расклеена афиша о том, что трёхцветное знамя развевается над фортом Исси?!¹ Граждане, надо действовать без промедления... Отбросьте все свои личные счёты — нам надо спасти родину. Комитет общественного спасения не оправдал возлагавшихся на него надежды: вместо того, чтобы возбуждать активность, он тормозил её, был для неё препятствием. Я заявляю, что его надо уничтожить, надо принять немедленные, решительные меры»².

Замечательно, что тут Делеклюз делает решительный шаг вперёд, отрекаясь от своих якобинских иллюзий:

«Ваш Комитет общественного спасения, — презрительно заявляет он, — уничтожен, раздавлен тяжёлым грузом воспоминаний. Он не в состоянии даже выполнить того, что могла бы сделать обыкновенная Исполнительная комиссия. Можно совершать великие дела, употребляя самые простые слова. Я — не сторонник комитетов общественного спасения — это только слова».

Однако Коммуна не уничтожила Комитет общественного спасения, но полностью обновила его состав. Одновременно Коммуна начала принимать срочные меры для укрепления обороны города. 11 мая был арестован Россель, военный делегат Коммуны, руководивший боевыми действиями. Вскоре ему удалось скрыться с помощью своего друга Жирардена.

11 мая Делеклюз занял пост военного делегата вместо Росселя.

Измена Ключере и Росселя заставила членов Коммуны с большим недоверием относиться к военным специалистам, тем более что поступали сведения о подозрительном поведении и бонапартистских симпатиях многих из них. Коммуна не успела во-время провести политическую проверку военных специалистов, и среди них оказалось немало шпионов и агентов Версаля. Очевидно, именно этим и было вызвано назначение штатского Делеклюза на пост

¹ Россель в эти дни (начало мая) требовал большей централизации власти и опубликовал письмо, в котором предательски раскрывал слабости Коммуны и Центрального комитета. Россель участвовал в заговоре против Коммуны.

² «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 299—301.

¹ Артур Арну, Мертвецы Коммуны, Екатеринбург 1921, стр. 5.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 230.

³ Там же, стр. 200.

⁴ Там же, стр. 230.

военного делегата Коммуны. Несколькими днями позже (16 мая) Коммуна установила для контроля над военными специалистами должность гражданских комиссаров при армиях.

В тот же день Делеклюз выступил со следующим воззванием к Национальной гвардии:

«Граждане!

Коммуна назначила меня делегатом в военное министерство; она считает, что её военный представитель должен быть штатским человеком. Если бы я считался только со своими силами, я бы отклонил это опасное поручение; но я рассчитываю на ваш патриотизм и надеюсь, что вы мне облегчите выполнение моего долга.

Вы знаете, что положение тяжёлое...».

Делеклюз закончил своё воззвание следующими словами: «Итак, граждане, крепко держитесь перед натиском неприятеля! Наши укрепления мощны, как ваши руки и сердце. Вы хорошо знаете, что вы сражаетесь за свою свободу и за социальное равенство — обещанное вам, но столько раз не дававшееся в руки!.. Вы победите! Весь мир созерцает ваши великодушные усилия и рукоплещет вам, готовясь праздновать ваш триумф — спасение всех народов мира!

Да здравствует всемирная республика! Да здравствует Коммуна!

Гражданский делегат военного министерства

Делеклюз»¹.

Свою деятельность военного делегата Делеклюз начал с попытки урегулировать работу военной администрации и установить строгий контроль над людьми и военными материалами.

Делеклюз немедленно взялся за сокращение чрезмерного числа штабных офицеров. Он затребовал у всех генералов в 24 часа список офицеров главного штаба, а также список лошадей и военных повозок. Однако всё это оставалось только на бумаге, так как приказы сыпались со всех сторон: и от Комитета общественного спасения, и от Центрального комитета Национальной гвардии, и от Комитета артиллерии, и даже от отдельных членов Коммуны.

¹ См. Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 108—109.

Уже 12 мая Делеклюз установил, что количество артиллеристов, получавших жалованье, значительно превышает число имевшихся орудий. По его приказу во дворе Военной школы был устроен смотр, и те артиллеристы (кроме занятых на посту), которые не явились, были лишены жалованья и пайка.

На другой день после своего назначения Делеклюз решил ознакомиться с нуждами обороны и с этой целью объехал линию боевых действий. После падения форта Исси форт Ванв был тоже оставлен войсками. Делеклюз приказал Врублевскому занять его во что бы то ни стало. Врублевскому удалось изгнать оттуда врагов штыковой атакой 187-го и 105-го батальонов. Со всех концов к Делеклюзу приходили просьбы прислать подкрепления людьми, оружием, снарядами, обеспечить крепостные валы орудиями. Делеклюз был вынужден одновременно решать множество самых разнообразных вопросов.

Между тем войска версальцев всё теснее сжимали Париж. После падения форта Исси коммунары под командой Брюнеля упорно боролись за селение Исси, прикрывавшее Севрские ворота. В ночь на 14 мая защитники форта Ванв были вынуждены покинуть полуразрушенный форт и уйти подземным ходом. Казематы были в развалинах, большая часть орудий не действовала. Канонерки, оборонявшие форты Исси и Ванв со стороны Сены, были вынуждены отойти в центр города. Одна канонерка погибла.

15 мая генералу Брюнелю пришлось оставить селение Исси, а затем и селение Ванв. На западном направлении версальцы продолжали сосредоточивать войска на правом берегу Сены; они перебросили пушки в Булонский лес и Виланкур, собрав на этом направлении до 80 орудий (в том числе 44 тяжёлых), и начали обстрел крепостного вала, чтобы пробить брешь. Но коммунары искусно отражали их огонь, удачно применяя электрические прожекторы. 18 мая Домбровский смелой атакой разрушил «апроши» (осадные сооружения) около Отей, Ла Сесилиа, перешёл в наступление по всему своему участку фронта, на юге Врублевский успешно продвинулся вперёд на левом фланге и поднял красный флаг в селении Шуази-ле-Руа. 20 мая военное министерство послало на фронт все последние изобретения (зажигательные бомбы, бомбы Орсини, бомбы с газом и т. д.). Предложение Домбров-

ского отступить на вторую линию фронта не встретило поддержки у Делеклюза.

Но, несмотря на свои действия и благие намерения, Делеклюз,— не обладавший военными знаниями, старик, здоровье которого было совершенно подорвано,— не справился с возложенными на него обязанностями. «Беспорядок в военной комиссии делал невозможным серьёзное сопротивление. Делеклюз внёс в неё только свою преданность. Этот человек, слабохарактерный, несмотря на кажущуюся непреклонность, поддался влиянию штаба...»¹. Впрочем к этому моменту военное положение Коммуны было уже настолько безнадежным, что не только Делеклюз, но вряд ли и какой другой военный руководитель мог бы спасти его.

Любопытно свидетельство одного американского журналиста, который описал свою встречу с Делеклюзом в эти дни под таким сенсационным заголовком: «Свидание с последним диктатором Коммуны. Уверенность в победе накануне гибели»². (Судя по содержанию интервью, оно относится к 12 мая).

«Перед пылающим камином сидел исхудалый, бледный старик с болезненной внешностью, лет 70 на вид, съжившись у огня в этот майский день, словно немощный инвалид в лютую зиму. Это и был недавно назначенный военный делегат Коммуны гражданин Делеклюз». Упомянув о последнем воззвании Комитета общественного спасения, в котором говорилось о раскрытии в связи с падением форта Исси контрреволюционного заговора, американский журналист попросил информировать его по этому поводу. «Что касается форта Исси,— ответил военный министр (Делеклюз),— то, собственно, он был уже настолько разрушен пруссаками во время осады, что не было никакой надежды удержать его; и надо ещё удивляться, что национальные гвардейцы так долго и героически его отстояли! Поэтому версальцам не приходится особенно гордиться этим успехом. Нет ни малейшего сомнения, что реакционная партия напрягает все свои усилия, чтобы победить,— но это им не удастся. Я несколько этого не опасаясь». По мере того как Делеклюз говорил, он снова оживал, забывая на время о своих болезнях. Делеклюз

говорил медленно, ясно, отчетливо, лишь на мгновение останавливаясь в конце каждой фразы. Очевидно, это человек умный и твердый в своих решениях. Видно, что он не остановится ни перед какими жертвами, чтобы обеспечить успех своих идей».

Журналист снова напомнил о предполагавшемся заговоре. «Об этом,— ответил Делеклюз,— я пока не могу вам ничего сказать. Но повторяю, что я несколько не опасаясь за судьбу Коммуны. Реакционеры, действующие внутри Парижа, сравнительно малочисленны. Нужды нет, что форт Исси взят, зато именно это обстоятельство вызвало в Национальной гвардии ещё больший подъём и готовность к вдвое большим усилиям. Она теперь знает, что в случае победы роялистов погибнет Париж и с ним вся Франция. Только сегодня утром национальные гвардейцы под командой Домбровского очистили Саблонвильский лес от версальцев».

Несмотря на уверенность в победе, звучавшую в этих словах, Делеклюз не сумел предпринять энергичных мер и улучшить положение на фронте. «Нет больше возможности удерживать позиции!» — зывали к нему Ла Сесилиа и Жоаннар¹ 20 мая. «Версальцы в ста метрах от ворот Сен-Клу», — писал 21 мая утром Домбровский, не перестававший просить подкреплений.

Несмотря на требования командующих армиями Коммуны, несмотря на предупреждения членов Коммуны, побывавших на позициях, Делеклюз вплоть до вторжения версальцев и даже после этого не признавал всей серьезности положения.

К сообщению Домбровского о вторжении версальцев Делеклюз отнёсся недоверчиво и безучастно. Даже в 11 часов вечера 21 мая в военном министерстве не верили в то, что версальцы уже в Париже.

Поверив ложной информации наблюдательного пункта Триумфальной арки (на площади Звезды), где, вероятно, сидели предатели, Делеклюз приказал 21 мая расклевть

¹ Жоаннар, Жюль (1843—1888) — комиссар Коммуны при генерале Ла Сесилиа. Рабочий по выделке искусственных цветов, член I Интернационала и один из организаторов секций. Капитан Национальной гвардии и член Коммуны. Сторонник «большинства». После падения Коммуны эмигрировал в Лондон, где вошёл в состав Генсовета I Интернационала. На Гаагском конгрессе 1872 г. голосовал за исключение анархистов Бакунина и Гильома из Интернационала.

² Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 240.
³ «New-York Herald Tribune», 26 mai 1871.

повсюду успокоительные объявления, отрицающие вступление неприятеля в пределы города. Странная, непростительная беспечность!

22 мая Делеклюз опубликовал прокламацию, которая разрушила одним взмахом всё то, что ещё оставалось от военной организации Национальной гвардии. «Довольно милитаризма! — взывал он. — Дайте место народу, бойцам с обнажёнными руками! Проби́л час революционной войны... Народ ничего не понимает в учёных манёврах. Но когда у него в руке ружьё, а под ногами — камни мостовой, он не боится никаких стратегов монархической школы!»

«Кто захочет повиноваться, — замечает в связи с этим Лиссагарэ, — когда сам министр с презрением говорит о дисциплине; кто захочет рассуждать, когда он с презрением отзывается о каком бы то ни было методе?»¹.

Этим был нанесён смертельный удар системе централизованной обороны. Силы сопротивления были окончательно дезорганизованы. Ещё губительней было распоряжение Коммуны, принятое по предложению Ф. Пиа 22 мая в 9 часов утра, о том, чтобы каждый член Коммуны направился в свой квартал. Вместо того чтобы сконцентрировать свои последние силы в одном месте, бойцам предлагалось каждому уйти в свой рабочий квартал. Сохранение территориальной самостоятельности батальонов, защищавших Париж, и разделение артиллерии по округам было колоссальной военной ошибкой Коммуны. Приказ идти в районы был явно на руку только врагу — версальцам, ибо распылял и без того слабые силы защитников Парижа.

В 5 часов утра 22 мая началось отступление Национальной гвардии; здание военного министерства было очищено. Делеклюз направил Брюнеля с его стрелками на площадь Согласия с приказом защищать её. Вооружённые всего несколькими пушками, они приступили к исполнению задания...

24 мая, в среду, борьба приняла особенно ожесточённый характер. Париж пылал. Беле посетил Ратушу и вёл переговоры с Делеклюзом об эвакуации из города женщин и детей.

«Мы думали об этом, — сказал Делеклюз, — но этого

нельзя осуществить. Не только улицы пересечены баррикадами, но некоторые места настолько опасны, что вести мимо них женщин и детей значило бы рисковать их жизнью. Кроме того, батальоны, охраняющие ворота, никого уже не пропустят!».

Затем Беле спросил Делеклюза, по чьему приказу произведены поджоги: по приказу Коммуны или Комитета общественного спасения?

«Ни то, ни другое, — ответил Делеклюз. — Согласно отданным приказаниям следует поджигать здания только в том случае, если пламя сможет реально содействовать сопротивлению обороняющихся коммунаров: это чисто военное мероприятие. Отданный мною приказ касается только домов, смежных с баррикадами, — но не больше того!»

В то же утро 24 мая 15 членов Коммуны, решившие сражаться до конца, постановили оставить Ратушу и отойти к зданию мэрии XI округа. Решение это было принято, несмотря на энергичный протест Делеклюза, считавшего, что отступление ещё более обескуражит сражающихся.

В библиотеке мэрии Делеклюз собрал некоторых офицеров и членов Коммуны, Комитета общественного спасения и Центрального комитета и своим слабым голосом, похожим скорее на шёпот, обратился к ним среди гробовой тишины. Он сказал, что не всё ещё потеряно, что нужно напрячь последние силы и держаться до последнего вздоха.

««Я предлагаю, — сказал Делеклюз, — чтобы члены Коммуны, опоясавшись своими шарфами, устроили на бульваре Вольтера смотр всем батальонам, которые можно собрать. Потом мы станем во главе их и поведём их на те пункты, которые нужно отбить назад».

Эта идея увлекла собрание... Перестрелка, пушечный грохот на Пер-Лашез, шум передвигающихся батальонов врывались в окна залы. Этот старик, не поколебавшийся при поражении, с горящими огнём глазами... эти вооружённые люди, рвущиеся в битву, задерживающие дыхание, чтобы выслушать предсмертное завещание старика — одна из самых трагических сцен среди тысячи трагедий этого дня...»¹.

Спешно сооружаются новые баррикады. Ужасная борьба продолжается. К вечеру 24-го в руках коммунаров

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 262.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 284—285.

остаются только четыре округа (XI, XII, XIX и XX). В этот день версальцы устроили настоящую кровавую баню. Неслыханная жестокость требовала ответа. Таким ответом явился расстрел шести заложников в Ла-Рокетт.

25-го утром остатки батальонов Коммуны собрались у мэрии XI округа. В это утро здесь царил невообразимый хаос: во дворе мэрии, на площади Вольтера скопилось много телег, свалены были пороховые бочки. Большой парадный зал был переполнен ранеными и умирающими. Издали доносился гром канонады; трещали митральезы, свистели пули...

В мэрии Делеклюз беседовал с Арнольдом, членом Центрального комитета, который сообщил ему следующее: секретарь посольства Соединённых Штатов предлагает посредничество прусского командования с целью спасти героических защитников Коммуны. Уступив настоянию товарищей, Делеклюз отправляется для переговоров с пруссаками в сопровождении Вайяна, Вермореля, Арнольда и секретаря посольства Соединённых Штатов Уошберна.

В 3 часа дня делегация достигла Венсенских ворот.

«Делеклюз,— рассказывал позднее Арнольд,— был по своему обыкновению в штатском, в цилиндре и сером пальто, с красным шарфом под сюртуком...

В тот момент, когда мы собирались пройти через подъёмный мост, дежурные гвардейцы решительно загородили нам дорогу. Мы стали указывать им на наши красные шарфы членов Коммуны.

— Нет! — заявили они. — Вы не пройдёте!.. Никто не пройдёт...

Делеклюз настаивал: — Но я же гражданин Делеклюз, военный делегат...

— Никто не выйдет отсюда. — И кто-то прибавил: — Мы пропали... Вы останетесь с нами.

...Мы решили тогда послать одного из наших в мэрию к Ферре за пропуском. В ожидании возвращения посланного Делеклюз и все мы были отведены гвардейцами с примкнутыми штыками в некую виноторговлю на Тронной площади. Там Делеклюз бросился на стул, сломленный, убитый горем и стыдом.

— Я не хочу больше жить! — повторял он. — Нет! Для меня всё кончено...

Мы не стали ждать приказа Ферре. Вернулись...»¹.

¹ Максим Вильом, В дни Коммуны, стр. 235.

Отчаяние и нестерпимый стыд сломили силы Делеклюза. Делеклюз не нашёл в себе мужества сражаться вместе с последней горсточкой храбрых. Заподозренный, безвинно оскорблённый последними уцелевшими бойцами Коммуны, принявшими его за труса и дезертира, он мало-душно решил искать смерти.

Вернувшись в штаб, Делеклюз написал два письма: одно — приятелю, которое заканчивалось словами: «Я рассчитываю на суд потомства и истории», второе — своей сестре.

Оба эти письма были вручены надёжному товарищу... Затем Делеклюз обратился к Врублевскому, который только что вернулся с Бютт-о-Кейль, и предложил ему пост главнокомандующего. Но, узнав, что в распоряжении Коммуны всего-навсего несколько сот человек, Врублевский ответил, что при таких условиях он не может взять на себя ответственность и предпочитает попрежнему сражаться как простой солдат.

Внезапно у входа в мэрию Делеклюз увидел знакомые лица, которых он никак не ожидал здесь видеть: это были друзья, не принимавшие участия в борьбе и ухитрившиеся пробраться сюда, чтобы уговорить его спрятаться у них в доме. Но Делеклюз категорически отказался.

«Я не хочу,— сказал он,— чтобы обо мне говорили то же самое, что о спасшихся бегством. Я — военный делегат и останусь верным общей участи бойцов Коммуны»¹.

Повязав вокруг талии свой красный шарф, весь в чёрном по обыкновению (в шляпе, сюртуке), безоружный Делеклюз, опираясь на свою трость, двинулся к площади Шато д'О в сопровождении Журда, Лиссагарэ и группы федератов.

«В 50-ти метрах от баррикады,— рассказывает бывший с Делеклюзом Лиссагарэ,— горсть гвардейцев, которая шла за Делеклюзом, останавливается, так как у входа на бульвар пули падают градом. За площадью село солнце. Делеклюз, не обращая внимания, идёт ли кто-нибудь за ним, или нет, подвигается вперёд своим обыкновенным шагом — единственный живой человек на всём бульваре Вольтера»².

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 121—122.

² Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 296.

По пути Делеклюз и его товарищи встретили носилки, на которых несли тяжело раненного Вермореля.

«Дойдя до баррикады, он [Делеклюз] повернул налево и пошёл по мостовой. Последний раз его суровое лицо, окаймлённое короткой белой бородой, взглянуло на нас и обратилось к смерти. Вдруг Делеклюз исчез. Он упал убитым наповал на площади Шато д'О»¹.

Только через день, в субботу 27 мая, тело Делеклюд было обнаружено в груде трупов и перенесено в церковь св. Елизаветы, где оно лежало два дня. Делеклюз был похоронен на Монмартрском кладбище несколько времени спустя. 26 ноября 1883 г. прах Делеклюд был вырыт и перенесён на кладбище Пер-Лашез.

Так кончил свою жизнь Делеклюз — лучший из представителей мелкобуржуазной партии «неоякобинцев».

Хотя он и не разделял вначале всех стремлений борцов Коммуны, хотя главные из этих стремлений противоречили тем политическим и социальным убеждениям, которым была посвящена вся его жизнь, тем не менее нужно воздать ему справедливость: он честно и добросовестно старался понять программу Коммуны и поддержал её.

Именно то обстоятельство, что Делеклюз поддержал программу Коммуны, каких бы тяжёлых усилий это ему ни стоило, что он мужественно и сознательно шёл нога в ногу с прочими деятелями Коммуны, — всё это заставляет нас с тёплым чувством вспоминать о коммунаре Делеклюдзе и об его трагической гибели.

«Молчаливый, доверяя только одной своей суровой совестью, он шёл на баррикаду, как старые монтаньяры шли на эшафот. Долгие дни жизни истощили его силы. Ему оставался один вздох жизни: он отдал его Коммуне»².

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 296.

² Там же.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЯРОСЛАВ ДОМБРОВСКИЙ

Генерал Парижской Коммуны

(1836—1871)

Представители польских демократических кругов принимали активное участие в революционных боях французского пролетариата в 1830 и 1848 гг., выступая всякий раз на стороне народных масс, против королей, высшего духовенства и аристократии. Большую роль сыграли они и в Парижской Коммуне 1871 г.

Богатая революционными традициями столица Франции стала прибежищем для многих сотен польских демократов после подавления восстания 1863 г.

Общественное положение польской демократической эмиграции в Париже побуждало её к живой заинтересованности во всех проявлениях классовой борьбы французских рабочих, в судьбе их экономических стачек и вообще всего революционного движения во Франции в последние годы Второй империи. Польские эмигранты вынуждены были зарабатывать себе на жизнь не только умственным трудом, но нередко физическим трудом, что, естественно, сближало их с французскими пролетариями. Польские демократы в Париже были связаны с I Интернационалом и являлись горячими сторонниками классовой борьбы пролетариата с буржуазией.

С началом франко-прусской войны польские эмигранты приняли деятельное участие в обороне Парижа и проявили немалое мужество и отвагу во время его осады прусскими войсками.

Поляки-демократы в Париже разделяли негодование французского народа по поводу предательского поведения правительства Национальной обороны и позорной капитуляции. Они горячо приветствовали борьбу парижского пролетариата за Коммуну, выступления 8 и 31 октября и в особенности революцию 18 марта.

Коммуна с первых же дней своего существования нашла широкий отклик в народных массах многих стран мира. Кроме поляков, в Париж устремились русские, итальянские и другие добровольцы, многие из которых пожертвовали жизнью за высокие социальные идеалы первого в мире пролетарского государства.

Коммуна, по словам К. Маркса, «являлась интернациональной в полном смысле этого слова»¹. Добровольное вступление множества поляков в ряды коммунаров делало честь их социальному чутью и отваге. «Коммуна,— писал Маркс,— почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа»².

Одними из первых приняли участие в Парижской Коммуне Ярослав Домбровский и Валерий Врублевский. Вместе с ними вся левая, демократическая группа парижских эмигрантов-поляков вступила в ряды коммунаров. «Вступление Домбровского и Врублевского в ряды защитников Коммуны имело огромное влияние на поведение прочих поляков, особенно из «Демократического объединения»³ и из «Общества военного заговора»⁴,— пишет современный польский историк З. Модзелевский.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 484.

² Там же, стр. 485.

³ «Демократическое объединение польской эмиграции» — организация революционных поляков, возникшая в 1866 г. Руководство организацией принадлежало Я. Домбровскому, В. Врублевскому, К. Жулинскому и ряду других. Своей задачей «Демократическое объединение» ставило борьбу за гражданские свободы, за право на труд и образование. Поляки из «Демократического объединения» были близки к пролетарским и левodemократическим кругам французского общества. Так, Я. Домбровский был личным другом Делеклюза и членов I Интернационала Варлена и Вермореля. Ряд поляков активно участвовал в работе французских секций I Интернационала: Антон Жабицкий, А. Бобровицкий, П. Менкарская.

⁴ «Общество военного заговора» — левая польская военно-конспиративная организация, готовившая восстание в Польше во время войн Австрии с Пруссией и Италией, для чего она формировала два польских легиона — в Турине и в Париже (одним из легионов должен был командовать Я. Домбровский).

Среди выдающихся личностей, последовавших примеру Домбровского, следует упомянуть младшего брата Домбровского — Теофиля; генерала Околовича, командовавшего боевым участком на правом берегу Сены, и его четырех братьев; подполковника Свидчинского, командовавшего полком; Розвадовского — инженера-полковника, начальника штаба Врублевского, впоследствии связанного с I Интернационалом; капитана Рожаловского, адъютанта Я. Домбровского и автора его биографии; Томашевского, начальника штаба форта Иври. Одним из активнейших поляков-коммунаров был Юлий Бабицкий (Бабики), член Центрального комитета Национальной гвардии, член Коммуны, избранный в Коммуну от X округа, часто присутствовавший на её заседаниях; к той же группе принадлежали: Андрей Сломчинский (художник, по прозвищу Слом), секретарь Рауля Риго; Ян Ландовский, комиссар водного транспорта на Сене; Матушевич, начальник 20-го батальона Национальной гвардии, и многие другие. Большую группу составляли также польские врачи и медицинские сёстры, добровольно помогавшие коммунарам, так как многие французские врачи отказались оказывать им медицинскую помощь.

Благодаря трудам современных польских историков удалось выявить значительное количество поляков — участников Коммуны, примерно 500—600 человек¹. Значительная часть поляков — участников Парижской Коммуны сознательно сражалась в рядах её защитников. Они знали, что знамя Коммуны — знамя братства народов и международной солидарности всех эксплуатируемых в борьбе с эксплуататорами. Вместе с трудящимися Парижа они боролись за новый общественный строй, где не будет социального гнёта.

Наиболее активным и ярким представителем поляков-героев, защитников Коммуны, был, несомненно, Ярослав Домбровский.

Ярослав Викторович Домбровский родился 13 ноября 1836 г. в городе Житомире (бывшей Волынской губернии). Отец его Виктор Алексеевич происходил из разорившегося польского шляхетского рода и служил архивариусом в «Волынской шляхетской депутации». Девяти

¹ «Nowe Drogi» № 1, 1951, str. 155—156.

лет от роду Ярослав поступил в кадетский корпус. Неприветливо встретил Брест-Литовский корпус не по летам вдумчивого и любознательного мальчика. Суровая, бессмысленная муштра и зверский николаевский режим действовали на него угнетающе.

«Наш тогдашний строй,— рассказывает его современник, народоволец Ашенбреннер в «Воспоминаниях»,— покоился на четырёх китах: суровая дисциплина, шагистика, «рукоприкладство» и субботняя порка в цейхгаузе»¹. Сохранился рассказ о том, как Николай I посетил Брест-Литовский корпус. Заинтересовавшись толковыми ответами и отличной военной выправкой Ярослава, царь поднял его на руки. Но узнав, что Домбровский — поляк, шляхтич, Николай внезапно швырнул его на пол... Этот эпизод на всю жизнь запечатлелся в памяти Домбровского.

Домбровский в детстве слышал немало рассказов о жестоком усмирении польского восстания 1831 г. Ему было десять лет, когда вспыхнуло краковское восстание.

Как и все его близкие из польской шляхетской среды, Ярослав с детских лет ненавидел самодержавие.

Окончив в 1853 г. кадетский корпус в Петербурге (куда он перевёлся из Брест-Литовска) в чине прапорщика и проведя два года в Константиновском военном училище, Домбровский в 1855 г. уехал на Северный Кавказ, в действующую армию. Сумев выдвинуться благодаря своим незаурядным военным способностям, произведённый в поручики, он добился откомандирования в Академию Генерального штаба, куда после сдачи экзаменов и был принят 15 декабря 1859 г.

В начале 60-х годов XIX в. среди польской молодёжи, обучавшейся в русских университетах (Московском, Петербургском), начали сильно разрастаться революционные настроения. Стали возникать тайные кружки. Руководство тайной организации польских студентов в Москве решительно высказывалось за подготовку всенародного восстания против царского самодержавия.

Весьма благоприятными для польского повстанческого движения были усилившиеся в то время революционные настроения в России. Накануне восстания 1863 г. в Вар-

шаве были получены сообщения от молодых польских офицеров, которые утверждали, что поляки вполне могут рассчитывать на сочувствие и поддержку русского революционного движения. Герцен, к голосу которого прислушивалась вся революционная Россия, неоднократно выступал в «Колоколе» горячим поборником освобождения и независимости Польши, доказывая в ответ на клеветнические выпады, что весь русский народ целиком стоит на стороне поляков.

С увлечением окупнулся 23-летний Домбровский в новую для него жизнь учащейся столичной молодёжи. Он слушал лекции народника П. Л. Лаврова; увлекался вместе со своими товарищами произведениями русских революционных демократов — Чернышевского, Герцена, Добролюбова; с волнением следил за героическими подвигами борца за свободу Италии Джузеппе Гарибальди. Юного Домбровского особенно пленял демократический характер итальянского национально-освободительного движения, под знамёна которого стекались сотни добровольцев.

Именно в эти годы Ярослав Домбровский вступил в один из революционных конспиративных офицерских кружков Петербурга, где особым влиянием пользовались члены народнической организации «Земля и воля», офицеры Андрей Потебня и Зигмунд Сераковский, пламенный энтузиаст-революционер, близкий друг Н. Г. Чернышевского. Собрания кружка, происходившие обычно на квартире Домбровского, проводились под видом «литературных занятий», и долгое время царской полиции никак не удавалось установить их действительную цель. Сераковский водил Домбровского на тайные собрания, где выступал Чернышевский. Знакомство с Чернышевским было большим и волнующим переживанием для Ярослава Домбровского¹. Этот период жизни Домбровского, общение с русскими революционерами-демократами во многом определили дальнейшее формирование его мировоззрения. Именно в эти годы и под влиянием русской революционной мысли созрели национально-освободительные, республиканско-демократические убеждения Домбровского.

¹ М. Ю. Ашенбреннер, Воспоминания. Шестидесятые и семидесятые годы, «Былое» № 4/16, 1907 г., стр. 1.

¹ W. Markowska, Droga na barykady Komuny, Warszawa 1952, str. 30.

Наряду с работой в революционном кружке Домбровский серьёзно и усердно учился. Он старался как можно лучше овладеть военными науками, чтобы приобретённые им знания могли впоследствии пригодиться в революционной борьбе.

В декабре 1861 г. Ярослав Домбровский окончил Академию Генерального штаба в чине штабс-капитана и вскоре получил назначение в Варшаву. Домбровский сразу же принял активное участие в польском революционном движении. Блестящий офицер Генерального штаба, он уже в силу занимаемого им положения (квартирмейстер 4-й пехотной дивизии) был вне всяких подозрений и искусно пользовался этим. Полный кипучей энергии и жгучей ненависти к царскому самодержавию, угнетавшему его народ, в расцвете молодых сил и способностей, Домбровский скоро завоевал доверие революционных кругов шляхты и учащейся молодёжи.

По описанию одного из участников восстания 1863 г., генерала Антона Езеранского, Домбровский был «блондином, невысокого роста, в маленьких серых глазах его светилась необычайная энергия, а движения обличали человека деятельного, с сильной волей, решительного». «Ярослав Домбровский,— писал впоследствии другой участник польского восстания 1863 г., Даниловский,— был одной из даровитейших личностей в нашем кругу. Этот чрезвычайно экзальтированный энтузиаст смотрел на всё сквозь розовые очки... у него был в голове и сердце вечно действующий вулкан!»

Не прошло и недели после приезда Домбровского в Варшаву, как он стал председателем Городского (в дальнейшем Центрального) повстанческого комитета, готовившего восстание против царского самодержавия. Разработанный им план вооружённого восстания вызвал восхищение всего Комитета. «Мы были положительно ослеплены блеском его плана!» — писал член Комитета Майковский. План был принят единогласно, но вскоре оказался сорван вследствие интриг и предательства правого крыла партии «красных».

Обстановка, в которой происходила подготовка восстания в Польше, была очень сложной. Часть польских помещиков и капиталистов, оппозиционно настроенная по отношению к самодержавию, так называемые «белые», сосредоточила свои политические интриги вокруг париж-

ского дворца князя Чарторыйского («отель Ламбер»). Они мечтали о независимости Польши, о восстановлении Речи Посполитой в границах до 1772 г. и возлагали все надежды на дипломатическое воздействие английского и французского правительств. В противоположность этому революционные комитеты в Польше (состоявшие преимущественно из обедневших шляхтичей — разночинцев-демократов, отчасти из крестьянских выходцев) объединились в партию «красных». «Красные» стояли за наделение крестьян землёй (большинство из них стремилось к наделению крестьян землёй за выкуп). «Белые» постоянно противились революционным устремлениям «красных», предпочитали жертвовать делом независимости Польши ради сохранения своих классовых позиций.

С появлением Домбровского в Комитете важнейшие вопросы — вооружённое восстание, пропаганда, снабжение организации оружием, денежный фонд — впервые встали на реальную почву. Под руководством Домбровского с молодёжью ежедневно велись тактические занятия и упражнения в стрельбе.

Домбровский взял на себя связь с русским революционным офицерством варшавского и модлинского гарнизонов. Вскоре в этих гарнизонах возникла тайная революционная организация. Однако вследствие предательства организация была разоблачена, двое из офицеров покончили жизнь самоубийством, три человека были расстреляны, остальные сосланы на каторгу. Команда, поднявшая бунт в защиту арестованных, была отправлена в арестантские роты. Эта расправа вызвала сильнейший ропот и возмущение в гарнизоне.

В сентябре 1862 г. в Лондоне по инициативе революционных русских и польских деятелей состоялась встреча, целью которой было установить практические и идейные основы русско-польского революционного союза. Со стороны русских в переговорах участвовали Герцен, Огарёв, Бакунин, со стороны польского Центрального национального комитета — Падлевский, Гиллер и Милович¹.

В результате лондонских переговоров были выработаны следующие принципы русско-польского революционного союза: борьба за освобождение крестьян с землёй

¹ См. И. М. Белявская, А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, М. 1954, стр. 119.

и предоставление независимости народам, входившим в состав Российской империи, а также совместная подготовка восстания¹.

С этого времени началось деятельное сотрудничество русской и польской революционных организаций (в том числе «Земли и воли») по подготовке общего восстания против царизма.

Однако начальник всего гражданского управления Царства Польского маркиз Велепольский, опираясь на поддержку польских помещиков, назначил рекрутский набор всего мужского населения (кроме помещиков и крестьян-землевладельцев) со специальной целью — лишить революционную партию поддержки польских народных масс и избавиться от опасных элементов. К сроку этого набора и было приурочено восстание 22 января 1863 г., потерпевшее поражение вследствие вероломной и предательской политики польских помещиков («белых»), противившихся расширению борьбы и вовлечению в неё широких масс крестьянства.

Домбровскому не пришлось участвовать в польском восстании. Задолго до его начала он был арестован (13 августа 1862 г.) в связи с покушением на маркиза Велепольского. Домбровский был заподозрен в соучастии и посажен в Александровскую крепость Варшавы.

Примерно к этому времени относится сближение Домбровского со Згличинской². Познакомился он с ней ещё в первый свой приезд в Варшаву. Они полюбили друг друга. Згличинская всю жизнь была верным боевым товарищем Ярослава, безропотно разделяя с ним все лишения и невзгоды.

Через Згличинскую, выполнявшую опаснейшие поручения Домбровского (и даже однажды ухитрившуюся передать ему в камеру револьвер, патроны и план окрестностей Варшавы), он был полностью в курсе всех планов Центрального комитета и, сидя в цитадели, сумел передать Комитету разработанный им во всех деталях новый план вооружённого восстания.

¹ См. И. М. Белявская, А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, стр. 124.

² Пелагия Михайловна Згличинская — польская революционерка-террористка, сторонница партии «красных», дочь разорившегося люблинского помещика.

Домбровский дважды готовил побег (один раз была подпилена дверь тюрьмы, другой раз был подготовлен его перевод в госпиталь), но безрезультатно. Поведение его в цитадели было мужественным и выдержанным. Он вёл себя осторожно, не впуская никого из своих товарищей, и совершенно сбился с толку следователей, которые долгое время не догадывались, что имеют дело с одним из главных вожakov восстания.

Представ перед военно-полевым судом 30 июля 1863 г., Домбровский так защитил себя, что суд признал обвинение штабс-капитана Я. Домбровского в принадлежности к революционной партии недоказанным. И всё же его не выпустили на волю.

В середине апреля 1864 г. ему разрешили обвенчаться в тюрьме со Згличинской. Их тотчас же разлучили, а жену его сослали в город Ардатов, Нижегородской губернии, под надзор полиции.

В архивах Третьего отделения сохранилась до сих пор не опубликованная переписка Домбровского с его женой, отобранная у неё при обыске. Письма Домбровского, конечно, подвергались строжайшей цензуре. Поэтому нас не должно удивлять, что неукротимый революционер Домбровский притворно говорит жене о необходимости «положиться на провидение», советует покорно сносить все невзгоды. Заботясь о самообразовании жены, Домбровский пишет ей о литературе, о положении женщины в обществе, о философии и политической экономии и т. д. Эти письма Домбровского (написанные на польском языке) очень ценны для понимания его характера. Они полны бодрости и оптимизма, веры в себя и будущее, тонкого юмора, трогательной заботы и беспокойства о верном друге-жене. В своём каземате Домбровский много читал, занимался и не сомневался, что будет скоро освобождён.

Домбровский не подозревал, что его выдали двое арестованных по делу о восстании — Миладовский и бывший член Центрального комитета Оскар Авейде, человек малодушный и бесхарактерный, открывший властям при допросе, что в 1862 г. Домбровский стоял во главе Военно-революционного комитета в Варшаве.

Домбровский был приговорён к 15 годам каторги «с лишением дворянского достоинства, всех прав, состояния, чинов, медалей и ордена Станислава».

В ноябре 1864 г. вместе с партией политических заключённых, направлявшихся в Сибирь на каторжные работы, в Москву прибыл Ярослав Домбровский. Здесь у Домбровского возникло твёрдое решение — бежать, так как этому крайне благоприятствовала обстановка тюрьмы и отсутствие надлежащего надзора за арестованными. 2 декабря, раздобыв где-то юбку и головной платок, переодетый Домбровский бежал из тюрьмы. Узнав, что в тюрьме при Домбровском была его офицерская форма, следствие, сбивое с толку некоторыми показаниями арестантов, сразу встало на неверный путь. Стоявший у калитки часовой сперва заявил, что вслед за караульным офицером через калитку прошёл неизвестный «белокурый офицер с усами, в военном пальто, один, без унтер-офицера», но потом стал путаться и, наконец, отказался от своих показаний. На этой версии следствие вначале остановилось и успокоилось. Как в действительности обстояло дело, мы узнаём из «Воспоминаний» его жены: «В женской одежде, удачно подражая движениям и манерам женщины, не ускоряя шага, Ярослав спокойно прошёл мимо часового и, вышедши за ворота, сел на первого попавшегося извозчика, приказав ему ехать в библиотеку»¹. Ночь он провёл в какой-то московской трущобе, не смыкая глаз, в полном молчании, боясь привлечь к себе внимание. На другой день, встретив на улице Шостаковича, с которым был знаком ещё по революционной работе в Петербурге, Домбровский обратился к нему с просьбой о помощи. Спустя два года Шостакович показывал следственной комиссии фон Дена: «Домбровский встретил меня не помню на какой улице и... обратился ко мне с просьбой позволить ему переодеться. Хотя одежда его меня сильно удивила, так как он был одет деревенской бабой, и голос вовсе не был похож на женский, однако я сказал ему, чтобы он шёл со мной... Вид, какой он имел, действительно, был жалок, он говорил, что ничего не ел с утра и что всё время находится на ногах...». Шостакович устроил Домбровского вначале у своих товарищей-студентов, затем у себя и вскоре достал ему паспорт на имя какого-то учителя географии и истории. Желая сбить полицию с истинного пути, Шоста-

кович под диктовку Домбровского написал его жене следующее письмо (без подписи):

«По поручению супруга Вашего честь имею уведомить Вас, что он, вырвавшись благополучно из рук своих мучителей в первых числах этого месяца, в настоящее время выехал уже за границу». Расчёты Домбровского и Шостаковича оправдались: письмо было, конечно, вскрыто на почте и сразу же очутилось в руках Третьего отделения. Домбровский знал, что за его голову обещано крупное вознаграждение, но был спокоен, невозмутим и только потешался над глупостью полиции. Добыв поддельный «указ об отставке» некоего полковника фон Рихтера, он однажды смело явился в канцелярию московского генерал-губернатора и ухитрился получить заграничный паспорт. Жена Домбровского в «Воспоминаниях» рассказывает о том, что Домбровский встретил в канцелярии губернатора офицера, знавшего его по Академии. Проявив огромное самообладание, Домбровский сумел благополучно выйти из крайне рискованного положения. «На счастье Ярослава этот офицер оказался славным человеком, умевшим молчать», — пишет Домбровская.

В январе 1865 г. Домбровский поселился в Петербурге, решив не уезжать из России до тех пор, пока не организует побега жены. Домбровская, жившая в Ардатове под надзором полиции, долгое время не подозревала, что муж её на свободе, и продолжала хлопотать, чтобы ей разрешили сопровождать мужа в Сибирь, на каторгу.

Наконец, ему удалось установить с ней связь и даже обменяться письмами. В мае 1865 г. его друг офицер Озеров поехал в Ардатов под видом богомольца, идущего «на поклонение в Саровскую пустынь», и там успешно организовал побег Домбровской.

Встреча супругов произошла в Петербурге. Спустя некоторое время Домбровский, совершенно случайно узнав, что петербургские аристократы с семьями непрерывно совершают паломничество в Кронштадт, куда было привезено из Ниццы тело умершего наследника престола, решил использовать это обстоятельство. Мнимый «полковник Рихтер» и его супруга в «глубоком трауре» отправились на английском торговом пароходе «поклониться телу великого князя». В кармане у них лежали заграничные

¹ *Pelagia Dąbrowska, Wspomnienia z r. 1863, «Naprzód» № 189, 1923.*

паспорта. Возвращаться в Петербург они, конечно, не собирались. Так они очутились за границей.

В августе 1865 г. Домбровский и его жена поселились в Париже, на улице Вавэн. Домбровский работал чертёжником; заработок его был невелик, и семья с трудом сводила концы с концами. Вначале он примкнул к бланкистам; но незадолго до Коммуны он сблизился с членами Интернационала, среди которых было немало и поляков. Хотя Домбровский был далёк от марксистского понимания пролетарской революции, на деле он верно и искренно служил ей. Он верил, что сбывается его мечта о «всемирной республике», и потому интернациональная борьба рабочих за её осуществление приобретала в его глазах особое значение.

В то же время Домбровский играл видную роль среди демократической части польской эмиграции и сотрудничал в органе демократов «*Nierpodległość*» («Независимость»).

В эти годы Домбровский написал работу, посвящённую анализу австро-прусской войны 1866 г. («*Krytyczny rys wojny 1866 r. w Niemczech i we Włoszech*» — «Критический очерк войны немцев и итальянцев в 1866 г.», Женева 1868). В этой работе он отмечал высокое значение игольчатого оружия, дающего несомненный перевес правительственным войскам над повстанцами; автор, однако, предостерегал читателя против переоценки значения техники, ружейного огня. По мнению Домбровского, в сражении огромную роль играет моральное превосходство повстанческой армии, беззаветная храбрость бойцов и командиров, которые в сочетании со смелой штыковой атакой решают исход боя. Домбровский был твёрдо убеждён, что во время войны (особенно революционной) самое важное вырвать у противника инициативу, ошеломить ударом, воспользоваться временной слабостью и разгромить врага раньше, чем он успеет опомниться. Эта идея Домбровского была положена в основу его стратегического плана вооружённого захвата Варшавской цитадели в 1862 г., крепости Модлин и русского лагеря. «Целью войны,— писал Я. Домбровский в своей книге,— является уничтожение нравственных и материальных сил противника, средством к осуществлению этой цели является бой. Однако же сама битва никогда не даёт полного решающего преобладания победителю. В момент, когда битва склоняется в ту или другую сторону, перевес победителей является ещё более нравственным, чем

материальным. Именно быстрым и немедленным преследованием разбитого врага выдающиеся полководцы полностью уничтожали армии противника, а вместе с тем и возможность сопротивления со стороны побеждённого...»

Очень любопытно отметить, что ряд выводов Домбровского, относящихся к роли техники в исходе баррикадного боя, обнаруживает очень большое сходство с мыслями К. Маркса, изложенными в его работе «Классовая борьба во Франции»¹.

Эта работа была не единственной научной работой Домбровского. Ещё в 1866 г. Домбровский написал основательный труд, посвящённый гражданской войне в Америке; он доказывал в этой работе, что моральное состояние воина играет решающую роль в войне и что нередко перевес обусловлен справедливым, освободительным характером войны. Работу эту не удалось издать, так как буржуазные издательства сочли её «революционной» и «явно разрушительной».

Свои политические взгляды Домбровский изложил в 1867 г. в большой статье. Развивая свои мысли о будущем польского народа, Домбровский писал: «Необходимо пробудить в человеке сознание прав человека и гражданина; права эти должны осуществляться одинаково для всех людей без исключения, независимо от их расы. Польский народ должен отказаться от традиционных расчётов на помощь Австрии, Турции и других держав и, наоборот, надеяться исключительно на поддержку угнетённых народов».

Французское правительство сильно тревожило присутствие в Париже польских эмигрантов, особенно таких, как Домбровский и Врублевский, не скрывавших своих симпатий к французскому революционному движению. Их положение в Париже особенно осложнилось после неудачного покушения поляка Березовского на жизнь Александра II, посетившего в 1867 г. Всемирную парижскую выставку. Руководители парижской полиции, пресмыкавшиеся перед русским правительством, всячески старались заслужить его «благоволение» и прощение. Они усилили преследования левых польских эмигрантов и совершили налёт на квартиру Домбровского, обвинив его в соучастии

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 104—106.

с Березовским. Домбровскому сильно повредило то обстоятельство, что он поддерживал связь с польскими революционерами и помогал им нелегально пробираться в Россию. Одним из видов такой помощи было снабжение их фальшивыми русскими паспортами через лондонских эмигрантов. Домбровский заказал одной литографии по присланному им образцу 200 русских паспортов. Этим обстоятельством воспользовалась французская полиция, чтобы очернить Домбровского и его брата Теофиля (который также жил в это время в Париже). Полиция давно искала случая впутать их в какое-нибудь уголовное дело, и вот среди эмигрантов был пущен слух, что «братья Домбровские — фальшивомонетчики». Парижские полицейские изобретали всевозможные уловки, чтобы «уличить» Домбровского. Так, подставное лицо, изображавшее собою Ярослава Домбровского, вручило одному сильно нуждавшемуся старику-эмигранту в качестве «пособия» 50-рублёвый кредитный билет. Когда старик стал менять этот билет, он оказался фальшивым. Очутившись в полицейском участке, старик на вопрос, кто дал ему деньги, ответил, ничего не подозревая: «Ярослав Домбровский». Вся эта история, заранее подготовленная полицией, оказалась достаточным основанием для ареста Домбровского.

И несмотря на то, что из Петербурга в Париж летели секретные депеши с настойчивыми просьбами — добиться осуждения Домбровского и высылки его в Россию, Домбровского пришлось всё-таки выпустить за отсутствием достаточных улик. Однако и после этого французская полиция не оставляла своих планов в отношении Домбровского.

На этот раз было решено прибегнуть к услугам провокатора Хильке. Этот ловкий субъект сумел вкратце в доверие Домбровского до такой степени, что тот поручил ему такое ответственное задание, как поездка в Лондон за паспортами. Хильке приступил к делу очень умело. Он написал из Лондона письмо Домбровскому, которое было так искусно составлено, что, оставляя в тени самого Хильке, компрометировало Домбровского. На основании этого письма полиция немедленно арестовала обоих Домбровских (Ярослава и Теофиля). После продолжительного одиночного заключения Теофиля внезапно освободили, хотя он попрежнему не знал, что послужило причиной его ареста. Вскоре после этого он получил письмо от Хильке (которому попрежнему доверял). Хильке сообщал, что будет

в Париже проездом, и приглашал Теофиля на вокзал (Северный), чтобы передать ему важный пакет для брата. В назначенный час Хильке вышел из поезда и передал запечатанный пакет Теофилю, предупредив его шёпотом, что «за ним следят». На обратном пути Теофиль шёл пешком. Внезапно его окружили полицейские агенты и, задержав, привели к следователю Бернье, который совсем недавно приказал его освободить. Резким движением Бернье вскрыл пакет, найденный при Теофиле, и оттуда посыпались... новенькие пачки фальшивых русских рублей!

— Наконец-то вы изобличены! — торжествуя, заявил Бернье недоумевающему Теофилю.

Хильке был щедро вознаграждён за эту удавшуюся провокацию.

На суде защитник Домбровских Руссель в блестящей речи вскрыл перед парижскими присяжными всю политическую подоплёку этого дела и пригвоздил к позорному столбу руководителей французской полиции и следователя Бернье, людей, не гнушавшихся никакими грязными средствами, лишь бы погубить ненавистных им польских революционеров-эмигрантов. Впечатление, произведённое речью и обнаружившимися на суде фактами, было колоссальным. Присяжные ответили на все пункты опросного листа: «Нет, не виновен». Ярослав и Теофиль Домбровские были оправданы и выпущены на свободу.

В это время французский народ переживал тяжёлые дни. Франко-прусская война привела к катастрофе — капитуляции армии под Седаном (2 сентября 1870 г.). Новое правительство Национальной обороны, возникшее в результате революции 4 сентября и состоявшее отчасти из монархических либералов, отчасти из буржуазных республиканцев, во главе которых стоял реакционер Трошю, считало оборону безнадёжной. 18 сентября прусская армия начала осаду Парижа. Несмотря на частичные победы новых, наспех созданных в провинции армий (луарской и других), они все были порознь разгромлены пруссаками. Немалую роль в этом сыграло предательство монархических генералов. Военное командование проявляло позорную пассивность, особенно Трошю, который на всех перекрёстках кричал, что будет биться до «последней крайности», а в интимных беседах (как потом выяснилось) признавался, что даже и не собирается защищать Париж.

Париж бурлил и клокотал. 200 батальонов Национальной гвардии, регулярные войска, волонтёрские части — всего около полумиллиона человек, обречённых на бездействие, с досадой и отчаянием спрашивали, отчего им не дают сразиться с врагом, находящимся где-то за городскими стенами; требовали массовой вылазки и открыто обвиняли правительство Национальной обороны в предательстве. Рабочие и ремесленники, составлявшие главную массу парижской Национальной гвардии, выступали с горячими обличительными речами в многочисленных клубах и комитетах бдительности.

Домбровский вместе со всем республиканским и социалистическим Парижем остро переживал все его горести и опасения. Его опытный взор ясно видел угрожающую Парижу опасность.

«Видя это, я не мог молчать,— писал он впоследствии польскому журналисту Воровскому,— и, взявшись за перо, принялся сочинять один меморандум за другим. Наконец, они потревожили сладкий сон военного министерства, и мне там заявили, что всё это меня, как иностранца, не имеющего права голоса, несколько не касается». Меморандум Домбровского о методах обороны Парижа содержал в себе едкую, откровенную критику мероприятий генерала Трошю. Не получив ответа в министерстве, Домбровский опубликовал часть меморандума в газете «Réveil» и выступил в клубе с докладом, назвав его «Трошю как организатор и главнокомандующий»¹. Доклад имел шумный успех.

Ещё 9 сентября, то есть спустя пять дней после свержения империи, Домбровский от имени поляков Парижа обратился к французскому народу со следующим воззванием:

«Наши ветераны польских восстаний организуются в легион для защиты Парижа. 200 или 300 юных польских волонтёров жаждут только одного — служить делу Французской республики, которое стало делом всего человечества. Пусть каждому из нас дадут по хорошему коню (их ещё есть достаточно в Париже), саблю, карабин, штук 60 патронов, хорошую карту и с полсотни франков карманных денег — и пусть позволят нам очистить окрест-

ности Парижа от неприятельских разведчиков, а затем действовать в тылу немецкой армии. Кавалерия — излюбленный род польского войска, и это у нас Пруссия заимствовала организацию своих *уланов*, которые причинили такой урон неискусным и влюблённым в свои традиции генералам. Мы верим, что дело Парижа далеко не потеряно. Теперь Франции есть за что бороться, со славой умереть или победить. Ярослав Домбровский, бывший организатор повстанческих сил национального варшавского правительства».

Однако правительство отклонило предложение польских революционеров, но разрешило им войти в состав Национальной гвардии на общих основаниях.

18 сентября на собрании 6 тысяч граждан Лиона, охваченных патриотическим подъёмом, решено было создать комитет для организации добровольческого франко-польского партизанского легиона и просить Домбровского принять над ним командование. Домбровский согласился. Но выезд из Парижа уже стал невозможным. Домбровский решил с риском для жизни пробраться сквозь линию германских аванпостов и попасть в Лион, но был задержан на французском посту и обвинён в «шпионаже в пользу немцев». С трудом добившись освобождения, он возобновил свою отчаянную попытку, но с тем же результатом. На этот раз он был брошен в тюрьму надолго: всесильный генерал Трошю отомстил ему за смелую и беспощадную критику.

Вероятно, Домбровскому долго бы пришлось просидеть в тюрьме, если бы его не спасло совершенно неожиданное обстоятельство. На имя министра Гамбетты прибыла депеша от Гарибальди¹. Содержание депешки было таково: «Гражданин! Мне нужен Ярослав Домбровский, живущий в Париже, на улице Вавэн, № 52. Если Вы можете отправить его мне в воздушном шаре, я буду Вам очень признателен. Преданный Вам Джузеппе Гарибальди». Гарибальди назначил Домбровского командиром франко-польского волонтёрского легиона в Лионе.

Положение Домбровского сразу изменилось. Он был освобождён, однако выбраться из осаждённого Парижа

¹ Впоследствии Домбровский напечатал этот доклад в виде брошюры: *J. Dombrowski, Trochu, comme organisateur et général-en-chef, Lyon 1871.*

¹ В 1870 г. Гарибальди принимал участие в франко-прусской войне как руководитель волонтёров-партизан и защищал Францию от прусской армии.

не смог. Домбровский снова стал выступать в народных клубах Парижа, где приобрёл большую популярность.

Накануне событий 22 января 1871 г. (попытки свергнуть изменническое правительство) Домбровский был назначен бланкистами в начальники генерального штаба будущего революционного правительства. Но восстание 22 января было подавлено, а несколько дней спустя возмущённые парижане узнали о заключении правительством Национальной обороны перемирия с пруссаками на самых унижительных условиях.

Опечаленный успехами торжествующей реакции, Домбровский в унынии писал своему другу (28 февраля 1871 г.): «...Что касается меня, то я подам в отставку. Я так обманут во всех своих мечтах и надеждах, так сломлен ужасной драмой целого народа, обладающего могущественными материальными ресурсами,— народа, который теперь деморализован, предан и продан кучкой мошенников и бездарных растяп...».

Не прошло и трёх недель, как перед Домбровским внезапно открылось грандиозное поле деятельности, где он мог применить свои незаурядные дарования полководца.

После революции 18 марта Домбровский, приглашённый на военный совет Центрального комитета Национальной гвардии, заявил: «Надо сегодня же вечером созвать Национальную гвардию, атаковать Версаль, взять в плен правительство и Национальное собрание, как не обладающие доверием страны, провести новые выборы в Учредительное собрание!».

Это предложение Домбровского, делающее честь его политической проницательности и уму, было поддержано только немногими бланкистами (Дювалем, Ферре и другими) и членами Интернационала.

«Вы близоруки, вы видите не дальше, чем на два шага впереди себя... Раньше или позже, а бороться вам придётся, но тогда будет уже поздно! — убеждал Домбровский членов Центрального комитета.— Если же вы сейчас нападёте на Версаль, вы будете хозяевами положения. По примеру своих монмартрских товарищей версальские солдаты откажутся в вас стрелять».

Домбровского не послушали. Как он и предвидел, Тьер, располагавший в то время всего 22½ тысячами деморализованных солдат, поспешил принять самые энер-

гичные меры. Он обратился к Бисмарку, который разрешил ему постепенно довести версальскую армию сперва до 70 тысяч, потом до 120 тысяч человек и, сочувствуя французской реакционной буржуазии в её стремлении раздавить пролетарскую революцию, вернул Тьеру французских военнопленных, множество пушек и боеприпасов.

2 апреля 1871 г. окрепшие и сильно возросшие силы версальской контрреволюции напали на революционный Париж. 30-тысячная армия сделала попытки овладеть мостом у Нейи. Орудийная стрельба с форта Мон-Валерьен вынудила трёхтысячный заслон федератов, не имевших вовсе артиллерии, отступить.

Возмущённые парижане требовали дать достойный отпор врагу. На следующий день была организована массовая вылазка во главе с молодыми революционными полководцами, генералами Эдом, Дювалем и Бержере. Национальные гвардейцы проявили изумительную доблесть и самоотверженность, но они были совершенно не подготовлены для крупных операций в открытом поле. Артиллерии у них почти не было, патронов недостаточно. И тем не менее коммунары сперва одержали ряд побед: на правом крыле они заставили конницу Галифе бежать, а левое их крыло во главе с Дювалем даже достигло деревни Виль-Кублэ, в 6 километрах юго-восточнее Версаля. Но противник располагал значительно большими силами, и коммунары потерпели поражение. Одержав победу, версальцы начали беспощадную резню. Флуранс и Дюваль были зверски убиты.

Будучи убеждённым революционером и демократом, Домбровский без колебаний встал на защиту пролетарской революции. «Когда мы приняли участие в Коммуне,— писал брат Домбровского Теофиль,— мы знали, на что идём и за что будем бороться. Нашей целью было не только отстоять народное правительство Парижа, но и добиться победы социальной революции, которая, как мне кажется, известным образом и нас касается».

2 апреля Домбровский явился в Ратушу и предложил свои услуги Кюзере (будущему военному делегату). По совету и рекомендации Авриала Домбровский был назначен начальником 12-го легиона. Спустя несколько дней его кандидатура была выдвинута на пост коменданта укрепленного района Парижа. Назначение это состоялось 6 апреля.

Однако назначение Домбровского вызвало недовольство в Национальной гвардии, в чём немалую роль сыграл Бержере (бывший комендант), обиженный смещением. Национальные гвардейцы нескольких батальонов послали в Коммуну делегацию с протестом по поводу назначения неизвестного им человека. В связи с этим Исполнительная комиссия Коммуны опубликовала воззвание «К Национальной гвардии» с краткой положительной характеристикой Домбровского, заканчивавшейся следующими словами: «...Таким образом... [он] несомненный военный и преданный солдат Всемирной республики».

Появление Домбровского на передовых позициях сразу завоевало ему любовь и доверие бойцов. Отныне он не нуждался ни в каких рекомендациях. Этот даровитый командир сумел установить между собой и национальными гвардейцами ту живую связь, которая роднит командиров и бойцов революционной армии крепче, чем кровное родство.

«7-го [апреля],— рассказывает историк Коммуны Лиссагарэ,— федералисты Нейи увидели молодого человека, небольшого роста, в скромном мундире, спокойно под выстрелами осматривавшего аванпосты»¹. А 9-го ночью с двумя батальонами Домбровский в сопровождении Вермореля напал врасплох на версальцев в Аньере, прогнал их оттуда, овладел пушками и железной дорогой, блиндированными вагонами. Версальцы в панике отступили.

Адъютант Домбровского Рожаловский так описывает события 9 апреля: «Бой, длившийся до самой ночи, начался бомбардировкой позиции врага. После того как мосты были спущены, 70-й батальон в боевом порядке двинулся вперёд. Поддерживаемый адским огнём форта Мон-Валерьен и других батарей, неприятель встретил наших солдат страшным ружейным огнём. Люди падали справа и слева. Наступил момент колебания, который мог оказаться гибельным. Тогда Домбровский с саблей в руке лично стал во главе батальона. Видя его в первых рядах, гвардейцы бросились в штыковую атаку с возгласом: «Да здравствует Коммуна!». Словно по мановению волшебного жезла умолкла артиллерийская и ружейная пальба, и началась рукопашная схватка. 70-му батальону приходилось с боем брать каждый дом... После

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 168.

полуторачасовой схватки враг отступил в беспорядке... Упавшая было духом Национальная гвардия вновь воодушевилась и исполнилась абсолютным доверием к Домбровскому... Впоследствии Домбровский стал кумиром бойцов Национальной гвардии».

Теперь весь Париж заговорил о Домбровском. Многие требовали предоставить ему самые широкие военные полномочия.

Совсем иначе относилась к Домбровскому и полякам, его соратникам по Коммуне, реакционная часть польской эмиграции—аристократы и буржуа. Желая использовать напряжённость момента, князь Чарторыйский и его приспешники стремились скомпрометировать польских революционеров-демократов, пришедших на помощь Коммуне, вселить к ним недоверие у парижан и тем самым ослабить как силы демократического польского национально-освободительного движения, так и силы революционной Коммуны. Они возводили на них тысячи клеветнических обвинений и даже утверждали, что Домбровский... вовсе не поляк! В письме председателю Версальского собрания («Об участии польских эмигрантов в восстании 18 марта») князь Чарторыйский, глава польских реакционеров, доказывал, что «за исключением, может быть, одного Домбровского, который был более русским, чем поляком, и с давних пор связан с русскими социалистами,— прочие поляки, служившие Коммуне, были чужды идеям Коммуны... это были просто «кондотьеры», военные наёмники, продавшие свои услуги Коммуне за титулы и плату».

Происки и измышления польских реакционеров получили достойный отпор в печати Коммуны. Так, в газете «Réveil du Peuple» в статье от 18 апреля 1871 г. говорилось: «В чём причина такой ненависти польской реакции к начальнику генерального штаба парижской Национальной гвардии? Причина заключается в том, что эти люди боятся, что этот человек в состоянии будет возглавить и осуществить освобождение Польши...»

Между тем версальская армия с каждым днём увеличивалась. Бисмарк «услужливо» возвращал Тьеру французских военнопленных. Этих солдат из опасения агитации тщательно изолировали в казармах от общения с внешним миром, хорошо кормили и одевали, угощали дорогими папиросами и вином. О революционном Париже им сообщали самые нелепые, клеветнические измышления.

12 апреля после интенсивной артиллерийской подготовки версальцы перешли в наступление. Против 1300 коммунаров на участке Домбровского, слабо вооружённых и почти не имевших смены, двинулся целый корпус генерала Ладмиро (левый фланг версальской армии). Каждые четыре дня версальские дивизии (до 10 тысяч штыков) заменялись свежими. Несмотря на натиск огромных сил врага, Домбровский со своими батальонами храбро продолжал держаться на завоёванных позициях. Тщетно он обращался к военному делегату Кюзере, прося о подкреплении. За всё время он получил в подкрепление только роту, затем 300 человек — и это было всё! Боясь быть отрезанным, он 17 апреля вечером решил отступить из Аньера. Часть его бойцов успела перейти Сену по понтонному мосту, часть — после разрушения моста спаслась вплавь.

Генеральное наступление версальской армии Мак-Магона продолжалось, начиная с 12 апреля, неуклонно развиваться по заранее выработанному плану. План этот состоял в следующем: на крайнем левом фланге, где был расположен 1-й корпус генерала Ладмиро, наступление велось по направлению к воротам Майо; в центре были расположены 4-й корпус генерала Дуэ и 5-й — генерала Клишана, а также резервная армия генерала Винуа; их наступление развивалось в направлении на Отей и Пасси; на крайнем правом фланге 2-й корпус генерала Сиссэ атаковал форт Исси.

19 апреля в Коммуне была получена депеша Домбровского о новом нападении линейных войск противника. «Наши передовые посты, обманутые дружескими сигналами солдат линейной пехоты, были застигнуты врасплох,— писал Домбровский.— Мне нужны подкрепления, необходимо удвоить артиллерию. Пришлите инженерную роту». В тот же день, в 4 часа 15 минут дня, Домбровский отправил вторую депешу, сообщая, что отбил вражескую атаку и пытается окружить выдвинувшуюся вперёд неприятельскую часть. «Мне нужно пять батальонов свежих войск; по крайней мере 2 тысячи человек, потому что неприятельские силы значительны»,—писал он. Однако военный делегат Кюзере отнёсся иронически к депешам Домбровского¹.

¹ См. «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 144—145.

Отношение Кюзере к выдвинутому им же Домбровскому было неискренним и двойственным. С одной стороны, Кюзере заявлял, что «за всю свою долгую практику знакомства с людьми, профессия которых быть энергичными», он мало встречал таких храбрецов, как Домбровский, который «...довёл свою энергию до крайних пределов»¹. С другой стороны, он упорно противился всем смелым, наступательным замыслам Домбровского и в самые тяжёлые минуты отказывал ему в подкреплениях.

Кюзере, военный делегат Коммуны, «жалкий авантюрист», по характеристике Маркса, честолюбивый, неспособный и нерешительный, упорно добивался звания главнокомандующего, заверяя Коммуну, что в течение 20—25 дней поставит на ноги армию и двинет её в наступление. Однако это оказалось только словами. Уже при первых своих шагах Кюзере проявил поразительную инертность и беспечность. Его нелепый декрет о мобилизации возрастов в пределах от 17 до 35 лет, исключавший, таким образом, из рядов Национальной гвардии самых ценных бойцов — ветеранов революции 1848 г., вызывал недоумение и досаду. По настоянию Коммуны он был изменён. Потерпев крушение в своих попытках стать абсолютным и бесконтрольным диктатором, Кюзере сразу потерял интерес ко всему окружающему. Ни в успешную оборону, ни тем более в успешное наступление Кюзере не верил.

Таков был человек, от которого зависела дальнейшая военно-революционная деятельность Домбровского. Здесь столкнулись две противоположности: нерешительность и кипучая, вулканическая энергия; безверие и восторженная вера в революцию. Кюзере сковывал действия Домбровского и, тормозя его малейшую инициативу, нагло лгал Коммуне, говоря, что «все упрёки Домбровского несправедливы: я давал ему подкрепления всякий раз, как он меня просил... за исключением единственного случая»².

Но даже в такой трудной обстановке Домбровский мужественно продолжал исполнять свой долг. В одной из современных Коммуне работ его так характеризовали: «Превосходный республиканец, исключительно честный и преданный делу человек, обладающий всеми необходимыми для настоящего генерала качествами, Домбровский

имеет только один огромный недостаток: избыток смелости»¹.

Своим необыкновенным бесстрашием и простотой обращения с бойцами-федератами Домбровский завоевал горячую их любовь. «Знаете, какие батальоны любят меня больше всего? — говорил он, — Те, которые я уже вёл под огонь и которые уже потеряли половину своего состава. Другая половина готова дать себя изрубить для меня и пойти за мной на край света. С ними я могу устоять против вдесятеро большего количества версальцев. В конце концов я из них, шаг за шагом, делаю солдат».

Домбровский имел полное основание гордиться любовью своих бойцов. Пролетарии Парижа отлично понимали и видели, что этот бывший дворянин, иностранец, не на словах, а на деле готов пожертвовать всем ради дела Коммуны. Были случаи, когда некоторые федераты отдавали жизнь для спасения любимого командира. Так было, по сообщению Рожаловского, 18 апреля, когда капитан Тирар, увидев, что один версальский солдат целится в Домбровского, с быстротой молнии бросился к последнему. Тирар заслонил его телом. Раненный в грудь, он скончался с возгласом: «Да здравствует Коммуна!»².

Для своего времени Домбровский был образцом революционного командира. Он умел практически воплотить в жизнь идею о революционной сознательной дисциплине. Условия, в которые был поставлен Домбровский, были крайне неблагоприятными. Одновременно с командованием в Нейи он вынужден был ещё нести обязанности коменданта Парижского укрепленного района, требовавшие непрерывных поездок из Нейи в штаб Национальной гвардии на Вандомской площади и обратно.

Тем временем положение на фронте продолжало ухудшаться. 17—19 апреля версальцы заняли замок Бэкон и Аньер, установили там батареи, но были отброшены назад. К 20 апреля 1-й корпус генерала Ладмиро окончательно овладел западным берегом Сены, от Женвилье до Сен-Клу, и в ночь на 20-е приступил к ожесточённой бомбардировке Парижа. 21-го Домбровскому удалось прорвать линию окружения. Он прочно укрепил район Нейи, Левал-

¹ C. A. Dauban, Le fond de la société sous la Commune, Paris 1873, p. 88.

² Rozalowski, Leben und Taten des gen. I. Dombrowski, Leipzig 1876, S. 94—95.

¹ Cluseret, Mémoires, v. I, p. 169.

² Ibid., p. 244.

дуа и Клиши и ожесточённо защищался со сравнительно малыми силами (4—5 тысяч человек).

Героическая оборона Нейи под командой Домбровского войдёт в историю в качестве замечательного примера революционной отваги и верности своему долгу. В течение месяца (с 11 апреля до 15 мая) доблестные коммунары по плаву с Домбровским день и ночь без передышки отбивали натиск десятикратных сил версальцев. Чтобы выбить врагов из занятых позиций, коммунарам под огнём версальской артиллерии не раз приходилось взрывать динамитом стены и, бросаясь в брешь, драться врукопашную. Паводчиков и канониров — федератов хватало всего на несколько часов, но место выбывших занимали другие смельчаки, и орудия коммунаров не молчали ни одной минуты. «Домбровский, бесстрастно державшийся под ружейным огнём, — говорит Дюбрейль, — хладнокровно смелый и как бы не замечавший опасности, попевал лично всюду, наблюдал за всем и устранял все опасности»¹.

Положение было ужасно! Сражавшиеся жили, как в аду, подвергаясь непрерывным нападениям, едва находя время заснуть... С Мон-Валерьяна и с грозного редута Монтрету на позиции коммунаров лился непрерывный дождь чугуна. Местечки Аньер и Левадлуа превратились в развалины, груды мусора, пепла и горящих построек.

Бездействие Кюзере заставило некоторых членов Коммуны поднять вопрос о нём на заседаниях Коммуны. 17 апреля Авриаль в резкой, настойчивой форме потребовал от Кюзере ответа: сколько же, наконец, у Домбровского людей и орудий? Но Кюзере, по обыкновению, отвечал уклончиво. Тогда возмущённый Делеклюз огласил сочинённую Кюзере афишу, в которой Кюзере предлагал гражданам передать ему всю полноту власти. Сообщив, что он приостановил печатание афиши, Делеклюз гневно воскликнул: «Диктаторские взгляды нам не подходят!» Он закончил речь словами: «Домбровский явился вчера в состоянии полного изнеможения и сказал мне: «У меня больше нет сил, заместите меня. Для защиты пространства от Нейи до Аньера меня оставляют с 1200 человек, и больше этого количества у меня никогда не было». Если это верно, то это акт измены»².

Кюзере протестовал против слова «измена», демонстративно пригрозил «уйти», но не ушёл, а затем произнёс в свою защиту длинную, но неубедительную речь. Он уверял, что с Домбровским в наилучших отношениях, что тот никаких претензий ему не заявлял и что у него никогда не было намерения в чём-нибудь отказывать генералу Домбровскому. Однако уже на следующем заседании, 24 апреля, Делеклюз доказал на основании списков, что Кюзере говорил неправду: у Домбровского было только 1906 человек.

25 апреля член Коммуны и ЦК Национальной гвардии Жоаннар сообщил Коммуне о своём посещении позиций в Нейи:

«Мы видели генерала Домбровского; и здесь я должен воздать честь истине и сказать, с каким поклонением гвардия относится к этому генералу. Он подлинно любим своими солдатами, они счастливы быть под его началом»¹.

Положение на фронтах, ухудшавшееся с каждым днём, настоятельно требовало максимальной централизации власти — военной и гражданской; большинство Коммуны — бланкисты и якобинцы видели выход из положения в создании Комитета общественного спасения или какого-либо другого исполнительного комитета из молодых и энергичных членов Коммуны.

В Центральном комитете Национальной гвардии царил в эти дни сильное возбуждение и сознание необходимости самых решительных мер. В секретном письме «Членам Коммуны» группа членов Центрального комитета писала, что «позиций удержать не удастся, если не будут немедленно приняты энергичные меры. Надо арестовать Кюзере, назначить Домбровского главнокомандующим, организовать из военных специалистов Военный совет под контролем комиссара Коммуны. Нужны ответственные гражданские организаторы для контроля, и всё это быстрее, быстрее, быстрее, — иначе всё пропало!»².

Незадолго до своего ареста Кюзере, чувствуя уже, что над головой его собирается буря, назначил Домбровского командующим 1-й (Западной) армией, защищавшей весь правый берег Сены (приказ от 28 апреля). 1 мая был создан Комитет общественного спасения; вслед за тем Кюзере был арестован.

¹ Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года, Спб. 1908, стр. 128.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 209.

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 247.

² «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 521.

Место военного делегата занял офицер-республиканец Россель. Однако он не разделял стремлений Коммуны к социальному переустройству общества. В отличие от Клузона Россель относился сочувственно к наступательным планам Домбровского, главной идеей которого всегда было: захват инициативы, наступление, сознательность воюющих масс, значение морального элемента войны.

В первых числах мая по инициативе Домбровского в Жантильи в штабе Врублевского (командовавшего Южно-паризской армией) состоялось совещание командиров. При поддержке Росселя Домбровский выступил с планом широкого контрнаступления, заключавшимся в следующем: путём ряда вылазок очистить от версальцев подступы к Парижу с юга; отвлечь внимание противника наступлением резервных частей на западном фронте; главными силами атаковать слабый правый фланг версальцев и в обход сильных батарей высот Медона и Шавиля захватить Версаль внезапной атакой с юга.

К сожалению, шансы на победу были в это время уже очень незначительными. Версальская армия к концу апреля имела 120 тысяч бойцов (5 корпусов и резервная армия генерала Винуа). К началу новых решительных операций версальские войска представляли собой хорошо организованную и технически оснащённую силу. Это была заново собранная армия, состоящая из кулачества, обильно насыщенная бонапартистскими офицерами. В то же время фактическая численность активных бойцов-коммунаров на обоих участках обороны (у Домбровского на западе и у Врублевского на юге) не превышала 25—30 тысяч человек.

Вследствие неналаженного транспорта фронт коммунаров всегда испытывал недостаток в снарядах и патронах, хотя на складах Парижа имелись запасы, которых хватило бы на несколько лет. Лошадей у Коммуны было очень мало. Артиллерия использовалась недостаточно: не хватало артиллерийских кадров (из 1740 пушек и митральез Коммуной было использовано всего 321). Потери коммунаров в борьбе с сильным врагом были значительны. И всё же Домбровский строил все свои расчёты на наступлении, надеясь добиться преимущества над противником. В первых числах мая он перебросил некоторые части со своего крайнего правого фланга (Аньер) к Врублевскому на южный фронт для усиления обороны Исси и явился туда

сам для руководства наступлением. Одно время Домбровский был официально назначен главнокомандующим, и, хотя это назначение по настоянию Росселя было отменено, фактическое руководство всеми военными операциями осталось в руках Домбровского.

Центром всеобщего внимания был в то время южный фронт, где полуразрушенные форты Ванв и Исси сопротивлялись с героическим упорством. С 25 апреля форт Исси подвергался непрерывному обстрелу. К началу мая форт Исси нельзя было даже считать фортом. Это были груды земли и песка, разбрасываемые во все стороны ядрами. На град снарядов шестидесяти версальских пушек отвечал какой-нибудь десяток орудий, а затем и они умолкли: артиллеристы погибали один за другим. Но на повторные требования о сдаче доблестные коммунары отвечали словами наполеоновского генерала Камбронна при Ватерлоо: «Гвардия умирает, но не сдаётся!». Нельзя без волнения читать дневник одного из защитников форта — командира Жюльена: «...7-е. Каждую минуту на нас падает до десяти снарядов. Укрепления совершенно открыты. Все пушки, за исключением двух или трёх, сбиты. Редуты версальцев почти касаются наших. Прибавилось ещё тридцать трупов... Нас окружают...»¹.

В период борьбы за Исси многие коммунары совершали чудеса храбрости. Особенно отличился Максим Лисбонн, бывший актёр, стоявший во главе объединённого полка волонтёров, составленного из «мстителей Коммуны», «тюркосов» и других. Лисбонн со своим полком находился в самых опасных местах, стойко выдерживал со своими храбрецами жестокий удар бригады генерала Роше и 2 мая вынудил дивизию генерала Фарона в районе Кламара и замка Исси отступить. И только в ночь на 5 мая при поддержке всех батарей Бельвю, Медона, Флерн, Мулино, Шатильона и других версальцам удалось взять вокзал! Падение Кламара решило участь форта Исси. Медленная агония разгромленного форта окончилась. 9-го противник, обнаружив разведкой, что форт Исси оставлен, занял его и, немедленно укрепив, направил пушки против Парижа.

В эти трагические дни военный делегат Россель не столько заботился об обороне южного фронта, сколько

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, т. II, с. 100.

был занят борьбой с Коммуной, которую считал главным виновником неудач.

Прибыв в Ратушу и узнав о падении форта Исси, Россель подал в отставку. «Предо мною два пути,— писал он в заявлении членам Совета Коммуны: — сломить препятствие, мешающее мне действовать, или удалиться. Я не сломлю препятствия, ибо это препятствие — вы и ваша слабость. Я не намерен покушаться на суверенитет общества. Я удалюсь и прошу предоставить мне камеру в тюрьме Мазас»¹. После публикации этого заявления, в котором он предательски раскрыл перед врагом слабые стороны Коммуны, Россель был арестован. Однако с помощью друзей ему удалось после ареста бежать.

Падение форта Исси, защищавшего Париж с юга, разбило всякие надежды на контрнаступление. Падение Исси, уход Росселя — всё это заставило Центральный комитет в тот же день поднять вопрос о военной диктатуре. Настойчиво выдвигалась кандидатура Домбровского, за которого стоял Моро (гражданский комиссар при военном делегате Делеклюзе). Но неоякобинiec Феликс Пиа заявил, что не считает Домбровского хорошим главнокомандующим. Домбровский — не француз, сказал Пиа. — Было бы очень печально, если бы в Париже не удалось найти для этой роли французского гражданина. Вопрос так и остался открытым...

Положение коммунаров было безвыходным. Коммуна и её новый военный делегат Делеклюз уже не в силах были мобилизовать нужное количество людей. Слишком неравными были силы сражающихся сторон!

Однако, несмотря на это, Домбровский всё же остался на своём посту до конца, как капитан, который последним покидает свой тонущий корабль. К 11 мая у Домбровского было не более 8 тысяч бойцов. Против него на восточном берегу Сены развернулся 1-й корпус Ладмиро в 30 тысяч штыков. В Булонском лесу и Биланкуре стояло 5 пехотных дивизий Клишана и Дуэ в 50 тысяч штыков и на фронте Ла-Мюэтт — ворота Сен-Клу — 84 орудия, поддержанные огнём 100 мощных орудий Мон-Валерьяна, Мон-трету, Севра и Медона. Таково было соотношение сил на участке главного удара — участке Домбровского. Такая же картина наблюдалась на южном участке Врублевского

(40 тысяч коммунаров против 50 тысяч версальцев). 13-го версальская батарея потопила одну из канонерок Коммуны, и флотилия коммунаров пришлось отойти к мосту Согласия. В ночь на 14 мая пал форт Ванв. В результате всех этих потерь положение и на южном участке фронта стало чрезвычайно тяжёлым.

Губительный огонь вражеской артиллерии на всём протяжении от Нейи до предместья Вожирар вынудил коммунаров покинуть укрепления городской стены и отойти метров на 300, чтобы укрыться от огня.

Тьер не только двинул против революционного Парижа огромную регулярную армию, но и заслал в город ещё в самом начале гражданской войны огромное количество провокаторов и шпионов. Париж буквально кишел ими. Тьер цинично заявлял: «Дождём снарядов или дождём золота — но мы возьмём Париж!», и золото Версали текло рекой. Недаром Французский банк, который был столь скуп по отношению к коммунарам, усердно снабжал деньгами версальцев. Под руководством полковника Корбэна, депутата Национального собрания Бартелеми и других реакционеров внутри Парижа организовывались контрреволюционные заговоры (некоторые из них были своевременно разоблачены, например попытка полковника Национальной гвардии Лапорта открыть версальцам Дофинские ворота и т. д.).

Особенно опасным противником казался Тьеру Домбровский. Тьер неоднократно подсылал к нему людей с поручением убить или подкупить его. Такое поручение дано было версальскому агенту Вейссе. Последний через одного из адъютантов Домбровского передал ему, что «за сдачу ворот города Версаль уплатит Домбровскому 1½ миллиона франков».

«Первоначально я решил расстрелять этого негодяя (Вейссе), — рассказывал Домбровский своему адъютанту Рожаловскому, — но затем я подумал, что было бы неплохо использовать это обстоятельство в наших целях. Я предложил Комитету общественного спасения вот что: если мне дадут 20 тысяч человек, то, притворно приняв предложение версальцев, я введу часть их в ворота Парижа, а затем окружу и уничтожу. Россель и Врублевский одобрили мой план. Комитет общественного спасения, Исполнительная комиссия Коммуны и некоторые виднейшие члены Коммуны просили меня продолжать

¹ Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871, p. 404.

переговоры с Вейссе. Я просил приставить ко мне комиссара, чтобы он контролировал мои действия»¹.

Однако замысел Домбровского не осуществился, так как не удалось собрать нужного количества людей для такой серьёзной и рискованной операции. «Вместо 20 000 собралось только 3000—4000, и вместо 500 артиллеристов только 50»².

21 мая, в день вступления версальцев в Париж, шпион Вейссе был арестован гвардейцами, а 24-го по приказу Ферре расстрелян на Новом мосту.

Видя полное крушение попыток подкупа Домбровского, Тьер и его министры несколько раз подсылали к нему убийц. Так, в один из майских дней в штаб укрепленного района Парижа явился два человека, требуя допустить их к Домбровскому лично, чтобы «сообщить ему важные военные сведения». Часовой заметил, как один из вошедших (оказавшийся жандармом) выхватил кинжал, чтобы ударить Домбровского в спину. Часовой крикнул: «Генерал!..» и пронзил штыком бедро неизвестного. Оба посетителя были схвачены, и при обыске у них были обнаружены версальские документы.

Для достижения своей цели враги попытались использовать ещё одно, последнее средство — дружеские связи Домбровского. Послушным орудием в их руках оказался личный «друг» Домбровского, польский журналист Бронислав Воловский. Заранее считая, что дело Коммуны безнадежно, он задался целью «спасти Домбровского для польского национального дела».

О встрече с Домбровским Воловский потом рассказал в своей книге:

— Какое имеет значение, хороши или плохи отдельные члены Коммуны? — говорил Домбровский Воловскому. — Ведь дело не в них, а в идее Коммуны! Мне некогда читать газеты. Но я знаю, что меня в них безжалостно ругают... Между тем ясно, что, будь я честлюбимым человеком, я предложил бы свои услуги Версалию, а не Коммуне!.. Удастся ли мне победить? Не знаю. Но у нас есть всё, что необходимо для войны... В провинции недовольство Версалем растёт с каждым днём, и, без сомнения, первый же наш большой успех вызовет во всех

городах Франции всеобщее восстание. Что касается меня, то я выполню свой долг до конца.

— Всё это прекрасно, — осторожно возразил Воловский. — Но вы погибнете, дорогой Ярослав, без всякой пользы для себя и, что ещё хуже, для нашего национального дела!

— Я не от имени Польши вступил в армию Коммуны, — возразил Домбровский. — Я вступил в неё просто как гражданин Домбровский... Я тем менее боюсь суда будущих поколений, что убеждён, что стою на пути прогресса. Настанет час, когда меня оценят... Я сражаюсь за свободу, против угнетателей, таких, как Тьер.

Выслушав предложение министра Пикара сложить с себя командование, переданное через Воловского, Домбровский ответил ему:

— Вы хорошо сделали, что отказались от посредничества. Мне пришлось бы вас арестовать, как я уже сделал с Бышинским, взявшим на себя эту недостойную роль¹.

Смущённый Воловский понял намёк и поспешил ретироваться.

12 мая Воловский опять появился в Париже. Он привёз с собой версальский пропуск на случай, если Домбровский согласится им воспользоваться и бежать. Но Домбровский вместо ответа только указал Воловскому на эфес своей сабли и сказал:

— Видите? — вот мой пропуск. Так и передайте Пикару и Тьеру. Передайте в Версале, что я никогда не воспользуюсь их пропуском, даже если у меня явится желание спасти себя.

Между тем положение на фронтах продолжало ухудшаться. Юго-западные укрепления Парижа были почти полностью разрушены ураганным артиллерийским огнём. Сказывалась усталость гвардейцев, уже много дней не получавших подкреплений. Однако и в этой обстановке Домбровскому удавалось предпринимать отдельные операции. Так, в ночь на 12 мая Домбровский во главе 128-го батальона очистил парк Саблонвиль от версальцев. Отмечая храбрость гвардейцев этого батальона, Коммуна вынесла решение: «128-й батальон заслужил признательность республики и Коммуны». Но все подобные храбрые вылазки оставались безрезультатными. Уже 16 мая воен-

¹ *Rozulowski, Leben und Taten des gen. I. Dombrowski, S. 137—138.*

² Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, приложение XIII.

¹ См. *Br. Wolowski, Dombrowski et Versailles, Geneva 1871, p. 81—92.*

ный делегат Делеклюз получил сообщение, что артиллеристы 64-го бастиона в Пуэн-дю-Жур почти все покинули посты.

Вплоть до дня вторжения версальцев (21 мая) Домбровский не покидал своего опасного поста в районе сектора Ла-Мюэтт. Лиссагарэ так описывает последние минуты обороны этого участка:

«Дождавшись некоторого затишья, мы доходим до ворот или скорее до груды развалин, которые лежат на их месте. Вокзала более не существует, туннель завален, бастионы сползли во рвы. Среди обломков копошатся люди... Монтере уже пять недель занимает эту выдвинутую вперёд позицию под ураганом снарядов. Мон-Валерьен, Курбеуа и Бэкон выбросили на неё более восьми тысяч ядер и гранат. Десяти человек достаточно для этих двенадцати пушек, и они стоят там, обнажёнными до пояса, с чёрными от пороха грудью и руками. Краон, убитый на своём посту, управлял сразу двумя семифунтовыми пушками. С фитилём в каждой руке он сразу посылал два выстрела...

Каждый шаг к Ла-Мюэтт грозит смертью. На укреплениях у ворот Ла-Мюэтт офицер машет кепи по направлению к Булонскому лесу. Пули свищут вокруг него, — это Домбровский, забавляя себя и солдат, что-то кричит версальцам, сидящим в траншеях»¹.

На рассвете 21 мая Домбровский послал Делеклюзу следующее донесение:

«Гражданин делегат!

Несмотря на все мои усилия помешать им, неприятельские траншеи всё приближаются... Часть крепостной стены от Пуэн-дю-Жур до Отейя никем не охраняется, так как посылаемые туда батальоны тотчас же возвращаются в Париж в полном расстройстве... Неприятель усиливает свои осадные работы у ворот Сен-Клу, в 100 метрах от вала. Сегодня ночью я пытался сделать вылазку, но только одной колонне, вышедшей из Нейи, удалось проникнуть в Булонский лес... Штурм города неминуем. Я получил 30 мортир, но у меня нет ни людей для их обслуживания, ни снарядов! В моём распоряжении не более 4 тысяч человек в Ла-Мюэтт, 200 в Нейи и столько же в Аньере и Сент-Уэне. Мне недостаёт артиллеристов и особенно сапёров. Положение требует громадного усиления крепост-

ных работ, которые одни смогли бы отсрочить катастрофу»¹. В ту же ночь член Коммуны Лефрансэ посетил позиции сектора Ла-Мюэтт и лично убедился в справедливости слов Домбровского. «Казематы всюду покинуты, так как невозможно дольше оставаться в них без риска быть там погребённым, — писал он в своём дневнике. — Вокруг нас всё пустынно... Траншеи неприятеля не доходят лишь на пятнадцать метров до фортификаций, и я ясно различаю лица солдат, которые даже не дают себе больше труда прятаться. Они, повидимому, осведомлены, что не подвергаются уже теперь никакой опасности... Положение весьма серьёзно»².

Вернувшись в Париж, он написал записку о виденном и передал её члену Коммуны Виару, прося немедленно отдать Делеклюзу. Однако Делеклюз не отнёсся с должным вниманием к сообщению Лефрансэ.

В невнимании Делеклюза к положению на его участке фронта Домбровский видел нечто большее, чем незнание военного дела. Он считал, что Коммуна и военный делегат ему не доверяют. До его сведения дошло, что его переговоры с Вейссе, предпринятые с ведома и одобрения Коммуны ради посрамления версальцев, стали известны и толкуются вкривь и вкось. Взволнованному, переутомлённому Домбровскому казалось, что его сторонятся, что лживые слухи о нём разрастаются и грозят запятнать клеветой его чистую репутацию.

• 21 мая версальские войска вступили в Париж.

Внезапное вторжение версальцев в Париж явилось следствием измены: 21 мая днём, в 2 часа 30 минут, на 64-м бастионе показался некий Дюкатель, мелкий служащий Коммуны. Размахивая белым платком, этот предатель крикнул версальским солдатам, сидевшим в траншеях: «Войдите, здесь никого нет!». Убедившись, что этот участок действительно никем не охранялся, версальцы тут же начали вступление в Париж через ворота Сен-Клу. 4-й корпус генерала Дуэ овладел воротами Отей. Домбровский, узнавший о вторжении врага, пытался оказать ему на площади Отей сопротивление, но был вынужден отойти к Ла-Мюэтт. В 4 часа он отправил депешу в Комитет общественного спасения. Депеша пришла только в 7 часов. Бильорэ прочёл её вслух:

¹ С. А. Dauban, Le fond de la société sous la Commune, p. 363—364.

² Гюстав Лефрансэ, Воспоминания коммунара, стр. 119.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 248.

«Домбровский в Военную комиссию и в Комитет общественного спасения.

Версальцы вступили через ворота Сен-Клу. Принимаю меры, чтобы их прогнать. Если можете прислать подкрепление, отвечаю за всё».

Но даже в эту критическую минуту к сообщению Домбровского в Коммуне отнеслись скептически и не потрудились его проверить! Ограничились запросом наблюдательного пункта Триумфальной арки (на площади Звезды), который по неизвестной причине (возможно, там сидели версальские агенты) сообщил, что «версальцев не видно». В 8 часов вечера (то есть спустя 5 часов после вступления версальцев!) по городу была расклеена афиша, отрицавшая заявление Домбровского и сообщавшая, что «это пустая паника: если версальцы и появились, то они были отбиты». Так терялось драгоценное время.

• В этот же день Домбровский был контужен и сброшен с коня на землю. • Он уже не смог сидеть на лошади и вынужден был передать командование батальоном полковнику Фавье.

Тем временем версальцы продолжали проникать в город. К 3 часам утра в Париж вошло уже 9 дивизий, через южные ворота вошло ещё 3 дивизии. Вследствие беспечности руководства Коммуны версальцы получили значительный выигрыш во времени и успели укрепиться в предместьях Пасси, Отей и части Гренель, а к утру заняли оба берега Сены. К утру 22 мая в Париж вступило около 100 тысяч версальцев. Всё было потеряно! К 2 часам утра в Комитет общественного спасения явился контуженный Домбровский и рассказал обо всём случившемся. Некоторые члены Комитета общественного спасения выразили удивление — они плохо разбирались в создавшейся обстановке. Послышались обвинения. Оскорблённый Домбровский вспылил. «Как? Комитет общественного спасения меня принимает за изменника?! — в отчаянии крикнул он. — Моя жизнь принадлежит Коммуне!» Он всё мог перенести, но только не это обидное недоверие — недоверие к нему, который полтора месяца с ничтожными силами героических федератов отважно отстаивал Париж от огромной версальской армии!

Его спешат успокоить, со всех сторон к Домбровскому протягиваются дружеские руки, товарищи уводят его обедать. После обеда он в задумчивости прошёл по залу,

затем, не говоря ни слова, пожал всем руки и ушёл. Все поняли, что он твёрдо решил бороться, не щадя своей жизни, и, если случится, погибнуть в бою.

День 23 мая Домбровский провёл на Монмартре, организуя оборону этого важного участка. Он появлялся в самых опасных местах, по своему обыкновению не обращая внимания на пули. На рассвете этого дня 1-й и 5-й версальские корпуса атаковали Монмартр. С разрешения прусского командования дивизия 1-го корпуса (генерала Монтобана), пройдя через нейтральную германскую зону, ворвалась через ворота Сент-Уэн. Между Мак-Магоном и пруссаками давно уже состоялось соглашение о совместных действиях против коммунаров. Эту опасность предвидел Маркс. «Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! — писал он в июне 1871 г. — Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке...»¹

Появление солдат Монтобана со стороны прусской зоны было большой неожиданностью для храбрых защитников Монмартра. Вскоре Монмартр был окружён.

• Близ монмартрской баррикады, на углу улиц Мирра и Пуассоньер, разыгралась последняя сцена трагедии жизни Ярослава Домбровского. Глубоко уязвлённый клеветой врагов и несправедливым недоверием некоторых членов Коммуны, он, видимо, искал смерти. Верхом на коне он, несмотря на просьбы товарищей, разъезжал на открытом месте под градом пуль. В 2 часа дня Домбровский был ранен пулей в живот и упал. «Четыре человека несли на плечах носилки со смертельно раненным Домбровским, — вспоминает свою встречу с ним волонтерка Викторина Б. — Увидав нас, они остановились. Домбровский пожал нам руки и сказал: — Не идите туда, всё кончено! Вы погибнете, и совершенно бесцельно. Я умру. Жизнь моя не играет роли, думайте только о спасении республики. — Он с трудом говорил, был утомлён. — Прощайте, друзья мои, — сказал он нам».

• Домбровского отнесли в больницу Лярибуазьер, где он два часа спустя скончался в страшных муках. •

На площади Монмартра смолкли все пушки, гремевшие безумолку двое суток: артиллеристы, канониры,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 121.

бойцы — все покинули свои посты, чтобы проститься со своим героем-вождём. Затем его тело перенесли в Ратушу. Защитники баррикад, мимо которых проходил траурный кортеж, отдавали честь.

Ночь на 24 мая. Париж горит ослепительным пламенем. Горит Тюильри, горят здания Почётного легиона, Государственного совета, Счётной палаты. Отдалённое зарево освещает фасад Ратуши. С оглушительным шумом катятся тележки и омнибусы со снарядами. Пронесут раненых, умоляющих дать им хоть каплю воды.

«В знаменитой «голубой комнате» мёртвый Домбровский лежит на постели, обитой шёлком. Домбровский в форме — в чёрном сюртуке, единственное украшение его одежды — галуны на рукавах. Свеча озаряет бледным светом его спокойное, белое, как снег, лицо, тонкий нос, небольшой рот и белокурую заострённую бородку. Два-три офицера молча сидят в тёмных углах комнаты, около кровати сидит капитан, — он быстро рисует портрет покойного...»¹

Ночью при свете факелов тело Домбровского обернули в красное знамя и повезли на кладбище Пер-Лашез. При проходе через площадь Бастилии кортеж был задержан толпой людей: это были национальные гвардейцы, защитники баррикад. Сняв с катафалка тело героя, они бережно положили его у подножия Июльской колонны. При свете пылающих факелов коммунары подходили один за другим и, прощаясь, целовали в лоб своего генерала. Барабаны били поход.

Верморель, брат Домбровского Теофиль, его офицеры и двести гвардейцев — все стояли с обнажёнными головами. Верморель произнёс пламенную речь над телом покойного.

— Вот, — воскликнул Верморель, — тот, кого обвиняли в измене! Один из первых он отдал свою жизнь за Коммуну. Что же делаем мы вместо того, чтобы подражать Домбровскому? Поклянёмся же, что уйдём отсюда лишь затем, чтобы умереть!²

Грохот пушек заглушал слова Вермореля. Многие из присутствовавших не могли сдержать слёз...

Тело Ярослава Домбровского было погребено в склеп, на кладбище Пер-Лашез.

Восемь лет спустя владельцу склепа понадобилось место, занятое гробом Домбровского, и он бесцеремонно выбросил гроб. Гроб отвезли на кладбище Иври и зарыли в бесплатной могиле. До сих пор неизвестно, где зарыты останки героя Коммуны...

Ярослав Домбровский сознательно связал свою судьбу с судьбой Коммуны 1871 г. Её трагедия была вместе с тем и его трагедией. Его неудачи в роли командующего армиями Коммуны зависели от недостатков её военной организации, от разлада среди руководителей Коммуны, и не вина Домбровского, что его разумные советы не были приняты во внимание.

Участие Домбровского и других польских демократов в Коммуне, их преданное служение её интересам свидетельствовали о том, что борьба Коммуны носила глубоко интернациональный характер.

Коммунары боролись во имя счастья всего человечества, будущих поколений трудящихся. Ярослав Домбровский жил, боролся и пал так же самоотверженно, как другие герои Коммуны.

«Память Домбровского и Врублевского, — писал Ленин, — неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и, будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих»¹.

• Имя Ярослава Домбровского навсегда осталось символом интернационализма в борьбе народов за национальное и социальное освобождение. Именно поэтому в годы борьбы прогрессивного человечества во главе с героическими народами Советского Союза против кровавого фашизма имя Домбровского с гордостью приняли некоторые отряды народных борцов. Многие историки народной демократической Польши (Злоторжицкая, Марковская, Модзелевский и другие) посвятили себя изучению жизни этого славного героя Коммуны, опубликовав ряд интересных исторических работ о жизни и деятельности Ярослава Домбровского.

¹ Lissagaray, Les huit journées de mai 1871 derrière les barricades, Bruxelles 1871, p. 76—78.

² См. Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 282—283.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

АННА ВАСИЛЬЕВНА КОРВИН-КРУКОВСКАЯ (ЖАКЛАР)

(1843—1887)

Анна Васильевна Корвин-Круковская (по мужу Жаклар) была дочерью генерала и помещика Корвин-Круковского, по матери — внучкой генерала от инфантерии Шуберта. Родилась она 6 (18) октября 1843 г.¹ Раннее детство провела в Москве, затем поселилась с семьёй в родовом имении отца Палибино, Невельского уезда, Витебской губернии. В деревне Анну Васильевну воспитывала англичанка; но девушка постоянно ссорилась с ней, скоро вышла из повиновения и, по словам её сестры (впоследствии знаменитого математика Софьи Ковалевской), росла вольным казаком, не признавая над собою никакого начала. Начитанная и развитая девушка очень томилась в этой глуши и не раз со слезами на глазах упрекала отца за то, что он держит её в деревне.

Анна с детства увлекалась чтением исторических романов. Под влиянием одного из них, проникнутого мистицизмом, юная девушка поселилась в башне и пыталась даже заниматься самоубийством. Потом она увлеклась театром, стала просить отца отпустить её учиться в театральную школу, но суровый отец не хотел об этом и слышать.

В начале шестидесятых годов в характере и настроении Анны Васильевны произошли резкие изменения.

¹ *Ив. Книжник-Ветров, А. В. Корвин-Круковская (Жаклар), М. 1931, стр. 7.*

Летом 1862 г. она познакомилась с молодым студентом естественного факультета, тайно встречалась с ним и с благоговением слушала его рассказы о Чернышевском, Добролюбова, Шелгунове, Писареве, о тайных революционных кружках. Он доставал ей «Современник», «Русское слово» и даже «Колокол» Герцена.

Анна Васильевна изменилась и наружно: стала одеваться просто, в чёрные платья; она отказалась от балов и выездов, стала обучать крестьянских ребятишек, подолгу разговаривала с деревенскими бабами. Начала выписывать и серьёзно изучать труды по естествознанию, философии и истории, а комнату свою превратила в «вивариум» для лягушек, кротов и других животных. Она потребовала у отца, чтобы он отпустил её одну в Петербург учиться, но получила решительный отказ. Внешность её была чрезвычайно привлекательна; как описывал журналист М. И. Семевский, одно время надеявшийся стать её женихом, в возрасте 19—20 лет это была «стройная прекрасная блондинка, с синими, иногда как бы зелёными, глазами и дивною волнистою косою»¹. Она вся была проникнута возвышенными идеалами жизни... «Чего-чего только она не перечитала на трёх-четырёх языках; какое близкое знакомство с историей, какая бойкость суждений в области философии и истории — и всё это проявляется в таких простых, очаровательных формах...»²

Очень рано проявились выдающиеся способности Анны Васильевны в области литературы. Первый её рассказ («Сон») описывал переживания юной швеи, дочери бедного учителя, которая на похоронах одного студента познакомилась с его товарищем, тоже студентом. Из-за предрассудков среды знакомство это быстро оборвалось. И вот девушке приснился сон, будто покойный студент жив и они живут вместе бедной, трудовой, но счастливой жизнью. Но это оказалось только сном...

Девушка сильно грустила о бесцельно проходящей молодости, заболела и умерла.

Рассказ этот Анна Васильевна послала в журнал Ф. М. Достоевского «Эпоха» под псевдонимом «Ю. О—в» (Юрий Орбелов). В письме к Достоевскому А. В. Корвин-Круковская наивно и откровенно призналась, что она

дочь помещика и генерала и что мужской псевдоним ею взят нарочно, чтобы скрыть выступление молодой девушки в печати.

Рассказ «Сон» очень понравился Достоевскому своей непосредственностью, искренностью и теплотой чувства. Он был вскоре опубликован¹. Вскоре Анна Васильевна послала Достоевскому другой рассказ, «Послушник» («Михаил»), герой которого, осиротевший сын богатого вельможи, был отдан дядей в монастырь; разочаровавшись в жизни, он заболевает, чахнет и умирает, убедившись в бессилии монахов облегчить его душевные страдания. Этот рассказ ещё более заинтересовал Достоевского, который посоветовал юной писательнице серьёзно смотреть на свои способности.

Рассказ «Михаил» был также напечатан², и автору был выслан в село Палибино гонорар. Случайно пакет с деньгами и письмом Достоевского попал в руки генерала Корвин-Круковского, отца Анны Васильевны, — и тут её тайна раскрылась. Генерал в гневе упрекнул дочь, что она получила деньги от незнакомого мужчины, как какая-нибудь наёмница, и бросил ей упрёк: «Теперь ты продаёшь свои повести, а придёт, пожалуй, время, и себя будешь продавать»³. Но Анна Васильевна наотрез отказалась бросить литературную деятельность. Лишь несколько позже под влиянием своей жены, интеллигентной женщины, генерал смягчился и, скрепя сердце, разрешил дочери писать Достоевскому и даже встретиться с ним в Петербурге (конечно, в присутствии матери и тёток); при этом он предупредил дочь, что Достоевский — «человек не нашего общества... журналист и бывший каторжник» и что с ним следует «быть очень и очень осторожным»⁴.

Познакомившись с Анной Васильевной, Достоевский сильно увлёкся ею. Начиная с февраля 1865 г., он часто посещал её в Петербурге, просиживал целые вечера, рассказывая содержание задуманных им романов, вспоминая особенно яркие и волнующие эпизоды из своей жизни (например, о переживаниях перед «расстрелом» и т. д.). Главным предметом ожесточённых споров знаменитого

¹ См. «Эпоха» № 8, 1864 г.

² См. «Эпоха» № 9, 1864 г.

³ Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», Л. май 1929, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 35.

¹ См. *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 12.

² Там же, стр. 12—13.

писателя с молодой девушкой был нигилизм. Достоевский по возвращении с каторги считал себя уже выше нигилизма. Анна Васильевна, с большим уважением относившаяся к Достоевскому и весьма ценившая, что такой великий человек беседует и спорит с ней, скромной провинциалкой, всё же упорно отстаивала свои атеистические и нигилистские взгляды.

Спустя два месяца после знакомства Ф. М. Достоевский сделал Анне Васильевне предложение стать его женой. Однако Анна Васильевна вынуждена была ему отказать. «Я не так люблю его,— признавалась она сестре Софье,— чтобы пойти за него замуж... Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем, совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нём и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить. К тому же он такой нервный, требовательный. При нём я никогда не бываю сама собою»¹.

Весной 1865 г. они расстались, но продолжали переписываться.

Время с осени 1866 г. до осени 1867 г. Анна Васильевна провела за границей.

Анна Васильевна решила серьёзно посвятить себя проблемам социализма. «Начитавшись тайком революционных брошюр,— рассказывала об Анне Васильевне подруга её сестры, польская революционерка М. В. Залесская-Мендельсон,— она намеревалась не более не менее, как ниспровергнуть старый, буржуазный строй и перевернуть вверх ногами всю Европу»².

Чтобы не быть в зависимости от отца, она решила вступить в фиктивный брак, как это часто тогда делалось. Анна Васильевна хотела выйти замуж за будущего учёного и человека передовых взглядов Владимира Онуфриевича Ковалевского. Однако он избрал своей фиктивной женой не Анну, а Софью Васильевну, которая заинтересовала его своей образованностью и талантливостью. Высоко ценил он и Анну Васильевну, которая после замужества сестры получила долгожданную возможность уехать с ними и отныне свободно располагать своей судьбой. Осенью 1868 г. Анне Васильевне с большим трудом

удалось вырваться из Палибина. 3 апреля 1869 г. все трое выехали за границу.

Ковалевский остался в Вене, сестра Софья направилась в Гейдельберг, а Анна Васильевна уехала 21 апреля в Париж. Было решено держать это в секрете от отца: письма Анны пересылались в Гейдельберг, а оттуда уже со штемпелем этого города отправлялись в Палибино, чтобы там думали, будто обе сестры живут вместе в Гейдельберге.

Но вскоре генерал Корвин-Круковский узнал, что его старшая дочь поселилась одна в Париже, и перестал высылать ей деньги на жизнь. Анна Васильевна стала испытывать большие материальные трудности. Тогда она поступила в типографию наборщицей, рассчитывая, что сможет вскоре зарабатывать не менее 120 франков в месяц.

В Париже Анна Васильевна познакомилась с выдающимися людьми литературного, учёного и политического мира. Особенно близкая дружба у неё завязалась с писательницей Андре Лео (настоящее имя — Леодиль Бера; псевдоним был ею избран по именам двух её сыновей — Андре и Лео), а также со многими другими передовыми французскими женщинами (Мари Дерэм, Нозми Реклю, Луизой Мишель). Сблизилась она и с бланкистами. «Когда я ехала во Францию,— шутливо писала Анна сестре,— я даже не подозревала, что моя мечта свергнуть буржуазный строй так близка к осуществлению». Через Андре Лео Анна Васильевна познакомилась с членом I Интернационала Б. Маленом.

Работа в типографии наборщицей, знакомство с французскими рабочими и дружба с Андре Лео и Маленом сделали А. В. Корвин-Круковскую одной из активных участниц французского революционного движения. Примерно в это время она познакомилась с Шарлем Виктором Жакларом, студентом-медиком, бланкистом и участником заговора «Кафе Ренессанс», впоследствии членом I Интернационала и сторонником Маркса. Вскоре Анна Васильевна стала его женой. Летом 1870 г. Анна Васильевна с мужем были вынуждены спешно покинуть Францию и поселиться в Швейцарии: её муж Жаклар был привлечён к суду по обвинению в заговоре против императора (процесс Блуа).

¹ Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», стр. 40; *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 22.

² *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 35.

В Женеве А. В. Корвин-Круковская-Жаклар и её муж сблизились с членами I Интернационала и особенно с деятелями его русской секции. На первых порах Анну Васильевну использовали как переводчицу, хорошо владеющую иностранными языками. «...С Натой Утиной я даже очень дружна,— писала Анна Васильевна,— до сих пор моё участие в женевском «тайном обществе» (повидимому, русской секции Интернационала) и «Центральном комитете» ограничивается переводом кое-каких брошюр Маркса по Интернационалу для приложений к номерам «Народного дела». Это я делаю из любезности к Ольге»¹.

Повидимому, в Женеве Анна Васильевна познакомилась и подружилась с супругами Бартеневыми, Виктором Ивановичем и Екатериной Григорьевной, и с Елизаветой Лукиничной Томановской (Е. Дмитриевой), членом русской секции Интернационала и будущей участницей Коммуны.

Жилось семье Жакларов в Швейцарии тяжело; чтобы обеспечить сносное существование, Виктор Жаклар с утра до вечера бегал по урокам.

Когда началась франко-прусская война, Анна Васильевна и её муж с большим вниманием следили из Женевы за судьбой парижских революционеров. «Я на днях имела известия о Малоне,— писала она.— Он был выпущен на поруки (после 3-го процесса Интернационала.— А. Л.), и кто-то внёс за него 500 франков, [но]...он не воспользовался свободой, чтобы бежать... На днях пришло другое письмо, где он пишет очень смутно и экзальтированно и говорит, что что-то готовится и затевается в Париже. Жак[лар] также ждёт с нетерпением точных известий от своих друзей о настроении умов. Желательно было бы предпринять что-нибудь в случае поражения (войск Наполеона III). Но ведь чем чёрт не шутит, может быть, они (т. е. бонапартисты) будут победителями, тогда прощай на несколько лет революция...»². Вскоре в Женеву приходят

известия о поражении французских войск. Эти известия сильно взволновали Анну Васильевну и её мужа. «Мы решили ехать туда (в Париж), несмотря на опасности,— пишет Анна Васильевна сестре 12 августа,— ещё увеличивающиеся вследствие военного положения и его, Жаклара, осуждения к ссылке... Но перед настоящими обстоятельствами нельзя оставаться в бездействии, и недостаток в людях с головами и решительностью слишком ощутителен, чтобы думать о спасении своей кожи»¹.

Информация, получаемая Жакларами из Парижа, была весьма обстоятельной, и Анна Васильевна могла совершенно объективно оценить обстановку, сложившуюся во Франции к сентябрю 1870 г.: «Условия для хорошего и прочного водворения республики очень плохи. Безденежье, поражение и неприятель на границе, а может быть, и под самым Парижем — всё это не очень благоприятствует социальному движению, без которого республика та же тирания... Но тем необходимее для республиканцев не быть в разброде и в одиночку, и каждый порядочный человек может быть теперь полезен»².

Супругов Жаклар тревожила судьба Франции; они мрачно смотрели на перспективы социального переворота в Париже, близость и неизбежность которого ясно чувствовались в письмах друзей. «...При настоящих условиях,— писала сестре А. В. Корвин-Круковская-Жаклар,— какой же шанс может остаться настоящей социальной республике? Занятая отражением неприятеля, раздираемая внутренними орлеанистскими и бонапартистскими партиями, униженная, разорённая, она принуждена была бы заниматься одною внешнею политикою, преобразоваться в воинское диктаторство и могла бы только ещё раз на практике скомпрометировать своё социальное значение»³.

Анна Васильевна и её супруг Виктор Жаклар считали, что надо предоставить реакционерам заключить постыдный мир и обратить его в орудие пропаганды против них (как оно в конечном итоге и случилось впоследствии). Точка зрения Жакларов приближалась к той постановке вопроса, которая была высказана от имени Генсовета I Интернационала К. Марксом во втором воззвании. Энгельс решительно возражал против попытки захвата

¹ *Центральный комитет* — немецкий Центральный комитет Интернационала, основанный И. Ф. Беккером. *Н. Утина-Корсини* была женой Н. И. Утина, возглавлявшего русскую секцию Интернационала в Женеве. «*Ольга*» — О. С. Зиновьева-Левашёва была одной из учредительниц русской секции Интернационала в Женеве и давала средства на издание «Народного дела» — органа русской секции. См. *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 45.

² *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 48—49.

¹ *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 49.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 51.

власти парижским пролетариатом, совершенно к этому ещё не подготовленным. «Было бы ужасно, если бы немецким армиям в виде последнего акта войны пришлось выдерживать баррикадную борьбу против парижских рабочих»¹.

Анна Васильевна и Виктор Жаклар были сторонниками Маркса. Они решительно осуждали лавиллетское выступление бланкистов (14 августа 1870 г.), называя это безрассудным делом, имеющим самые трагические последствия. Отрицательное отношение Жакларов к заговорщическим методам бланкистов явно свидетельствовало об их взглядах, близких к взглядам Маркса и Энгельса. В Женеве они были не одиноки. К друзьям и единомышленникам Жакларов в Женеве принадлежали, по выражению Анны Васильевны, «очень порядочные и милые люди»: Эдуард Вайян, Лефрансэ и один из видных деятелей Интернационала — основатель швейцарских секций Иоганн Филипп Беккер.

Известие о позорной капитуляции Наполеона III под Седаном заставило Анну Васильевну с мужем немедленно выехать в Париж. 4 сентября 1870 г. они уже были в Лионе. В Лионе произошли революционные выступления, в результате которых была провозглашена Лионская Коммуна. Жаклар принял активное участие в лионских событиях и пользовался большим доверием лионских рабочих. С рабочей средой Лиона он был связан через Альбера Ришара, бакуниста и члена Интернационала. 8 сентября Жаклар был избран одним из 10 комиссаров — «посредников между народом Лиона и лионским Комитетом общественного спасения» (настроенным бакунистски). Он же был делегирован в числе «трёх комиссаров» (Жаклар, А. Ришар и Андриэ) в Париж, чтобы доложить правительству Национальной обороны пожелания народа Лиона, — но в Лион обратно он уже не вернулся: Лионская Коммуна пала.

Что касается Анны Васильевны, то она сперва не хотела уезжать из Лиона. Но затем решила идти в Париж пешком. Преодолевая большие трудности, она добралась, наконец, до осаждённой столицы.

К началу осады Парижа Жаклар был членом ЦК 20 округов и одним из четырёх представителей округа Монмартра. Там же он был впоследствии выдвинут кандида-

том в члены Коммуны. На Монмартре в женском комитете бдительности работала и Анна Васильевна. Одновременно Жаклар был избран командиром 158-го батальона Национальной гвардии — одного из тех, которые поддерживали после 4 сентября требование создания Коммуны.

Будучи командиром батальона, Жаклар часто вступал в конфликты с реакционными генералами французской республиканской армии. По поводу реакционной выходки генерала Тамизье, который в пику Жаклару освободил двух пьяных офицеров, пытавшихся взбунтовать батальон последнего, Жаклар обратился к своим солдатам с письмом, помещённым в газете «La Patrie en danger» (12 октября 1870 г.), заявляя: «Итак, власть, исходящая не знаю откуда, растоптала ту власть, которою меня облекли вы; произвол объявил себя выше вашего голосования. Такое положение для меня *невыносимо*, и потому я подаю в отставку не генералу, а батальону, который меня избрал. Я думал дальше быть во главе всех вас, сражаясь одновременно против пруссаков внешних и внутренних. *С грустью* оставляю я эту надежду... Реакция подымает голову... Республиканцы, будьте осторожны! Прощайте, дорогие товарищи...»¹.

Однако после восстания 31 октября, в котором Жаклар принимал активное участие, его отставили от должности командира батальона. 4 ноября Жаклар был арестован, и хотя никаких серьёзно обоснованных обвинений ему не было предъявлено, его продержали в тюрьме вплоть до января 1871 г. (несмотря на то, что он был в это время заочно избран помощником мэра XVIII округа Парижа). И сразу же снова предали за участие в восстании 31 октября военному суду, который оправдал Жаклара. В этом оправдании сыграла, очевидно, немалую роль популярность его среди французских рабочих. Кандидатура Жаклара была выставлена на выборах в Национальное собрание; 8 февраля 1871 г. Жаклар получил очень большое количество голосов — 60 тысяч (больше, чем Бланки!).

Во время Коммуны Жаклар сыграл весьма значительную роль. Уже 18 марта он «сражался во главе батальонов Монмартра, командование которыми было [ему]

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 399—400.

¹ С. Штрайх, Русская нигилистка в Парижской Коммуне, М. 1935, стр. 32; Ив. Книжник-Ветров, А. В. Корвин-Круковская, стр. 58—59.

доверено ЦК»¹. Повидимому, Жаклар был членом ЦК Национальной гвардии. Его имя упоминается в связи с арестом генерала Леконта. «Толпа солдат,— писал Лиссагарэ,—...требовала немедленной казни. Члены этого комитета [комитета бдительности XVIII округа] Ферре, Бержере, Жаклар сейчас же послали приказ командующему Шато-Руж охранять пленника. Когда этот приказ пришёл, Леконт уже вышел из Шато-Руж»² (он был отправлен на улицу Розье, где и был расстрелян).

По сообщению Луизы Мишель, вечером 18 марта Ферре и Жаклар отпустили на свободу офицеров, взятых в плен вместе с Леконтом и Клеманом Тома: «старались избегать как послаблений, так и бесполезной жестокости»³.

В тот же день, 18 марта, полковник Ланглуа, как гласит его показание на суде, видел Жаклара в комитете бдительности на шоссе Клиньянкур⁴.

Во время Коммуны Виктор Жаклар исполнял одновременно свои обязанности помощника мэра и начальника 17-го легиона. Вместе с Малоном 22 мая он руководил обороной баррикад улицы Кардинэ и улицы Леви. Он же, Жаклар, находился рядом с Делеклюзом у площади Шато д'О в момент его гибели⁵.

Анна Васильевна была предана Коммуне всей душой и оказывала на мужа решительное влияние в моменты его колебаний (в первые дни Коммуны он был ещё склонен к компромиссу с Версалем, подобно Варлену и другим, полагавшим, что это может оказаться наилучшим исходом для Коммуны). Весь апрель и большую половину мая Анна Васильевна работала вместе с Андре Лео в редакции прудонистской газеты «La Sociale» и одновременно ухаживала за ранеными в госпиталях. В этой газете глубже и серьёзней, чем в других газетах Коммуны, освещалась роль рабочего класса. Здесь же появлялись призывы Андре Лео, обращённые к трудовому крестьянству. В одном своём воззвании к крестьянам, помещённом в прудонистской газете «La Commune», Андре Лео популярно и чётко сформулировала основные требования революции

18 марта: «Земля — крестьянину, орудия труда — рабочему, работа — всем». «Не должно быть ни работы без отдыха, ни отдыха — без работы»¹.

Большое значение в жизни Парижа имели комитеты бдительности; в состав одного из них (в комитет XVIII округа) входила Анна Жаклар. 6 мая она подписалась под постановлением этого комитета об устранении сестёр-монахинь из госпиталей и тюрем и о борьбе с уличной проституцией. В газете «Cri du peuple» был опубликован призыв Анны Жаклар и других активисток комитета XVIII округа к женщинам — оказывать медицинскую помощь раненым. По показанию перед версальской следственной комиссией Барраля-де-Монто, проникшего в Париж со шпионской целью, Делеклюз поручил Анне Жаклар наблюдение за ним, что сильно стесняло его действия (повидимому, Делеклюз только подозревал де Монто, но не знал ещё о нём ничего достоверного)². 21 мая Анна Васильевна вошла в комиссию по реорганизации женского образования.

Вместе со своей сестрой Софьей, пробравшейся с мужем в Париж, чтобы уговорить Анну Васильевну покинуть революционную столицу, Анна под усиленной бомбёжкой занималась перевязкой раненых коммунаров. «Пока бомбы падали и всё новые и новые раненые приносились в больницу, девушки шёпотом обменивались воспоминаниями о своей прошлой жизни»³. 12 мая Софья Ковалевская уехала с мужем в Берлин, где до них дошло известие о падении Коммуны.

Известно и о выступлениях Анны Васильевны при Коммуне в клубах Монмартра и других (Женский клуб, клуб «Избавление», Клуб женщин-патриоток для защиты Парижа) и о работе её в Центральном комитете Союза женщин.

Активность и самоотверженность передовых женщин Парижа (в том числе и Анны Васильевны) в дни борьбы Коммуны были поистине колоссальны. Эти женщины пропагандировали идеи Интернационала, организовывали женские объединения, формировали вооружённые женские батальоны для передовых позиций и отряды санитарок,

¹ *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 72.

² *Э. Лиссагарэ*, История Коммуны 1871 года, стр. 88.

³ *Луиза Мишель*, Коммуна, стр. 76.

⁴ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 404—405.

⁵ *Vassili Sukhomline*, Deux femmes russes de la Commune, «Cahiers internationaux» № 16, 1950.

¹ *П. Л. Лавров*, Парижская Коммуна 18-го марта 1871 года, стр. 186—187.

² «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 288—292.

³ *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 76.

перевязывавших раны, переносили раненых и под вражеским огнём оказывали им посильную медицинскую помощь.

Что касается Виктора Жаклара, то до 10 мая он исполнял обязанности полковника 17-го легиона Национальной гвардии, затем был избран главным инспектором укреплений Парижа и принимал всё время энергичное участие в обороне столицы от версальской армии, вплоть до конца кровавой недели.

28 мая, когда последняя баррикада коммунаров была взята, Жаклар вбежал в дом № 283 на бульваре Вольтер, где лежал раненый Верморель, переоделся в штатское и благодаря консьержке, выдавшей его за родственника, спасся. Но вскоре он был опознан на улице и арестован. Ему было предъявлено обвинение в руководстве событиями 18 марта на Монмартре и в расстреле генералов Клемана Тома и Леконта. По рассказу журналиста Громье, сидевшего с ним в тюрьме Оранжери, Жаклара и некоторых его товарищей, раздев и привязав к столбу, били прутьями, служившими для прочистки ружей, причём Жаклар более других испытал действие этой позорной жестокости¹.

В. О. Ковалевский, узнав об аресте Жаклара и выяснив в Версале, что ему угрожает в лучшем случае ссылка в Новую Каледонию, поспешил прежде всего помочь Анне Васильевне скрыться из Парижа, так как полиция искала её. Многие деятельницы Коммуны уже были арестованы.

Единственной надеждой на спасение Жаклара было обратиться к отцу Анны и Софьи, старику-генералу Корвин-Круковскому, вызвать его в Париж, умолять о прощении и помощи — ходатайстве перед версальским правительством. Генерал Корвин-Круковский, встречавшийся когда-то с Тьером на минеральных водах, согласился помочь. Он приехал с женой в Париж и обратился к Тьеру. Тот категорически отказал, но как бы вскользь обмолвился словами, что пленных, в том числе Жаклара, на другой день переводят в другую тюрьму. Существует версия, будто Анна Васильевна воспользовалась этим сообщением и, затесавшись в толпу, сопровождавшую арестованных, сумела незаметно увести мужа. Это мало правдоподобно,

¹ М. А. Gromier, *La Commune. Journal d'un vaincu*, Paris 1892, p. 209.

так как побег, очевидно, произошёл не на другой день (т. е. в июле), а позже, в октябре; кроме того, вряд ли сама Анна Васильевна могла это осуществить, так как, по всем данным, она была совершенно разбита и расслаблена. Но, очевидно, генерал всё-таки сумел как-то сговориться с Тьером и получить косвенное его согласие, а также подкупить кое-кого из мелких служащих. «В прошлое воскресенье (это было 7 октября) мужу Анюты, — писал брату 9 октября 1871 г. В. О. Ковалевский, — удалось бежать из тюрьмы из Версаля, мы его быстро снарядили и выпроводили вон, а затем и сами уехали»¹.

Итак, Жаклар вырвался на волю и очутился в Берне. Об этом уже в ноябре 1871 г. Анна Васильевна сообщала В. О. Ковалевскому, жалуюсь, что Виктору (её мужу) пришлось уехать в чужом пальто, которое надо было отослать обратно, и что он зябнет в одном сюртуке. Жаклар принялся там за занятия, закупил медицинских учебников. Оба они стали искать средства к существованию — уроков и переводов. Анна Васильевна перевела Бокля «Историю цивилизации в Англии», но с получением платных переводов ей не везло. В это время она получила письмо от К. Маркса, который просил Анну Васильевну выслать французский перевод «Капитала», чтобы слить с другим, заказанным Руа переводом, которым Маркс был недоволен². Однако никаких подтверждений работы Анны Васильевны над переводом «Капитала» обнаружить не удалось.

Есть основание полагать, что в этот период времени Анна Васильевна Жаклар-Корвин-Круковская подготовила русский перевод гениального труда К. Маркса («Гражданская война во Франции»), вышедшего в 1871 г. в Женеве и ставшего достоянием революционного подполья России. Об этом предупреждала Третье отделение его варшавская агентура, которая 5 апреля 1872 г. сообщила в Петербург, что «в Варшаву вскоре имеет быть прислана из-за границы для тайного распространения между молодёжью брошюра под названием «Гражданская война» Карла Маркса, переведённая с немецкого языка на русский и польский языки и напечатанная в Цюрихе...».

¹ *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 84—85.

² См. «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.», Спб 1908, стр. 141.

18 марта 1873 г. у Анны Васильевны родился сын. Спустя год Жаклары с ребёнком покинули Швейцарию и вернулись в Россию.

Обстановка в самодержавной России была весьма неблагоприятной для бывших участников Коммуны.

Правящие круги России заняли по отношению к ним резко враждебную позицию.

Главной задачей Третьего отделения после подавления Коммуны было не допустить проникновения коммунистических идей из Франции в Россию. В 1872 г. было разрешено уничтожение «вредных книг» без судебного преследования. Цензура в России жестоко обрушилась даже на самые невинные книги, так или иначе описывавшие Коммуну в сочувственном тоне. Пострадали книги, посвящённые истории Коммуны 1871 г.: Ланжале и Коррье, Лиссагарэ, Е. И. Утина, А. Арну, «Коммуна» Л. Мишель и другие.

Особенно ликовала и усердствовала по поводу трагедии Коммуны реакционная печать: «Сокрушать, раздробить, уничтожить!» — вопил Катков на страницах «Московских ведомостей». «Московские ведомости» клеветали на коммунаров, называя их «бонапартовскими агентами», уверяя, будто всё восстание — дело рук Бисмарка, якобы стремившегося вернуть к власти Наполеона III.

Несколько иначе отнеслась к Коммуне русская либеральная печать. «Вестник Европы» не оправдывал Коммуну, но понимал и допускал её неизбежность. Коммунаров он называл «фанатиками политической и национальной свободы», но осуждал и версальское Национальное собрание за его провокационную политику. Либеральная русская печать («Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости») уверяла, что вследствие отсутствия пролетариата в России Коммуна не представляет для России «никакой опасности».

Совершенно иное отношение к Коммуне и её деятелям было у русской революционной интеллигенции. С нескрываемой болью писали о Коммуне Глеб Успенский, Салтыков-Шедрин, Некрасов.

Глеб Успенский посетил Париж в апреле — июле 1872 г. С содроганием описывал он зверства версальцев.

«...Здесь [у Пантеона] на этом самом месте версальцы в прошлом году 21 мая расстреляли 450 коммунистов, вся площадка была залита кровью, — и теперь даже кровь так

въелась в камень, что как ни отчищали её, пегие пятна видны. Я на этой площадке простоял час словно помешанный или в столбняке, ноги мои словно прилипли к тому месту, где умерло столько народа»¹.

Зверская расправа версальских «судов» приводила Успенского в ужас: когда на его глазах в две-три минуты приговорили в сущности не виновного ни в чём человека к пяти годам работ в крепости, Успенский подумал, глядя на прокурора и судей во время перерыва: «Неужели они даже и в перерывах заседания остаются такими же зверьми?»... «И что же? Один из них ругательски ругал коммунаров, а другой предложил на будущее время просто «сбрасывать им головы с плеч» — и, сколько я мог заметить, сказал это с подлинною ненавистью... Тогда я убедился, что они действительно злы и делают так, а не иначе, именно потому, что злы»².

Щедрин с гневом и омерзением упоминает о дикой вакханалии версальских реакционеров.

«Одиочалые консерваторы современной Франции... в одни сутки уничтожают более жизней, нежели сколько уничтожили их с самого начала междоусобия наиболее непреклонные из приверженцев парижской коммуны! Нет спасения от одиочалого охранителя... Нет ничего отвратительнее, как зрелище торжествующей анархии консерватизма»³.

Некрасов посвятил трагедии Коммуны следующее стихотворение:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнужданы страсти жестокие.
Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!⁴

¹ Г. И. Успенский, Полное собрание сочинений, т. IV, М. 1949, стр. 664.

² Там же, стр. 340.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Собрание сочинений, т. 3, М. 1951, стр. 505.

⁴ Н. А. Некрасов, Сочинения в трёх томах, т. 2, М. 1953, стр. 279, 506.

Революционер-народник Н. П. Гончаров, бывший студент Технологического института, выпускал в Петербурге по поводу событий Парижской Коммуны революционные листовки под общим названием «Виселица». 26 апреля 1871 г. Гончаров восклицал в одной из них: «Мировая революция уже началась... Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира — желанная, святая, побывает и в нашей мужичьей избе»¹.

В дни, когда в Париже шли последние бои, вышел последний номер листовки. «Откликнитесь, честные люди! — взволнованно писал Н. П. Гончаров, подписывавшийся «Коммунист», — откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы, умирая, он знал, что дело его возобновят и так же смело и героически поведут вперёд... Выступайте на борьбу с окружающими разбойниками... к оружию! К оружию!»²

Круги русской прогрессивной интеллигенции тепло встретили приехавших в Россию участников Коммуны. Вместе с Ковалевскими, которые тоже вернулись в Россию, Жаклары прожили в Палибино около года. Обстановка в палибинском доме изменилась за эти годы: деспотический характер отца Анны Васильевны сильно смягчился под влиянием тяжёлых испытаний; теперь он терпеливо выслушивал радикальные речи своей дочери-коммунарки и материалистические взгляды своей другой дочери — математика.

В 1875 г. старик Корвин-Круковский умер, Жаклары и Ковалевские переселились в Петербург. Жаклар, не имевший права, как иностранец, заниматься практикой врача в России, стал посещать в Петербурге педагогические курсы, готовясь к тому, чтобы сделаться преподавателем. Вскоре Жаклар стал преподавать французский язык и литературу в женской гимназии. Он даже составил для этого специальную хрестоматию французской литературы. Пытался он выступать со статьями в русской печати. Однако его попытки пресекались цензурой.

Только спустя несколько лет ему удалось поместить ряд статей в либеральных журналах «Слово» и «Дело».

¹ См. «Сборник студенческих работ Средне-Азиатского Государственного Университета имени В. И. Ленина», вып. VI, Ташкент 1954, стр. 22.

² «Литературное наследство» № 1, 1931 г., стр. 22.

Большинство из них было написано с большой живостью и остроумием. Статьи Жаклара в «Слове» были посвящены вопросам политической истории Франции. Жаклар выступал с критикой её либеральной партии, политики бонапартистов и Гамбетты, анализировал сенатские выборы, министерский кризис, рассказывал об амнистии коммунаров в 1880 г., о высылке иезуитов.

В «Деле» Жаклар давал политическую хронику в международном масштабе. В статье «Очная ставка цивилизации и варварства в Средней Азии» он изобличал империалистическую политику Англии в Афганистане (1880 г., № 2), касался восточного вопроса (1880 г., № 8), Турции, тунисской экспедиции, колонизаторской политики империализма в Тонкине и в Китае. В его статьях содержались очень яркие характеристики Гладстона, Дизраэли, Гарибальди и т. д.

Как только во Франции была объявлена амнистия коммунарам, Жаклар поспешил вернуться в Париж. Здесь он снова с головой уходит в политическую жизнь. Всё это время Анна Васильевна большей частью жила в Петербурге, в Париж она уезжала ненадолго. В Петербурге возобновились её дружеские встречи с Достоевским и его женой, сильно полюбившей Анну Васильевну. «Слова Ф. М. Достоевского о её выдающемся уме, добром сердце и высоких нравственных качествах,— вспоминала А. Г. Достоевская,— оказались вполне справедливыми»¹. Там же она писала, что в 1879 г. летом, когда она с Достоевским жила в Старой Руссе, «в Руссу приехала на сезон А. В. Жаклар-Корвин с семьёй, которую мы оба очень любили. Муж почти каждый день, возвращаясь с прогулки, заходил побеседовать с этой умной и доброй женщиной, имевшей значение в его жизни»².

И теперь, как когда-то, Достоевский и Анна Васильевна страстно спорили, на этот раз — о социализме. Достоевский в эти годы своей жизни в романах («Бесы», «Братья Карамазовы») выступал с клеветой на русскую передовую интеллигенцию. В «Речи о Пушкине» он осуждал «гордыню» революционной интеллигенции и призывал её к смирению, религиозности и отречению от борьбы. Талантливо обличая бесправие и произвол, он неизменно

звал в своих произведениях не к борьбе и протесту, а к религии, смирению и страданию.

Теперь, в 1879 г., Достоевский восклицал:

— Все наши революционеры хотят истребить Христа!.. Для них социализм выше христианства!..

— Христианство внушает человеку только идею его приниженности, социализм же повышает его чувство собственного достоинства и побуждает его на борьбу со злом мира, во имя всего человечества...— спокойно замечает Анна Васильевна.— Я всегда понимала это. Вспомните мой рассказ «Михаил»... Христианство действительно устарело и годится только для старых баб. Мир обновится социализмом.

Достоевский уходил вне себя от гнева, торжественно объявляя, что «с нигилисткой спорить бесполезно», но на завтра приходил снова...¹.

В 80-х годах Анна Васильевна жила попеременно в Париже и Петербурге. По сведениям департамента полиции, она помогала работе первой польской рабочей партии «Пролетариат», основанной в 1882 г. Людвигом Варыньским, и поддерживала вместе с Жакларом связь между Парижем и Варшавой². Всё это время она продолжала писать, однако только немногие её рассказы были опубликованы. «Записки спирита»³ были осмеянием спиритизма, как психоза или просто как шарлатанства. Другой типично народнический рассказ, «Фельдшерница»⁴, рассказывал о судьбе сельской фельдшерницы-акушерки, у которой должен был родиться «незаконный» ребёнок. Молодая женщина, окончив курсы, ушла в деревню — служить народу. Этот рассказ свидетельствовал о смелости писательницы, так как был написан тогда, когда после разгрома «Народной воли» в России свирепствовала самая чёрная реакция. Неопубликованная драма Анны Васильевны «Поперёк дороги» ярко рисует отвратительные бытовые и религиозные предрассудки крестьян-кулаков, описывает их темноту и невежество. В отличие от народников-восьмидесятников Анна Васильевна несколько не идеализировала деревенское кулачество.

¹ См. *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 98.

² См. там же, стр. 100.

³ См. «Северный вестник» № 7, 1886 г., стр. 1—68.

⁴ См. «Северный вестник» № 3, 1887 г., стр. 89—115.

¹ А. Г. Достоевская, Воспоминания, Л. 1925, стр. 95.

² Там же, стр. 242.

В декабре 1884 г. Анна Васильевна заболела тяжёлой болезнью сердца и почек; пострадало и зрение; больная не могла ни читать, ни писать. Сестра Софья Васильевна, вызванная телеграммой зимой 1885 г. из Стокгольма, где она занимала университетскую кафедру, проводила дни и ночи у её постели. Летом 1886 г. она опять приехала к Анне Васильевне, состояние которой не улучшилось. Жаклар решил увезти жену в Париж для лечения, но она была слишком слаба для поездки. Тем временем реакционные власти, встревоженные приездом бывшего коммунара, забили тревогу и поспешили выслать его из России. Не помогли никакие ссылки на тяжёлое состояние жены. Наконец, осенью 1887 г. друзья Анны Васильевны на руках внесли её в вагон поезда, шедшего в Париж. Во второй половине октября 1887 г. Анна Васильевна скончалась.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение *В.С.Алексеева-Попова*

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

РАУЛЬ РИГО

(1846—1871)

В последние годы Второй империи достаточно было зайти в библиотеку на улице Ришелье, чтобы на одной из первых скамеек слева увидеть молодого человека в пенсне, с большим открытым лбом и откинутой назад шеvelюрой, с густой взъерошенной тёмной бородкой и с постоянно игравшей на устах иронической усмешкой. Человек этот — Рауль Риго — прилежно читал «кипящие великим гневом» и «пламенными чувствами» страницы «*Rèpe Duchêne*» — газеты Эбера¹, бывшего в 1793 г. заместителем прокурора Коммуны.

Взор у Рауля Риго был пристальный, дерзко-настойчивый и иронический, голос звучный, причём Риго иногда его намеренно усиливал «для устрашения». Он был разговорчив, насмешлив, вечно в движении. В руках Риго обычно держал табакерку, имея привычку угощать каждого понюшкой табаку. Одет он был большей частью небрежно. (Впрочем, впоследствии, в дни Коммуны,

¹ Эбер, Жак Рене (1757—1794) — талантливый журналист и политический деятель Французской буржуазной революции, выступавший против политики Конвента. Эбер был одним из вождей народного движения в Париже (в сентябре 1793 г.), заставившего Конвент провозгласить террор и включить в состав Комитета общественного спасения левыхмонтаньяров. В первые годы революции он выпускал газету «*Rèpe Duchêne*», получившую благодаря хотя и грубому, но живому и образному языку особенно широкое распространение среди ремесленного и рабочего люда парижских предместий (с 1790 по 1794 г. вышло 385 номеров).

занимая высокие судебные посты, Риго стал одеваться очень опрятно, даже элегантно, и тщательно следил за своей внешностью.)

Рауль Адольф Жорж Риго (Rigault) родился 16 сентября 1846 г. Он был сыном бывшего помощника префекта гестублики 1848 г. Рауль получил отличное образование и воспитание. Он учился сперва в Бонапартовском лицее, а затем закончил версальский коллеж, по окончании которого получил степень бакалавра. Очень трудолюбивый и усидчивый, он обладал большими способностями к математике и стал изучать эту науку в лицее Людовика, куда он поступил после окончания коллежа.

Но вскоре Риго увлёкся политической деятельностью. Отец Рауля радикально расходился во взглядах с сыном (и даже публично заявил об этом после его гибели и падения Коммуны), и Рауль был принуждён покинуть родительский дом; поселившись в Латинском квартале, он сблизился с революционной молодёжью. Это были главным образом студенты-бланкисты, издававшие газеты, в которых они смело атаковали бонапартистский режим. Первые политические выступления Риго в Латинском квартале связаны с процессом бланкистской газеты «*Candidé*» («Кандид»), издававшейся студентами в период с 3 до 27 мая 1865 г. Эта газета прекратила своё существование на 8-м номере, и большинство её редакторов было предано суду «за оскорбление религии».

Риго был одним из участников международного студенческого конгресса в Льеже в 1865 г. Французская студенческая делегация выступила с решительным протестом против реакционного режима Второй империи, отсутствия политических свобод и против католической церкви — опоры реакции.

Правительство Наполеона III сурово расправилось с участниками: шесть студентов было исключено из университета; решение Академического совета от 12 декабря 1865 г. гласило, что они «предавались самым преступным эксцессам, оскорбляли французское знамя, возвеличивали красный флаг и террор... призывали к восстанию»¹.

По поводу этого решения Риго произносил гневные речи, завоевавшие ему популярность в студенческой среде.

Его полюбили: «Он такой занятный!» — обычно говорили студенты. Когда из провинции приезжал какой-нибудь новичок, его первым делом знакомили с Раулем Риго, как с одной из «достопримечательностей Парижа». Многие помнили, как Риго в последние годы империи появлялся в кафе Ренессанс на бульваре Сен-Мишель, споря с друзьями, заговаривая с незнакомыми, вызываясь глядя на полицейских.

Все эти годы Риго зарабатывал на жизнь уроками математики, хотя давали они ему ничтожную сумму. Но для общественных нужд Риго всегда умел раздобыть деньги. Если требовались средства для поддержки какой-нибудь газеты Латинского квартала, за это дело обычно брался Риго. Он отправлялся к капиталистам, увлекал их разговором и возвращался с успехом.

7 ноября 1866 г., в 11 часов вечера 20-летний Риго вместе с группой других лиц был захвачен полицией во время массового налёта и проверки посетителей в кафе Ренессанс и препровождён в тюрьму по обвинению в участии в тайном обществе. Так Раулю Риго пришлось впервые в жизни познакомиться с префектурой полиции. Скоро выяснилось, что к его задержанию нет оснований, и его выпустили. Уходя, Риго шутил:

— Не повезло, чёрт возьми! Они меня не хотели познакомиться с Мазасом!¹

Все эти годы Риго попрежнему вдохновляли мысли о 1793 г. Он принципиально называл всех знакомых и незнакомых «гражданин», «гражданка», что в дни империи звучало довольно странно, и совершенно не признавал слова «святой» (*saint*), игнорируя его в самых общеупотребительных словах (например, Сен-Мишель, Сент-Уэн и т. п.), заменяя одни ненавистные ему слова («крест», «король») другими («гильотина» и др.), так что его манера выражаться в общем выглядела весьма оригинально².

В 1868 г. Рауль Риго стал студентом медицинского факультета. Он активно участвовал во всех студенческих беспорядках и собраниях, подписывал воззвания и протесты студентов, нередко вмешивался в их столкновения с полицией.

¹ Мазас — тюрьма для политических преступников в Париже.

² См. *Ch. Prolès*, *Les hommes de la Révolution de 1871*. Raoul Rigault, p. 16—17.

Одновременно с медициной Риго специально занимался изучением полицейских нравов. Он знал в лицо всех комиссаров полиции, их повадки и привычки. В кафе он забавлял своих приятелей, смеявшихся до упаду, видя, как Риго искусно копирует полицейских и шпииков. Иногда он занимался слежкой за шпииками, хорошо изучив, где и когда они бывают и как себя ведут. У Риго всегда были пунктуально записаны в книжечке все их манёвры, день за днём. Так «надзору над молодёжью» агентов полицейского комиссара Лагранжа Риго умел противопоставить свой «контрнадзор», весьма искусный и точный, доводивший полицейских до бешенства:

«Так было однажды вечером [в кафе] у Глазера,— рассказывал Вильом,— когда два несчастных сыщика решились толкнуться туда.

В переполненной зале ни одного свободного столика.

Обоим товарищам приходится поневоле устраиваться в глубине за биллиардом.

— Эге! Они самые! — определяет их с первого же взгляда Риго. — Я их знаю.

И он поднимается со своего места, вынимает из кармана табакерку (Риго обильно нюхал табак), подходит к обоим субъектам и громко называет их по имени, предлагая им в то же время понюшку:

— Ну! Как поживает начальник? Не стесняйтесь же, возьмите одну... две, если угодно.

И смеётся, щёлкая табакеркой.

...Оба субъекта поспешно покинули свой лимонад и живо выбрались на улицу, в то время как вдогонку им несло: «Вон шпииков!»¹.

В свободные часы Риго изучал различные судебные процессы; знакомясь с каким-нибудь политическим процессом, Риго сразу охватывал все его мельчайшие детали; собирал подробности о судьях, обвиняемых, защитниках, шпииках и провокаторах. Его эрудиция в этой области была поразительной. Когда Бланки познакомился с Риго, ему кто-то сказал, что Риго не заслуживает симпатии. Но Бланки ответил: «У Риго есть подлинное призвание: он рождён, чтобы быть префектом полиции»².

Риго часто бывал в Верховном суде, посещал Зал потерянных шагов, где не раз раздавался его громкий насмешливый голос...

Но, несмотря на свои иронические и странные манеры, несмотря на кажущееся легкомысленное отношение к серьёзным вопросам, позволявшее даже друзьям называть его «взрослым Гаврошем» (то есть парижским уличным мальчишкой), — Рауль Риго был образцом непоколебимого революционера, близкого к бланкистам, атеиста и врага буржуазного общества. «Эта пламенная душа была одновременно скептической и фанатичной», — писал о нём его современник Да Коста. — Как фанатик, он должен был отбросить и отбрасывать — слишком часто с нарочитым цинизмом — всякую мысль о примирении с буржуазным обществом... Как фанатик, он в часы революции обладал мрачной энергией Сен-Жюста... Как скептик, он не мог уважать предрассудки, которые считал позорными. Всё, что его разуму, не во всех отношениях полностью просвещённому, казалось ложным или невероятным, — Риго отвергал с гневом и презрением, ожидая той минуты, когда он сможет, наконец, свободно и беспощадно с этим бороться»¹.

На народных собраниях он нападал на религию и мораль. 22 декабря 1868 г. на одном из таких собраний Риго был задержан за то, что доказывал необходимость и законность «свободных связей» между мужчиной и женщиной, высмеивал безнравственность католического духовенства, обречённого на безбрачие и преступления против морали. За это выступление Риго был приговорён к четырём месяцам тюрьмы и 200 франкам штрафа².

В суде Риго вёл себя очень вызывающе. Когда официальный защитник обратился к суду с просьбой о снисхождении к обвиняемому ввиду его молодости, Риго встал и заявил:

— Мне не нужно вашего снисхождения, господа: когда мы будем у власти, вы у нас его не получите!³

В то время как Риго вместе с Ферре и Гайяром-отцом⁴

¹ Gaston Da Costa, La Commune vécue, v. II, p. 124.

² См. Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 19.

³ Ibid., p. 20.

⁴ Гайяр, Наполеон, отец (1816—1901) — сапожник, бабувист; сражался на баррикадах в декабре 1851 г.; клубный оратор, член ЦК 20 округов. Полковник Коммуны, организатор баррикад.

¹ Максим Вильом, В дни Коммуны, стр. 174—175.

² Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 18.

сидели в тюрьме Сент-Пелажи, политические заключённые устроили демонстрацию с пением «Марсельезы» и «Карманьолы» и с возгласами: «Да здравствует республика! Да здравствует гильотина!»¹. По сообщению директора тюрьмы, манифестанты «богохульствовали, называя бога и святую деву непристойными словами». Риго, вызванный в связи с этим снова в суд, отрицал это, но согласился со словами защитника, что «не будь Риго в тюрьме — он непременно участвовал бы в мятеже». Суд приговорил всех троих — Риго, Ферре и Гайяра-отца ещё к двум месяцам тюрьмы и к 16 франкам штрафа.

Впоследствии, как редактор газеты «Democrit» («Демокрит»), Риго судился за статью «О терпимости», доказывавшую, что, придя к власти, атеисты не должны признавать никакой «терпимости». В этой статье Риго писал: «В разгар боя нельзя требовать, чтобы сражающийся сложил оружие. Нельзя требовать у партии, отстаивающей равенство и справедливость, чтобы она сложила оружие перед партией разбоя и тирании... Богатые эгоисты, вы затеяли пляску, так и платите же за музыку!.. Ловите пулю налету! Если мы не нанесём аристократии смертельный удар, она скоро поднимет свою уродливую голову. Между народом и врагами народа завязался бой не на жизнь, а на смерть, и бой этот окончится только тогда, когда та или другая сторона будет уничтожена!».

Суд приговорил Рауля Риго к трём месяцам тюрьмы и к ста франкам штрафа; выход газеты был запрещён. Попав снова в Сент-Пелажи, Риго сблизился там с левым республиканцем Анри Рошфором. Когда же Рошфор совместно с секцией I Интернационала в конце 1869 г. основал газету «Marseillaise», Риго стал сотрудником этой газеты. В ней он поместил биографии главных судей сенского трибунала империи. Эти хлёсткие статьи, написанные с большим блеском и остроумием, обратили на себя внимание республиканской партии во время её борьбы с бонапартистским режимом.

13 июля 1870 г. Риго был снова приговорён к 4 месяцам тюрьмы и 150 франкам штрафа за издание брошюры под названием: «Великий заговор, мелодрама плебисцита, во многих актах и в бесчисленном количестве картин».

¹ См. Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 20.

В промежутках между периодами тюремного заключения Риго продолжал выступать перед студентами и рабочими с политическими разоблачениями и с рассказами о своих переживаниях в тюрьме. Попрежнему в своих речах он прославлял героев французской буржуазной революции конца XVIII в. Он заявлял, что ненавидит Робеспьера, так как тот, веруя в «верховное существо», унижал революцию своими религиозными идеями. Идеалом Риго были Эбер, Анахарсис Клоотц¹ и члены Парижской Коммуны 1793 г. Однажды, когда Риго спросили, либерал ли он, он презрительно расхохотался и заявил своему собеседнику: «Я прошу вас быть со мной вежливым!»². «Марсельезу» Риго считал «слишком патриотичной и буржуазной». Он предпочитал ей песню «Ça ira!» и часто распевал её. Он знал наизусть всю историю первой французской революции. Умеренных республиканцев — Жюля Фавра, Жюля Симона — Риго смертельно ненавидел, не менее, чем министров Наполеона III. Однажды он воскликнул:

— Я бы расстрелял всех республиканцев, сидящих сейчас на левых скамьях Палаты!

— Как же это так? Ты же стоишь за запрещение смертной казни? — говорили ему.

— Да, — но только не в области политики... Вообще говоря, для законной защиты общества достаточно ограничиться заточением. Но в области политики есть только один способ помешать своим противникам приносить вред — это высшая мера наказания. Даже нужно было бы, — добавлял он с величайшим хладнокровием, — избрать более удобный способ лишения жизни: лучше всего заменить гильотину электрической батареей³.

После революции 4 сентября Риго добился назначения специальным комиссаром полиции при префекте полиции Кератри. Он постарался сразу же проникнуть в секретные архивы, где обнаружил много интересного. Так, он нашёл и передал А. Рошфору, заседавшему тогда в Ратуше в качестве члена правительства Национальной

¹ Клоотц, Анахарсис (1755—1794) — философ-просветитель, участник французской буржуазной революции XVIII в., член Конвента; требовал войны с антифранцузской коалицией и создания Всемирной республики. В 1793 г. был исключён из Якобинского клуба и казнён вместе с группой эбертистов (левых якобинцев).

² Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 28.

³ Ibid., p. 29.

обороны, секретный отчёт прежнего префекта, сообщавшего об аресте одного биржевика, который был уличён в краже 300 тысяч франков и выгнан из парижской биржи за подлоги. Ценность этого документа заключалась в том, что этот вор был братом республиканца, члена правительства Национальной обороны¹. Незадолго до крушения империи Наполеон III решил простить этого вора при условии, если брат, известный республиканец, незаметно для остальных единомышленников откажется от своей оппозиционной деятельности. Позорная сделка была действительно заключена, но республиканцы впоследствии скрыли имя этого человека, избранного депутатом уже при республике.

Всё это время Риго энергично боролся с некоторыми деятелями префектуры. Он написал новому префекту Крессону письмо с решительным протестом против его утверждения, что будто «политическая полиция уже не существует»: «Я докажу вам, господин префект,— писал Риго,— что вы дважды солгали. У меня есть реальные доказательства. На гражданских похоронах невестки гражданина Лакамбра, редактора газеты «La Patrie en danger», присутствовало три ваших агента. Один из них был отведён нами — Раулем Риго, Гастоном Да Коста, Брелье и Лебланом — в мэрию XI округа, где этот агент признался, что начальники велели ему быть на похоронах, чтобы увидеть, какие политические деятели будут присутствовать. Ясно, кажется? В другой раз, бесстыдный лжец, будьте менее неловки!»².

В период осады Парижа Риго продолжал выступать в клубах, что создало ему ещё большую известность. Он был избран в V округе командиром батальона. В конце 1870 и начале 1871 г. Риго выступал против правительства Национальной обороны, называя его членов реакционерами, «врагами атеизма» и «июльскими убийцами».

Во время восстания 31 октября Бланки назначил Риго префектом полиции. Риго пытался тогда же овладеть префектурой; но в отсутствие прежнего префекта, Э. Адама, его встретил в префектуре генеральный секретарь Пуше, который хладнокровно объяснил Риго, что только что при-

ходил другой человек, получивший за подписью Флуранса точно такое же назначение; Пуше рекомендовал Риго вернуться в Ратушу и предварительно согласовать приказ с Флурансом. Риго был ошеломлён. Он заявил угрожающим тоном, что вернётся не позже чем через час, и удалился, но за это время ситуация, как известно, изменилась, и составившие потерпели поражение. На следующий день после назначения новым префектом Крессона Риго подал в отставку, мотивируя это следующим образом:

«Гражданин префект!

6 сентября я был назначен комиссаром полиции. Так как политическая присяга была отменена лишь 7-го, я дал присягу верности республике, единой и неделимой. Сейчас я считаю функции, выполняемые мною, несовместимыми с моей присягой, и ухожу в отставку. Привет и братство! Рауль Риго»¹.

Одновременно Риго сообщил об этом письмом в редакцию газеты «La Patrie en danger»: «...Сожалею,— писал Риго,— что не могу продолжать начатого мною изучения досье архива. Однако мы уже добились некоторых результатов. Мы их используем и разоблачим предателей, которые уже при империи были более чем подозрительны»². «Journal officiel» пытался объяснить уход Риго ненужностью для республики поста комиссара, но Риго ответил на это следующим образом: «Я и не занимал в префектуре места «комиссара при кабинете префекта», а был комиссаром, специально прикомандированным к префектуре... При графе де Кератри я не занимался ни политической, ни секретами, а просто старался с гражданами Дюбо и Кобе превратить префектуру Пьетри в республиканскую префектуру. Но не думаю, что это нам полностью удалось...»³.

С этих пор он стал регулярно работать в бланкистской газете «La Patrie en danger» совместно с Тридоном, Верле, Ферре и другими. Работая в префектуре, Риго сумел найти и собрать множество документов, касающихся тайных агентов полиции. В газете «La Patrie en danger» он опубликовал список лжедемократов, которые во времена империи получали жалованье за предательские донесе-

¹ Речь идёт об Эрнесте Пикаре, министре, сделавшем брата—Артура Пикара редактором своей газеты «L'Electeur libre».

² Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 35—36.

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 33.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 34.

ния о партии, в которой состояли. Так он успел огласить имена двух десятков шпионов.

Спустя два дня после революции 18 марта Рауль Риго был назначен делегатом Центрального комитета при префектуре полиции. При этом было принято следующее решение: «Гражданину Раулю Риго, командиру батальона V легиона Национальной гвардии, поручается наблюдение за городом Парижем и за безопасностью республики. В ожидании дальнейшего организационного оформления Коммуны гражданин Риго будет находиться в распоряжении Центрального комитета»¹.

После реакционных демонстраций 21—22 марта Риго выпустил воззвание «Ко всем республиканцам», начинавшееся словами: «Граждане! Бонапартизм поднимает голову. Вчера он осмелился пройти по Парижу со своим мерзким маскарадом и попытался нарушить порядок, который народ решил сохранить... Теперь он меняет тактику и хочет вас убедить, будто вы не имеете права избрать себе муниципальный Совет (Коммуну.— А. Л.), под пустым предлогом, что созыв избирателей есть акт национального суверенитета... Нет, граждане, вы не поддавайтесь этому бонапартистскому обману! То, что озлобление реакции вам помешало голосовать, ещё более доказывает, насколько необходимо, чтобы вы исполнили этот свой гражданский долг! Все ступайте на выборы!..»². Накануне выборов Риго и прочие бланкисты расклеили афиши с горячим, настойчивым призывом: «На выборы — все, кто мыслит, все, кто видит, что только голосование всего города может положить конец кризису!»³.

Рауль Риго был избран членом Коммуны 2175 головами в VIII округе.

На одном из первых заседаний Коммуны Риго предложил избрать Бланки почётным председателем. Делекюз выступил с принципиальным возражением против этого предложения Риго, указывая, что подобное избрание — «старый монархический обычай» («моё возражение направлено не против личности старого изгнанника, — пояснил Делекюз, — но я усматриваю в «почётном председательстве» монархическое заблуждение»). Риго продолжал

настаивать, рассматривая избрание Бланки как вызов Версальскому собранию.

Другой член Комиссии общей безопасности, Курне, заявил (имея в виду, что Бланки в данный момент — пленник Версаля и как раз накануне революции, 17 марта 1871 г., был арестован в Бретну, в Южной Франции, и посажен в крепость): — По отношению к Бланки... мы должны сделать что-либо более существенное!

Председатель Беле в своей речи сказал:

— Бланки — старик, но, вдали или вблизи, он будет с нами!

Коммуна потребовала тайного голосования.

В тот же день, 29 марта, состоялись выборы членов Комиссии общей безопасности. Вместе с Ферре, Асси, Курне, Уде и Жирарденом был избран в эту Комиссию и Рауль Риго. Кроме того, он сохранил за собой также пост гражданского делегата при префектуре полиции; к нему в качестве военного делегата при префектуре присоединили Дюваля. После гибели Дюваля во время вылазки 3 апреля Риго сосредоточил в своих руках все эти полномочия.

С самого начала своей деятельности в Комиссии Рауль Риго проявил себя сторонником беспощадной и непримиримой политики революционного террора.

Главной и первостепенной задачей Комиссии общей безопасности была борьба с контрреволюцией и шпионажем и в то же время с непрерывно возрастающими военными силами Версаля, готовившимися напасть на революционный Париж. В ведении Комиссии общей безопасности была полиция; её обязанностью было обеспечение порядка и безопасности граждан столицы, забота о соблюдении нравственности на улицах Парижа, охрана республики и надзор за подозрительными в том или ином отношении лицами.

Уже на вечернем заседании Коммуны 29 марта бланкист Уде потребовал принять «энергичные меры против агентов реакции». Груссе (член ЦК Национальной гвардии) требовал роспуска версальского Национального собрания. О том же говорил Вайян (член ЦК и член I Интернационала), заявив, что «необходимо, чтобы собрание исчезло, в противном случае погибнет революция. Надо укрепить у нас революцию так, чтобы заставить реакцию напасть на неё, и тогда мы будем сильны». 4 апреля Вайян предложил, чтобы Коммуна «в ответ на убийства, совершаемые версальским правительством, вспомнила, что у

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 34.

² Ibid., p. 39.

³ Ibid., p. 40.

неё есть заложники, и объявила, что на удары она будет отвечать ударами».

На заседании Коммуны 5 апреля, после того как из письма некоего Барера стало известно о бесчеловечных, варварских преступлениях, совершаемых версальцами по отношению к коммунарам, что вызвало взрыв общего негодования,— был предложен и единодушно принят декрет об аресте и казни соответственно тройного числа заложников в ответ на казнь каждого коммунара или сторонника Коммуны. Решения Коммуны стали программой действий Комиссии общей безопасности.

Однако приведение в исполнение декрета о заложниках натолкнулось на большие препятствия: значительная часть членов Коммуны решительно протестовала вопреки требованиям Риго и Ферре против широкого применения революционного террора и карательных мер. Уже 14 апреля Коммуна вынесла постановление, возражающее против «всяких произвольных действий и посягательств на личную свободу», и этим сильно тормозила действия членов Комиссии общей безопасности.

На основании декрета о заложниках Комиссия уже в первых числах апреля арестовала около 260 человек, из которых, впрочем, до момента вторжения в Париж версальских войск ни один не был расстрелян.

В числе самых опасных врагов Коммуны Риго считал священнослужителей: «Попы — опасные пропагандисты и пользуются у населения наибольшим влиянием». Поэтому приведение в исполнение декрета о заложниках он начал с ареста католического духовенства.

Первые аресты были произведены 4 апреля, когда по мандату Рауля Риго были приведены в префектуру полиции парижский архиепископ Жорж Дарбуа и его главный викарий, аббат Лагард. Приведённый в кабинет Риго Дарбуа обратился к нему и к его помощникам с вопросом:

— Что от меня хотят, дети мои?

— Гражданин,— быстро возразил Риго,— оставьте-ка вашу вкрадчивую манеру говорить и не забывайте, что вы здесь находитесь в присутствии судей. Вот уже полторы тысячи лет, как вы всё пичкаете нас своими суевериями. Пора положить этому конец!.. Ваша профессия? — спросил Риго.

— Служитель бога.

— Где живёт ваш господин?

— Всюду.

— Запишите,— сказал Риго своему секретарю: «Гражданин заявляет, что он — слуга лица, именуемого «бог», который, по признанию обвиняемого, занимается бродяжничеством»¹.

Дарбуа надеялся, что Тьер приложит все усилия, чтобы его освободить и обменять на арестованного Бланки, как этого просила Коммуна. Аббат Лагард даже ездил в Версаль со специальным письмом Дарбуа по этому поводу. Но вышло совсем иначе. Тьер предпочёл пожертвовать архиепископом...

Риго твёрдо стоял на позиции революционного террора. С негодованием вспоминая лицемерие Тьера, оправдывавшего в письме к архиепископу Дарбуа зверское убийство Флуранса и Дюваля, Риго заявил в Коммуне:

— Я считаю, что нужно применять репрессии; мы не должны ни минуты колебаться!²

Арест священнослужителей вызвал большое недовольство среди членов Коммуны.

На одном из заседаний Верморель заявил, что целесообразно арестовать как заложников не «приходских священников, никогда не занимавшихся политикой», а более опасных врагов — друзей и родственников членов Версальского собрания, живущих в Париже. Исполнительная комиссия в свою очередь потребовала немедленно расследовать причину и число арестов, производимых Центральным комитетом и Комиссией общей безопасности, чтобы «срочно обеспечить осуществление одного из великих принципов республики — свободы»³.

Несмотря на решение применять в ответ на зверства версальцев суровые репрессии, последние Коммуной не применялись в течение целых трёх недель с момента принятия декрета о заложниках. И только 26 апреля, когда на заседании Коммуны член её Мелье сообщил о новом гнусном преступлении версальских жандармов — их жестокой расправе с разведкой 185-го батальона Национальной гвардии, в Коммуне снова послышались требования (Урбена и других) применить репрессии и расстрелять пленных, которые находятся в руках Коммуны.

¹ См. *Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault*, p. 46.

² См. «*Procès-verbaux de la Commune 1871*», т. I, p. 401.

³ *Ibid.*, p. 142.

Одни члены Коммуны требовали расстрелять парижского архиепископа Дарбуа, другие — публичного расстрела заложников — жандармов и шпионов.

Однако и теперь некоторые сторонники ложно понимаемого принципа гуманности и справедливости, ужаснувшиеся при одной мысли о революционном терроре, пытались спорить со сторонниками террора. Тридон заявил, что репрессии должны иметь законное основание: «Нужно, чтобы справедливость была на нашей стороне», — сказал он. Он решительно оспаривал право Коммуны расстреливать тройное число заложников, считая его абсолютно несправедливым. Ж. Б. Клеман напомнил, что в Версале есть достаточно пленных коммунаров — отцов семейств, до 7 с половиной тысяч! Он серьёзно предостерег Коммуну, что всех этих коммунаров там обязательно расстреляют в виде мести за казнь заложников.

Билльоре был тоже против казни жандармов: «Вы думаете, — сказал он, — Версаль дорожит своими жандармами, своими полицейскими? К жизни этих орудий он совершенно безразличен; но что ему не безразлично, так это ответить вам тотчас же убийством трёх десятков ваших людей, потому что, к несчастью, у них больше пленных, чем у вас. Если вы хотите применять репрессии, то надо бить не по жандармам и городовым, а по верхам партии». Другие члены Коммуны (Авриаль, Журд, Арну) выступали на этом заседании как защитники принципов «гуманности», «справедливости», «законности». В заключение Гамбон внёс предложение проверить самый факт убийства федератов 185-го батальона, описанный Мелье, и только после этого потребовать у Тьера выдачи офицера, который командовал расстрелом...

Так благодаря мягкотелости и прекраснодушию Коммуны дело опять кончилось ничем: «гора родила мышь», по словам известной латинской поговорки.

Всего за два месяца существования Коммуны по распоряжению Комиссии общей безопасности было произведено до 1400 арестов (причём надо иметь в виду, что две трети этого числа приходилось на дезертиров и уличных гуляк, задержанных ночью). Некоторые арестованные по подозрению в сношениях с Версалем вскоре освобождались «за отсутствием улик». Немалую работу провела комиссия по разоблачению шпионов, в большом количестве засланных в Париж Тьером.

В апреле 1871 г. в кабинете Лагранжа, начальника императорской тайной полиции, были найдены письма с просьбой денег. Почерк похож был на почерк Ларжильера. Риге немедленно подписал приказ о его задержании. Ларжильера нашли в караульном помещении при министерстве финансов. «Эмиль Жиффо сделал знак. Ларжильер поднялся. Оба вышли.

— Риге требует тебя в префектуру.

Ларжильер побледнел.

— Зачем?

— Какая-то справка.

Подошли два агента в штатском. Ларжильер понял.

— Опять клевета! — воскликнул он. — Я знаю, что у меня есть враги, которые уже пытались доказать, что я принадлежал к полиции!

Жиффо молчал... По прибытии в префектуру все четверо поднялись в кабинет Риге.

Риге сидел за своим письменным столом; перед ним лежало развёрнутое письмо Ларжильера.

— На, прочти, — сказал Риге арестованному. — Это, ведь, твой почерк...

Ларжильер не находил слов. Он был бледен, как смерть. По знаку Риге четыре гвардейца окружили его и взяли под стражу...».

Любопытно, как Риге изобличил одного из провокаторов. В начале октября 1870 г. Риге и его помощники случайно обнаружили в письменном столе, принадлежавшем бывшему имперскому префекту Лагранжу, рапорт за подписью Л. Они давно уже подозревали, что Л. был не кто иной, как их старый приятель Ла¹, который, повидимому, уже выдавал полиции многих товарищей. Но вот однажды Ла пришёл к Риге просить устроить его на работу. Воспользовавшись этим случаем, Риге пригласил его к себе и сказал дружеским тоном:

— Дорогой мой Ла, мне кажется, что твою просьбу можно удовлетворить. Но ты же знаешь, как в таких случаях полагается: надо обратиться к префекту с письменным заявлением. Присядь-ка вот тут, за мой стол, я тебе продиктую, что писать.

Ничего не подозревая, Ла под диктовку стал писать заявление, где подробно перечислял все свои заслуги в

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 35-36.

борьбе с империей... Когда он подписался, Риго сказал:

— Кстати, раз ты уже здесь, может быть, ты сможешь кое в чём помочь. Ты же знаешь, что я разыскиваю провокаторов, проваливавших нас. Мне кажется, что я обнаружил одного из них: это, верно, каналья Верльер, который шпионил специально за тобой, Прото и Бриконом.

— Меня это несколько не удивляет,— цинично ответил Ла,— разве ты не знаешь, что мы его подозревали?

Риго стал читать рапорты Ла, которые тот невозмутимо выслушал.

— К несчастью,— сказал Риго,— это только копии. Но вот подлинный автограф, забытый Лагранжем. Посмотри... по-моему, это почерк Верльера... Если только... если только это не твой, старый преступник! Ла, сражённый, вынужден был сознаться и рассказал нам, что, будучи обвинён в краже (он был позументщиком), он смог отвертеться от суда, только дав обязательство Лагранжу писать рапорты обо всех политических деятелях, с которыми встречался¹. Он был арестован.

Риго разоблачил и арестовал многих так или иначе скомпрометировавших себя членов Коммуны и Центрального комитета — Люлье, Бержере, Кюзере, Брюнеля, Асси, Эмиля Клемана, Бланше, Аликса и некоторых других.

Так, изучая досье полиции, Рауль Риго обнаружил, что Эмиль Клеман поддерживал связь и переписку с префектом полиции времён империи. Клеман был арестован в тот момент, когда, будучи членом Комиссии общей безопасности, он пытался похитить из досье компрометирующие его бумаги.

Другое очень важное разоблачение Риго сделал на заседании Коммуны 5 мая. Риго напомнил собранию, что было решено, если окажется необходимым арестовать члена Коммуны, сделать об этом специальный доклад Коммуне.

«Сегодня,— сказал Риго,— мы пригласили сюда гражданина Бланше. Нас давно уже предупредили, что это не настоящее его имя, что он выполнял свои функции и был осуждён, вследствие чего не имел права оставаться здесь [в Коммуне]. И хотя он всегда голосовал с большинством и Комитетом общей безопасности, именно поэтому я решил его не щадить». Раздались возгласы одобрения. Из

оглашённого на заседании Коммуны протокола, составленного Ферре, выяснилось, что члена Коммуны Бланше звали Пуриль (Станислав), ...что в Бресте он поступил в 1860 г. послушником в монастырь капуцинов и оставался в этой роли 8—9 месяцев. Затем он уехал в Савойю и вступил в Лароше в другой монастырь капуцинов (в 1862 г.).

Далее, Бланше (Пуриль) рассказал о своей работе в Дворце правосудия при империи; о том, что, будучи ещё в Лионе, он был осуждён на 6 дней тюрьмы за симуляцию банкротства, что он переменял своё имя, так как существует закон, что банкроты не имеют права называть в газетах и подписывать своё имя.

Несколько времени тому назад, рассказал членам Коммуны Риго, два гражданина, стоявшие у входной двери, увидели, что Бланше вышел, и сказали мне: «Знаете ли вы этого гражданина? Мы из Лиона и убеждены, что он был секретарём полиции в Лионе».

Члены Комиссии общей безопасности произвели расследование, и факты эти подтвердились. В присутствии всех членов Комиссии общей безопасности Пуриль (Бланше) признался во всём, был арестован и препровождён в Мазас. После этого сообщения председатель зачитал заявление Пуриля с просьбой исключить его из состава членов Коммуны¹.

Последним членом Коммуны, которого Риго арестовал за плохую административную работу и за неподчинение Комитету общественного спасения, был Аликс, избранный мэром VIII округа и пользовавшийся, по словам Вайяна, неплохой репутацией, как человек энергичный, но очень невыдержанный. Коммуна в отсутствие Риго постановила освободить Аликса². 12 мая на заседание Коммуны явился Риго, сообщивший, что 11 мая Аликс пришёл в мэрию и сломал печати, наложенные комиссаром Комитета общественного спасения на документы. «Это или легкомысленная проделка,— сказал Риго,— или преступление, или, как сказал доктор Рагуль, акт сумасшествия. Так или иначе, пришлось немедленно арестовать Аликса, и я прошу Коммуну это мероприятие одобрить. ...Кроме того, в муниципалитете VIII округа царит большой беспорядок: ...я не

¹ Gaston Da Costa, La Commune vécue, v. II, p. 253—255.

¹ См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 185—186.

² Ibid., p. 343—344.

требую посадить Аликса в Мазас, но в такое место, какое будет указано одним из наших товарищей-врачей»¹. Было постановлено произвести расследование.

Аресты членов Коммуны вызвали большие разногласия в её среде. 8 апреля Остин потребовал, чтобы в случае задержания какого-либо члена Коммуны последнему была бы предоставлена возможность быть заслушанным на ближайшем заседании Коммуны. Но Риго энергично против этого возражал. Этот вопрос поднимался в Коммуне неоднократно.

Оценивая работу Комиссии общей безопасности в целом, необходимо сказать, что в её деятельности было много недостатков. Комиссия общей безопасности не имела достаточного представления о шпионаже, предпринятом Тьером (подкупе, подготовке диверсий, организации заговоров и т. п.). Разведка её действовала плохо, информация о военных действиях Версаля часто отсутствовала. В рядах командного состава Национальной гвардии было немало тайных агентов Версаля, осуществлявших с успехом свои шпионские задания. Так, виконт Барраль-де-Монто, бывший морской офицер, проникший в командный состав одного легиона, упорно предлагал свои услуги Коммуне для взрыва канализационной системы столицы. Полковник Лапорт, которому была доверена охрана одних ворот Парижа, систематически уходил по ночам в Булонский лес якобы для «наблюдения за неприятелем». На самом же деле он обещал Тьеру в одну из ночей открыть ворота версальской армии. В конце апреля две армейские дивизии версальцев были направлены в окрестности Булонского леса. Тьер и маршал Мак-Магон провели целую ночь в лесу, ожидая сигнала предателя, но у него это дело сорвалось. Одной из наиболее значительных диверсий, организованных Тьером, был взрыв на улице Рапп 17 мая. Крупные заговоры организовали военные — полковник Корбон, Шарпантье, командир Национальной гвардии, и Домален, сообщавший в Версаль планы баррикад и укреплений Трокадеро, Монмартра и Пантеона.

Работа Комиссии общей безопасности неоднократно обсуждалась на заседаниях Коммуны.

Так, 23 апреля Коммуна обсуждала работу Комиссии. Многие члены Коммуны (Лефрансэ, Делеклюз и другие)

обвиняли Риго в превышении власти. По словам Арну, аресты производились Комиссией без разбора и почти всегда невольно. Было единогласно решено произвести расследование положения заключённых и причин их задержания. Коммуна признала за своими членами право посещать тюрьмы и выслушивать претензии арестованных. Риго на этом заседании отсутствовал. Явившись на заседание 24 апреля, Риго заявил:

— Вчера в моё отсутствие вы постановили, что все члены Коммуны имеют право посещать всех арестованных. ...Я прошу вас отменить вчерашнее решение, по крайней мере в отношении заключённых в одиночных камерах. Если вы будете настаивать на своём решении, я буду вынужден подать в отставку.

Ему возражал Арну:

— Из слов гражданина Риго вытекает, что одиночное заключение сохраняется. Я энергично протестую. Одиночное заключение — нечто безнравственное. Это физическая пытка... Я не понимаю, как люди, которые провели всю свою жизнь в борьбе с деспотическим режимом... эти самые люди, придя к власти, усердно повторяют те же ошибки...

— Отвечу гражданину Арну, — сказал Риго, — что война тоже безнравственна, однако мы воюем... У меня в настоящий момент содержатся три-четыре таких лица, что если бы каждый член Коммуны мог их посещать, то, признаюсь, тогда было бы совершенно бесполезно держать их в одиночном заключении. Кто не видел дела заключённого, тот может дать себя разжалобить его словами, его семейными обстоятельствами, соображениями человечности и помочь ему в сношениях с внешним миром. Встречаются очень хитрые люди; есть такие и среди моих заключённых...

Отставка Риго была принята. Уходя из Ратуши, Риго приблизился к Арну и хладнокровно заметил ему:

— Дорогой мой, лучшим днём моей жизни будет тот день, когда я вас арестую!

Многие члены Коммуны долго и упорно отстаивали принцип свободы печати. Безусловного уважения к свободе печати требовали Верморель, Лефрансэ, Урбен. Риго неоднократно выступал против свободы печати и указывал, что в обстановке ожесточённой гражданской войны свобода печати означает свободу клеветать на Коммуну. Он был сторонником самых решительных мер против бур-

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II. p. 331.

жуазной и контрреволюционной печати в Париже. Вскоре после революции 18 марта он вместе с Дювалем закрыл две бонапартистские газеты — «Figaro» («Фигаро») и «Gaulois» («Галл»). Во время своей работы в префектуре полиции Риго закрыл следующие органы буржуазной печати, выступавшие против Коммуны:

1 апреля — «L'Electeur libre» («Свободный избиратель»), 5 апреля — бонапартистские газеты «Constitutionnel» («Конституционалист»), «Paris Journal» («Парижская газета»), «Liberté» («Свобода»), «Pays» («Страна»), «Journal des Débats» («Газета дебатов»).

18 апреля Риго вновь выступил в Коммуне с указанием на то, что некоторые буржуазные газеты Парижа настолько обнаглели и распоясались, что фактически превратились в прямую агентуру врага. В доказательство он зачитал несколько выдержек из газет «Le Bien Public» («Общественное благо»), «La Cloche» («Колокол») и задал вопрос — можно ли при нынешних обстоятельствах допускать выход газет, называющих версальские войска «нашими солдатами»? Вынесено было постановление: «Так как принцип свободы печати не влечёт за собой существования в Париже газет, сочувствующих неприятельской армии, газеты «Le Bien Public», «La Cloche», «L'Opinion Nationale», «Le Soir» закрываются».

На другой же день они были закрыты. В мотивировке приказа было сказано: «...Невозможно терпеть в осаждённом Париже газеты, которые открыто проповедают гражданскую войну, сообщают неприятелю сведения военного характера и распространяют клеветнические измышления о защитниках республики»¹.

Позже был закрыт ряд других газет.

20 апреля Риго был избран делегатом от Комиссии общей безопасности в Исполнительную комиссию².

Несмотря на отставку, через несколько дней — 24-го, по предложению Делеклюза Риго вместе с Ферре были снова избраны в Комиссию общей безопасности. С поддержкой его кандидатуры выступил Делеклюз. «В том, что было сказано, — заметил Делеклюз по поводу возражений насчёт того, что члены, сложившие полномочия,

уже не могут быть переизбраны, — я не вижу достаточных мотивов к отставке гражданина Риго. Гражданин Риго молод, это — приятный недостаток»¹.

Его влияние — прямое или косвенное — на членов Коммуны было настолько сильным, что два дня спустя (26 апреля) его назначили прокурором Коммуны². Лучшего прокурора Коммуна не могла пожелать.

Риго был прекрасно осведомлён о действиях и настроениях любого ведомства Коммуны. Всюду у него были свои агенты — в министерствах военном, финансов, юстиции. Когда он стал прокурором, его вес и авторитет ещё больше возросли.

На заседаниях Коммуны Риго всегда высказывался за самые энергичные мероприятия. Так, при голосовании предложения о создании Комитета общественного спасения (заседание 1 мая 1871 г.) Риго высказался за его создание, мотивируя это так:

«Надеясь, что Комитет общественного спасения будет в 1871 г. таким, каким обычно принято считать, но ошибочно, Комитет 1793 г., я голосую за. Рауль Риго»³.

Этим Риго выявил своё критическое и отрицательное отношение к тем учреждениям первой буржуазной революции, которым неоякобинцы склонны были слепо подражать.

В роли прокурора Коммуны он вёл себя ещё решительнее, чем прежде. Он стремился быть прозорливым, предвидящим события, непоколебимым, подобно лучшим «революционерам II (1790) года». Когда на площади Вольтера была предана торжественному и демонстративному сожжению гильотина, Риго сильно возмущался, заявляя, что этот акт будет иметь большое политическое значение, ибо воодушевит реакцию.

На заседании Коммуны 17 мая в связи с сообщением Урбена, что версальцы в боях у Ванва обстреляли врачей, перевязывавших на поле битвы раненых, и убили сестру милосердия, Рауль Риго выступил с проектом декрета о создании специального суда присяжных (обвинительного жюри) из рядовых национальных гвардейцев, чтобы отомстить за это преступление и наметить заложников, подлежащих казни. В одном из параграфов этого

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 355.

² См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. I, p. 330.

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 233.

² См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. I, p. 510.

³ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 390—391.

декрета говорилось: «Суд при разборе политических дел может сразу же по установлении виновности выносить приговоры большинством голосов. Приговоры будут исполняться в 24 часа». Риго добавил: «Суд не имеет права судить заочно. Наш суд должен стать настоящим революционным трибуналом!»¹.

«Я того мнения,— сказал Риго,— что на преступление версальцев следует ответить самым энергичным образом, наказав действительно виновных, а не первых попавшихся. Однако я предпочёл бы скорее упустить виновных, чем наказать хоть одного невинного. Среди людей, которые у нас в руках, есть настоящие преступники, которые более опасны, чем остальные заложники... Таков, например, жандарм или полицейский агент. Если он предстанет перед судом и станет отрицать свою виновность, всегда можно вызвать свидетелей, и этот человек может быть обвинён менее чем в 24 часа. Но есть люди, вина которых гораздо значительнее... Одинаково виновны, по-моему, и сторонники Версаля и сообщники Бонапарта. Заметьте, что я не отношу к политическим преступлениям выкрики «Да здравствует Версаль!», Да здравствует император!»².

19 мая суд присяжных собрался на первое своё заседание во Дворце правосудия. После вступительной речи Рауля Риго начался допрос обвиняемых, главным образом жандармов, полицейских и парижских гвардейцев (*gardes de Paris*), арестованных во время революции 18 марта. Те пытались защищаться, ссылаясь на то, что они — солдаты и подчинялись дисциплине. «Вы знаете,— сказал один из обвиняемых,— что у солдат нет собственной воли... Мы не стреляли в народ, мы братались с национальными гвардейцами Монмартра, которым мы сдались в плен. Мы пили вместе с ними, и они — с нами»³. На это Риго, прокурор Коммуны, возразил:

— Я не считаю, что парижские гвардейцы то же самое, что солдаты. Известно, как мы обращаемся с солдатами, если они приходят к нам. Но вы сдались в плен, потому что у вас иного выхода не было... Весь вопрос в

том — можно ли вас считать заложниками или нет? Здесь достаточно одного слова, чтобы вас признать виновными. Вы сами сказали, что вступили в гвардию, потому что это было выгоднее. А вы хорошо знали, какие приказы будут вам давать, какую работу вы будете получать в Парижской гвардии, куда вы поступили из-за нескольких лишних су...

После этого суд постановил считать этих людей заложниками. То же было решено в отношении полицейских и жандармов.

К инциденту с демонстративным уходом «меньшинства» Коммуны Риго отнёсся с характерной для него твёрдостью и решимостью. Он принял решение: если члены «меньшинства» не явятся в ближайшие дни на заседания Коммуны,— арестовать их всех поголовно! Каково же было его и делегата юстиции Прото изумление, когда, придя 17 мая на заседание Коммуны, они увидели, что все члены «меньшинства» заняли свои места!

«Наше удивление было велико,— рассказывал Прото.— Кое-кто из нас (сторонников «большинства») вышел в коридор, чтобы поговорить друг с другом по этому поводу... Когда я снова вошёл в зал, ко мне подошёл Риго и, поглядывая на места, где сидели члены «меньшинства», шепнул мне: «Ордера готовы!». Я поднялся, чтобы отыскать Делеклюза и Пиа, с которыми хотел посоветоваться. Найдя их, мы втроём обсудили последствия ареста всех двадцати двух.

Делеклюз сказал, что в данном отчаянном положении, когда нас, может быть, отделяет каких-нибудь несколько дней от гибели Коммуны, этот акт явится новым поводом для конфликтов и дезертирства. Пиа сказал то же самое. Мы вернулись в зал, и я объяснил Риго, почему мы решили отказаться от плана ареста». Они поняли, что после ареста главных командиров Национальной гвардии этот акт окончательно подорвал бы авторитет Коммуны среди федератов, и неизвестно, как бы федераты реагировали на арест более чем четвертой её части¹.

За день до своей гибели Риго явился в тюрьму Сент-Пелажи и приказал немедленно расстрелять давно арестованного им Гюстава Шодэ, бывшего помощника мэра Парижа и организатора усмирения восстания 22 января

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 382—383.

² Ibid., p. 387.

³ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 65—66.

¹ См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 390—391.

1871 г. Шодэ обвинялся в том, что по его приказу бретонские мобили стреляли в толпу, собравшуюся на площади перед Ратушей. Особенное негодование вызвала гибель во время массового расстрела парижан Теодора Сапия, члена ЦК 20 округов и командира 146-го батальона Национальной гвардии. Тщетно Шодэ (уже сидя в тюрьме) пытался оправдаться, заявляя в своей статье в «Siècle» («Век»): «Никто нас не сможет упрекнуть за 22 января! Это был наш долг... и мы принимаем на себя за это ответственность. Если за это нам следует получить пулю, то мы готовы пасть, благословляя республику». Риге не верил в искренность «республиканца» Шодэ; он не мог простить ему гибели Сапия, находившегося на площади рядом с Риге. Риге бросил ему также обвинение в том, что по его вине Бланки погиб.

— Это ложь! — в отчаянии воскликнул Шодэ, — Бланки не убит; я готов даже, если вы пожелаете отложить мою казнь, доставить вам последние сведения о Бланки и даже добиться его освобождения!

Этими неосторожными словами Шодэ выдал себя и погубил. — Стало быть, вы находитесь в связи с Версалем! — вне себя воскликнул Риге, — вы сами видите, что Бланки убит, и заложники заплатят нам за него!

Вместе с Шодэ по приказу Риге были расстреляны три парижских муниципальных гвардейца.

В тот же день был расстрелян и архиепископ Дарбуа. «Вот уже два месяца, как они (версальцы. — А. Л.) всех расстреливают. Эти люди безжалостны, — рассказывал своим друзьям Риге после свершившегося расстрела. — Мы никогда не собирались привести в исполнение «закон о заложниках». И однако это было нашим правом. Я даже не собирался держать их в Мазасской тюрьме. Я хотел только одного — получить старика (Бланки. — А. Л.)! За него я бы им отдал всех... архиепископа, Дегерри и прочих... Я бы выпустил всех из Мазаса, я бы всем арестованным выдал пропуска в Версаль. Но мне нужен был Бланки!... — Ты же знаешь, — сказал Риге, обращаясь к одному из присутствующих, — чего только мы не предпринимали! Дарбуа писал. Флотт с риском быть арестованным отправился к Тьеру. Ничто не помогло. Впрочем, сейчас всё кончено».

Но враги Коммуны пытались всё свалить на расстрел Коммуной заложников, чтобы оправдать этим свои неслы-

шанные зверства. Они не гнушались при этом прибегать к явной фальсификации истории...

В тот же день, 24 мая, утром Риге в мундире командира федератов, с красными отворотами и таким же воротником, с револьвером за поясом и с саблей на боку, с отличительной кокардой (на красном околыше кепи — серебряная граната), находился на улицах Парижа.

«Мы вошли в кафе Даркур на площади Сорбонны, — рассказывает Вильом, — ...На углу улицы Виктор-Кузэн несколько человек строило, с некоторым запозданием, баррикаду. Выстрелы слышались всё ближе и ближе. Судя по всему, битва шла за Люксембургом.

— Я сегодня специально нарядился, — сказал прокурор Коммуны. — Когда федераты видят вас в штатском, это производит на них плохое впечатление. Им кажется в таких случаях, что ты собираешься в любой момент улизнуть... И вообще, — добавил он улыбаясь, — когда умираешь, надо по крайней мере прилично умирать... Не знаешь ли ты, есть ли здесь члены Коммуны этого округа? Я видел сегодня утром Режера. Журд только что уехал. Тридон при смерти, Бланше в Мазасе... что касается меня, то я во всяком случае останусь там во время борьбы — Коммуна отошла к мэрии XI округа. Я последую за ней. Я буду защищать квартал. Это же мой квартал — Пантеон!»

К трём часам Рауль Риге подошёл к перекрёстку улиц Сен-Жак и Гей-Люссак. Он вошёл в дом № 29 — гостиницу на улице Гей-Люссак, поднялся на верхний этаж и оттуда стал следить в зрительную трубу за движениями версальцев. С этого пункта он стал передавать приказания своим лейтенантам, продолжавшим сражаться. Заметив, что офицер федератов вошёл в дом на улице Гей-Люссак, версальские солдаты дали по нему залп, но промахнулись. Тогда солдаты под предводительством сержанта бросились в дом, схватили хозяина. Тот назвал себя, побежал за Риге и рассказал ему, что случилось.

«Если вы не спуститесь, — взмолился хозяин, — они меня расстреляют! — Хорошо, — сказал Риге, — я не подлец и не свинья, я спущусь. Оставайся здесь, — сказал он своему секретарю. — Незачем убивать двоих, хватит одного меня.

И он спустился. Стрелки ожидали его у двери.

— Вот я!..— сказал он. Капрал отнял у него саблю и револьвер, и весь взвод двинулся к превоцтву Люксембурга.

...Один из версальских штабных офицеров остановил взвод и спросил:

— Кто этот человек?

— Я Рауль Риго, прокурор Парижской Коммуны,— ответил Риго.

— Ну, тогда кричите: «Долой Коммуну!»

— Да здравствует Коммуна! Долой убийц! — ответил Риго. Не успел он окончить, как упал с черепом, раздробленным пулей. Затем труп его швырнули на тротуар. Там он пролежал до следующего дня. Вокруг толпились разные зеваки. Некоторые издевались над трупом. У одной женщины, знавшей раньше Риго, хватило смелости накрыть труп покрывалом и приколоть к его груди листок с надписью: «Уважение к мёртвым! Сжальтесь над его несчастным отцом!». Только на следующий день брат Рауля Риго опознал его труп и на фургоне отвёз на Монмартрское кладбище¹.

В заключение следует сказать, что Риго, как и Ферре, был одним из немногих деятелей Коммуны, умевших взять на себя осуществление революционного террора с той смелостью и решительностью, которых часто не хватало коммунарам в их борьбе с контрреволюцией.

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Raoul Rigault, p. 76.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЛУИЗА МИШЕЛЬ

(«*La Rouge Vierge de Montmartre*»¹)

(1830—1905)

«Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами. Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии».

(В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 70.)

Во время Коммуны, её героической борьбы с внешними и внутренними врагами сотни женщин, исполненные энтузиазма, сражались в рядах Национальной гвардии, защищали баррикады, выносили раненых на своих плечах, жертвовали жизнью.

Уже в первые дни после провозглашения Коммуны группа парижанок обратилась к женщинам столицы с воззванием, в котором призывала их подняться с оружием на борьбу с врагом:

«Париж бомбардируют. Париж осаждают... Гражданки! Где наши дети, наши братья, наши мужья?.. Слышите гром пушек и звук трубы, зовущей в бой? К оружию! Отечество в опасности!.. Мы, гражданки Парижа, потомки женщин Великой революции, которые во имя

¹ «Красная дева Монмартра» — прозвище Луизы Мишель, героини Парижской Коммуны, возникло по аналогии с «Орлеанской девой» — прозвищем Жанны д'Арк (ок. 1412—1431). Побуждаемая патриотическими чувствами, Жанна д'Арк, молодая крестьянская девушка из местечка Домреми (север Франции), встала во главе французских войск, одержавших победы над англичанами во время Столетней войны (1337—1453).

народа и справедливости двинулись на Версаль и привели оттуда пленным Людовика XVI, мы, матери, жёны и сёстры сынов французского народа, сможем ли мы дольше терпеть, чтобы... наши дети убивали друг друга ради каприза наших угнетателей, которые продали Париж иноземцам, а теперь хотят его гибели? Гражданки, решительный час настал. Пора покончить со старым миром!!! Мы хотим быть свободными! Поднимается не только Франция, все цивилизованные народы устремляют свои взоры на Париж, ожидая своей очереди, чтобы завоевать себе свободу... Гражданки! Объединимся, полные решимости, и постараемся обеспечить успех нашего дела! Будем готовы защищать наших братьев и отомстить за них! У ворот ли Парижа, на баррикадах или в предместьях — не всё ли равно? Будем готовы по данному сигналу соединить наши усилия с усилиями братьев... И если у них не хватит оружия и штыков — для нас ещё останутся мостовые, чтобы градом камней раздавить предателей!

Группа гражданок».

Парижские женщины в дни Коммуны проявили поразительную отвагу и инициативу. Это о них, об этих тысячах незаметных героев и героинь, писал Маркс Л. Кугельману 12 апреля 1871 г.: «История не знает другого примера подобного героизма!»¹.

Одной из таких героинь Коммуны была знаменитая «Красная дева Монмартра» — Луиза Мишель.

В нескольких милях от местечка Домреми находится деревня Бронкур (департамент Верхней Марны) — место рождения Луизы Мишель. Луиза была дочерью простой крестьянки Марианны, прислуги адвоката Шарля Демаи, хозяина старого, полуразрушенного замка во Бронкуре. Луиза была «незаконнорождённой». Повидимому, отцом ребёнка был сын господина Демаи — Лоран, который поспешил вскоре после рождения девочки уехать и затем женился.

Шарль Демаи, у которого работала мать Луизы, был поклонником Вольтера, Руссо и философов-энциклопедистов XVIII в. Он чутко отнёсся к обиженной Марианне и ребёнку: взял маленькую Луизу к себе, чтобы воспитать её. Жена Шарля Демаи была образованной и передовой женщиной. Она изучала музыку и философию, писала

стихи и стремилась передать свои знания Луизе. Супруги Демаи внушали ей любовь к трудящимся и обездоленным и горячее желание облегчить их участь. Луиза с жадностью слушала рассказы деда о революционных событиях 1793 г., участником которых он был (он работал в одной из комиссий Комитета общественного спасения).

«Мой дед то рассказывал мне о великих днях и битвах Первой республики, и голос его звучал неподдельной страстью, — вспоминает она. — То, полный иронии, подобно Вольтеру, или ...весёлому и остроумному Мольеру, он толковал мне содержание разных книг, которые мы читали вдвоём... Мы заглядывали в далёкое прошлое человечества, заглядывали и в будущее, и порою я плакала, взволнованная живой картиной человеческого прогресса, ...а он с влажными глазами клал руку мне на голову»¹.

Луиза рано начала читать; одновременно она училась музыке, рисованию. Девочку пленяла поэзия и красочная, художественная форма крестьянского фольклора. Не по летам развитая, Луиза быстро усвоила целый ряд предметов школьного курса, пользуясь учебниками своего кузена — школьника Жюля. Из поэтов наибольшей любовью Луизы пользовался Виктор Гюго, многие пьесы и стихи которого она знала наизусть. Нередко она устраивала со своими сверстниками своеобразные «спектакли».

«У нас во дворе за колодцем лежала груда хвороста... Из него мы обычно сооружали эшафот со ступеньками, помостом и двумя деревянными лестницами. Так мы инсценировали разные исторические события. Мы ставили драму, посвящённую событиям 1793 г., и один за другим поднимались по ступенькам «эшафота», где провозглашали «Да здравствует республика!». Однажды, когда мы поднимались с пением на «эшафот», мой дед заметил, что подниматься туда надо молча, а, поднявшись наверх, надо «провозгласить тот принцип, во имя которого мы «умираем», что мы и делали впоследствии»².

Мечтательная и восторженная девочка рано решила, что революция — её призвание. Как она рассказывает в своих стихах, к ней однажды во сне явился образ Сен-Жюста, который сказал ей: «Слышишь голос, зовущий тебя? Час пробил, идём!».

¹ L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, Paris 1886, p. 20.

² Ibid., p. 25—26.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 105.

Подобные настроения отражены в ряде юношеских стихотворений Луизы. В стихотворении «Клятва негров перед виселицей Джона Брауна»¹ Луиза восклицает: «Придите, братья, придите! Сейчас даже пытка — наслаждение, и даже виселица прекрасна... Кто среди нас не отдаст сто раз свою кровь за святое дело? Придите, великие сердца, придите, пылающие души! Придите все, кто умеет умирать!»².

Свои детские стихи Луиза посылала Виктору Гюго, который очень приветливо отвечал ей, одобряя её первые опыты.

Но вот умер старик Демаи, а спустя пять лет скончалась его жена. Хозяевами в замке Вронкур стали Лоран Демаи и его жена, надменная, мелочная и злая мещанка. Она презирала «незаконнорождённую» Луизу и ненавидела её за то, что покойный Демаи оставил Луизе маленькое наследство. Луизу буквально вышвырнули из замка, где протекло её детство и с которым были связаны самые дорогие её воспоминания. Опекун Луизы — нотариус Вуарон устроил её в Шомоне, главном городе департамента. Здесь Луиза училась на педагогических курсах, готовясь к званию учительницы.

Получив диплом, Луиза решила не поступать в государственную школу, так как не желала приносить присяги «узурпатору» Наполеону III, и уехала в январе 1853 г. в деревню Оделонкур (находившуюся очень близко от Вронкура, где жила её мать).

В 50-х годах в стране царил суровый режим. Все университеты и школы были поставлены под строжайший контроль реакционного духовенства и префектов. Естественно, что поведение смелой учительницы в Оделонкуре, открыто осуждавшей переворот и писавшей революционные стихи, обратило на себя внимание администрации. Луиза распространяла республиканские идеи среди своих учеников, крестьянских детей. Они часто вместе с учительницей пели в школе «Марсельезу». Однажды в церкви во время здравницы в честь императора все её ученики демонстративно вышли на улицу, шаркая своими маленькими сабо по плитам церковного пола.

¹ Браун, Джон (1800—1859) — борец за освобождение негров в США, подготовлял восстание негров-рабов, за что и был казнён.

² Irma Boyer, *La Vierge rouge. Louise Michel*, Paris 1927, p. 24, 25.

В годы преподавания в школе Луиза Мишель продолжала свою литературную деятельность. Она писала статьи, фельетоны, направленные против режима Наполеона III. Однажды Луизу вызвали в Шомон к префекту для объяснения по поводу её фельетона, в котором цензор усмотрел оскорбление его величества императора и призыв к царсубийству. Однако ей удалось оправдаться.

В 1856 г. Луиза переехала в Париж, куда она давно уже стремилась, и поступила учительницей в женский пансион. В Париже Луиза Мишель вела скромную, строгую жизнь человека науки. Она задалась целью как можно скорее пополнить своё образование. Нередко отказывая себе в еде, она каждый свободный грош тратила на покупку книг, стремясь быть в курсе современной науки и литературы. Луиза самоучкой изучала философию и высшую математику, пыталась заниматься музыкальной композицией, писала фантастические оперы. Естественные, химию и физику она изучала на вечерних курсах, помещавшихся на улице Отфейль и организованных обществом содействия начальному образованию. Эти курсы были тогда местом встреч республиканцев и революционно настроенной студенческой молодёжи. Именно там Луиза познакомилась с известными лидерами республиканской оппозиции — Жюлем Фавром, который был председателем этого общества, Жюлем Симоном и другими (в будущем — членами правительства Национальной обороны, палачами Коммуны). Луизе в её наивном преклонении перед всем «республиканским» казались тогда одинаково революционными и лицемер Фавр и искренний революционер-бланкист Теофиль Ферре, с которым она познакомилась в одном из клубов Латинского квартала. «Революционерка чувства», она в ту пору не видела разницы между различными партиями оппозиции. «Нас обволакивала, — писала она впоследствии, — светлая грёза о будущем, и виновник декабрьского переворота казался нам единственным препятствием на пути к свободе»¹.

В это время Луиза Мишель сотрудничала в разных республиканских газетах, писала стихи, отражавшие её революционно-демократические взгляды. «Привет людям

¹ Луиза Мишель, Коммуна (Из воспоминаний), М.—Л. 1926, стр. 21.

будущего, с горячей и алой кровью,— писала она тогда,— в которых всё будет — справедливость, гармония, сила и свет!»¹

Бланкисты своей проповедью немедленного революционного действия были близки и понятны Луизе Мишель. Подобно им она мечтала о завоевании «социальной республики» путём смелого нападения кучки заговорщиков и подобно им плохо разбиралась в тех конкретных социально-экономических и организационных мероприятиях, при помощи которых эта грядущая социальная республика должна быть построена после революции.

В последние годы Второй империи (1868—1870 гг.) Луиза нетерпеливо ожидала восстания против ненавистной империи. В начале 1870 г. был момент, когда казалось, что столкновение с правительством неизбежно,— похороны Виктора Нуара, убитого Пьером Бонапартом.

Луиза присутствовала в толпе, переодетая мужчиной... «...У меня был с собой кинжал, украденный у дяди в то время, когда я бредила Гармодием²,— пишет она.— ...Бланкисты и большая часть революционеров, по крайней мере все монмартрские, были вооружены; в воздухе чувствовалось дыхание смерти, предвиделось близкое освобождение»³. Но в этот день выступления не произошло, так как ясно было, что силы революционеров малы по сравнению с правительственными силами, заранее подготовившимися к нападению.

Когда началась франко-прусская война, шовинистически настроенная буржуазия и наёмники империи — так называемые «белоблузники» (которые должны были изображать «простой народ») организовывали в Париже урапатриотические манифестации. Парижские рабочие и многочисленные представители Интернационала мужественно протестовали против войны, не нужной ни французскому, ни немецкому народам. В то время как по главным улицам Парижа шагали «белоблузники», совместно с полицейскими кричавшие: «В Берлин! В Берлин!»,— из рабочих кварталов угрюмо двигались антивоенные манифестации рабочих, организованные членами Интернационала.

¹ L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 102.

² Гармодий и Аристогитон — греческие юноши, покушавшиеся на убийство афинских тиранов Гиппия и Гиппарха.

³ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 22—23.

Все симпатии Луизы были на стороне рабочих: она понимала, что война нужна Наполеону III, чтобы укрепить свою власть. Спустя некоторое время в Париже узнали о неудачах французской армии; в Луизе крепнет убеждение, что только республика способна спасти Францию, «смыть с неё позор двадцати лет Империи»¹. Слепо верит она своим друзьям-бланкистам и с глубоким сочувствием следит за их легкомысленной попыткой с ничтожными силами «произвести переворот».

14 августа 1870 г. группа бланкистов совершила нападение на казарму пожарных, помещавшуюся на бульваре Ла Виллет. Они надеялись, что им удастся провозгласить республику раньше, чем на фронте будет окончательно разгромлена армия, а вместе с нею и прогнившая Вторая империя. Эта неудачная попытка, никем не поддержанная, кончилась арестом двух бланкистов — Эда и Бридо, которых обвинили в содействии пруссакам. Луиза откликается на это событие прочувствованным стихотворением «Бодрствующие»:

Мы верили — восстанет весь Париж,
Откликнется!.. Но город был безмолвен.
Я вижу, как сейчас, туманный этот день:
Все ставни — на запор, и улица — пустая...
«Шпионы прусские!» — несутся злобно крики
Вдогонку схваченным друзьям².

Эд и Бридо были приговорены к смертной казни. Луиза Мишель развила огромную деятельность, чтобы их спасти.

По её просьбе историк Мишле написал на имя губернатора Парижа Трошю петицию с просьбой о помиловании, которая была покрыта тысячами подписей. С этой петицией Луиза и её приятельницы-республиканки (Адель Эскирос и Андрэ Лео) явились на приём к губернатору и проявили необычайную настойчивость, добиваясь личного свидания с ним. «Нас хотели вежливо выпроводить, но мы, усевшись на одной из скамеек, заявили, что мы пришли от имени парижского народа для передачи в собственные руки генерала Трошю бумаг, о содержании которых он должен быть поставлен в известность»³, — рассказывает Луиза.

Их настойчивость возымела своё действие: они были приняты секретарём губернатора, который обещал сделать всё возможное и принял адрес под расписку. Действительно, казнь Эда и Бридо была отсрочена.

Спустя две недели Париж узнал о Седанской катастрофе. 4 сентября была провозглашена республика. Это спасло Эда и Бридо: все сидевшие в тюрьмах узники империи были освобождены. Они появляются на улицах Парижа, бледные от испытанных лишений и волнений. В их петлицы были воткнуты красные гвоздики — символ Республики.

Этому моменту посвящено стихотворение Луизы Мишель «Красные гвоздики»:

Тогда настал предел народному терпению.
Сбирались по ночам, толкуя меж собой,
И рвались из оков, дрожа от возмущенья,
Как скот, влекомый на убой.
Империи пришёл конец! Напрасно
Тиран безумствовал, воинствен и жесток —
Уже вокруг гремела Марсельеза,
И красным заревом пытал восток!
У каждого из нас виднелись на груди
Гвоздики красные. Цветите пышно снова!
Ведь если мы падём, то дети победят!
Украстье грудь потомства молодого!

Луиза полна республиканских иллюзий. Она не разделяет мрачных мыслей и опасений более осторожных людей (например, Лефрансэ), которые разгадали манёвр либералов, заранее подготовившихся к захвату власти. Она горячо приветствует не только освобождённых Ферре, Эда и Бридо — искренних республиканцев-демократов, но и лживого Жюль Фавра. «...У дверей Ратуши Жюль Фавр сжал в своих широких объятиях... Риго, Ферре и меня, называя нас своими дорогими детьми», — вспоминает потом Луиза Мишель этот момент.

Но розовым иллюзиям первых дней бескровной революции 4 сентября суждено было рано или поздно развеяться. Скоро Луиза увидела подлинное лицо членов «правительства национальной измены».

После свержения империи в массах были очень сильны патриотические, оборонческие настроения. У всех на уме было: «Спасти республику! Спасти Францию!». Катастрофическое положение на фронте приводило парижан в отчаяние. 18 сентября, рассказывает Луиза Мишель,

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 30.

² L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 163.

³ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 33.

«...некоторым из нас, по большей части женщинам, пришла в голову мысль вооружиться и идти напролом на выручку Страсбурга,— помочь ему или умереть вместе с ним.

И вот наша маленькая группа направилась к городской Ратуше с криками: «В Страсбург! В Страсбург! Добровольцы, на защиту Страсбурга!»... Собралась значительная толпа.

На коленях статуй Страсбурга лежала открытая книга, и мы подошли к ней расписаться в нашем добровольном вступлении в армию»¹. Но когда Луиза Мишель и Андре Лео в качестве делегатов явились в Ратушу просить оружия, их арестовали и выпустили только через несколько часов. В этот самый день Страсбург пал.

Постепенно предательская политика правительства Национальной обороны становилась всё яснее. Наиболее преданные республике демократы и социалисты Парижа объединились в комитетах бдительности парижских округов и создали Центральный комитет 20 округов для контроля за действиями правительства и мэров.

«В наблюдательных комитетах собирались люди, безусловно преданные революции, которым не страшна была смерть. Там закалялось их мужество»². Парижские женщины, в том числе и Луиза Мишель, приняли участие в работе этих комитетов.

Луиза Мишель вошла в состав женского монмартрского комитета (их было два — женский и мужской комитеты). «Свои лучшие часы за дни осады,— пишет она,— я провела в монмартрском наблюдательном комитете и в клубе «Отечество в опасности»; там жили более быстрым темпом, чем в других местах, там радовались, чувствуя себя в напряжённой борьбе за свободу как в родной стихии»³. Луиза работала и в мужском комитете, где она имела возможность встречаться с русскими революционерами, о которых она отзывалась очень тепло, характеризуя их следующими словами: «Никогда я не видела столь прямых, простых и столь возвышенных натур, столь цельных личностей»⁴.

Луиза Мишель, как член монмартрского комитета, председательствовала в женском клубе, в здании мирового

суда на улице Лашапелль. На её обязанности как председателя лежало самыми энергичными мерами отстаивать право собраний, изгоняя из зала вооружённых реакционеров, стремившихся сорвать заседание.

Она ухитрялась иногда в один и тот же вечер побывать и в клубе Революции, где председательствовал её друг и наставник в революционных делах — Теофиль Ферре.

Ферре был единственным человеком, к которому Луиза в течение всей своей жизни испытывала горячую привязанность, граничащую с любовью.

Личной жизни Луиза Мишель не знала. «В период величайшей борьбы мне необходимо было оставаться свободной»¹.

Луиза Мишель с добродушным юмором рассказывает, как во время её юности к ней сватались разные «чудаки-буржуа», «настоящие комедийные персонажи», предлагавшие всё своё состояние «достойной супруге», воспитанной согласно их принципам морали и общественного порядка. Луиза давала этим мещанам достойную отповедь. Несколько позже, в последние годы империи, на Луизе хотел жениться один молодой офицер императорской гвардии.

«Я согласна,— ответила она со спокойной, насмешливой улыбкой,— но при одном только условии: убейте императора».

Надо ли добавлять, что этот офицер поспешил ретироваться и больше не появлялся у Луизы.

Проблема женской эмансипации всегда сильно волновала Луизу. В детстве она глубоко страдала за свою обижённую мать, страдала морально как «незаконнорождённая» — неполноправный член буржуазного общества.

Она неоднократно говорила: «В этом проклятом обществе мы всюду наблюдаем страдания людей; но ничьё страдание не может сравниться со страданиями женщины!»².

Смелыми, меткими словами она бичует пошлую буржуазную мораль, буржуазную семью, буржуазную систему воспитания женщин, калечащую их, унижающую и делающую их рабынями домашнего очага. «Если равенство обоих полов будет, наконец, признано, в бастионе человеческой глупости будет пробита значительная брешь! — писала она. — ...Мы, женщины, хотим знаний и свободы, а

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 44—45.

² Там же, стр. 57.

³ Там же.

⁴ L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 170.

¹ L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 74.

² Ibid., p. 107.

в великий час решающей битвы мы будем драться бок о бок с вами и сообща завоюем себе все человеческие права».

В своих «Воспоминаниях» и в «Коммуне» Луиза Мишель описывает самоотверженную деятельность женщин Парижа во время осады и позже, во время Коммуны. Она с восхищением говорит о том, как они устроили в фортах Парижа походные лазареты; организовали при мэриях мастерские, дешёвое питание в народных столовых «*Mag-mite*», созданных Варленом, Натали Лемель и другими общественными деятелями; участвовали в комитетах бдительности, вели бесплатную педагогическую работу в рабочей среде. Своим живым примером они наглядно опровергли ложный старозаветный предрассудок, который упорно отстаивали в 60-х годах XIX в. прудонисты, что будто «место женщины только у очага и в семье» и будто бы ни на что больше она не способна. «Среди самых непримиримых борцов, которые сражались с завоевателем и защищали Республику, эту зарю свободы, было немало женщин», — пишет Луиза Мишель в «Коммуне» и с негодованием восклицает: «Из женщин захотели образовать особую «касту», ...нас не спрашивали, хотим ли мы этого, и нам не с кем было посоветоваться. Новый мир соединит нас с освобождённым человечеством, в котором каждое существо найдёт себе место»¹.

К моменту восстания 31 октября 1870 г. у Луизы Мишель и сотен тысяч подобных ей женщин открылись глаза. Луиза выступила теперь не только против лжереспубликанцев, захвативших власть, но и против буржуазной республики; она стояла за Коммуну. Вместе с женщинами Монмартрского клуба и другими патриотками Луиза решает участвовать в демонстрации 31 октября. «Мы уже не признавали этого правительства, которое даже не позволяло Парижу самому организовать свою оборону», — пишет Луиза, вспоминая этот момент своей жизни. В Ратуше Луизу и её подруг арестовали по обвинению в организации манифестации. При допросе она ответила, что была в Ратуше, чтобы разделить опасность с женщинами, не признающими правительства, что «сама она тоже его не признаёт» и что если она в другой раз явится в Ратушу по собственной инициативе, то она придёт с вооружённым народом².

Только на следующий день друзьям Луизы — Ферре, Авронсару, Бюрло и Криту удалось добиться освобождения Луизы. Они явились от имени комитета бдительности XVIII округа и пригрозили, что в случае отказа «весь рабочий Монмартр спустится с оружием вниз». Эта угроза подействовала. Монмартр был пугалом для буржуа, спекулянтов и т. п. Стоило бросить клич: «Монмартр спускается вниз!», как реакционеры тотчас же прятались в испуге в свои норы, оставляя на произвол судьбы свои склады продуктов.

Теперь для Луизы всё окончательно стало ясным: народ обманут, у власти снова стоят враги республики, враги демократии и народной свободы. Неужели это возвращается империя? — спрашивали наивные люди. «В действительности, она никогда не исчезала», — печально констатирует Луиза Мишель и в другом месте снова повторяет: «Да, это действительно была Империя. Переполненные тюрьмы, страх и доносы изо дня в день; поражения, которые в правительственных сообщениях превращались в победы»¹.

Во время выступления 22 января Луиза действовала ещё решительнее: она вышла на площадь Ратуши с оружием в руках. Когда бретонские мобили, охранявшие Ратушу, открыли по приказанию Шоде (либерального республиканца, помощника мэра) огонь по толпе, Луиза Мишель, защищаясь, стреляла вместе с другими своими товарищами. Она была глубоко возмущена предательским поступком «республиканцев», стоявших у власти, беспощадно расстреливавших почти безоружную толпу. Характерно следующее признание Луизы: в отличие от некоторых национальных гвардейцев, которые всё ещё не решались отвечать на выстрелы выстрелами и целились не в солдат, а в стены, она твёрдо решила, что не останется пассивной и нейтральной в завязывающейся гражданской войне. Луиза избрала себе раз навсегда место по эту сторону баррикад.

Это было первое её боевое крещение. Она с глубокой искренностью восклицает: «Защищая в первый раз свое дело оружием, так уходишь в борьбу, что, кажется, сам становишься взрывчатым веществом, снарядом»². Рядом

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 66.

² L. Michel, Mémoires écrites par elle-même, v. I, p. 187.

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 55.

² Там же, стр. 63.

с нею падали убитые и раненые. Ветераны революции 1848 г. спокойно, с невозмутимостью и бесстрашием отстреливались, стоя на баррикаде улицы Виктории. Пал сражённый пулей один из храбрейших защитников республики — бланкист Сапиа... Немногочисленным защитникам баррикад пришлось отступить.

28 января правительство объявило о капитуляции Парижа и о заключении перемирия.

После событий 22 января Луиза Мишель проявляет ещё большую активность, чем до сих пор. Это уже не прежняя провинциальная учительница, пишущая безобидные республиканские стихи и способная в лучшем случае на какую-нибудь остроумную, вызывающую выходку по адресу бонапартистов. Теперь это та «Красная дева Монмартра», революционерка, общественница, какою её узнал весь мир в героические дни Коммуны. В клубах уже выступать нельзя (они закрыты по распоряжению правительства, окончательно снявшего с себя маску). Луиза, входя в состав 61-го батальона Национальной гвардии, вместе со всей Национальной гвардией готовится к энергичному отпору наступлению реакции. У неё, кроме её скромного платья учительницы, есть два форменных костюма — национального гвардейца и линейного солдата регулярной армии. Она усиленно учится стрельбе. Преподаёт она в монмартрской школе, на улице Удо (Oudot), № 24, и занимает находящуюся при школе небольшую квартирку. С нею теперь живёт её мать, которая во время осады продала дом и виноградник в деревне Вронкур и окончательно переселилась к Луизе.

Луиза Мишель принимала активное участие в революции 18 марта. В это утро Луиза Мишель стояла на посту 61-го монмартрского батальона Национальной гвардии — на улице Розье, № 6. Одной из первых жертв нападения на Монмартр был часовой Тюрпен, которому Луиза немедленно сделала перевязку. По тревожным сигналам поднялось всё население Монмартра. «Сформировалась колонна... Монмартр просыпался... я возвращалась... но не одна, а с теми, кто шёл отбивать холмы.

Подымалась заря, звуки набата прорезывали воздух... Мы мечтали умереть за свободу.

Нас словно что-то поднимало над землёй. Пусть мы умрём, зато восстанет весь Париж. Бывают такие моменты, когда толпа становится авангардом человечества.

Холм был окутан белым светом, дивной зарёй освобождения»¹.

Но Луиза не останавливается — она спешит туда, куда зовёт её революционный долг. И вот — победа одержана; солдаты отказываются стрелять, приставили ружья к ноге. Немалую роль в этом сыграли отважные женщины Монмартра: они осаждали солдат, упрекали и молили их, бросившись вперёд; они грудью заслонили своих братьев-рабочих от пушек и митральез.

Победа! Восторженные крики, рабочие и солдаты братаются, обнимаются, бросают оружие. Великий, неповторимый миг!

Несмотря на полную победу народа 18 марта и бегство правительства в Версаль, некоторые более дальновидные революционеры (Домбровский, Дюваль и другие, в том числе и Луиза Мишель) не были спокойны и настаивали на немедленном наступлении на Версаль и разгроме этого гнезда реакции. Луиза предлагала даже лично отправиться в Версаль и собственной рукой убить Тьера, который казался ей главной и единственной причиной всех бедствий народа. «И я, которую обвиняют в беспредельной доброте, — восклицает она, — я, не бледнея, как снимают камень с рельс, отняла бы жизнь у этого карлика, которому суждено было пролить столько крови»².

Ферре напомнил ей, что расстрел генералов Леконта и Клемана Тома вызвал сильное волнение и недовольство в Париже. «Это новое убийство, — сказал он, — может приостановить всё движение». Луиза не верила этому, но вынуждена была согласиться, что Ферре, возможно, и прав. Рауль Ригго также присоединился к его мнению. «Кроме того, — прибавили они, — вам и не добраться до Версаля»³. Эта насмешка подзадорила Луизу. Отказавшись от намерения совершить покушение на Тьера, она решила по крайней мере пробраться в Версаль. Переодевшись, она спокойно отправилась туда. Проникнув без всяких затруднений в Версальский парк, где раскинуты были палатки тогда ещё слабой и дезорганизованной армии Винуа, Луиза завела разговор с некоторыми солдатами и офицерами, агитируя их в пользу революции 18 марта. Ей удалось даже убедить кое-кого перейти на сторону Нацио-

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 75.

² Там же, стр. 88.

³ Там же.

нальной гвардии. Под конец она благополучно ретировалась.

Предположения Луизы и её товарищей оправдались: усилившаяся и окрепшая благодаря помощи Бисмарка версальская армия напала на революционный Париж. На первое нападение (2 апреля) возмущённые массы парижан ответили грандиозной, но, к сожалению, плохо организованной вылазкой 3 апреля. Луиза Мишель разделяла общее возмущение, общий порыв вооружённой народной массы. Она шла в рядах 61-го батальона, входившего в состав центральной колонны, во главе которой стоял генерал Эд.

С этого дня (3 апреля) и вплоть до падения Коммуны вся деятельность Луизы протекала на передовых позициях. Она дралась в рядах Национальной гвардии не хуже старых, закалённых в бою солдат и служила примером революционной храбрости, стойкости и самопожертвования. В статье «Героини революции», напечатанной в апреле 1871 г. в «Journal officiel», сообщалось:

«...В наши дни наблюдаются снова проявления женского героизма. В рядах Национальной гвардии сражается много женщин... В рядах 61-го батальона сражалась одна энергичная женщина. Она убила много жандармов и полицейских»¹.

Сама Луиза по присущей ей скромности очень неохотно писала о своих подвигах.

Луиза сражается в маршевых ротах как рядовой гвардеец. Вместе с тем она принимает деятельное участие в организации санитарной службы, много работает в походных лазаретах, в перевязочных отрядах. Она трудится без передышки, не спит по несколько ночей, носит форму и грубые, забрызганные глиной и грязью солдатские сапоги, но всегда бодра. Она нередко появляется в самых опасных местах.

Одновременно с Луизой большую роль в санитарном обслуживании армии федератов сыграли её подруги — деятельницы Интернационала, маркитантки, члены комитетов бдительности. Они, и в том числе Луиза, появлялись там, где сыпался дождь пуль и рвались снаряды, и оказывали помощь пострадавшим. «Наши женщины, Фернан-дец, Данги и Мариани, устроили вместе со мной, — вспо-

минает Луиза Мишель, — летучий лазарет близ баррикады Пейронне... легко раненные оставались там, раненные тяжело переводились в другие госпитали, в зависимости от решения врачей; во всяком случае первая перевязка спасла жизнь не одному человеку»¹.

Иногда обстановка, в которой Луизе приходилось оказывать раненым медицинскую помощь, бывала очень сложной; в их действия часто вмешивались местные жители, прося оставить раненых на месте, в подвалах. Нередки были случаи предательства, когда раненые попадали в руки версальских солдат. Луиза описывает случай в Кламаре, где она с подругой своей Фернандец обнаружили в домике полевого сторожа нескольких раненых и решили забрать их из места, внушавшего им подозрение. «С большим трудом мы взвалили раненых на привезённые нами с собой больничные носилки... [и ушли], унося больных под градом снарядов»², — пишет Луиза.

К сожалению, Луиза Мишель не оставила нам сколько-нибудь связного и обстоятельного рассказа о своём личном участии в военной обороне Коммуны. Она лаконически сообщает лишь, что 5 мая перешла в Мон-Руж в армию Ла Сесилиа, а затем в Нейи — к Домбровскому: «Моими товарищами по оружию были поочерёдно: отряд «питомцев Коммуны» в От-Брюйере, артиллеристы Исси и Нейи, разведчики Монмартра»³. Она признаётся, что ни за что не хотела покинуть линию фронта, и, когда 61-й батальон сменился и пошёл отдыхать, она ходила в бой с другими ротами. Сравнительно подробней она упоминает лишь об одном своём подвиге.

«Однажды ночью, когда мы стояли горсточкой на Клармарском вокзале, ...[одним из бойцов] овладела навязчивая идея сдать, во что бы то ни стало; сколько мы его ни убеждали, он стоял на своём.

— Ну, что же, если хотите, сдавайтесь, — сказала я ему; — я остаюсь здесь и взорву вокзал, если вы его сдадите.

Я уселась со свечой в руке на пороге комнаты, где были навалены снаряды, и провела таким образом всю ночь... На этот раз вокзал был удержан»⁴. Трус, о котором

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 115.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 106.

⁴ Там же, стр. 110—111.

¹ «Journal officiel de la Commune», 10 avril 1871.

Луиза упоминает в этом рассказе, на следующее утро скрылся. Возможно, что это был версальский агент.

Луиза продолжает неумоимо и храбро сражаться в траншеях Клармарского вокзала, непрерывно бомбардируемого версальцами. Она участвует в отчаянной стычке на Клармарском кладбище. Она много раз рискует своей жизнью. «Однажды ночью, — рассказывает она, — не знаю каким образом, нас в траншее около станции оказалось только двое: бывший зуав и я с двумя заряженными ружьями; такого караула было как-никак достаточно, чтобы во-время предупредить товарищей. Прямо невероятное счастье, что в эту ночь станция не подверглась нападению...

Когда утром Лисбонн¹ пришёл с подкреплениями, он в одно и то же время был доволен и взбешён...»². «Кажется, я была не плохим солдатом», — заметила Луиза как-то. Что касается своей храбрости, то она всегда искренне её отрицала. «Нельзя же называть храбрым такого человека, который даже не думает об опасности; тогда в чём же моя заслуга?» — спрашивает она.

За всё время осады Парижа версальцами, вплоть до конца «кровавой недели», Луизе только дважды удалось побывать в Париже, да и то в продолжение всего нескольких часов. В первый раз Луиза отправилась в Ратушу с поручением от Ла Сесилиа. По дороге она была арестована национальными гвардейцами, принявшими её за переодетого мужчину, так как из-под платья выглядывали огромные мужские сапоги.

В другой раз Луиза Мишель встретила у ворот Ратуши с группой проституток, которые в слезах жаловались ей, что их не допускают к уходу за ранеными. «...Не им ли, несчастным жертвам старого мира, принадлежало почётное право отдать свою жизнь за лучшее будущее! — восклицает Луиза. — У кого же, как не у них, было больше прав ухаживать за ранеными...

¹ Лисбонн, Максим (ум. в 1905 г.) — актёр, активный участник Парижской Коммуны. Республиканец-демократ, член ЦК Национальной гвардии, героически сражался с версальцами и заслужил прозвище «д'Артаньян Коммуны». При подавлении Коммуны был тяжело ранен и приговорён версальским судом к пожизненной каторге. После амнистии 1880 г. возвратился во Францию.

² Луиза Мишель, Коммуна, стр. 109.

Я обещала им, что их справедливая просьба будет уважена...» И Луиза исполнила своё обещание. Сильно обрадованные женщины поклялись ей: «Мы никогда не заставим Коммуну краснеть за нас». Все они, за исключением одной (попавшей в тюрьму де-Шантье вместе с Луизой), были убиты во время кровавой майской недели.

Особенную доблесть парижские женщины проявили в последние дни Коммуны. До последнего дня майской кровавой недели они стойко сражались на баррикадах: «Проходят женщины с красными знамёнами впереди, — описывает Луиза последние минуты сопротивления на кладбище Пер-Лашез, — у них собственная баррикада на площади Бланш. Тут Елизавета Дмитриева, Лемель, Мальвина Пулен, Бланш Лефевр, Экскофон; Андре Лео была на баррикадах Батиньоля. Более 10 тысяч женщин, группами и поодиночке, сражались в майские дни за свободу». Из дошедших до нас сведений о русских, участвовавших в Коммуне, упомянем ещё об одной, героически погибшей на баррикадах Коммуны, — Анне Теофиловне Пустовойтовой, сражавшейся переодетой в мужской костюм под именем Антона Пустовойтова. На бруствере одной из последних баррикад Анна Теофиловна водрузила красное знамя с надписью: «Да здравствует пролетарская социалистическая республика и Парижская Коммуна!» Она поклялась не отдать знамя врагу — и пала смертью героя. На другой день газета «*Cri du Peuple*» писала: «Что оставила она по себе? Честное, доблестное имя, которое вечно будет служить примером для вступающих в жизнь юношей с пылкой душой и благородным сердцем!»¹. Вместе со всеми бойцами Коммуны на передовых позициях сражалась Луиза Мишель. Незадолго до вторжения версальцев Домбровский послал нескольких федератов (в том числе и Луизу Мишель) на Монмартр, чтобы поторопить монмартрцев с организацией обороны. В мэрии XVIII округа собрались члены комитета бдительности, обсуждая создавшееся положение. Все они решили драться до последней капли крови и взорвать укрепления Монмартра в случае победы версальцев. В этот момент к дверям мэрии подошла группа федератов 61-го батальона. Увидев Луизу Мишель, они предлагают ей пойти вместе с ними в

¹ Ю. Овсянников, Русские в Парижской Коммуне, «Смена» № 6, 1953 г., стр. 15.

бой. «Пойдёмте, мы идём умирать,— говорят они Луизе,— вы были с нами в первый день, вы должны быть с нами и в последний».

И Луиза с обычной сзоей простотой и решимостью присоединяется к ним. Они располагаются на Монмартрском кладбище и с невероятным упорством и мужеством отстаивают каждую пядь земли. К сожалению, все их усилия оказались бесплодными, так как версальцы при содействии прусского командования обошли их с тыла, пройдя сквозь «нейтральную полосу».

Горсть защитников кладбища всё уменьшается, они падают один за другим; Луиза бежит в мэрию за подкреплением, приводит ещё 50 человек. Но скоро и эта горсть людей растаяла, осталось только несколько человек, которые отступили к баррикадам. Луиза попрежнему полна самообладания. Она хладнокровно угощает чашкой кофе подругу, пришедшую с другой баррикады, обменивается с ней шутками и остротами.

Глубокой верой веет от её лаконического, но полного значения ответа проезжавшему мимо Домбровскому:

«— Мы погибли! — сказал он мне.

— Нет,— отвечала я ему.

Он протянул мне обе руки; это было последний раз, что я видела его живым.

Он был смертельно ранен в нескольких шагах от этого места...»¹.

Наконец, на баррикаде Луизы осталось всего трое бойцов. Однако одолеть их версальцам удалось только хитростью. Чтобы обмануть их, версальцы переоделись в форму Национальной гвардии.

Луизе удалось бежать. Полная ярости и ненависти к версальским палачам, она продолжала призывать парижан к сопротивлению: «Огонь им навстречу, огонь! Зажигайте дома!» — кричала она.

Впоследствии Луиза Мишель энергично отрицала гнусную ложь версальцев о «женщинах-петролейщицах» («поджигательницах»), давшую им предлог расстреливать тысячи женщин без всякого суда и следствия. «Не было поджигательниц,— говорит она,— женщины дрались, как львицы, и только я одна кричала: «Жгите, жгите всё перед этими чудовищами!»»².

¹ Луиза Мишель, Коммуна, стр. 142.

² Там же, стр. 147.

После подавления Коммуны Луиза ещё некоторое время была на свободе. Переодевшись, Луиза отправляется на улицу Удо, домой. У привратницы Луиза узнаёт, что версальцы приходили за нею и вместо неё увели её мать. Не медля ни минуты, Луиза направляется на пост версальцев и добивается её освобождения. Сама Луиза остаётся в тюрьме.

Нет слов, которыми можно было бы описать невыносимые страдания узников Сатори и других версальских

тюрем. Их гноили в грязи, морили голодом, издевались над ними и пытали. Но Луиза и тут остаётся верной себе: в ответ на угрозы разъярённого кровожадного генерала Галифе, явившегося в бастион, Луиза рассмеялась ему прямо в лицо. Вzbешённый Галифе приказал тут же расстрелять на глазах у арестованных коммунаров двух случайно попавшихся ему под руку коммерсантов, которые ничего общего с Коммуной не имели. С версальцами Луиза продолжала держаться презрительно и вызывающе. «...Все мы, люди 1871 г., умели встречать смерть и как бы кокетничали с нею», — говорит она.

В тюрьме Луиза с отвращением вспоминала о своих «республиканских иллюзиях»: те самые люди (Жюль Фавр, Жюль Симон и другие), которые клялись в «верности республике», добившись власти, стали самыми свирепыми контрреволюционерами. Луиза с горечью и стыдом вспоминала о памятном дне 4 сентября, Жюле Фавре, назвавшем тогда её, Риго и Ферре своими «дорогими детьми». Теперь, когда Фавр вдохновлял все версальские зверства и с ожесточением клеветал на героев-коммунаров, «дорогие дети», защищавшие с оружием в руках Коммуну, оказались в числе его жертв: Риго был изуродован до неузнаваемости и расстрелян, Луиза и Ферре томилась в тюрьмах.

Луиза всячески старалась узнать об участии Теофиля Ферре. До неё дошли вести об его мужественном поведении на суде, о смертном приговоре. Она сильно волновалась за него. Ей удалось при содействии одной прачки обменяться с Ферре несколькими письмами, зашитыми в рукава его рубашки. Луиза послала ему «гвоздики», старательно сделанные из клочков красного шарфа, — символические «красные гвоздики», напоминавшие о предреволюционных надеждах и стремлениях, и присоединила к ним свои стихи. Вскоре она переслала ему ещё несколько своих стихотворений. В своих ответных письмах Ферре старался поднять её дух, убеждал, что победа республики и социализма во Франции неизбежна. Зная неукротимый характер Луизы, Ферре опасался, что она будет вести себя на суде вызывающе, что её приговорят к смерти. Стоя уже одной ногой в могиле, этот мужественный и стойкий человек убеждал её не рисковать своей жизнью. Луиза решила быть достойной своего друга. Она задавала себе вопрос: «Разве прилично нам, сражающимся за дело справедли-

вости, за дело всего человечества, просить снисхождения у версальцев? Разве мыслимо, чтобы мы унизились, взывая к жалости бездушных палачей, которые уже казнили столько страдальцев в Сатори? Нет! Принять от них смягчение участи — это значило бы частично пожертвовать своим достоинством!»¹.

За две недели до казни Ферре Луизу словно намеренно перевели в Аррасскую тюрьму, где она оставалась до 28 ноября (дня казни Ферре). Четыре дня спустя после его казни вне себя от гнева и отчаяния Луиза написала вызывающее письмо генералу Апперу, требуя, чтобы и её казнили. «Вам известно достаточно о моей деятельности, а поле Сатори находится недалеко. Вы все прекрасно знаете, что если я выйду отсюда живой, я буду мстить за мучеников. Да здравствует Коммуна!» Она сочинила и послала в адрес 3-го Военного трибунала сатирические, полные яда и гнева стихи, в которых предупреждала «лживых судей», «клику бандитов и полицейских крыс», что их ждёт суд истории.

16 декабря Луиза Мишель предстала, наконец, перед версальским судом. Прокурор всячески стремился в своём обвинительном акте сгустить краски, описывая её «преступления».

«Тесно связанная с членами Коммуны, обвиняемая Мишель заранее знала все их планы... Она помогала им всеми своими силами, своей волей, более того — часто пыталась их перешеголять. Она предложила отправиться в Версаль и убить президента республики... Таким образом, она не менее виновата, чем «гордый республиканец Ферре», которого она защищает столь странным образом. ...Она разжигала страсти толпы, проповедовала войну без пощады»².

На вопросы председателя Луиза Мишель ответила: «Я не хочу защищаться, я не хочу, чтобы меня защищали. Я всем существом принадлежу социальной революции и принимаю полную ответственность за все свои поступки!».

Она смело заявила, что не поколебалась бы сама выстрелить в генералов Леконта и Тома, которые отдали приказ стрелять в народ, но в то же время она осуждала их расстрел, так как они были уже тогда лишены власти.

¹ Irma Boyer, *La Vierge rouge*. Louise Michel, p. 95—96.

² L. Michel, *Mémoires écrites par elle-même*, v. I, p. 469.

В ответ на обвинение Луиза Мишель в своей речи на суде заявила:

«Да, я участвовала в поджоге Парижа! Я хотела противопоставить вторжению версальцев барьер огня. У меня в этом не было сообщников, я действовала только по собственному почину. Говорят также, что я была сообщницей Коммуны. Конечно, потому что Коммуна стремилась к социальной революции, а социальная революция — самое заветное моё стремление. Я горжусь тем, что участвовала в создании Коммуны!». Луиза Мишель закончила свою речь следующими словами: «То, что я требую от вас, называющих себя военным судом и считающих себя моими судьями, — это Саторийское поле, где пали мои братья. Повидимому, всякое сердце, которое бьётся за свободу, имеет у вас одно только право — право на кусочек свинца. Я требую для себя этого права. Если вы оставите мне жизнь, я не перестану кричать о мщении, я буду призывать своих братьев отомстить убийцам из «Комиссии помилования».

— Я лишаю вас слова! — крикнул председатель суда.

— Я кончила, — сказала Луиза. — Если вы не трусы, убейте меня!»

Её приговорили к ссылке и содержанию в крепости. От апелляции она отказалась и, узнав о приговоре, с досадой сказала: «Я предпочла бы умереть!..»

Вскоре её перевели в Оберивскую тюрьму.

24 августа 1873 г. Луиза Мишель и её товарищи коммунары и коммунарки отправились из Оберивского центра в далёкий путь.

Когда арестованные проезжали через Лангр, на дорогу из какой-то мастерской вышло несколько рабочих. Они приветствовали узников, и один из них, совсем седой, крикнул: «Да здравствует Коммуна!». Из Ла-Рошель арестантов отвезли на корабле «Комета» в Рошфор, и там они взошли на борт военного парусного фрегата «Виргиния», который должен был перевезти их через Атлантический океан на каторжные работы во французскую колонию — Новую Каледонию.

Новая Каледония — длинный и узкий вулканический, гористый остров, окружённый поясом коралловых рифов, расположен в Тихом океане, в 600 милях от Австралии. Луизе Мишель этот остров со своими семью голубоватыми холмами почему-то напоминал Рим. В глубине за

холмами виднелась Золотая гора, вся в расщелинах, из которых проглядывала красная золотоносная почва. Политические заключённые — коммунары, отбывавшие там наказание, делились на три категории. Приговорённые к каторжным работам жили на острове Ну (недалеко от Нумей, главного города Новой Каледонии). Там условия были положительно невыносимыми. Скованные двойной цепью, каторжники владели тяжёлым ядром на ноге, подвергаясь самым жестоким издевательствам. В менее суровой обстановке содержались коммунары, жившие на полуострове Дюко (западная часть Новой Каледонии). На Сосновом острове жили только приговорённые к ссылке.

Когда корабль с новыми арестантами прибыл в Нумейскую губу, администрация каторги решила отделить женщин от мужчин и устроить первых несколько лучше — в женской исправительной колонии, под наблюдением монахинь. Луиза возмущалась и решительно заявила, что не согласится на какие бы то ни было привилегии для женщин. «Раз нас осудили наравне с мужчинами, то справедливо, чтобы мы и наказание несли наравне с ними. Мы сюда приехали не на дачу, я полагаю!» — резко заявила она начальнику в форме колониального офицера. Тот пожал плечами и сказал: «Как хотите. Я думал проявить к вам некоторую снисходительность, а вы... Правду говорили мне, что у всех этих петролейщиц упрямые головы... Но ничего! Мы вас вымуштруем, миленькие. Вот как? Вы не хотите никаких привилегий? Я это вам припомню!».

Тотчас всех арестованных выстроили в ряды, по-военному. Обращение с ними сразу изменилось в худшую сторону. Особенно грубо обращались с Луизой Мишель. Однако её требование было выполнено — всех их, мужчин и женщин, усадили в шлюпки и отвезли на полуостров Дюко, где они встретились со многими друзьями и товарищами по борьбе: старым ветераном Малезье, который 22 января 1871 г. дрался бок о бок с Луизой на площади Ратуши, Анри Рошфором и др. Они устроили новопривышам радушный приём и поочерёдно угощали их в своих жалких хижинах скромными «обедами». Лишённые самых необходимых продуктов, нередко не имевшие ни овощей, ни жиров, получавшие микроскопические количества мяса и хлеба, ссыльные перебивались с большим трудом. Нелегко было готовить пищу без керосина или угля, без масла, растительного или животного. Приходилось приме-

нять способ местных жителей (канаков) — жарить мясо на раскалённых камнях. Табаку и мыла не давали. Помимо всех этих материальных лишений, ссыльные страдали морально — от зверского обращения начальства, от невыносимой тоски по родине среди этой дикой, безжизненной природы, столь непохожей на их родную Францию.

Несмотря на всё это, коммунары держались стойко и мужественно; нередко обменивались шутками, горячо обсуждали всевозможные научные и политические вопросы, живо волновавшие их.

Закалённая натура Луизы Мишель героически переносила тяжёлые испытания.

Крушение и разгром Коммуны 1871 г., первого в истории государства пролетарской диктатуры, вызвали у многих коммунаров чувства уныния, пессимизма и разочарования. Среди ссыльных в Новую Каледонию было много анархистов, с которыми Луиза Мишель вскоре сблизилась и подпала под их влияние. Анархисты (Элизе Реклю, Шарль Малато, Жан Грав и другие) познакомили Луизу с теоретическим обоснованием своих взглядов. Анархизм причинял большой вред рабочему движению. Это было реакционное, враждебное пролетарскому научному социализму течение, фактически подчинявшее интересы пролетариата интересам мелкой буржуазии, буржуазной политике и отрицавшее революционную диктатуру пролетариата. В. И. Ленин указывал, что марксисты, «ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией...», анархисты же «хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения». В отличие от марксистов анархисты «...отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру». Марксисты «требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают»¹. Анархизм, требующий «немедленного» уничтожения государства и отвергающий использование государственной власти революционным пролетариатом, в сущности является злейшим врагом социалистической революции. Будучи псевдосоциалистическим течением, в

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 455.

действительности анархизм ничего общего не имеет с социализмом и с классовой борьбой пролетариата. Анархисты — друзья Луизы утверждали, будто рабочий класс в случае своей победы над буржуазией должен отказаться от завоёванной власти, поскольку якобы «всякая власть развращает тех, кто пользуется ею».

Будучи социалисткой по чувству, весьма незрелой в вопросах теории, Луиза Мишель до конца жизни не могла понять ошибочности и ложности анархизма. Увлёкшись революционной фразеологией, прикрывавшей реакционное существо анархизма, она впоследствии сосредоточила всю свою энергию на призыве к полному разрушению старого строя, к актам индивидуального террора и экспроприации отдельных капиталистов.

Спустя много лет, в 1883 г., представ перед судом по обвинению в принадлежности к анархистской организации, занимавшейся террористической деятельностью, Луиза Мишель произнесла речь. Открыто признаваясь в своём анархизме, к которому её толкнуло поражение Коммуны, она говорила: «Мы несли чёрное знамя потому, что это знамя забастовок, знамя голодных. Но могли ли мы избрать иное знамя? Ведь красное знамя осталось на кладбищах,— и мы сможем снова взять и поднять его только тогда, когда будем в состоянии его защитить».

«Анархизм» Луизы Мишель не нуждается в особых опровержениях и принципиальной полемике; вряд ли она сама глубоко в него верила,— писала виднейшая деятельница германского и международного рабочего движения Клара Цеткин.— Луиза Мишель — революционерка чувства, социалистка по инстинкту... Она — самоотверженный народный трибун, пламенный певец... увлекающий людей прорицатель, предвещающий зарю прекрасного будущего».

Шли годы. Временами невыносимая тоска охватывала Луизу, и она начинала строить самые невероятные планы побега. Однажды во время страшного циклона она ворвалась в хижину ссыльного Перюссэ (бывшего капитана дальнего плавания) и в сильном возбуждении сообщила, что вследствие бури на рейде нет корабля, обычно сторожившего пленников. Она умоляла его сделать плот и отдаться воле стихии в надежде, что удастся добраться до ближайшей земли. Но старый моряк крайне скептически

отнёсся к этому безумному плану, и Луиза ушла разочарованная.

Одно время (апрель 1875 г.) она вела переписку с женой члена Коммуны Растуля, жившей в Сиднее. План Луизы заключался в следующем: бежать ночью, после переклички, через горы, затем вброд добраться до Нумеи и оттуда отплыть на корабле, где должно быть заранее куплено место. Свои письма к Растуль Луиза вклеивала в дно несессера с нитками, но однажды, к своему ужасу, она обнаружила, что несессер и письмо перехвачены. Она была очень удивлена, что начальство ни единым словом не обмолвилось об этом её плане побега.

Только на шестой год с момента своего прибытия в Новую Каледонию Луиза Мишель получила разрешение переехать на жительство в «столицу» Нумею, где она открыла школу для детей горожан и детей ссыльных. Она преподавала живопись, музыку, скульптуру и другие предметы.

Она обучала также детей канаков (туземцев), которые уважали Луизу не только за то, что она учит их грамоте, но и за то, что она горячо сочувствовала их положению. Белые жители Нумеи относились к канакам с отвращением, распространяя слух, будто они людоеды. Французская администрация жестоко их угнетала. Дело дошло до восстания канаков (в 1878 г.). Как-то ночью Луиза услышала, что к ней в хижину стучатся. На её вопрос, кто там, ей ответили по-канакски: «Тайо» (друг). Луиза впустила пришедших, которые объяснили, что накануне боя со «злыми белыми» пришли попрощаться. Она разорвала на куски свой красный шарф времён Коммуны и раздала эти куски им на память.

Восстание канаков было потоплено в крови: каждый десятый был расстрелян...

Однажды Луиза, несмотря на предостережения местных жителей, решила навестить канаков в кокосовом лесу, где они жили. Канаки сначала встретили её с явным недоверием. Но она смело заговорила с вождём этой «трибы» и объяснила ему, что её сослали сюда не за уголовное преступление. «Во Франции,— сказала ему Луиза,— есть добрые и злые люди. Злые — это те, кто угнетает народ, работающий на богачей. Я вместе с многими моими друзьями хотела захватить власть у злых людей.— Значит, ты добрая? Значит, ты защитница всех несчаст-

ных? — сказал вождь канаков, выслушав краткий рассказ о героической борьбе Коммуны: — В таком случае, ты такой же воин, как мы! Ты боролась за своих братьев, но потерпела поражение, как наши несчастные канаки, пытавшиеся сопротивляться белым... Да, да. Злых всегда больше, чем добрых. Они всегда убивают, и они всегда правы...»¹

К великому изумлению белых горожан, Луиза вернулась из лагеря «людоедов» целой и невредимой...

Несколько лет спустя наметилась перспектива близкой амнистии сосланных коммунаров. Но, верная революционным традициям, Луиза Мишель и не желала слышать о том, чтобы ходатайствовать о помиловании. 25 июля 1878 г. она отправила губернатору следующее, полное негодования письмо:

«Прошу Вашей защиты от оскорбительных выходок людей, которые, несмотря на моё категорическое запрещение, ...публикуют от моего имени в газетах письма и ходатайства о помиловании. Я постоянно повторяю, что выйду отсюда только вместе со всеми ссылными и каторжанами — коммунарами. Моя мать и мои близкие друзья с уважением относились к моим убеждениям... Даже мои противники никогда не осмеливались затрагивать мою честь! Пусть же эти мнимые друзья... оставят меня в покое и дадут мне спокойно ждать всеобщей амнистии!». 15 июля 1879 г. Луиза Мишель высказалась в таком же духе в своём письме к президенту республики.

Наконец была объявлена общая амнистия всем ссылным коммунарам (1880), и Луиза Мишель получила возможность вернуться на родину.

* * *

С возвращением Луизы Мишель во Францию (1881) начался новый период её жизни и политической деятельности. Луиза сотрудничает в анархистской газете «*Révolution Sociale*» («Социальная революция»), не подозревая, что действительным редактором газеты был префект полиции Андрие.

В марте 1883 г. Луиза участвует в манифестации безработных, которая была организована анархистом Пуже.

С криками «Хлеба — или пулю!» манифестанты прошли по богатым кварталам столицы; некоторые из участников врывались в булочные, утоляя свой голод. 21 июня 1883 г. Луиза Мишель, Пуже и прочие организаторы и участники манифестации предстали перед судом по обвинению в том, что они были «главарями и подстрекателями шайки, насильственно похитившей хлеб, принадлежавший булочникам Ожеро, Буше и Морисэ». Несмотря на заверения Луизы Мишель, что она не имела ничего общего с «ограблением» булочных (в котором, повидимому, немалое участие приняли полицейские агенты — провокаторы), приговор был заранее предreshён: шесть лет тюрьмы.

Во время своего заточения в Клермонском центре Луиза Мишель много читала, наблюдала, писала. Её интересовал быт уголовных преступников, особенно женщин-проституток. Этой теме она посвятила ряд написанных ею в то время произведений («Мемуары», романы «Человеческие микробы», «Тюрьма» и другие). Луиза Мишель внимательно изучала психологию женщин-преступниц, пытаясь вскрыть социальные корни их преступлений. «Если женщины-арестантки и внушают порой отвращение, — писала Луиза, — то мне лично внушает отвращение буржуазное общество! Пусть сперва уничтожат эту клоаку. Когда очистят от навоза место под солнцем, никто тогда не будет погружать ноги в нечистоты. Посмотрите, юные девушки с нежными и чистыми голосами, — вот ваши сверстницы, с хриплой, отрывистой речью! Причиной этого то, что нельзя жить, как они живут, не одурманивая себя, чтобы забыться»¹.

В январе 1886 г. Луиза Мишель была освобождена. Узнав о помиловании, она не хотела покинуть тюрьмы, и директор пригрозил, что выведет её силой. «В глубине души, — писала Луиза в своих «Воспоминаниях», — я была взбешена необходимостью принять помилование, о котором вовсе не просила. Наконец, я подумала: в тюрьме я не приношу никакой пользы своей (то есть анархистской. — А. Л.) партии. Будучи на воле, я смогу возобновить свою пропаганду и принять некоторое участие в разрушении гнилого здания нашей власти».

Она действительно выполнила своё решение: до последних лет своей жизни она неустанно разъезжала по

¹ *Françoise Moser, Une Héroïne Louise Michel, Paris 1947, p. 154.*

¹ *L. Michel, Mémoires écrites par elle-même.*

Франции, агитировала за свержение власти капитала, рассказывала о героизме женщин в дни борьбы Парижской Коммуны 1871 г. Во время посещения Гавра в январе 1888 г. некий Пьер Люка, бедняк-рабочий, совершил покушение на её жизнь, стреляя в неё из револьвера. Одна из пуль пробила шляпу Луизы Мишель, другая засела за ухом, в височной части. Раненая Луиза, узнав, что Люка был бессознательным оружием в руках подкупивших его реакционеров, приложила большие усилия, чтобы добиться его оправдания. Она обращалась с письмами ко многим влиятельным людям (в том числе к знаменитому психиатру Шарко), стремясь доказать, что Люка невменяем. Луиза наняла опытного адвоката и в конце концов добилась оправдания человека, который хотел её убить!

Зимой 1889 г. Луизу Мишель посетила в сопровождении американской корреспондентки Е. Бартенева, участница Парижской Коммуны, описавшая обстановку и самый облик революционерки.

«...Мы постучались. Нам ответил благозвучный и совсем молодой голос. Мы вошли. Перед нами у большого простого, некрашеного стола, заваленного рукописями и тетрадями, сидела женщина лет за пятьдесят, с короткими вьющимися, с сильной проседью каштановыми волосами... Правильный нос, старческий ввалившийся рот, небольшие прекрасные карие глаза и болезненный, красноватый цвет кожи на лице, приобретённый в Каледонии. На Луизе Мишель было старенькое ситцевое платье тёмного цвета и ветхий ватерпруф. Кроме большого стола, у которого она сидела и над которым были прибиты к стене три широкие некрашенные полки с книгами, бумагами и завернутым в бумагу куском сыра, в комнате был ещё стол, на котором сидели на шестах с перекладинами два попугая... и крошечная железная печка, у которой грелась сидевшая на стуле обезьянка во фланелевом платице. На печке стоял жестяной кофейник. Кухни при квартире нет. Вся квартира состоит из трёх комнат. В одной из них, кажется, стоит кровать, другая — совершенно пустая...

— ...О чём же вы хотели спросить меня? Спрашивайте, — дружелюбно и просто обратилась Луиза к корреспондентке американской газеты.

— ...Как и когда возникли у вас те стремления, которыми вы руководились во всю свою последующую жизнь?

— О, — прервала её Луиза, — разве можно сказать, когда идея берёт своё начало и где её конец? Оставим это, право, это неинтересно. А вот что гораздо интереснее: есть у вас в Америке синдикаты женщин-работниц? Если нет, то скажите американкам — пусть они основывают такие союзы... За последнее время нам удалось сгруппировать в Париже несколько таких союзов. Это дело живое, оно пойдёт.

Американка записала, но, видимо, была недовольна тем, что Луиза Мишель уклонилась от ответа на её первый вопрос.

— Позвольте спросить вас, — сказала она, отрываясь от записной книжки, — чего собственно вы хотели в 1871 году?

Глаза Луизы засияли. Отвечая на вопрос, она, между прочим, сказала:

— Разве вы думаете, что человеку свойственно довольствоваться своей личной жизнью (*sa petite vie personnelle*)? Нет, он бы умер от скуки. Смотреть на себя, как на частицу общества, как на атом вселенной — это естественно. Напротив, совершенно противоестественно считать себя центром вселенной, центром общества...

...Все усилия американки заставить француженку говорить о себе оставались тщетными. Луиза находила, что это неинтересно. Эта старуха жила настоящим и будущим и упорно указывала на свои мемуары, как на совершенно достаточный источник биографических сведений.

— Я думаю, — откровенно вздохнув, заявила американка, — что в ваших мемуарах вы говорите обо всём, кроме вашей собственной личности.

Луиза улыбнулась. — Так сложилась моя жизнь, — ответила она...»¹.

В 1890 г. Луиза Мишель узнала, что правительство хочет объявить её умалишённой и заточить в психиатрическую больницу. Она бежала в Лондон. Там она продолжала поддерживать связь с анархистами.

До конца жизни Луиза Мишель оставалась преданной делу революции.

Луиза Мишель умерла 10 января 1905 г. в убогом номере марсельской гостиницы, в страшной нужде. В последние годы жизни она живо интересовалась русским

¹ «Русское богатство» № 8, 1893 г., стр. 134—142.

революционным движением. Перед смертью она говорила анархисту Жиро: «Вот увидите: в стране Горького и Кропоткина произойдут грандиозные события. Я уже чувствую, как она поднимается, как она растёт, эта революция, которая сметёт царя и всех его великих князей, и славянскую бюрократию, и перевернёт вверх дном весь этот огромный «Мёртвый дом». И что будет самым удивительным, это — что и в Москве, и в Петербурге, и в Кронштадте, и в Севастополе солдаты будут заодно с народом. Тот унтер-офицер (она имела в виду унтер-офицера армии генерала Винуа — Вердагера, который в историческое утро 18 марта 1871 г. убедил свою роту приставить ружья к ногам — не стрелять в народ), — будет иметь много подражателей, можете быть в этом уверены!»¹.

Заслуги Луизы Мишель в период Коммуны 1871 г. велики и бесспорны. Несмотря на анархические заблуждения последних лет своей жизни, в нашей памяти она навсегда останется доблестной коммунаркою, отважно «штурмующей небо», «Красной девой Монмартра».

¹ E. Girault, *La bonne Louise*, Paris 1906, p. 217.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ГЮСТАВ ФЛУРАНС

(1838—1871)

Одним из героев Парижской Коммуны 1871 г., павших первыми в борьбе за неё, был Гюстав Флуранс, сын учёного-физиолога Жана Пьера Мари Флуранса, непрямого секретаря французской Академии наук, профессора Коллеж-де-Франс.

Гюстав родился в Париже 4 августа 1838 г. С детских лет он серьёзно и усидчиво учился. Будучи студентом естественного факультета, он вёл в шумном Париже спокойный и серьёзный образ жизни, не соблазняясь никакими развлечениями — балами, театрами или кабаре; женщины его не интересовали. «В двадцать пять лет,— пишет его биограф Ш. Пролэ,— он был ещё чист и целомудрен; по примеру античных республиканцев, он заявлял: «Я останусь таким вплоть до дня, когда восторжествует свобода!»¹. Высокий и стройный, с выразительными глазами, смело глядевшими из-под большого выпуклого лба, с звучным, приятным голосом и добрым лицом, свидетельствовавшим о скромности и честности, Гюстав Флуранс сразу обращал на себя внимание и производил чрезвычайно благоприятное впечатление на всех, с кем имел дело. Он очень много и углублённо занимался, проводя по примеру своего отца нередко ночи напролёт

¹ *Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens. Insurrection crétoise 1867—1868. Siège de Paris 1870—1871, Paris 1898, p. 15.*

за чтением научных трудов. Ему не было ещё 21 года, когда он с успехом сдал экзамен на лиценциата¹.

Однако не только наука интересовала Флуранса. Богатое воображение Флуранса иногда уносило его очень далеко: он мечтал о героических подвигах для общего блага, готовый жертвовать своей жизнью ради освобождения угнетённых народов.

Сильное впечатление на юного Флуранса произвело польское восстание 1863 г. Флуранс решил уехать в Польшу и пожертвовать, если понадобится, даже жизнью ради дела национальной свободы. Его опьяняли громкие лозунги и романтика борьбы за освобождение поляков, но он не был в курсе скрытых за этим интриг иезуитов и тайных замыслов «белых» — партии польской аристократии. Приехав в Польшу, Флуранс убедился, что расчёты «белых» не имеют ничего общего с подлинными интересами польских трудящихся. Он недооценил силы демократического лагеря «красных» (к которому принадлежали Я. Домбровский, В. Врублевский и другие) и предпочёл вернуться к себе на родину — в Париж, где вновь целиком отдался научным занятиям.

В 1863 г. 25-летний Гюстав Флуранс получил разрешение заменить своего отца на кафедре естественной истории Коллеж-де-Франс. Он разработал курс «Истории рас», состоявший из 50 лекций. Лекции Г. Флуранса в отличие от спиритуалистических воззрений его отца носили материалистический характер. Они были явным вызовом всему тому учёному миру, в котором издавна вращался старик Флуранс. Гюстав решительно отвергал всякое религиозное объяснение происхождения человека и опирался на неопровержимые факты, подтверждавшие материалистическое объяснение этого. Его метод изучения рас был основан на анатомических признаках и одновременно на сравнительном анализе разных языков. Смелость лекций Гюстава Флуранса завоевала ему симпатии многочисленной аудитории студенческой молодёжи. Он приобрёл любовь и популярность, но вместе с тем и врагов.

Идеи Гюстава Флуранса носили явный характер «ниспровержения всех основ». Они вызвали сильную тревогу

¹ Лиценциат — учёная степень — среднее между бакалавром и доктором наук. Даёт право на преподавание, чтение лекций, на защиту в суде и пр.

в лагере маститых учёных и клерикалов. Их приводила в ужас дерзкая попытка молодого профессора объявить беспощадную войну всем религиям, церквам и религиозным авторитетам. Против Флуранса ополчились клерикальные газеты, в особенности периодическое издание «Contemporain» («Современник»), требовавшее немедленного смещения Флуранса с его поста.

Но Флуранс продолжал энергично отстаивать свои взгляды. Реакционеры апеллировали к министру народного просвещения. С яростью указывали они на то, что Флуранс осмелился опубликовать свои лекции в «Обзоре университетских курсов». В результате давления клерикалов молодой профессор Г. Флуранс был в ноябре 1864 г. уволен. Месяц спустя Флуранс уехал в Лондон, где занялся изучением ценных материалов Британского музея, а оттуда отправился в Бельгию. В Брюсселе он издал работу «Наука о человеке», в которой сделал первую попытку сформулировать научные первоосновы этнографии.

Примерно с этого времени Флуранс целиком отдаётся политической деятельности. Он становится сотрудником прудонистской газеты «Rive Gauche» («Левый берег»), которая, впрочем, в 1866 г. была в Брюсселе запрещена. Писал он и в «Espiègle» («Проказник») — бельгийской сатирической газете социалистического направления. В то же время Флуранс давал уроки, устраивал конференции на научные и политические темы. Флуранс пользовался большой популярностью среди бельгийского студенчества и у передовых людей Бельгии, ценивших его за страстность и смелость высказываний.

Но вскоре Флурансу пришлось покинуть Бельгию: он узнал, что его отец серьёзно заболел, и поспешил вернуться в Монжерон (деревушка к югу от Парижа, где жил старик Флуранс).

Отец стал поправляться. Ни идей, ни стремлений сына этот суровый старик, чуждый его демократическим взглядам, не понимал. Попытки объясниться с ним оказались бесплодными. Гюстав буквально задыхался в старозаветной затхлой среде, к которой принадлежали его отец-академик и его друзья. Гюстав воспользовался первым же удобным случаем, чтобы снова уехать. На этот раз он решил посвятить себя борьбе за освобождение греческого населения острова Крита от турецкого ига.

Греки Крита изнемогали от насилья и издевательств турецких властей. Они видели единственный исход в присоединении к родственной им в национальном отношении Греции. Но скромную петицию критских христиан султан отказался рассмотреть; мало того — он пригрозил суровыми наказаниями всем, кто не подчинится его воле. Тогда на острове Крите вспыхнуло восстание (в сентябре 1866 г.). Турки были разбиты в горных ущельях и отброшены к порту Канея.

Сочувствовавший восставшему населению Крита Флуранс первоначально решил посвятить себя пропаганде национально-освободительного движения народов Востока. Не имея ни гроша в кармане, он занял у приятеля 200 франков и, сев в Марселе на пакетбот, помчался в Стамбул (где должна была решаться судьба критян). Флуранс никого не знал в этом городе и фактически был обречён на полуголодное существование. К счастью для себя, Флуранс случайно повстречался со своим старым товарищем по коллежу, который помог ему связаться с редакцией «Вестника Востока» — передовой газеты, издававшейся тогда в Стамбуле на французском языке. В этой газете Флуранс поместил серию статей под общим заголовком «Восток и всеобщая справедливость». Его статьи, проповедовавшие сближение и братство разных народов Востока, произвели в Стамбуле сенсацию. Выступая против религиозного и политического деспотизма, Флуранс был первым европейцем, осмелившимся излагать на Востоке научную теорию атеизма. Французский посол по указанию своего правительства предложил Флурансу прекратить эту «зловредную» пропаганду. Но грекам, жившим в столице Турции, нравился Флуранс, и они решили привлечь его в качестве преподавателя в свою национальную школу. Французский посол снова вмешался и запретил приглашать Флуранса. Тогда неугомонный Флуранс основал собственную газету под названием «Звезда Востока». Но на этот раз её закрыл Али Паша, турецкий министр внутренних дел.

Флуранс всё ещё не хотел сдаваться. Он пытался издавать газеты на греческом и армянском языках, но всё время терпел неудачи.

В мае 1866 г. он уехал из Стамбула в Афины. Он рассчитывал на поддержку греческого правительства; но в критском вопросе греческий король вёл себя осторожно и

уклончиво. Флуранс надеялся, что по крайней мере конституционный строй Греции даст ему возможность свободно высказывать свои мысли; он основал в Афинах республиканскую газету «Эллинская независимость». Попытки выступать с политическими речами на открытом воздухе кончились его арестом.

Выйдя на свободу, Флуранс решил ехать на Крит, где с новой силой вспыхнуло восстание. Он присоединился к небольшому отряду добровольцев-афинян, которые отправились на маленьком контрабандистском судне к берегам Крита. Корабль этот, попав в шторм, вынужден был выброситься на берега островов Парос и Цитера, чтобы спастись от преследования турецких военных кораблей. Афинские волонтёры благополучно добрались до критских повстанцев, которые приняли их с распростёртыми объятиями.

Положение восставших было тяжёлым: враг был многочислен и хорошо вооружён. Флуранс, однако, не падал духом. Он считал необходимым продолжать борьбу. Он успокаивал и ободрял критян, организовал связь и переписку со всеми независимыми газетами Европы, чтобы создать широкую популярность восстанию. По договорённости с руководителем повстанцев Зимбракокисом Флуранс попытался развернуть партизанскую войну, единственно возможную в данных условиях, и с этой целью поднялся с Чиприани¹, своим другом и помощником, и с другими преданными товарищами на высокое плато Омолос, где соединился с критянами, решившими драться до конца. Там Флуранс оставался несколько месяцев. Вместе со всем отрядом он терпел голод, холод и всеческие лишения, спал на снегу, питался корешками растений. Флуранс и одевался совершенно так же, как греческие повстанцы: в синюю куртку и широкие шаровары, на голове — красная феска с кистью, спадающей на плечо, носил кривую саблю и пояс, за который были заткнуты длинные пистолеты.

Наконец, после долгой, отчаянной борьбы повстанцы и волонтёры вынуждены были капитулировать. Только

¹ Чиприани, Амилькаре (1844 — 1918) — итальянский революционер, участник национально-освободительного движения в Италии, волонтёр в армии Коммуны. После падения Коммуны был сослан в Новую Каледонию; после амнистии возобновил революционную деятельность в Италии, за что был сослан на каторгу.

одна группа повстанцев, около 50 человек, во главе которой стояли Флуранс и Зимбракокис, держалась в восточной части Крита. Эти смельчаки, изнемогая, всё же продолжали борьбу.

Весной 1867 г. восстание разгорелось с новой силой. Во время одного из столкновений Флуранс был тяжело ранен. Его спас, унеся на плечах с поля битвы, его друг — француз Балло.

Некоторое время спустя Флуранс получил из дому известие о том, что состояние здоровья отца безнадежно. Гюстав поспешил уехать, но застал своего отца уже мертвым... Решив, несмотря на категорический отказ министра Дюрюи, всё же получить кафедру отца в Коллеж-де-Франс, Флуранс обратился с письмом к Наполеону III, напоминая о своих знаниях и о горячем желании покойного отца, чтобы сын продолжал его учёную карьеру. Император уклончиво ответил, что в назначения профессуры он не может вмешиваться.

(Впоследствии, после падения империи, Флурансу неоднократно ставилось на вид это обращение к Наполеону III, хотя оно было сформулировано крайне сдержанно, с большим достоинством и касалось исключительно его научной деятельности.)

В феврале 1868 г. Гюстав опять вернулся к своим боевым товарищам на Крит. К этому времени под давлением англо-французской дипломатии греческое правительство решило окончательно порвать с критскими повстанцами. Когда Флуранс, приехав в Афины, организовал большое народное собрание, на котором выступил с горячей речью, призывая афинян организовать помощь критянам, министр Булгарис приказал его арестовать.

Некоторое время спустя Флурансу удалось выйти на свободу, и он немедленно выехал на Крит, где его избрали членом Национального собрания, а затем председателем делегации, которую критяне, мечтавшие о присоединении к Греции, направили в греческий парламент. Но Булгарис арестовал делегацию, прибывшую в Афины, а Флуранса силой заставил сесть на пакетбот, шедший в Марсель. Как только пароход прибыл в Марсель, тамошний префект немедленно арестовал Флуранса; затем он телеграфно запросил Париж, что дальше делать с арестованным, но получил приказ освободить его. Не возвращаясь даже к своей семье, Флуранс снова отправился в Гре-

цию. Но там его ожидала усиленная слежка афинской полиции. Убедившись, что «один в поле не воин», Флуранс решил уехать из Греции в Италию, в Неаполь.

В Италии Флуранс снова занялся политической деятельностью. В статьях, опубликованных в республиканской газете «*Ruolo d'Italia*», он, между прочим, обрушился на реакционного министра Манабреса. За это он был немедленно водворён в тюрьму. В конце 1868 г. Флуранс вернулся, наконец, в Париж, вконец измученный всей своей бесплодной революционной деятельностью...

К этому времени в самой Франции всё больше поднимался революционный протест против бонапартистского режима. Гюстав Флуранс принял живейшее участие в этом движении. Он выступал с горячими речами на публичных собраниях. Вот что рассказывал об этих выступлениях очевидец: «Когда речь шла о вещах, не имевших прямой связи с идеями, дорогими его сердцу, Флуранс выслушивал такие выступления вежливо, но молча и безучастно. Но как только во время дискуссии затрагивались его излюбленные темы об освобождении пролетариев от рабства, об освобождении народа, о всемирной республике — Флуранс тотчас вскакивал на трибуну и совершенно преобразался. Его синие глаза метали молнии, его большой лоб озарялся светом, голос его, обычно чрезвычайно приятный и убедительный, гремел, как призывный клич трубы. Дрожа, как в лихорадке, он отчаянно жестикулировал, нагромождая аргументы на аргументы, одни иронические замечания на другие, он весь пылал гневом. Невозможно было слушать его, не восхищаясь искренней верой, выражаемой в столь красноречивой форме... Мы хорошо его знали, мы очень его любили, ...и каждый невольно тянулся к нему, испытывая глубокое уважение к его прекрасному характеру и высокой честности»¹.

Подчас Флуранс вёл себя вызывающе, и, в конце концов, ему пришлось за это поплатиться. 25 марта 1869 г., когда Флуранс председательствовал на одном большом собрании, которое комиссар полиции приказал разогнать, Флуранс призвал собравшихся к неподчинению, пылко восклицая: «Долой полицию! Она недостойна при-

¹ *Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 38—39.*

существовать на этом собрании, ...которое более священно, чем палата депутатов, куда пробираются только путём подкупа при выборах. ...Там теперь столько крупных жуликов, что отправить их на каторгу значило бы опозорить последнюю»¹. Флуранс тут же был арестован и приговорён к трём месяцам тюрьмы и к штрафу в 200 франков.

Пока Флуранс находился в тюрьме, его всё время беспокоила единственная мысль: сознание своей досадной беспомощности в то время, как республиканцам и демократам было необходимо его участие в борьбе с бонапартизмом. Лозунгом Флуранса, по его собственным словам, было:

«Действовать, постоянно действовать!.. Превращать всякое публичное собрание в трибуну для энергичных нападок на империю; несмотря на тюремное заключение и штрафы, возобновлять атаки с ещё большим жаром; учить парижан высоко держать свою голову; волновать, непрерывно возбуждать умы речами, статьями; сражаться, двигая, пусть даже недостаточно прочные, баррикады, создавая ежедневно новые заговоры граждан или солдат, невзирая на неудачи; заставить тирана дрожать за свою жизнь и довести его таким путём до безумия, чтобы каждый день он всё больше и больше слабел и глупел»².

Осенью 1869 г. Флуранс принял живейшее участие в дополнительных выборах депутатов в Законодательное собрание и сыграл немалую роль в победе кандидатуры Анри Рошфора. В созданной последним совместно с руководителями I Интернационала ежедневной газете «Marseillaise» Флуранс возглавил отдел «Военная трибуна», где помещались его статьи под заголовком «Армия и народ». Целью этих статей было пробудить в солдатах наполеоновской армии гражданское самосознание и республиканский дух. В одной из таких статей солдатам империи давалось понять, что в будущем обществе не будет постоянной армии, унтер-офицеры будут избираться из среды наиболее способных и сознательных солдат; им будут предоставлены все гражданские права.

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 39.

² Ibid., p. 43.

Когда в январе 1870 г. журналист Виктор Нуар был убит прицелом Пьером Бонапартом, среди революционно настроенного населения Парижа вспыхнула такая буря негодования, что с минуты на минуту можно было ожидать всеобщего восстания. Первую роль среди сторонников восстания играл, конечно, стремительный и пылкий Флуранс. Но Рошфор, Делеклюз и другие деятели, присутствовавшие на похоронах, решительно воспротивились этой безрассудной и несвоевременной затее, которая могла закончиться лишь бесцельным кровопролитием.

По поводу этих событий Энгельс писал Марксу (1 февраля 1870 г.): «Истинное счастье, что, несмотря на Г. Флуранса, на похоронах Нуара не вспыхнуло восстание. Бешенство «Pays» служит доказательством жестокого разочарования бонапартистов. Ведь для них нет ничего более желательного, как захватить en flagrant délit [на месте преступления] всю революционную парижскую массу вне Парижа и даже вне крепостных стен, имеющих лишь два-три прохода, а в открытом поле»¹.

Флуранс вернулся в Париж огорчённый и разочарованный. Он придавал этой попытке восстания значение всеобщего протеста против бонапартистской политики реакции. В феврале Флуранс чуть было не порвал с газетой «Marseillaise», одним из редакторов которой он был до этого. Он выступил в газете «La Réforme» с обвинением главного редактора «Marseillaise» Рошфора в капитуляции перед империей, в измене республиканским идеям и своим же собственным заявлениям.

Не прошло и месяца (7 февраля 1870 г.), как Рошфор за своё выступление против семьи Бонапартов в «Marseillaise» был арестован полицией и увезён в Сент-Пелажи. Как только Флуранс, находившийся в помещении редакции газеты «Marseillaise», где происходило собрание, узнал об этом, он тут же встал и заявил во всеуслышание:

— Я объявляю правительство свергнутым. Революция началась. Комиссар полиции — вы арестованы!

Вынув из кобуры револьвер и обнажив свою длинную саблю, которую он всегда носил при себе, Флуранс предупредил полицейского, что с ним ничего не случится при условии, конечно, что тот не захочет бежать или оказывать сопротивление.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 285.

— Идите со мной рядом, — приказал ему Флуранс, — и ведите себя хорошо или я вас убью. Малейший знак вашим агентам — и вы погибли. Можете не беспокоиться: республиканцы не убивают, подобно вашим господам, своих безоружных противников!

Крепко держа комиссара полиции за руку, Флуранс вышел с ним на улицу. Комиссар указал агентам на свой шарф, и все граждане, присутствовавшие на собрании, смогли свободно выйти из помещений с пением «Походной песни» («Chant du départ»).

— А теперь, товарищи, — воскликнул Флуранс, — вперёд, в Бельвиль! Пойте «Марсельезу» — и да здравствует битва! Да здравствует всемирная республика и освобождение человечества!¹

Очутившись в Тампле, манифестанты остановили два омнибуса и несколько колясок и, опрокинув их, построили баррикаду. Флуранс отпустил полицейского комиссара на свободу и с группой молодых людей вступил в квартал Тампль. Там они обезоружили двух встреченных солдат. Были забаррикадированы почти все боковые улицы, и повсюду потушен газ. Сделана была неудачная попытка овладеть ружьями, хранившимися в бельвильском театре.

В час ночи забаррикадированный квартал был заполнен массой конных и пеших муниципальных гвардейцев. Флуранса спасла только ночная тьма. Ему удалось скрыться. Утром у Флуранса на дому был сделан обыск, но никаких компрометирующих документов полиция не нашла. 20 марта Флуранс, все эти сорок дней прятавшийся у товарища, бежал из Парижа в Голландию, а затем в Лондон.

В Лондоне он познакомился и завязал дружбу с семьёй К. Маркса. Ещё ранее слышавший от Энгельса довольно скептические отзывы о Флурансе, Маркс при личном знакомстве переменил своё мнение; называл его «весьма решительным, ученым, слишком большим сангвиником»². 28 апреля Маркс писал о нём Энгельсу: «Флуранс был уже несколько раз у меня. Он очень милый парень; его отличительным качеством является audacity [смелость]. Он обладает, однако, и значительным естественно-науч-

ным образованием. В течение года он читал в Парижском университете лекции по этнологии, побывал везде в Южной Европе, Турции, Asia minor [Малой Азии] и т. п. Полон иллюзий и революционного нетерпения, but a very jolly fellow with all that [все же весьма славный парень], не из школы «сурьезных» мужей. Он предложен как член нашего Совета, на заседаниях которого два раза присутствовал в качестве гостя. Было бы очень хорошо, если бы он остался здесь подольше»¹.

Во время своего пребывания в Лондоне Флуранс был свидетелем широко развернувшегося по всей Англии движения в защиту и поддержку национально-освободительной борьбы ирландцев против английского господства. Флуранс горячо сочувствовал революционному выступлению ирландских фениев и немало способствовал организации общественного мнения в их пользу. Он оказал большую помощь дочери К. Маркса Женни в переводе писем руководителя ирландских революционеров-фениев О'Д. Росса на французский язык, а также помог ей опубликовать в газете «Marseillaise» ряд статей, посвящённых борьбе фениев². «Письма О'Донована Росса, которые я не перевела, перевёл Флуранс, — писала Женни Маркс. — Я слышу ещё его голос, говорящий: «Я обещаю вам сделать всё для О'Д. Росса»».

Он «был готов отдать жизнь для освобождения фениев», — рассказывала Женни Маркс Л. Кугельману в письме от 18 апреля 1871 г.

Знакомство с семьёй Маркса сыграло большую роль в политическом развитии Флуранса.

Флуранс сблизился со многими деятелями I Интернационала. Сообщая о частых встречах с ним, Маркс писал Энгельсу, что Флуранса приветствовала «вся здешняя французская революционная челядь», которая устроила в честь него банкет и ухаживает за ним. «Но, — добавлял Маркс, — он уже весьма хорошо просвещен насчет этих господ» (Маркс имел здесь в виду французских политэмигрантов, масонов, представителей «французской секции», давно уже исключённой из Интернационала, и т. п.).

¹ См. G. Flourens, Paris livré, Paris 1871, p. 8.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 322—323.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 325.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 412—429.

Маркс рассчитывал использовать Флуранса в борьбе с бакунистами. «Бакунину мы закроем доступ в «Marseillaise» при помощи Флуранса...»¹, — писал Маркс.

9 августа Флуранс, заочно преданный суду, обвинённый не только в организации выступления 7 февраля, но и в мнимом покушении на жизнь Наполеона III, был приговорён к заключению в крепости.

Английское правительство было чрезвычайно обеспокоено пребыванием Флуранса в Лондоне и пыталось использовать различные предлоги, чтобы выдать его Франции. Однако попытки этого рода кончились неудачно.

В мае Флуранс покинул Лондон с намерением вернуться в Париж. Он составил план заговора, который впоследствии был изложен Флурансом в его книге «Paris livré» («Преданный Париж»).

«В одну из ночей овладеть дворцом Тюильри с помощью некоторых знакомых людей в самом дворце; мощными взрывчатыми приборами, предоставленными наукой в распоряжение угнетённых, раздавить бонапартистов в случае их попытки сопротивляться; смелым набегом парализовать всех вооружённых защитников тирана — и с помощью нескольких человек, обладающих необычайной энергией, освободить от цепей великий народ: таков был план заговора, который тогда мог пленить всякое смелое и благородное сердце»². Однако в Париже попрежнему всё было спокойно, власть принадлежала императору и его ставленникам. Тогда Флуранс решил выждать и изменить свой маршрут: он уехал в Грецию, где, по слухам, ожидался революционный переворот. В Афинах французский посол, узнав о его появлении, потребовал у греческого правительства выдачи Флуранса, но за него энергично вступились демократические круги греческого общества и, несмотря на трусливое поведение правительства, боявшегося Наполеона III, не допустили этого.

С началом франко-прусской войны и особенно после вторжения пруссаков во Францию стало ясно, что дело бонапартовской династии безнадежно проиграно. Не дожидаясь окончательного крушения империи, Флуранс поспешил уехать из Афин и через Симплонский туннель добрался, наконец, до Женевы. Выехав на телеге из Фер-

не, он был неожиданно задержан в Жексе, так как там его приняли за прусского шпиона. Пришлось Флурансу просидеть 10 дней в тюрьме.

Только после 4 сентября, когда Франция была провозглашена республикой, Флуранс телеграфно известил Рошфора о своих злоключениях. По приказу Кремье, министра юстиции в правительстве Национальной обороны, Флуранс был освобождён.

Спустя короткое время он был в Париже. Во время встречи с Рошфором Флуранс изложил ему свой «план всеобщего восстания в Европе». В этот план входили: постройка баррикад в Берлине и Вене; республиканское движение в Испании; провозглашение итальянской республики; революционное восстание в Англии и т. д. Что касается Франции, то Флуранс представил Рошфору обстоятельно разработанный план укрепления Парижа и организации сопротивления наступающим пруссакам.

Но Рошфор не желал об этом и слушать. Он сослался на заявление капитулянта Трошю, который утверждал, что пруссаки могут в два часа взять любой форт и в течение суток вступить в Париж.

Глубоко опечаленный Флуранс отправился в Бельвиль и решил всецело посвятить себя организации Национальной гвардии. Он был в отчаянии, видя, что теряется драгоценное время, необходимое для спасения молодой Республики, и возмущался преступной пассивностью правительства Национальной обороны.

Первоначально Флуранс был избран командиром 63-го бельвильского батальона. Храбрость Флуранса была общеизвестна, и в его батальон охотно записалось 10 тысяч человек, горевших желанием выступить под его командованием против неприятеля. Флуранс был сильно удручён тем, что гвардейцы плохо одеты и страдают от стужи. Он прилагал огромные усилия, чтобы обеспечить их всем необходимым. Для этого Флуранс организовал в Бельвиле швейные мастерские, где женщины шили куртки для своих мужей и сыновей. На это полезное дело он затратил часть своего личного состояния. Не прошло и нескольких дней, как 63-й батальон был готов к выступлению.

29 сентября 1870 г. Флуранс собрал пять батальонов XX округа (63-й, 172, 173, 174, 243-й) и двинулся с ними к Ратуше с требованием муниципальных выборов. Но его беседа с членами правительства Национальной обороны

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 322.

² G. Flourens, Paris livré, p. 11.

ни к чему не привела. Генерал Трошио уверял его, что «спасёт Францию» — в этом он твёрдо убеждён: у него, дескать, «свой план спасения».

Но уже 2 октября Париж узнал о сдаче двух крепостей — Туля и Страсбурга. Возмущение пассивностью «правительства национальной измены» (как уже многие его называли) продолжало расти. 4 октября Флуранс собрал своих офицеров на совещание. Было решено снова идти к Ратуше и требовать, чтобы батальонам разрешили сделать вылазку.

Правительство попрежнему не обращало никакого внимания на волнение населения. Утром 5 октября Флуранс выстроил на Грэвской площади пять рабочих батальонов (63-й, 172, 173, 174 и 243-й) и повёл их к Ратуше. Делегация во главе с Флурансом твёрдо и решительно выставила свои требования перед правительством. Важнейшими из них было: вооружение Национальной гвардии Парижа, поголовный набор по всей стране, немедленные выборы самоуправления (Коммуны), изгнание всех подозрительных лиц, занимающих высокие посты.

Однако правительство не хотело и слушать ни о каких уступках. Делегация от батальонов продолжала настаивать. Видя, что все их требования отклоняются, Флуранс категорически заявил, что вынужден покинуть свой пост и уйти в отставку; с этими словами он увёл в полном порядке все батальоны на свои места. Бельвильские отряды разошлись с криками: «Бельвиль умирает от голода! Коммуна! Мы требуем Коммуны!»

Утром 8 октября в «Journal officiel» была опубликована декларация правительства, заявившего, что, несмотря на настойчивые требования части Национальной гвардии, считает устройство муниципальных выборов под угрозой прусских пушек вредным для республики и потому решает отложить их до снятия осады.

Результатом этого было новое выступление 8 октября — бурная манифестация у окон Ратуши с лозунгами: «Да здравствует Коммуна!» В этой манифестации, во время которой полиция нагло избивала стариков, женщин и детей, Флуранс участия не принимал.

Между тем батальон Национальной гвардии не соглашался отпустить Флуранса и снова его переизбрал. Флурансу, убедившемуся в доверии масс, пришлось остаться

на этом посту. На своём прошении об отставке Флуранс приписал:

«Пост-скрипtum: Моё немедленное переизбрание всем полком является достаточным свидетельством того, насколько все мы единодушно требуем спасения Франции указанным мною способом».

Выяснилось, что после событий 5 октября префект полиции Кератри требовал ареста Флуранса. Об этом Флуранс сообщил Бланки в следующем полном достоинства и негодования письме: «17 октября 1870 г., 2 часа. Дорогой Бланки! Вчера я получил предписание явиться к г. Фильберу, докладчику Военного суда в Дворце правосудия. Сперва я решил туда не идти. Но мои друзья так настаивали на этом, желая узнать, какое преступление против Республики мне инкриминируется, что я отправился туда и узнал...:

меня обвиняют в следующем:

1) в захвате в Национальной гвардии места, на которое я не имею никакого права;

2) в намерении свергнуть республиканское правительство;

3) в том, что я якобы лишил жалованья тех граждан, которые не желали участвовать в свержении республики. Все эти преступления предусмотрены 97-й и другими статьями военно-судебного кодекса и карают, по меньшей мере, смертью.

Я в достаточной мере привык к смертным приговорам при империи, чтобы не бояться их при Республике.

Ваш Г. Флуранс»¹.

Правительство, действительно, было до того возмущено поведением Флуранса, что одно время было даже решено его арестовать. Об этом Рошфор тайно предупредил Флуранса. Но уже на следующий день Трошю, глава правительства, переменял своё решение, ибо боялся Национальной гвардии, народа, среди которого Флуранс был очень популярен.

Предательство маршала Базэна и предполагавшаяся сдача Меца, о которых в конце октября Флуранс узнал от Рошфора, глубоко потрясли его. Возмущённый Флуранс направился в редакцию газеты «Combat» («Сражение»)

¹ Ch. Pictès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 63.

к Феликсу Пиа и рассказал обо всём. Пиа, не менее его взволнованный, заявил, что в такой ответственный момент они не имеют права молчать. На другое утро на первой странице «Combat» появилось в траурной рамке следующее извещение:

«Является бесспорным и достоверным фактом, что правительство Национальной обороны тайно скрывает от всех то, что мы сейчас разоблачаем к негодованию всей Франции как государственную измену: Маршал Базэн отправил одного полковника в лагерь прусского короля для переговоров о сдаче Меца от имени его величества императора Наполеона III»¹.

Правительство, однако, категорически всё отрицало. Пиа был объявлен агентом иностранцев, номера «Combat» с заявлением были 29 октября по приказу властей сожжены на бульварах. Тогда Пиа напечатал в «Combat» разъяснение, в котором сообщалось, что сведения о предательстве Базэна он получил через Флуранса от Рошфора, члена правительства. Весь Париж был охвачен негодованием.

31 октября правительство подтвердило сдачу Меца официально.

Слово «измена» повторялось всё чаще и чаще на улицах Парижа. Через час после того, как официальное сообщение было повсюду расклеено, на площади Ратуши собралась большая толпа граждан, преимущественно национальных гвардейцев.

В ночь на 31 октября у театра «Жимназ» состоялся многотысячный митинг. Выступавшие требовали свержения правительства Национальной обороны и создания Коммуны. 31 октября рано утром в Кордери на собрании делегатов 20 округов было принято решение о свержении правительства.

Вскоре улицы Парижа заполнились народом. С возгласами «Низвержение правительства!», «Коммуна!» толпа устремилась к Ратуше. Члены правительства удалились на совещание и вскоре через Рошфора объявили народу о назначении выборов в Коммуну. Но им уже не верили.

Флуранс ещё с утра 31 октября решил двинуть все пять бельвилльских батальонов к Ратуше, но из пяти

¹ Ch. Pictès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 65.

командиров трое отказались участвовать в немедленном выступлении против правительства. Понимая, что нельзя терять времени, Флуранс собрал 1-й парижский маршевый батальон, носивший название «Стрелки Флуранса», велел раздать всем стрелкам патроны и, вскочив на коня, повёл к Ратуше 400 своих волонтеров. В 4 часа пополудни, оставив свой батальон на набережной, Флуранс вошёл в Ратушу.

Толпа бушевала. Комната, где заседало правительство, была заполнена народом. Здесь были Бланки, Мильер и много других бланкистов. Флуранс взобрался на стол, объявил правительство низложенным, а его членов арестованными и провозгласил создание Комитета общественного спасения. Отовсюду в толпе слышались голоса, называвшие желательных народу членов нового правительства. Флуранс записал все имена на листке и затем вслух прочитал этот список: Дориан, Флуранс, Моттю, Виктор Гюго, Луи Блан, Делеклюз, Бланки, Авриаль, Распайль, Ледрю-Роллэн, Феликс Пиа, Мильер, Ранвье, Рошфор. После этого он продиктовал нескольким гражданам, взявшимся помогать ему, описание происшедших событий. Копию этого описания он тут же отослал в национальную типографию, распорядившись отпечатать обращение и расклеить его по всему Парижу во всех двадцати мэриях.

После избрания временного Комитета общественного спасения Флуранс приказал своим стрелкам занять здание Ратуши. Сорока из них было велено наблюдать за членами бывшего правительства.

Пока Бланки, Флуранс, Делеклюз, Мильер, Ранвье и другие руководители восстания обсуждали дальнейшие мероприятия и отдавали приказы, в Ратуше начали появляться национальные гвардейцы 106-го батальона во главе с Ибосом, который, единственный из командиров батальонов, решился выступить против нового, революционного правительства и требовать освобождения прежних министров. Ибосу удалось устроить и прикрыть побег Трошю, Араго и Жюля Ферри. Он чуть было даже не захватил Бланки, которого вырвали у него из рук. Флуранс успел задержать остальных министров, велел закрыть двери и вытолкать всех сообщников Ибоса, пытавшихся освободить Жюля Фавра.

Тем временем бежавший Трошю стал энергично действовать. Вечером ему удалось собрать на Грэвской пло-

щади значительные силы. Враги не дремали и готовились к захвату Ратуши.

В 1 час 30 минут пополуночи, в то время как Флуранс и его товарищи уснули, войска проникли в Ратушу. Оказалось, что Ратуша имела множество потайных ходов, входов и выходов и, кроме того, была связана с Наполеоновской казармой. Всего этого Флуранс не знал, а когда он и его товарищи, утомлённые событиями и крепко заснувшие, очнулись, было уже поздно. Оставалось только капитулировать, чтобы избежать бесцельного кровопролития... Флуранс проявил много самообладания и благоразумия, приказав своим стрелкам отступить по главной лестнице. Затем совместно с Мильером, Ранвье, Бланки, Делеклюзом и Дорианом он подписал следующую декларацию:

«Правительство добровольно обязуется и клянётся своей честью, что завтра осуществит, под председательством Дориана и Шельше, выборы Коммуны, а два дня спустя — нового правительства, чтобы избежать кровопролития и гражданской войны. Все избранные народом 4 сентября и 31 октября совместно выйдут из Ратуши, и каждый из них вернётся к себе домой, чтобы никто из обеих групп не мог впоследствии упрекать друг друга в событиях этого вечера»¹.

В 4 часа утра Флуранс, собрав своих стрелков, ушёл с ними в Бельвиль.

Флуранса пытались обвинить в поражении восстания 31 октября. Ему ставили в вину, что он не сразу отдал приказ об аресте Жюля Фавра и его сообщников, что он не заставил своих стрелков вступить в бой с мобилиями Трошю и что он один взял на себя руководство всем движением. Однако не это было главным. Неудача объяснялась отсутствием единого плана действий и предварительной договорённости, отсутствием единой политической платформы, которая объединила бы усилия всех групп восставших, и главное, конечно, отсутствием единой рабочей социалистической партии. Большую роль сыграло также неуместное великодушие восставших, которые поверили в честность и лояльность своих противников, временно оказавшихся в их руках. Прудонисты уклонились от активного участия в движении, а бланкисты не имели достаточно глубоких корней в рабочем классе.

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 73.

3 ноября был устроен плебисцит для выяснения, продолжает ли парижский народ доверять правительству Национальной обороны.

Ответ «да» собрал 557 996 голосов. Против высказалось 62 638 человек, было много воздержавшихся. Получив, таким образом, поддержку, правительство приступило к репрессиям. Начались аресты, многие командиры батальонов были уволены.

Флуранс, Мильер и Бланки, не доверяя лживым обещаниям, скрылись. 7 ноября в Париже состоялись выборы мэров. Во время этих выборов ярко выявилось отношение населения к недавним событиям. Некоторые республикански настроенные округа, как, например, Бельвиль, демонстративно голосовали за организаторов восстания 31 октября: Бельвиль избрал Флуранса, Ранвье, Мильера и Лефрансэ. Все эти люди или сидели в тюрьме, или скрывались от ареста. Флуранс также скрывался, хотя ему не терпелось вернуться к друзьям. «Сколько раз у меня являлось желание вернуться в Бельвиль. Но друзья всякий раз меня предостерегали: «Ещё немного потерпи! Ещё немного — и арестованных товарищей в конце концов выпустят. Если же ты появишься, будет хуже: ты этим только ухудшишь положение арестованных!»»

Неожиданно Флуранс узнал, что его бывшие подчинённые стрелки были отправлены на передовые позиции в Кретьель. Хотя он после 31 октября сложил с себя звание, он снова надел форму и отличительные знаки командира батальона и поспешил к своим старым боевым товарищам. С болью увидел он трупы стрелков, павших на поле битвы, и горько сожалел, что не был с ними в бою. У ворот Домениль его задержал какой-то капитан, заявивший капралу, командовавшему группой его стрелков: «Человек, который с вами, поразительно похож на Флуранса, которого ником образом не велено пропускать!». Но капрал с серьёзнейшим видом поклялся, что капитан ошибается, и тот ему поверил. Зато, когда Флуранс добрался до Мезон-Альфор, какие объятия встретили его! Как все радовались, что они снова вместе с любимым командиром! Ведь с 31 октября он не виделся ещё со своими стрелками!

Этот искренний порыв дорого обошёлся Флурансу: по приказу генерала Клемана Тома он был там же, на передовых позициях Мезон-Альфор, арестован «за незаконное

пошение отличительных знаков командира» и посажен в Мазасскую тюрьму (7 декабря 1870 г.).

Но друзья Флуранса освободили его. После неудачной вылазки под Бюзенвалем (19 января), в которой погибло немало французских патриотов, национальные гвардейцы и пролетарии предместий столицы решили организовать последнюю попытку протеста, пока не наступило ещё окончательное поражение. Вечером 21 января делегаты всех клубов собрались в клубе «Белой королевы» на Монмартре. Их единодушным требованием было избрание Коммуны.

Прежде всего решено было добиться освобождения всех политических заключённых. С барабанным боем толпа подступила к воротам Мазаса и направила к начальнику тюрьмы делегатов. Чиприани, стоявший во главе этой делегации, заявил:

— Мы являемся только авангардом 6 тысяч человек, наступающих на Мазас! Соппротивление бесполезно. Немедленно выдайте нам гражданина Флуранса, незаконно посаженного сюда!

Когда начальник тюрьмы попытался спорить, ему грозили немедленной смертью, и он вынужден был уступить силе. Это было около полуночи. Во время переговоров Флуранс спокойно дожидался результата, уверенный в исходе. Когда его выпустили, он заставил освободить всех остальных заключённых и, став во главе отряда, двинулся в Бельвиль. Там он захватил здание мэрии XX округа, заседать в которой он имел законное право на основании выборов. Затем он попытался созвать командиров батальонов на бульваре Пуэбла и снова осуществить захват власти. Но на призыв явился только один командир, объяснивший Флурансу, что сейчас все попытки переворота бесцельны. Тогда Флуранс распустил свой небольшой отряд и укрылся у одного друга, где оставался вплоть до 18 марта. Там-то он и написал свою книгу «Преданный Париж», где подробно и убедительно рассказывал о политике бонапартизма и «правительства национальной измены», о предательских действиях Трошию и прочих капитулянтов. Во вступлении к этой книге Флуранс писал, характеризуя позорное перемирие:

«500 тысяч вооружённых людей, собравшихся в укреплённом городе, позорно капитулировали перед 200 тысячами осаждающих. Этот уникальный в истории факт так и

останется навсегда необъяснимым. Историки в недоумении спросят, каким же образом народ мог дойти до такой степени унижения, так постыдно согласиться на собственную гибель! Люди покраснеют от стыда и будут вынуждены сознаться, что это преступление совершено парижанами, внуками героев 93-го года». Затем, приведя лицемерные клятвы Жюля Фавра, Дюкро, Трошю («Мы не сдадим врагу ни пяди нашей земли!», «Правительство ни за что не капитулирует!»), Флуранс твёрдо заявил: «Мы, республиканцы, ничего общего не имеем с людьми 4 сентября, которые бесстыдно осмеливаются называть себя республиканцами,— с этими политическими иезуитами и самыми омерзительными лгунами, какие когда-либо обманывали человечество. Нет! Мы продолжаем ещё более чем когда-либо надеяться на победу наших великих принципов социального равенства, братства всех народов, всех людей. Мы уверены в нашем будущем!»¹.

10 марта Флуранс был заочно приговорён 3-м Военным судом к смертной казни за стремление разжечь гражданскую войну и за насильственный захват 31 октября членов правительства. Он ответил на приговор протестом, который был расклеен по всему Парижу:

«Граждане!

Я считаю своим долгом протестовать самым энергичным образом против этого приговора, как незаконного нарушения всех конституционных прав человека. Обвиняемого должны судить равные ему люди. Так гласит закон. Ну так вот, я категорически отрицаю, что патентованные бандиты реакции имеют право называться судьями. Власть, назначившая их в день 31 октября, не была никем признана, поэтому власть эта лишена всякой юридической силы. Кроме того, из долголетнего жизненного опыта я узнал, что свобода становится ещё крепче благодаря пролитой крови мучеников.

Если моя кровь может оказаться полезной, чтобы смыть всю грязь, которой осквернена Франция, и чтобы упрочить союз родины и свободы, я готов охотно пожертвовать её убийцам страны и январским головорезам.

Привет и братство! Гюстав Флуранс»².

Накануне выборов в Коммуну, 25 марта, Флуранс, как секретарь мэрии, и Ранвье, как мэр, приступили к выполнению обязанностей (к которым были ранее, в начале ноября, призваны населением). Они напечатали и расклеили афишу с Обращением к гражданам XX округа, сообщавшим о победе народной революции и призывавшим всех на следующий день явиться для выборов четырёх человек в Коммуну Парижа.

26 марта Флуранс был избран членом Коммуны сразу по XIX и XX округам, но предпочёл остаться представителем последнего округа, снова приняв на себя обязанности командира бельвильских батальонов (20-го легиона).

29 марта Флуранс был избран членом Военной комиссии.

Всё это время в Коммуне обсуждался вопрос о необходимости наступления на Версаль и подавления его вооружённых сил, которые пока ещё были слабы. Многие члены Коммуны колебались, не решаясь прибегнуть первыми к наступательным действиям. Но нападение версальцев 2 апреля, вызвавшее всеобщее возмущение парижан, заставило коммунаров решиться на выступление.

К этому времени план наступления на Версаль был разработан Военным советом во всех деталях. Согласно плану, предполагалось выступить по направлению к Версалию тремя колоннами, захватить неприятеля врасплох и напасть на Версаль с севера, востока и юго-востока, чтобы силой заставить версальское Национальное собрание принять условия, которые могли бы спасти Париж. Наступление возлагалось на трёх генералов Коммуны — Эда, Бержера и Дюваля.

С утра 3 апреля началось выступление федератов. Против Версаля двинулось около 40 тысяч гвардейцев. Вылазка эта была плохо организована, не хватало патронов и артиллерии. Центральный отряд Эда и его командиров Авриала и Ранвье направлялся к Версалию с востока (через Исси, Медон, Шавиль и Вирофлэ), но под давлением превосходящих сил версальцев и артиллерии им пришлось отступить. Другой отряд, во главе с Дювалем, шёл к Версалию с юго-востока и дошёл уже до Виль-Кублэ (в 5—6 километрах от Версаля), но за недостатком патронов и артиллерии вынужден был также отступить к Шатийону. Окружённые превосходящими силами версальцев,

¹ G. Flourens, Paris livré, p. 1—2.

² Ch. Pichès, Les hommes de la Révolution de 1871. Gustave Flourens, p. 82.

войска Дюваля не имели возможности пробиться, а сам Дюваль героически погиб, будучи расстрелян по приказу генерала Винуа.

2 апреля Флуранс, отряд которого входил в колонну Бержере, получил приказ двинуться на Версаль. Подъём духа у гвардейцев был чрезвычайно велик. Все дружно шагали вперёд с громким пением «Марсельезы». Бержере со своим отрядом должен был пройти по мосту Нейи, мимо Курбеуа, и, огибая форт Мон-Валерьен, через Нантер в Рюэй; Флуранс — по мосту Аньер, через Коломб, Нантер в Рюэй, где должен был встретиться с войсками Бержере.

3 апреля в 4 часа утра 20-й легион выступил по направлению к Рюэй. «Состояние духа у каждого великолепно; но надо любой ценой постараться добраться вечером до Версаля. Действовать иначе, значило бы убить революцию и Коммуну. Мы победим, в этом нет ни малейшего сомнения; но надо действовать энергично». Вскоре Флуранс соединился с Бержере, и оба продолжали наступление.

В тот момент, когда колонна должна была свернуть вправо, чтобы занять Нантер (в 12 километрах на восток от Парижа), форт Мон-Валерьен, у подножья которого находился Нантер, неожиданно нарушил свой нейтралитет и открыл огонь по федератам Флуранса. Потрясённые этой неожиданностью (все были уверены, что Коммуна заняла Мон-Валерьен), национальные гвардейцы рассыпались в разных направлениях, многие бежали в Париж. Флурансу и его адъютанту Чиприани удалось собрать лишь немногих. В Рюэй прибыл только 91-й батальон и остатки других, всего 1200 человек. Флуранс привёл с собой ещё тысячу человек.

Тем временем противник, застигнутый врасплох, оправился и перешёл в наступление. Бержере был вынужден отступить к Нантеру. Колонна Флуранса, прикрывавшая отступление Бержере, завязала жаркий бой с превосходящими силами противника, но была отброшена к северу. Оба командира обратились к своим бойцам с призывом держаться, однако на их слова откликнулось всего 250—300 человек. Отступление продолжалось.

Опечаленный, Флуранс следил за этим отходом. Часть федератов вернулась, уговаривая его идти с ними. Спрыгнув с коня, разгневанный Флуранс отвернулся от них и

зашагал по берегу Сены в противоположном направлении.

Подавленный и удручённый, Флуранс был уверен, что в этом постыдном отступлении будут потом винить именно его. Только уступая настоятельным просьбам своего адъютанта, Флуранс согласился укрыться в гостинице (где Чиприани снял номер) метрах в 150 от моста. Жена хозяйина гостиницы проводила их обоих в маленькую комнату, вся мебель которой состояла из кровати, стола, двух стульев и комода; Флуранс, войдя, бросил свою саблю, револьвер и кепи на комод. Хозяйка принесла поесть — сыра и хлеба. Изнурённый бессонницей и сильными переживаниями, Флуранс бросился на постель и погрузился в глубокий сон. Однако Чиприани, опасаясь, что было замечено, как они сюда вошли, вскоре разбудил его и поделился своими опасениями.

Флуранс позвал хозяина гостиницы, по фамилии Леккок, и предложил ему пройти до Нантера, чтобы посмотреть, там ли ещё национальные гвардейцы, и убедиться, не заняли ли версальцы окрестности. Хозяин взял предложенные ему 20 франков и вышел. Но больше он уже не показывался. Вдруг Чиприани заметил, что к дому подъехал верхом офицер главного штаба. Немного погодя Чиприани увидел, что по соседству с гостиницей спрятался жандарм с ружьём в руке.

— Мы окружены! — сказал Чиприани. — Вот жандармы. Нам остаётся одно: умереть с честью!

Флуранс выпрямился, продолжая сидеть на постели и держа наготове револьвер. В этот момент кто-то попытался силой открыть дверь их комнаты. Чиприани рванул её и резко открыл: на пороге стоял жандарм с ружьём на изготовку. Последний не успел спустить курок, как Чиприани разрядил в него свой револьвер. Жандарм отшатнулся и бросился вниз с криком: «К оружию!».

Чиприани погнался за ним, но внизу его окружило человек сорок жандармов, которые вонзили в него свои штыки, и он упал, тяжело раненный.

«Лёжа на земле, полумёртвый, — рассказывал впоследствии Чиприани, — я видел, как спустился Флуранс безоружный с обнажённой головой, среди кучи жандармов. Его обыскали и нашли при нём следующую депешу: «Для исполнения, Флурансу. — Не подходите под форт Мон-Валерьен, нас предали». В другом кармане у Флуранса

нашли вскрытый пакет с следующим адресом: «Г-ну Флурансу, Париж, улица д'Агессо». Это было письмо его матери.

— Ах, это Флуранс! — воскликнули жандармы. — Теперь он в наших руках, он уже не улизнёт! Смерть ему! Смерть!

Флуранс стоял с обнажённой головой, с ясным и спокойным лицом, скрестив на груди руки, закутавшись в свою походную шинель, уверенным и твёрдым взглядом оглядывая окружающую его толпу.

Во время всей этой суматохи подъехал верхом жандармский капитан Демаре.

— Это вы Флуранс? — спросил он повелительным тоном.

— Да, — ответил тот.

— Ах, это вы убиваете моих жандармов?

— Нет.

— Как, не вы? — крикнул Демаре, задыхаясь от злости.

— Нет, — твёрдо повторил Флуранс.

— Лжец! — завопил капитан и, поднявшись на стременах, бешеным ударом сабли расколол ему череп. Так трагически погиб благороднейший воин революции. Жандармы оттащили его тело в сторону и накрыли валявшимся рядом соломенным ковриком».

Тела Флуранса и Чиприани были брошены в грязь. Вечером их отвезли в навозной тележке в Версаль под охраной эскадрона жандармов. Там тело Флуранса бросили в подвал, где уже было свалено до полусотни трупов убитых коммунаров.

Мать Флуранса потребовала выдачи ей тела сына. Но генерал Винуа долгое время не разрешал этого, боясь, что вынос останков героя-коммунара делается для парижан поводом к бурным манифестациям. В конце концов всё-таки удалось добиться у Тьера разрешения на выдачу тела. 7 апреля тело Флуранса было помещено в фамильный склеп семьи Флурансов на кладбище Пер-Лашез.

С глубоким презрением пишет К. Маркс в «Гражданской войне во Франции» о зверском преступлении жандарма, убившего Флуранса, и о ликовании наградившего его Тьера — «обязьяны-тигра», «парламентского мальчика-с-пальчик, которому позволили разыгрывать роль Тамерлана». «Жандарма Демаре наградили орденом за то,

что он изменнически, как мясник, изрубил в куски рыцарски великодушного Флуранса — того самого Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства национальной обороны»¹.

Ярко характеризует Флуранса Женни Маркс в письме к К. Либкнехту, где она называет его «нашим личным другом»:

«Флуранс, вероломно убитый теперь одним из бонапартистских палачей... был на редкость благородной натурой. Он был смел до самозабвения, готов на любой риск, человек с душой рыцаря, гуманный, отзывчивый, мягкий почти до слабости («ничто человеческое не было ему чуждо»). Обладая разносторонним умом, он был высокообразованным представителем современной науки. Молодой, богато одарённый, обаятельный, он отдал своё пламенное, впечатлительное сердце делу неимущих, угнетённых, обездоленных, и притом — не только тех, кто боролся и сражался в его собственной стране; нет, его большое сердце билось за каждую нацию, за каждую расу, за каждое племя. Этим объясняются его полные приключений путешествия из страны в страну; он постоянно устремлялся туда, где разгоралась борьба. Даже враги его говорили о нём: «Отважен, как витязь, учён, как энциклопедия». Для буржуазии он был воплощением красного призрака, она преследовала его с неистовой яростью. Вот почему так фанатически ликовали в Версале...»².

9 мая 1871 г., при Коммуне, муниципалитет XV округа уполномочил скульптора Фора открыть подписку на сооружение монумента Флурансу в память его патриотизма и преданности общему делу.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 473.

² «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 181.

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение *В.С.Алексеева-Попова*

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ЛЕО ФРАНКЕЛЬ

(1844—1896)

Лео Франкель был одним из наиболее близких К. Марксу и Ф. Энгельсу деятелей Парижской Коммуны 1871 г., участвовавших в подготовке и осуществлении социалистических мероприятий первого в мире рабочего государства.

Лео родился 24 февраля 1844 г. в Обуда-Уйлакон, предместье Будапешта, в небольшом домике на улице Людвиг, № 27¹. Отец его, Альберт Франкель, работал врачом на судостроительной верфи. Рабочие и городская беднота глубоко уважали и любили своего врача, хорошо знавшего условия быта и тяжелого труда венгерских рабочих и чутко относившегося к ним.

По окончании четырёхклассного училища мальчика отдали в обучение к ювелиру. Юный Лео охотно учился ремеслу, но очень страдал от грубого обращения хозяина. Получив однажды от мастера пощёчину, Лео бросил работу и ушёл от него навсегда.

В эти годы Лео увлекался чтением. Он читал не только Гейне, Шиллера, но и книги философов-энциклопедистов. «Дидро учил его диалектическому мышлению, Д'Аламбер — свободе исследования, Вольтер — осмеиванию предрассудков, Шиллер — восстанию», — пишет его венгерский биограф Араньоши².

¹ См. М. Aranyossi, Frankel Leo, Budapest 1952, p. 7.

² Ibid., p. 10.

Рано стали волновать Лео национально-освободительные и революционные идеи. Его героем стал Кошут¹, многочисленные рассказы о котором Лео слышал от отца. Как напоминает племянник Лео, доктор Антон Мольнар², отец Лео, Альберт Франкель, тайно носил у себя на груди шелковый платок, на котором был вышит портрет Кошута.

16 лет от роду Лео по старинному обычаю немецких подмастерьев решил отправиться странствовать по белу свету. В начале 60-х годов XIX в. Франкель побывал в Южной Германии.

Здесь молодой Франкель впервые принял участие в рабочем движении. Некоторое время он находился под влиянием идей Ф. Лассалья³ и сотрудничал в его газете «Sozial-demokrat» («Социал-демократ»). В 1867 г. Франкель впервые приехал во Францию, где уже возникли секции Интернационала. Он принял в их работе горячее участие. Одновременно он был корреспондентом венской газеты «Volksstimme» («Голос народа») и других немецких и австрийских газет («Volkswille» и др.). В газету «Volksstimme» Франкель посылал из Парижа острые политические статьи. Однако литературная деятельность не могла обеспечить ему существование. Чтобы обеспечить себе заработок, он устроился в мастерскую к одному из парижских ювелиров и получал 30—40 франков в день⁴.

Маркс и Энгельс, много слышавшие о Лео Франкеле от своих друзей, интересовались его литературно-политической деятельностью.

К концу 60-х годов Франкель под влиянием растущего революционного движения пролетариата, ожесточённой идейной борьбы в Интернационале, которую вёл Генеральный совет под руководством К. Маркса, и особенно под влиянием тех решений, которые были приняты на конгрес-

¹ Кошут, Лайош (1802—1894) — борец за независимость Венгрии.

² См. М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 2.

³ Лассаль, Фердинанд (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, основатель одной из разновидностей оппортунизма в рабочем движении Германии — лассальянства. Сыграл известную роль в создании в 1863 г. Всеобщего Германского рабочего союза, но повёл его по оппортунистическому пути, предавая интересы рабочих в угоду прусскому юнкерскому правительству. Маркс и Энгельс осуждали его тайные переговоры с Бисмарком, его раболепство перед правительством, его отрицательное отношение к борьбе рабочих за повышение заработной платы.

⁴ См. М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 17.

сах I Интернационала в Брюсселе и Базеле, отошёл от лассальянства и присоединился к группе левых прудонистов во главе с Варленом. Огромную роль в этой идейной эволюции сыграло посещение Франкелем Лондона и личное знакомство с К. Марксом.

В 1870 г. Франкель организовал секцию немецких социалистических рабочих Франции, которая принимала совместно с французскими членами Интернационала деятельное участие в революционной борьбе парижского пролетариата. 25 февраля 1870 г. сообщая с Генрихом Бахрухом, членом этой секции, он опубликовал в швейцарской социалистической газете «Egalité» письмо, где протестовал против ареста Варлена и выражал сочувствие «этому смелому борцу социалистического дела». В мае 1870 г., во время третьего судебного процесса над Парижским бюро I Интернационала, секция обратилась с воззванием к немецким и венгерским рабочим, призывая их вступать в Международное Товарищество Рабочих. Франкель и его единомышленники заявляли в этом воззвании, что только братское объединение рабочих может освободить их от ига капитализма, от морального и материального рабства.

В обстановке возрастающей революционности рабочего класса быстрый рост влияния Интернационала сделался опасным для господствующих классов Франции. Правительство Наполеона III решило расправиться с секциями. В июне 1870 г. были произведены многочисленные аресты.

К третьему процессу, происходившему с 22 июня по 5 июля 1870 г., было привлечено 38 членов Интернационала по обвинению в создании тайного общества, в том числе и Л. Франкель. Сперва он отказывался отвечать на вопросы государственного обвинителя, но затем произнёс речь, изумив трибунал своими глубокими познаниями в области политической экономии. Речь Франкеля показала, что он изучил «Капитал» Маркса.

Своё выступление он посвятил тому, чтобы доказать, что Интернационал не есть тайное общество. Его товарищи считают немыслимым, начал он свою речь, чтобы правительство Франции, обещавшее установить у себя такую же свободу, как в Англии, может преследовать, как «тайное», общество, которое свободно существует по ту сторону канала. «Какую цель, кроме предумышленного

намерения оклеветать,— спрашивал Франкель у суда,— могло иметь это напоминание государственного обвинителя? С какой целью, если не с этой, он стал по этому поводу клеймить ораторов разрешённых законом 6 июня 1868 г. публичных собраний, ставших якобы «театром тысячи разнузданных выступлений и странных насилий»? Обвиняя в этом только Интернационал, обвинитель утверждал, что суду неоднократно приходилось применять наказания против проповедников «разрушительных доктрин» в этих клубах; но, странно, в таком случае,— говорил Франкель,— почему же этих лиц мы не видим на скамье подсудимых»¹.

Франкель напомнил суду, что с самого начала инициатива публичных собраний принадлежала некоторым солидным, пользующимся известностью буржуазным экономистам (Горну, Ж. Гарнье, Курсель-Сенейлю). Именно они-то и обсуждали на собраниях вопросы «о женском труде», о «капитале и процентах». Но, допуская даже, что такие публичные собрания возникали под влиянием Интернационала, что члены Интернационала выступали на них чаще многих других, это ничуть не доказывает, что Интернационал — тайное общество!

«Государственный обвинитель говорил о «кровавых столкновениях» в Женеве, Бельгии в результате стачек, вызванных Интернационалом. Но почему уже при этом не упомянуть,— спрашивал Франкель,— о кровавых событиях в Рикамари, Обэне, Сиварове? Эти стачки...— не что иное, как симптомы заболевания общества, симптомы, которые при нашем теперешнем способе производства становятся всё более и более многочисленными, потому что в силу такого метода производства так называемое «национальное богатство» постепенно сосредоточивается во всё меньшем числе рук, причём этому процессу соответствует всё больший и больший численный рост пролетариата. Только незнанием законов экономики и объясняется то обстоятельство, что стачки приписываются Интернационалу. Стачки возникли не вчера; они существовали ещё в прошлом веке. Достаточно ознакомиться с этим по «Истории рабочего класса» Левассера — автора, которого никак

нельзя заподозрить в принадлежности к Интернационалу!»¹

«Зарплата рабочих,— продолжал Франкель,— устанавливается хозяевами настолько несправедливо, настолько произвольно, что экономисты всех времён и стран вынуждены признать, что оплата труда регулируется только крайней необходимостью, жизненной потребностью. Таково мнение не членов Интернационала или какого бы то ни было социалиста, а Тюрго², в его «Рассуждении о создании и распределении богатств» (§ VI)... Соппротивление, оказываемое рабочими хозяевам, является вполне естественным, а вовсе не «созданным искусственно» Интернационалом... Меня несколько не удивляет, что капиталисты по поводу стачек, вызываемых их жадностью, обвиняют прежде всего Интернационал. Они действуют в этом случае, как волк в басне Эзопа: находясь на берегу ручья, волк обвинял стоящего ниже его ягнёнка, утолявшего в ручье жажду, в том, что он «мутит ему воду». Тщетно ягнёнок оправдывался, что ручей не может течь вверх; ничто ему не помогло: волк искал лишь предлога, чтобы съесть ягнёнка!»

Франкель говорил медленно и спокойно, следя за тем, чтобы не делать ошибок и этим не ослабить эффекта своей речи.

«Интернационал,— в заключение сказал Франкель,— такое дерево, корни которого глубоко сидят в земле всех стран, и было бы наивностью пытаться осушить сок, струящийся под корой этого дерева, тем, что мы отрежем ту или иную из его ветвей. Тем же, кто не умеет толковать знамение своего времени, кто воображает, что социальное движение можно остановить этим судебным процессом,— тем я отвечу словами Галилея: «E pur si muove!»—«А всё-таки она вертится!».

Союз пролетариев всех стран — уже совершившийся факт, и нет силы, которая могла бы его расторгнуть»³.

¹ «Troisième Procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris», p. 217.

² Тюрго, Робер Жак, барон (1727—1781) — французский экономист, проводивший реформы в духе идей физиократов.

³ «Troisième Procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris», p. 220.

¹ «Troisième Procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris», p. 216.

В своём письме Энгельсу (18 мая 1870 г.) Маркс с большим одобрением отзывался о поведении парижских секций Интернационала:

«Наши французские члены наглядно демонстрируют французскому правительству различие между политическим тайным обществом и действительным рабочим объединением. Едва успело оно запереть в тюрьму всех членов парижского, лионского, руанского, марсельского и др. комитетов... как *вдвое более многочисленные комитеты* объявляют о себе в газетах, как о преемниках их, в самых резких и вызывающих заявлениях (к тому же предусмотрительно сообщая при этом *свои личные адреса*). Французское правительство сделало, наконец, то, чего мы так долго желали,—превратило политический вопрос: империя или республика — в вопрос *de vie ou de mort* [жизни или смерти] для рабочего класса»¹.

9 июля 1870 г. был вынесен приговор, согласно которому Франкель был осуждён на два месяца тюрьмы: наказание он отбывал в тюрьме в городке Бовэ, неподалёку от Парижа.

Вскоре после свержения Второй империи и провозглашения Республики Франкель вышел на волю и вернулся в Париж. Во время осады Франкель вступил национальным гвардейцем в один из маршевых батальонов и одновременно вернулся к своей прерванной политической деятельности.

Франкель был другом и любимцем парижских трудящихся, которые прониклись к нему чувством симпатии уже тогда, когда он смело выступал на третьем процессе Интернационала. Франкель обладал исключительной способностью излагать и объяснять учение научного социализма ярко и — что особенно нравилось французским рабочим — с большим энтузиазмом. В обществе и на митингах он был любимым оратором. Он умел направить внимание слушателей к желаемой цели, влияя серьёзными доказательствами на умы, горячими словами на сердца, а иногда приводя слушателей в весёлое настроение остроумными анекдотами².

Рабочие не обращали внимания на его иностранный акцент. Они знали, что он сердцем и душой принадлежит

им, охотно делится своими большими знаниями и в то же время, как гвардеец, бесстрашно участвует в обороне Парижа. Всё это время Франкель принимал деятельное участие в работе парижских секций I Интернационала.

Франкель участвовал в составлении и редактировании воззвания, с которым парижские секции Интернационала обратились к международному пролетариату. Франкель сыграл большую роль в воссоздании Федерального совета, в состав которого он вошёл, и в реорганизации секций Интернационала, которые начали было распадаться во время франко-прусской войны, после ареста руководителей рабочего движения.

Большую помощь оказал Франкель члену Генерального совета Серрайе, направленному в Париж со специальным заданием помочь французским социалистам восстановить деятельность организации I Интернационала. Вместе с Франкелем Серрайе боролся против шовинизма, охватившего парижских рабочих; вместе они разъясняли необходимость активной политической борьбы и самостоятельной классовой пролетарской позиции во всех вопросах. Так, Франкель был в числе тех членов I Интернационала, которые боролись против совместного выступления с буржуазно-республиканскими партиями на выборах в Национальное собрание. Когда на заседании Федерального совета 5 января 1871 г. обсуждался вопрос о создании своего органа печати, Франкель горячо поддержал эту идею. Франкель предложил, чтобы «Федеральный совет обладал таким органом, который выражал бы его мысли: очень печально видеть, что из двух секций каждая в отдельности располагает средствами для создания такого органа, а Интернационал со всеми своими секциями не в состоянии создать свою общую газету»¹. «Нам нужна газета Федерального совета,— настаивал Франкель.— Если члены ассоциации не понимают, что их обязанность — держать её на должной высоте, то придётся отчаяться в будущем французских секций Интернационала!»².

На заседании 12 января 1871 г. вновь вернулись к обсуждению этого вопроса. Франкель заявил: «Нам нужен орган, который бы чётко разъяснял наши идеи! Как же вы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 345.

² См. М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 34.

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 8.

² Ibid., p. 10.

хотите, чтобы рабочий, который ничего не знает, мог чему-нибудь научиться? Ему сегодня говорят о Коммуне, это слово его пугает, он не знает, что это такое. После создания Республики мы ничего не сделали. Буржуазия сейчас нас побивает! Ответим ей через газету, боевую, независимую, которая высоко и твёрдо держит знамя рабочих!»¹.

За недостатком средств было решено использовать уже существовавшую республиканскую газету «La Lutte à outrance» («Борьба до последней крайности»). Далее Франкель добавил: «О буржуазной республике нам теперь нечего спорить; газета «La Lutte à outrance» должна сейчас открыть дискуссию по поводу социальной республики»². Все секции поддержали решение Федерального совета, но потребовали, чтобы газета имела раздел «Трибуна Интернационала» и чтобы политическую часть газеты редактировали члены Федерального совета. Однако газета вскоре прекратила своё существование.

После капитуляции Парижа Франкель резко критиковал деятельность Федерального совета. 26 января 1871 г. на заседании, которое шло под его председательством, Франкель констатировал, что настроение делегатов крайне упадочное, а положение Парижа настолько серьёзно, что может привести всех в уныние. Нужна пропаганда! «Клубы и лиги ничего не сделали,— сказал он,— они допустили падение Парижа, который можно было спасти; в результате войны пруссак вступит в Париж, буржуазия постарается к нему подолститься, чтобы спасти свою власть и свои привилегии, и взвалит на нас (на рабочих.— А. Л.) все тяготы, причинённые войной»³.

Франкель поставил вопрос о необходимости возрождения секций Интернационала и их организационном укреплении.

«Начиная с 4 сентября, события вызвали развал Интернационала. Срочно необходимо,— сказал он,— восстановить секции, чтобы они нашли в себе необходимую силу. У нас есть моральная сила если не во Франции, то по крайней мере в Париже; но нам не хватает силы материальной, организации. Многие члены Ассоциации не пони-

мают её цели. Мы составили список кандидатов-социалистов, а большинство наших членов не отдаёт себе отчёта в причинах, заставивших нас внести в него вместо Луи Блана и Виктора Гюго неизвестные имена. Мы хотим ввести в депутацию нескольких членов Интернационала — рабочих. Жаль, что не поняли хорошо, какую цель нужно преследовать. Нам нужна мужественная организация, дисциплинированные секции... всегда преданные интернациональной идее, полные энергии, никогда не устающие и не сгибающиеся.

Только при этом условии мы будем готовы и сильны в день, когда придётся действовать, как бы ни было это неожиданно»¹.

В конце заседания Франкель добавил: «Я поддерживаю предложение Тейса о восстановлении Интернационала. Кроме того, я хотел бы, чтобы наметили средства создать свою газету и назначили секретарей, чтобы возобновить связи с Францией и с заграницей»². Однако время шло, а дело восстановления секций продвигалось вперёд очень медленно.

На заседании 22 февраля Франкель продолжал настаивать на скорейшей реконструкции Интернационала.

«Необходимо безотлагательно заняться организационными вопросами и вопросами обучения... Мы должны углубиться также в специальные вопросы — квартирной платы и борьбы с всеобщей безработицей. Секции должны принять участие в этой работе и сделать это немедленно...». «Я хотел бы, чтобы работа по восстановлению Интернационала шла быстрее...»³ «Я не перестану напоминать Федеральному совету о необходимости создания своего печатного органа: печать — могущественнейшее орудие пропаганды!»

Однако, несмотря на правильную и последовательную борьбу за самостоятельную классовую позицию пролетариата, Франкель делал ошибки. Так, он не понимал необходимости участия в ЦК Национальной гвардии и завоевания его на свою сторону. Он ошибочно рассматривал участие в ЦК как измену делу рабочего класса, как

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 23—24.

² Ibid., p. 26.

³ Ibid., p. 48.

¹ «Procès-verbaux des séances officielles de l'Internationale à Paris», p. 55—56.

² Ibid., p. 59.

³ Ibid., p. 67—68; А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 18—19.

компромисс с буржуазией. «Наш путь интернационалистский,— говорил он,— и мы не должны с него сворачивать»¹.

В революции 18 марта руководители Федерального совета Интернационала — Варлен, Франкель, Дюваль, Асси, Серрайе приняли самое активное участие.

На пленуме Федерального совета 23 марта обсуждался вопрос о выборах в Коммуну.

Франкель предложил немедленно напечатать и выпустить воззвание Интернационала и расклеить его во всех 20 округах Парижа. Воззвание должно было призывать всех сторонников Интернационала к участию в выборах. «Нет надобности писать целые тома,— заявил Франкель.— Достаточно несколько строк, в которых мы обратились бы с призывом к нашим сторонникам и этим обеспечили бы выборам успех».

По поручению Совета Франкель с товарищами составил воззвание, где говорилось об идеях и целях избираемой Коммуны.

Однако воззвание было насквозь пропитано прудонистским духом. Напечатанное во множестве экземпляров на красной бумаге, оно было разослано всем провинциальным секциям Интернационала. Его задачей было рассказать и объяснить, что случилось в Париже, и призвать к созданию автономных коммун по всей Франции, как к единственному, по их мнению, средству освобождения трудящихся.

26 марта трудовой народ Парижа избрал 92 члена Парижской Коммуны, в том числе одного иностранца: 4080 голосами XIII округ избрал в члены Коммуны венгерца Лео Франкеля².

После избрания Франкеля в Коммуну перед Избирательной комиссией на первом же заседании, 30 марта, был поставлен следующий принципиально важный вопрос:

«Могут ли иностранцы допускаться в Коммуну?».

Ответ был таков: «Принимая во внимание, что знамя Коммуны есть знамя Всемирной Республики;

Принимая во внимание, что всякая гражданская община имеет право давать звание гражданина иностранцам, которые ей служат;

Что этот обычай с давних пор существует у соседних наций;

■ Принимая во внимание, что звание члена Коммуны является более важным знаком доверия, чем звание гражданина, а следовательно, само собою включает в себя и это последнее;

Комиссия полагает, что иностранцы могут допускаться в Коммуну, и предлагает вам утвердить избрание гражданина Франкеля»¹.

Это было важное решение Коммуны. Принятие венгерца Франкеля в Коммуну подтверждало её интернациональный характер. Недаром впоследствии Ленин, подчёркивая социальное значение этого факта, писал: «*Коммуна и Интернационал*. Франкель, поляки (знамя всемирной республики)»².

Через три дня (29 марта) Франкель был избран членом Комиссии труда и обмена.

Ещё через неделю (5 апреля) к этой его обязанности присоединилась новая: Франкель был кооптирован в Комиссию финансов. Наконец, 20 апреля его избрали делегатом в Исполнительную комиссию и переизбрали делегатом Комиссии труда и обмена.

Вскоре после своего избрания в Комиссию труда и обмена Франкель создал из делегатов 20 округов Парижа инициативную комиссию, которой предложил знакомить его с пожеланиями районов и этим установить постоянную связь между Комиссией труда и обмена и трудовым народом Парижа. Через день Франкель уже потребовал у этих делегатов разъяснений по различным интересовавшим его вопросам.

Далее он ввёл в эту инициативную комиссию доверенных лиц от разных профсоюзов. Франкель предоставил ей помещение во дворце Комиссии труда и обмена. «Рабочие заседали в роскошных залах аристократии — там, где раньше прогуливались фавориты империи и бесшумно скользили лакеи».

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 20.

² См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. I, p. 67.

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 329.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 182.

Франкель правильно оценивал революцию 18 марта, как революцию пролетарскую, как осуществление полной ломки старого, буржуазного строя. Эту мысль он постоянно выражал на заседаниях Коммуны и её комиссий. «Наша задача — заложить фундамент права рабочих», — заявил Франкель на заседании Федерального совета 29 марта. «Мы не должны забывать, — говорил Франкель, — что революция 18 марта была совершена исключительно пролетариатом. Если мы ничего не сделаем в интересах этого класса, то я не вижу никакого смысла в существовании самой Коммуны!» «Прежде всего необходимо осуществлять социальные реформы», — говорил он.

В Коммуне Франкель, примкнувший к «меньшинству», продолжал бороться за то, чтобы в разработке декретов верх брали интересы не буржуазии и мещанства, а пролетариата; чтобы проводимые социальные реформы сразу показали рабочим Парижа, что Коммуна существует и действует прежде всего для них, чтобы «облегчить их жизнь и труд в настоящем и реорганизовать в будущем»¹.

В течение своей деятельности как члена Коммуны Франкель считал долгом поддерживать непосредственную связь с Марксом в Лондоне и получать его ценные указания.

Уже 30 марта 1871 г., вскоре после выборов в Коммуну, Франкель писал Марксу: «...Я избран в Комиссию труда... Моё избрание было утверждено на сегодняшнем заседании... тем не менее я не рассматриваю его с личной точки зрения, а исключительно как мероприятие международного порядка.

Приблизительно год тому назад я выпустил от имени немецкой секции воззвание к немецким рабочим, в котором особенно подчёркивал необходимость поддержки французского рабочего движения, так как видел в здешнем пролетариате передовой отряд социал-республиканской армии... если нам удастся осуществить коренное преобразование социальных отношений, то революция 18 марта останется в истории как наиболее плодотворный из всех бывших до сих пор переворотов, и в то же время она лишит почвы все будущие революции, так как

¹ М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 43.

в социальной области уже нечего будет более добиваться»¹.

Франкель просил Маркса высказать Комиссии труда и обмена своё мнение о социальных вопросах, которые надо провести в жизнь. «...Необходимо торопиться, — писал он, — так как прежде всего надо заложить фундамент социальной республики».

Он просил помочь ему советом, потому что на нём одном лежит ответственность за все реформы, которые он задумал провести и проведёт. «Этим Вы окажете во всяком случае, — заканчивает Франкель, — большую услугу нашему делу»². Между 7 и 12 мая Франкель побывал в Лондоне и навестил Маркса.

Одним из первых декретов, разработанных Комиссией труда и обмена, был декрет о мастерских, покинутых бегжавшими хозяевами. Ещё начиная с периода осады в Париже образовалось значительное количество покинутых мастерских; число их росло с каждым днём; возникла безработица. Заминка в экономической жизни создавала угрозу положению многих рабочих. Коммуна должна была решить этот вопрос.

Согласно декрету синдикальным камерам было предложено создать комиссии для обследования состояния брошенных мастерских, описи их инвентаря и передачи их в дальнейшем кооперативным ассоциациям занятых в них рабочих³. В дальнейшем предусматривалась компенсация владельцев. Декрет был единодушно одобрен на заседании Коммуны.

Несмотря на то, что решение вопроса было непоследовательным, половинчатым, значение его огромно. По словам В. И. Ленина, это был «знаменитый декрет».

Рабочее население Парижа восторженно приветствовало декрет. Союз механиков и ассоциация металлистов делегировали в Комиссию труда и обмена Коммуны двух граждан со следующим заявлением:

«Принимая во внимание,

...Что борьба, которая ведётся с таким мужеством... ставит своей целью экономическое освобождение труда;

¹ «Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны», стр. 175.

² «Arbeiter-Literatur». Sonderheft (I Internationale). Wien 1924, S. 5—6.

³ См. «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 367.

Что этот результат может быть достигнут только через ассоциацию рабочих, которая должна превратить нас из наёмных работников в членов производительного товарищества;

Даём нашим делегатам следующую общую инструкцию:

Положить конец эксплуатации человека человеком, этой последней форме рабства;

Организовать труд путём ассоциаций, коллективно владеющих неотчуждаемым капиталом.

За синдикат:

Председатель Делагэ...»¹

Для работ, возложенных на делегатов рабочих корпораций в связи с декретом о брошенных мастерских, Комиссия труда и обмена предоставила особое помещение в здании бывшего министерства общественных работ.

В числе декретов, разработанных Комиссией труда и обмена, был декрет о запрещении ночного труда булочников. Идея этого декрета возникла давно, задолго до революции 18 марта, и обсуждалась на заседаниях Федерального совета. Коммуна трижды рассматривала этот вопрос. Среди членов Коммуны не было единодушия в его решении. Рьяным сторонником декрета был Франкель.

На заседании Коммуны 28 апреля, обсуждавшем этот вопрос, Франкель заявил:

«Мы находимся здесь не только для защиты муниципальных вопросов, но и для проведения социальных реформ. А чтобы провести эти социальные реформы, должны ли мы сначала советоваться с хозяевами? Нет. Разве советовались с хозяевами в 92 году? А с дворянством советовались? Нет! Принимая мандат, я не имел другой цели, кроме защиты пролетариата...». «Я защищал его (декрет о запрете ночного труда булочников.— А. Л.), ибо считаю, что это единственный подлинно социалистический декрет из всех, изданных Коммуной. Все прочие декреты, быть может, совершенны, но ни один из них не носит столь определённого социального характера»².

Против декрета выступали члены Коммуны Лефрансэ, Артур Арну и другие. Они готовы были признать вредность и ненужность ночного труда булочников, но утвержда-

дали, будто только часть рабочих-булочников одобряла это мероприятие и что проведение его сверху (то есть декретом государства) якобы противоречит прудонистским принципам «свободной договорённости» хозяев и рабочих! Арну уверял, будто многие хозяева продолжали ночную работу «в полном контакте со своими рабочими». Ложность и тенденциозность этих прудонистских рассуждений доказываются хотя бы фактом, описанным в «*Journal officiel*» 17 мая: «Депутация до полутора тысяч рабочих-булочников, с красными знамёнами и флагами цехов, вчера в 7 часов вечера явилась в Ратушу — благодарить Коммуну за меры, принятые в пользу этих рабочих. Их приняли граждане Франкель, Фортюне и Лонге, выступившие с краткими речами, встреченными бурными аплодисментами. Депутация удалилась с возгласами: «Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!»»¹.

Декрет был введён в действие 3 мая. В дополнение к нему в мае был издан указ, каравший конфискацией хлеба тех хозяев, которые нарушали декрет о ночном труде рабочих-булочников. В целом декрет о запрещении ночного труда булочников, несмотря на то, что вопрос касался улучшения положения незначительного числа пролетариев, имел большое значение: он положил начало законодательным мероприятиям по охране труда рабочих.

Не менее важен был декрет об отмене произвольных штрафов и удержаний из зарплаты рабочих — прав, которыми деспотически пользовались хозяева. Декрет запрещал штрафы и вычеты из заработной платы рабочих и категорически требовал выплаты её в полном размере. Декрет касался как рабочих общественных предприятий, так и рабочих частных производств. Все вычеты и удержания, которые были произведены хозяевами за время с 18 марта, подлежали возврату пострадавшим. Нарушение декрета влекло за собой судебное преследование.

Рабочее правительство в лице своего делегата труда Франкеля решительно вторглось и в ту область, где ранее полновластно царил закон прибыли, — в область рынка. По словам Эли Реклю, «декрет о контроле над рынками... должен быть вписан красными чернилами в историю труда и Коммуны»². 12 мая на заседании Коммуны после

¹ А. И. Молок, Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах, стр. 137.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 298.

¹ «*Procès-verbaux de la Commune 1871*», v. 11, p. 99—100.

² *Elie Reclus, La Commune au jour le jour 19 mars—18 mai, Paris 1908, p. 293.*

заявления Серрайе «Мы не требуем уничтожения уже существующих рынков; мы хотим только помешать эксплуатации рабочего класса, учредив контрольную комиссию для наблюдения за тем, чтобы цены устанавливались по соглашению между рабочими и синдикальными камерами или предпринимателями»¹ Франкель потребовал, чтобы в теграх расходов предпринимателей делались указания на зарплату, предлагаемую рабочим, чтобы Комиссия труда и обмена могла выбрать такого предпринимателя, который обещает рабочим наиболее выгодные условия².

Попытка Франкеля на заседании Коммуны провести 8-часовой рабочий день потерпела крах, и декретом 3 мая был установлен рабочий день в 10 часов.

Франкель занимался также вопросами зарплаты. Вместе с Авриалем (рабочим-директором артиллерийского арсенала) он заботился о регулировании рабочего времени и зарплаты в оружейных мастерских Лувра. Он требовал личной ответственности рабочего за производство, за материалы и целость машин и вместе с рабочими мастерских начал организовывать первые завкомы³.

Несколько лет спустя Франкель так объяснял свои намерения: «Коммуна хотела превратить в средства труда кооперативов те средства производства, которые в руках немногих служили исключительно эксплуатации рабочих, их превращению в рабов. Хотя я распределил производственные кооперативы по 20 округам Парижа, они всё равно работали бы солидарно, в тесной связи друг с другом»⁴. Он добивался организации крупной промышленности не только на основе ассоциации рабочих каждой фабрики, но и на основе объединения всех этих товариществ в один большой союз. А «такая организация,— писал Энгельс в своём «Введении» к «Гражданской войне»,—...в последнем счете должна была вести к коммунизму, то есть к прямой противоположности учению Прудона»⁵.

Ленин впоследствии высоко и справедливо оценивал значение социальных мероприятий Коммуны: «В чисто социальной области она успела сделать немного, но это

немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства...»¹. Несомненно, что большая заслуга в разработке и подготовке этих мероприятий принадлежала Франкелю и Комиссии труда и обмена.

Далее, с целью облегчения материального положения должников, большую часть которых составляли мелкие буржуа, был при участии Франкеля, Беле, Асси и других разработан декрет об отсрочке платежей по векселям и долговым обязательствам, согласно которому погашение долгов (векселей, заёмных писем и т. д.) отсрочивалось на три года, считая с 15 июля 1871 г.; общая сумма долга делилась на 12 равных купюр, погашаемых каждые три

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 359.

² Ibid., p. 354.

³ См. M. Aranyosi, Frankel Leo, p. 42.

⁴ «Arbeiter Wochenschronik», 18 März 1877.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 441.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 114.

месяца; «должник, который, пользуясь этой отсрочкой, обманным образом скроет или уничтожит своё имущество в ущерб интересам кредитора, будет считаться злостным банкротом, если он коммерсант, и виновным в мошенничестве, если он не коммерсант»¹.

При обсуждении этого закона Франкель предлагал продлить срок уплаты всякого рода долгов ещё на год, то есть начинать уплату с 15 июля 1872 г. «Прежде всего,— заявил он,— нужно дать время мелким торговцам предотвратить банкротство»². Однако его предложение поддержано не было. Декрет был единодушно утверждён Коммуной на заседании 16 апреля. Он имел большое значение, ибо укреплял связи Коммуны с мелкой буржуазией Парижа.

Другой важной мерой облегчения положения парижской бедноты, обычно закладывавшей свои вещи (инструменты, одежду, бельё и т. д.) в ломбард, но давно уже утратившей возможность их выкупить, была разработка декрета о безвозмездной выдаче из ломбарда заложенных вещей, стоимостью не свыше 20 франков. Общая сумма стоимости заложенных вещей составляла около 8 миллионов франков.

Проект этого декрета был разработан Авриалем, заявившим, что «нужно показать, что мы заботимся о народе, который совершил революцию 18 марта». Были возражения, что декретом прежде всего воспользуются спекулянты. Но Франкель горячо поддержал проект Авриала, сказав, что сумму выкупаемых вещей в 50 франков считает минимальной: «Что касается торговцев, которые скупают ломбардные квитанции, то они делают это только ради золотых и серебряных вещей...».

В дополнении к проекту декрета, подписанному Франкелем и членами Комиссии труда и обмена, было сказано, что вдовы или сироты национальных гвардейцев, убитых на службе Коммуны, а также тяжело раненные гвардейцы получают свои заложенные в ломбард вещи бесплатно.

Комиссия труда и обмена подготовила также декрет о полном упразднении ломбарда. Однако многие члены Коммуны возражали против этой меры, которая должна была значительно ущемить права крупной буржуазии — владельцев ломбардов. Особенно возражала против этой

меры Комиссия финансов, возглавлявшаяся прудонистом Журдом. Коммуна боялась посягнуть на права собственников.

Позднее (6 мая) Франкель выступил на заседании Коммуны со следующим предложением, поддержанным Комиссией труда и обмена: безработица и нужда среди парижских трудящихся, главным образом женщин, так велики, что следовало бы создать мастерские (но не «национальные мастерские 1848 г.»). В этих мастерских распределяли бы работу среди женщин так, что, например, они могли бы сразу же получить свои заложенные швейные машинки и работать на дому.

Выступивший вслед за Франкелем Журд объяснил, что в распоряжении Комиссии финансов всегда будет достаточно средств, чтобы облегчить положение работающих женщин и помочь им выкупить их вещи из ломбарда¹.

Стремясь помочь мелким торговцам и избавить их от банкротства, Франкель гораздо строже подходил к крупным промышленникам, коммерсантам и рантье, которые во время осады имели большие доходы от разных выгодных производств; в декрете за подписью Франкеля, Арну, Вайяна и других было постановлено, что эта категория людей должна оплачивать стоимость своих квартир и вносить соответствующие суммы в муниципальные кассы².

В мае месяце Комиссия труда и обмена разработала проект декрета об условиях труда рабочих, выполнявших заказы Коммуны. Вопрос этот возник в связи с тем, что в апреле ряд подрядчиков по пошивке военного обмундирования сильно повысил расценки для портных, работавших на оборону Парижа.

13 мая проект Комиссии рассматривался Коммуной. В основу принятого Коммуной декрета был положен принцип обязательного заключения договоров преимущественно с рабочими корпорациями на все виды работ, заказываемых Коммуной.

Декрет 13 мая предложил всякий раз при заключении договора указывать минимальную сделную и подённую заработную плату рабочих, согласуя её с интендантством, синдикальной камерой (в данном случае с камерой портных) и с делегациями Комиссии труда и обмена и Комиссии финансов. Выступая в защиту этого проекта в

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 365, 372—373.

² Там же, стр. 110.

¹ См. «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 228—230.

² См. «La Liberté», Brux., 29 septembre 1872.

Коммуне, Франкель указывал, что эксплуататоры пользуются общей нуждой для снижения заработной платы трудящихся. Поэтому он энергично отстаивал принцип минимума расценок и предоставления заказов на пошивку в первую очередь рабочим корпорациям. Его поддержал Серрайе, заявивший, что подобным коллегияльным способом решения проблемы заработной платы «можно помещать эксплуатации рабочего класса»¹. Декрет был одобрен и принят Коммуной.

По предложению Франкеля, Коммуна учредила Высший финансовый комитет — орган, следивший за финансовым хозяйством бывших министерств и устанавливавший зарплату государственным служащим (не свыше 6 тысяч франков в год).

Значение работы Комиссии труда и обмена, возглавлявшейся Л. Франкелем, весьма велико. Оценивая её, один из деятелей французского рабочего движения заявил в 25-летнюю годовщину Коммуны: «1871 год благодаря Франкелю и его неизвестным товарищам вступает на сцену истории как общественная революция, направленная к коммунизму»².

Несмотря на высокую оценку, которую со всех сторон получила деятельность Франкеля в Коммуне, он совершил ряд ошибок. Прежде всего Франкель слишком ограничился проблемами, возникавшими в Комиссии труда и обмена. Он не пытался завоевать влияние в руководстве Коммуны и участвовать в организации обороны. А на этот последний вопрос неоднократно обращал внимание Маркс, подчёркивая, что в данной обстановке самым важным является внешнее и внутреннее укрепление Коммуны. В письме Франкелю и Варлену Маркс предупреждал руководство Коммуны о сделке, заключённой прусским командованием с Тьером, о том, что пруссаки обещали версальцам помощь в подавлении Коммуны, что Коммуна оставила без защиты северную сторону холмов Монмартра. Маркс разоблачал двурушничество Пиа и некоторых других видных деятелей Коммуны, настаивал на пересылке в Лондон документов, компрометирующих версальцев. Видимо, Франкель не сумел обеспечить выполнение всех этих полезных советов Маркса.

¹ «Journal officiel», 15 mai 1871.

² «Partiouvrier», 4 avril 1896.

Франкель не настаивал на помощи другим коммунам, возникшим в провинциальных центрах, и на том, чтобы привлечь крестьянство на сторону Коммуны. В отношении банка Франкель как делегат Комиссии финансов допустил непростительную ошибку: он обязан был добиваться, чтобы сломали сопротивление банка (что было одной из причин гибели Коммуны).

В общей характеристике Франкеля очень важно отметить прогрессивный взгляд Франкеля на роль женщины в обществе. Он старался разбить отсталый взгляд французских рабочих-прудонистов на женщину, место которой якобы только у домашнего очага. Сообща с Луизой Мишель, Елизаветой Дмитриевой и другими передовыми женщинами Парижа он доказывал рабочим, что ещё во время франко-прусской войны женщины-общественницы оказывали огромную помощь в самых различных областях жизни — и в народном просвещении, и в комитетах бдительности, и в санитарном обслуживании больных и раненых. Кроме того, в 1871 г. в Париже работало на производстве свыше 60 тысяч женщин.

В дни Коммуны Франкель приступил к профессиональной организации женщин Парижа. Вместе с Исполнительной комиссией Центрального комитета Союза женщин, в которую входили Натали Лемель, Алина Жакье, Лелу, Бланш Лефевр, Коллен, Жарри, Елизавета Дмитриева, Франкель опубликовал следующее воззвание к женщинам-работницам:

«Центральный комитет Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными уполномочен Комиссией труда и обмена Коммуны организовать труд женщин в Париже и создать синдикальные и федеральные камеры объединённых работниц; ввиду аналогии синдикальных и федеральных камер рабочих с объединениями работниц по их ремеслу, образующими свободные производственные ассоциации, федерированные друг с другом, Комитет приглашает всех работниц сегодня, в среду 17 мая, в 7 часов вечера, собраться в Бирже, чтобы избрать делегатов от каждой корпорации в синдикальные камеры, которые в свою очередь направят каждая по две делегатки для создания федеральной камеры женщин-работниц. За всеми справками обращаться в «Комитет Союза женщин», организованный и действующий в каждом округе Парижа»¹.

¹ М. Aranyossi, Frankel Leo, p. 41.

На протяжении всего периода существования Коммуны Франкель решительно боролся с неоякобинцами, которые в своём стремлении чисто механически подражать деятелям и учреждениям 1793 г. доходили до абсурда и вредили делу революции.

Характерен эпизод с неоякобинцем Паскалем Груссе, назвавшим Франкеля и его друзей «жирондистами». «Если вы нас называете «жирондистами», — возразил Франкель, — то это, вероятно, потому, что вы ложитесь спать и просыпаетесь с номером газеты 1793 г. «Moniteur» в руках. Это и является причиной того, что вы не в состоянии понять, какова разница между буржуа и нами, социалистами-революционерами!»¹

Эти разногласия, однако, не мешали Франкелю держаться правильной революционной линии, которая требовала единства в рядах представителей центральной власти, и он заканчивает свой ответ Груссе следующими словами: «Конечно, между нашими точками зрения на методы и средства есть разница, — но в тот момент, когда наступит опасность, разрыва быть не может!». Франкель доказал это тогда, когда возникшие в мае месяце серьёзные разногласия между членами Коммуны по вопросу о создании Комитета общественного спасения привели к расколу и уходу «меньшинства». При опросе, когда очередь дошла до Франкеля, он так сформулировал свою точку зрения:

«Я не вижу пользы в создании этого Комитета, но, не желая давать повода для кривотолков, враждебных моим революционным социалистическим взглядам., я голосую за»².

Франкель, однако, присоединился к декларации «меньшинства», осуждавшей создание Комитета общественного спасения и рассматривавшей его как попытку установить диктатуру. Декларация заканчивалась следующими словами: «Убеждённые в том, что военный вопрос сейчас выше всех прочих, мы решили посвятить остаток времени от наших муниципальных занятий борьбе в обществе наших братьев из Национальной гвардии и примем участие в этой решительной битве во имя прав народа. Там мы с

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 408.

² Ibid., p. 35.

пользой будем служить своим убеждениям и избежем конфликтов в Коммуне»¹.

После этого следовала приписка Франкеля:

«Голосуя за Комитет общественного спасения, я резервировал за собой право его судить. Это право я использую сейчас, присоединяясь к «Декларации меньшинства». Прежде всего я хочу спасения Коммуны»².

Действия «меньшинства» вели к ослаблению Коммуны и потому были ошибочными. Франкель, выступавший с критикой «большинства», не понимавший необходимости усиления революционной власти, поступил, однако, правильно, не покинув ради сохранения единства в Коммуне поста, вверенного ему народом.

17 мая Франкель заявил на заседании Коммуны: «Я не принадлежу ни к какой фракции Палаты, но я подписался под заключением Декларации и буду его защищать перед вами и перед моими избирателями... Комитет общественного спасения разрушил Военную комиссию, так как в ней были люди, голосовавшие против него. Он окружает себя более или менее способными людьми, лишь бы только они были на его стороне. Если Декларация была опубликована, это ваша вина... Вы можете меня удалить из моей делегации. Но пока вы этого не сделаете, я останусь в делегации и буду продолжать заниматься интересами трудящихся,— что я и делал до сих пор»³.

Франкель, как и некоторые другие деятели «меньшинства» Коммуны, недостаточно оценил важность создания единой плановой обороны Парижа и организации с этой целью Комитета общественного спасения. Подобно другим членам Коммуны, Франкель всё свободное время проводил на передовых позициях, на баррикадах, стрелял в версальцев, вместе с рядовыми бойцами-коммунарами ел из общего котла, вместе с ними отступал.

Дважды Франкель был ранен (второй раз в Сент-Антуанском предместье). Вместе с ранеными коммунарами его отвезли в мэрию XI округа, где ему сделала перевязку Елизавета Дмитриева.

После падения Коммуны она помогла ему бежать. Часами возили его друзья в фиакре по городу, из района в район. Затем в плаще баварского драгуна Франкель,

прекрасно говоривший по-немецки, вместе с транспортом раненых благополучно прошёл немецкие аванпосты.

Вот что рассказал об этом Франкель в письме в швейцарскую газету «Vorbote» («Предвестник») ¹: «...Мне удалось проскользнуть рядом с другими людьми, среди которых выделялась на редкость талантливая дама, стоявшая во главе Центрального комитета женщин, раненная рядом со мной в баррикадных боях, в которых принимала живейшее участие»². Один французский рабочий устроил нам вход в какой-то дом, откуда мы беспрепятственно смогли перейти границу. Но меня по пути несколько раз задерживали французские жандармы и полицейские, требовавшие предъявления документов, спрашивавшие у меня, кто я, откуда и куда иду и т. д. При отсутствии у меня паспорта я бы, наверное, попался, если бы мне не помог мой притворно-простодушный вид... Но в Мо... какой-то полицейский ни за что не хотел удовлетвориться моими ответами и, как Шейлок, настаивая на «расписке», заставил меня вылезть из экипажа. «Вот тут-то ты и попался!»— подумал я, любезно предлагая руку своей попутчице, которая ни за что не хотела покидать меня, пока я не буду вне опасности (руку я предложил намеренно, чтобы скрыть, что я в неё ранен). Холодным, невозмутимым тоном я спросил полицейского, далеко ли он собирается меня вести, так как мне не хотелось бы опоздать на поезд. «В крайнем случае,— так же спокойно заметила моя попутчица,— мы тут переночуем, а завтра утром уедем...» — «Мне очень неприятно,— ответил полицейский,— но я не могу сказать вам, будут ли завтра ещё действительны ваши путевые билеты. А вы, собственно, куда хотите ехать?» — спросил он меня.— «Как куда? В Германию!»— ответил я. Он заколебался. «Ну тогда... ладно, садитесь обратно. Но когда вернётесь, позаботьтесь о паспорте...» Так мне удалось выскользнуть из рук сыщиков. Приехав в Кэль, я вынужден был распрощаться с моей боевой подругой и попутчицей, которая ехала через Гамбург в Англию, тогда как я собирался ещё поправить в Италии своё разрушенное здоровье».

Существует ещё одна версия побега Франкеля³. Племянник Лео, Антон Мольнар, рассказывает, что в авгу-

¹ «Vorbote» № 7, Juli 1871, 109—111.

² Очевидно, Е. Дмитриева.

³ M. Aranyossi, Frankel Leo, p. 59—60.

¹ «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 374.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 397.

сте 1871 г. Франкель собирался с фальшивым паспортом в кармане сесть в Остенде на пароход, идущий в Англию, как вдруг заметил, что за ним следят сыщики. На берегу он увидел знакомое лицо — актрису «Comédie Française», которая тоже ехала в Англию. Он подошёл к ней и тихо сообщил об угрожавшей ему опасности. Не теряя присутствия духа, актриса взяла его под руку и завела непринуждённый разговор о своих ролях, предстоящем турне и т. д. Сыщики, подслушивавшие эту беседу, были сбиты с толку — и Франкелю удалось благополучно уехать в Лондон.

Франкель вошёл в Генсовет в качестве члена-корреспондента для Австро-Венгрии. Он руководил немецкой рабочей организацией в Лондоне в её борьбе с лассальянцами. 15 декабря 1871 г. Энгельс писал об этом Либкнехту: «К сожалению, мы допустили к нам слишком много людей Швейцера; если бы Франкеля не было с нами, то за последнее время весь Союз попал бы в их руки»¹.

Франкель поддерживал постоянную связь с австрийскими, венгерскими и чешскими рабочими организациями, помогал им ценными советами в их борьбе с врагами Интернационала.

Чтобы обеспечить себе средства к существованию, Франкель в Лондоне давал уроки французского, немецкого и итальянского языков. Однако этих денег не хватало, и он снова занялся журналистикой. «Я не умел, как мой предшественник на посту министра, накопить себе ренту,— шутливо замечает Франкель,— поэтому я снова был выброшен на рынок труда, и, так как там спрос невелик, мне, вероятно, придётся выполнять рабскую работу за полцены. О, если бы «честные господа министры» подражали в этом «бандиту Коммуны!»»

Во время пребывания в Англии (1871—1875) Франкель сотрудничал в австрийской рабочей печати. Он опубликовал в 1874 г. в «Oesterreichischer Arbeiterkalender» («Австрийский рабочий календарь») работу «Карл Маркс — философ и агитатор». Эта работа, переведённая на чешский язык, познакомила чешских рабочих с Марксом.

Всё своё свободное время Франкель проводил в семье Маркса, где пользовался большой симпатией и любовью.

¹ Marx Karl u. Engels Friedrich, Briefe an A. Bebel, W. Liebknecht, K. Kautsky und andere, Bd. I, M. 1933, S. 41.

Внук Маркса Эдгар Лонге опубликовал очень любопытную рукопись «воскресной игры в доме Маркса», где за 1872 г. даётся полушутливая «анкета» Лео Франкеля, заключавшая в себе его ответы на следующие вопросы:

Вопрос:	Ответ:
Ваше любимое качество человека?	Скромность.
—«— в мужчине	Прямота.
—«— в женщине	Умение, заставив себя любить, этим заставить себе повиноваться.
Что Вы считаете наибольшим несчастьем?	Быть исключённым из Интернационала.
Что Вы ненавидите больше всего?	Пошлость и лицемерие.
Ваши любимые исторические герои?	Томас Мюнцер и Бабёф.
Любимое занятие?	Наблюдать.
Кого Вы считаете героем?	Того, кого историки именуют «Народ».
Героиней?	Луизу Мишель.
Ваш любимый поэт?	Гейне и В. Гюго.
Прозаик?	Томас Бюхли.
Любимые имена?	Элиза, Маргарита.
Ваш девиз?	«Если уже умирать, то по крайней мере сумеем умереть за правое дело» ¹ .

Эдгар Лонге рассказал корреспонденту венгерской газеты следующее: «Франкель познакомился с моим отцом Шарлем Лонге ещё в годы Второй империи. После падения Коммуны оба они эмигрировали в Лондон. Там они часто встречались в доме моего деда (Маркса). Отчётливо помню, что Карл Маркс высоко ценил этого венгерского рабочего борца»².

Франкель принял активное участие в Лондонской конференции I Интернационала (17—23 сентября 1871 г.), где он выступал на стороне Маркса. Некоторые предложения Франкеля были приняты. По одному из принципиальных вопросов он выступил 20 сентября 1871 г. сообща с

¹ M. Aranyossi, Frankel Leo, p. 65.

² Ibid., p. 65—66.

Серраи¹. Он напоминал, что политический и социальный вопросы неразрывно связаны между собой, что они являются лишь двумя сторонами одного и того же вопроса, который Международное Товарищество поставило себе целью разрешить,— вопроса об уничтожении классов. Поэтому он советовал использовать всякий благоприятный случай для провозглашения социальных принципов, являющихся основой Международного Товарищества Рабочих и составляющих его подлинную силу. Франкель выступал на конференции неоднократно. Он поддержал предложение Маркса о новом переводе Устава, считая необходимым перевести его на все языки², а также предложения Маркса об избрании Комиссии финансов, о проведении всеобщей статистики рабочего класса, о пропаганде в деревне и армии.

На конференции Франкель внёс проект резолюции о международных связях профессиональных союзов разных стран (принятый единогласно). Франкель отрицательно высказался по поводу заявления Бастелика, утверждавшего, что, пока во Франции существует закон Дюфора³, Интернационал ничего не может сделать и что следует бороться с этим законом путём создания обществ Интернационала под видом экономических обществ⁴.

На Гаагском конгрессе Интернационала (сентябрь 1872 г.), участником которого он также был, Франкель по всем вопросам поддерживал Маркса, за исключением вопроса о переводе Генсовета в Нью-Йорк. Франкель считал необходимым сохранить местопребывание Генсовета в Лондоне⁵. Он голосовал за исключение анархистов М. Бакунина и Гильома⁶ из I Интернационала.

Осенью 1872 г. Франкель был заочно приговорён французским 6-м Военным трибуналом к смертной казни по обвинению в «сообщничестве с убийцами» (ему приписывали участие в расстреле монахов-доминиканцев и в поджоге гобеленной фабрики). Но когда французское

правительство потребовало у Англии выдачи Франкеля, английские власти поставили условием выдачи предъявление доказательств его вины, чего, к своему крайнему конфузу, французский трибунал не смог сделать.

Несмотря на гонения против эмигрантов-коммунистов, Франкель не падал духом, а продолжал пропагандировать в печати свои марксистские взгляды. В это время он уже становится политически зрелым марксистом.

Вместе с Марксом он обсудил вопрос о своей дальнейшей политической деятельности. Было решено, что он поедет в Австро-Венгрию. В том же году (1875) Франкель покинул Англию и уехал в Германию; однако его выслали оттуда, и он направился в Вену, где был арестован (9 декабря 1875 г.).

Австрийские власти выдали Франкеля венгерскому правительству. Он оказался в тюрьме. Однако через некоторое время он был всё-таки освобождён.

Главной задачей Франкеля на этом новом этапе его деятельности была организация активных элементов в рабочей среде. Трудностей было много. Правительство Австро-Венгрии зорко следило за «подрывной» деятельностью революционеров. Характеризуя состояние рабочего движения в эти годы, Франкель писал: «Хотя в Венгрии приблизительно 16 миллионов населения (учитывая, что в пределах границ Транслейтании живёт много невенгерских элементов), в промышленности там занято лишь 700 тысяч человек. Но нужды здесь у народа немало; немало здесь, как вообще в индустриальных странах, и желания изменить существующее положение вещей»¹. Из рабочих организаций пока существовала единственная, да и то находившаяся в эмбриональном состоянии, касса взаимопомощи, помогавшая больным рабочим. Здесь хозяйничали профбюрократы, и за кассой следили власти. На этом хрупком основании Франкель попытался строить рабочую партию, которая должна была высоко держать «знамя воинствующего социализма»².

С этой целью Франкель стал издавать на немецком языке (чтобы охватить возможно большее количество

¹ См. «Лондонская конференция Первого Интернационала (17—23 сентября 1871 г.)», М. 1936, стр. 60—61.

² См. там же, стр. 23.

³ Французский министр юстиции Дюфор провёл в августе 1871 г. закон, каравший тюремным заключением от 2 до 5 лет за принадлежность к Интернационалу.

⁴ См. «Лондонская конференция Первого Интернационала», стр. 96.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 707.

⁶ См. там же, стр. 706.

¹ E. Tersen, La carrière militante de Leo Frankel, «Cahiers internationaux» № 16, 1950, p. 190—191.

² Ibidem.

квалифицированных рабочих) журнал «Arbeiter Wochenchronik» («Рабочая еженедельная хроника»). В этом журнале он доказывал, что каждый сознательный рабочий должен подписываться на орган, который защищает интересы рабочего класса.

Франкелю вскоре удалось добиться ослабления влияния в рабочей среде газеты «Népszava» («Голос народа»), издававшейся оппортунистическими элементами венгерского социалистического движения.

В мае 1878 г. создались благоприятные обстоятельства для созыва социалистического конгресса, который и состоялся в Пеште. На нём присутствовали 106 делегатов. Враждебное отношение правительства, трижды запрещавшего созыв конгресса, строжайший полицейский контроль (у входа в зал и внутри присутствовали жандармы и переодетые агенты в штатском) — всё это вынудило объявить «невинную» повестку дня («борьба за право голосования рабочих»). Однако этот конгресс послужил для Франкеля исходным пунктом для создания в дальнейшем рабочей партии.

Условия революционной работы в Венгрии были очень тяжёлыми. Реакционное правительство Тиссы запрещало подписку на «Arbeiter Wochenchronik», не разрешало публиковать политические статьи, поддерживавшие требования рабочих (например, большую стачку плотников летом 1880 г.). Деятели рабочего движения подвергались арестам, организовывались обыски, судебные процессы. Однако Франкель неустанно боролся за создание венгерской рабочей партии.

После четырёх лет борьбы он путём умелой мобилизации рабочей печати вырвал, наконец, у правительства согласие на образование «Всеобщей рабочей партии Венгрии». Однако правительство создало нетерпимые условия для деятельности партии. По одному из процессов Франкеля приговорили к 2 годам заключения в крепости.

В его отсутствие в рядах молодой Рабочей партии начались раздоры и конфликты, и достигнутое с большим трудом единство было нарушено.

В 1884 г. Франкель вышел на свободу и поселился в Вене. С большим трудом удавалось ему найти себе заработок. Некоторое время он работал корректором в «Wiener Allgemeine Zeitung» («Венская всеобщая газе-

та») и одновременно сотрудничал в социалистической печати, в газете «Gleichheit» («Равенство»).

В 1889 г. Франкель, давно тосковавший по Парижу, переехал туда (его излюбленным выражением было: «Умереть от голода в Париже, это ещё счастье!»)¹.

Вместе с Энгельсом он вёл упорную борьбу за создание II Интернационала. Он участвовал в работе второго конгресса II Интернационала, состоявшегося в Брюсселе в 1891 г. «Наш друг Лео Франкель выразил желание, чтобы в основу работы конгресса был положен принцип классовой борьбы», — сообщала газета «Bataille» («Битва») 21 августа 1891 г. Он присутствовал на Цюрихском конгрессе 1893 г. и на международном Парижском конгрессе горнорабочих 1895 г. Все эти годы Франкель с живейшим участием следил за развитием революционного движения в России.

Ещё в 1879 г. он пророчески предсказывал приближение революции в России. «Несомненно, что старое русское общество носит в своём чреве новое. Несомненно, что мы находимся накануне революции. И в этой революции родится новая Россия... такую революцию с энтузиазмом приветствовали бы все народы Европы, в том числе и народы Австро-Венгрии»².

Несмотря на слабое здоровье, Франкель продолжал напряжённо работать. Он регулярно посылал в центральный орган Германской социал-демократической партии «Vorwärts» («Вперёд») корреспонденции, получая за это не больше 125 франков в месяц, чего еле хватало на содержание семьи — жены и двух детей.

18 марта 1895 г. Франкель выступал на манифестации, посвящённой памяти жертв революции.

28 марта 1895 г., в годовщину того дня, когда горсточка коммунаров сражалась с версальцами, он возложил венки на Стену федератов на кладбище Пер-Лашез.

...В один из декабрьских вечеров 1895 г. Франкель быстро направлялся к Северному вокзалу Парижа, боясь опоздать к отъезду курьера, который ждал его для передачи очередной корреспонденции в «Vorwärts». Он торо-

¹ E. Tersen, La carrière militante de Leo Frankel, «Cahiers internationaux» № 16, 1950, p. 44.

² И. И. Орлик, Документы о влиянии русской революции на рабочее движение в Венгрии в 1905 году, «Вопросы истории» № 3, 1955 г., стр. 162.

пился, задыхался, обливаясь потом. На минуту он присел, чтоб отдохнуть,— и больше уже не поднялся... Спустя несколько месяцев, 29 марта 1896 г., Лео Франкель скончался в госпитале. 2 апреля он был похоронен на кладбище Пер-Лашез. Он оставил завещание, которое друг его Жеро Ришар прочитал вслух на похоронах:

«Я жил свободомыслящим, и так хочу я умереть. Поэтому я прошу, чтобы никакой священник, какой бы веры служителем он ни был, не смел приближаться ко мне в час моей смерти или во время моих похорон, чтобы «спасти мою душу».

Я не верю ни в ад, ни в «небо», ни в наказание, ни в награду на «том свете». «Ад и небо», наказания и награды «свыше» существуют в воображении каждого человека. Угрызения совести и удовлетворение — вот то наказание и награда, которые каждый получает и носит в себе за свои добрые и злые дела.

Я умираю без страха.

Меня должны похоронить так же просто, как любого из последних бедняков, издыхающих от голода. Единственное отличие, которое я желал бы для моего тела, это завернуть его в красное знамя, знамя международного пролетариата, за освобождение которого я отдал лучшую часть своей жизни и за что я всегда был готов ею пожертвовать»¹.

Таковы были последние слова Лео Франкеля, скромного социалиста, отдавшего все свои силы и жизнь борьбе за дело рабочего класса.

¹ E. Tersen, La carrière militante de Leo Frankel, «Cahiers internationaux» № 16, 1950, p. 45.